

**ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРА
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

**№ 4 (23)
2013**

ISSN 1811-7465

Журнал основан в 1997 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
А.Н. Багашев

Редакционный совет:
акад. В.И. Молодин (председатель),
чл.-кор. РАН А.П. Бужилова, С.В. Васильев, В.Н. Логвин, Н.А. Миненко,
О.М. Рындина, Н.А. Томилов, Т.Н. Троицкая, Л.А. Чиндина,
Ю.К. Чистов, Л.Т. Яблонский

Редакционная коллегия:
А.Д. Дегтярева (зам. главного редактора), В.А. Зах, В.П. Ключева,
Н.А. Лискевич (ответственный секретарь), Д.В. Московченко,
Н.Е. Рябогина, А.А. Ткачев

Утвержден к печати ученым советом Института проблем освоения Севера СО РАН

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и СМИ
Свидетельство № 044577 от 09.03.2004

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 22-93-60, E-mail: ipos@tmn.ru

*Электронная версия журнала (ЭЛ № ФС 77-32570; гос. регистрация № 0421100085; ISSN 2071-0437 (online)) —
режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус.*

© Институт проблем освоения Севера СО РАН, 2013

Тюмень
Издательство ИПОС СО РАН

Содержание

Археология

Зах В.А. Динамика заселения территории лесного Тоболо-Ишимья в голоцене	4
Кузьминых С.В., Дегтярева А.Д., Денисов В.П. Металлообработка гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья (по данным аналитического исследования)	13
Пантелеева С.Е. Комплекс синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар: типологический анализ	22
Костомарова Ю.В. Хозяйственно-производственная деятельность федоровского населения Нижнего Притоболья (по результатам комплексного анализа орудий труда)	32
Рафикова Т.Н., Берлина С.В., Кайдалов А.И., Сечко Е.А. Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья	42
Дубовцева Е.Н. Орнаментальные традиции Урало-западносибирского региона (опыт экспериментального моделирования)	52

Антропология

Бужилова А.П., Бацевич В.А., Бердиева А.Ю., Зорина Д.Ю., Ясина О.В. Оценка взаимосвязи морфологических характеристик и концентраций микроэлементов у современных представителей арктического адаптивного типа	59
Перерва Е.В. Палеопатология: от опыта зарубежных и отечественных исследований к истории изучения древних людей в Нижнем Поволжье	71
Худавердян А.Ю., Деведжян С.Г., Еганян Л.Г. Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакаван и Лори Берд (Армения) (по данным палеоантропологии)	80

Этнология

Ушницкий В.В. Этнонимы саха и якут: историография и этногенетические аспекты	94
Волжанина Е.А. Влияние населенных пунктов на традиционные кочевые маршруты ямальских ненцев в первой трети XX в.	100
Бережнова М.Л., Кабакова Н.В., Корусенко С.Н. Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник по этнографии народов Тарского Прииртышья	111
Коломиец О.П. Первичные материалы Приполярной переписи как этнографический источник по изучению традиционной культуры коренных народов Северо-Востока России	117
Татарникова А.И. Чем пахнут «чужие»: санитарно-гигиеническая культура аборигенного населения Тобольской губернии второй половины XIX в. (по материалам сибирской прессы)	127
Агапов М.Г., Корандей Ф.С. Университетские интеллектуальные сообщества: интерактивные ритуалы и модели сборки	133

Палеоэкология

Борисов А.В., Петерс С., Чернышева Е.В., Коробов Д.С., Рейнхольд С. Химические и микробиологические свойства культурных слоев поселений кобанской культуры (XIII–IX вв. до н.э.) в окрестностях г. Кисловодска	142
Сергушева Е.А. Динамика земледелия в позднем неолите Приморья по данным археоботаники	155

Рецензии

Федорова Н.В. Больные вопросы исторической экологии населения севера Западной Сибири. Рецензия. Историческая экология населения севера Западной Сибири / Г.П. Визгалов [и др.]; под общ. ред. П.А. Косинцева	163
Александр Васильевич Матвеев (1955–2013)	168
Вниманию авторов	171
Список сокращений	174

На передней стороне обложки: «Перевозка пассажиров» (фото В.М. Ларионова из отчета Ямальской землеустроительной экспедиции 1934–1936 гг.); бляшка, подвеска и нож гаринской культуры раннего металла Прикамья.

Contents

Archaeology

Zakh V.A. Time history of settling on the territory of forest Tobol-and-Ishim basin in Holocene	4
Kuzminykh S.V., Degtyareva A.D., Denisov V.P. Metal working of the Garino culture from the Upper and Middle Kama basin (on the evidence of analytical study)	13
Panteleyeva S.Ye. Complex of the Sintashta pottery from the fortified settlement of Kamenny Ambar: a typological analysis	22
Kostomarova Yu.V. Economic and industrial activity of the Fyodorovo population from the Low Tobol basin (basing on comprehensive analysis of the implements)	32
Rafikova T.N., Berlina S.V., Kajdalov A.I., Sechko Ye.A. Fortifications of the early and developed Middle Ages in the forest-steppe and sub-taiga Trans Urals	42
Dubovtseva Ye.N. Ornamental traditions of Ural-West Siberian region (an experience of experimental modeling)	52

Anthropology

Buzhilova A.P., Batsevich V.A., Berdiyeva A.Yu., Zorina D.Yu., Yasina O.V. Rating of interrelation between morphological features and concentration of microelements with modern representatives of the Arctic adaptive type	59
Pererva Ye.V. Paleopathology: from the experience of foreign and domestic studies to the history of studying ancient people in the Low Volga basin	79
Khudaverdyan A.Yu., Devedjan S.G., Yeganyan L.G. Methods of treating dead bodies at the sites of Shirakavan and Lory Berd (Armenia) (after paleoanthropological data)	80

Ethnology

Ushnitsky V.V. Ethnonyms of <i>sakha</i> and <i>yakut</i> : historiography and ethnogenetic aspects	94
Volzhanina Ye.A. Influence of localities upon traditional nomadic routes of the Yamal Nenetz in the first third of XX c.	100
Berezhnova M.L., Kabakova N.V., Korusenko S.N. The dozor book of 1701 from the Tara uyezd as an ethnographical source of the peoples from the Tara Irtysk basin	111
Kolomiyets O.P. The initial data from the Circumpolar census as an ethnographical source in studying a traditional culture of the native peoples of the Russian North-East.	117
Tatarnikova A.I. What does a «non-Russian» smell?: A sanitary-and-hygienic culture of the aboriginal population from Tobolsk province in the second half of the XIX c. (according to Siberian press data)	127
Agapov M.G., Korandej F.S. University intellectual communities: interactive rites and assembly models	133

Paleoecology

Borisov A.V., Peters S., Chernyshova Ye.V., Korobov L.S., Reinhold S. Chemical and microbiological properties of cultural layers with regard to settlements of the Koban culture (XIII–IX cc. BC) in the vicinity of Kislovodsk	142
Sergusheva Ye.A. Dynamics of agriculture in the late Neolithic of Primorye according to archaeobotanical data	155

Review

Fyodorova N.V. Controversial questions regarding historical ecology of the population from West Siberian North. A review. Historical ecology of the population from West Siberian North / G.P. Vizgalov [et al.]; ed. by P.A. Kosintsev	163
Alexander V. Matveyev (1955–2013)	168
Memo to the Authors	171
Abbreviations	174

АРХЕОЛОГИЯ

ДИНАМИКА ЗАСЕЛЕНИЯ ТЕРРИТОРИИ ЛЕСНОГО ТОБОЛО-ИШИМЬЯ В ГОЛОЦЕНЕ¹

В.А. Зах

Рассматривается динамика расселения древних коллективов на территории Нижнего Тоболо-Ишимья в неолите — раннем железном веке. На основе количественных данных: числа городищ, поселений, построек в поселках, среднего количества человек, проживающих в одном жилище, определяются наиболее заселенные территории и примерная численность населения в отдельные периоды. Плотность населения территории междуречья не велика и зависела прежде всего от климатических изменений, миграционных процессов и формы хозяйства.

Тоболо-Ишимье, атлантический, суббореальный, голоцен, поселок, численность, заселение, плотность населения.

Лесное Тоболо-Ишимье — это в основном южно-таежные и лесостепные территории между Тоболом и Ишимом, включая их бассейны. На этих пространствах можно выделить три района, в разной степени «насыщенные» археологическими комплексами. Это долины Тобола, Ишима, а в их междуречье — долины рек Емца и Вагая. Эти водные артерии находятся в плейстоценовых долинах стока, разработанных потоками, образовавшимися, вероятно, при таянии горных ледниковых щитов в периоды межледниковий. От тех времен в долинах рек Тобола и Ишима сохранились излучины древних русел шириной от 0,8 до 2,0 км [Волков, 1962], а в долинах Емца и Вагая — цепочки озер. Широкие выработанные и хорошо дренированные долины рек с массой песчаных останцов и старичных озер были прекрасным местом для расселения древних коллективов. Напротив, междуречья, с тяжелыми суглинками, сильно заболочены, исключая лишь гривы, на которых иногда у древних озерных котловин встречаются редкие поселенческие и курганные группы [Археологическое наследие..., 1995].

Судя по данным археологического обследования Тоболо-Ишимья, на его территории открыто более 1500 археологических комплексов, причем не менее 2/3 памятников приходится на долину Тобола, по половине 1/3 находятся в долине Ишима и междуречьях. По долине Тобола комплексы также распределены неравномерно, наибольшее их количество отмечается на территориях обширных долин, образовавшихся при слиянии крупных рек, где в изобилии присутствуют протоки, старицы древних усел и останцы надпойменных террас. В рассматриваемом регионе это в основном несколько районов — пространства у слияния Тобола и Исети (Ингальская долина), Туры и Пышмы (Андреевская озерная система), Тарманская болотно-озерная система и место впадения Тапа в Тобол (Юртоборовский микрорайон). На эти районы приходится более 2/3 археологических комплексов, обнаруженных в долинах Тобола и его притоков. В долине Ишима, при отсутствии крупных притоков, концентрация памятников отмечается на расширенных участках в районе оз. Мергень и с. Абатское. Таким образом, материалы позволяют выделить на территории Тоболо-Ишимья несколько зон обитания древних коллективов. Плотно заселены в основном долины при слиянии крупных рек и их расширенные участки. Менее плотное расселение отмечается на прямых участках рек, в верховьях притоков и на озерах междуречий. Практически необжитыми являются заболоченные и удаленные более чем на 500–1000 м от водоемов территории Туро-Пышминской равнины.

В хронологическом плане анализ материалов памятников в зоне с плотным расселением, которые, как правило, расположены на всех геоморфологических уровнях, показывает, что в этих районах обитало население на протяжении всего голоцена от эпохи мезолита до позднего средневековья. На участках с незначительной плотностью преобладают преимущественно па-

¹ При финансовой поддержке гранта «Механизмы и содержание трансформаций и преемственного развития древних обществ Тоболо-Ишимья» Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре».

Динамика заселения территории лесного Тоболо-Ишимья в голоцене

мятники определенных хронологических периодов, что, вероятнее всего, связано с колебаниями климата, уровнем вод и изменением ландшафтов. Так, до переходного времени от бронзы к железу население предпочитало хорошо дренированные участки поймы, высокой поймы, первой и второй надпойменных террас в зависимости от аридных или гумидных климатических периодов. С эпохи раннего железа начинается освоение высоких надпойменных террас с крутыми труднодоступными склонами.

Палинологические и геоморфологические данные, полученные при изучении торфяников и разрезов поселений, позволяют выделить на территории Тоболо-Ишимья по крайней мере три крупных периода аридизации и три — гумидизации на протяжении голоцена. Пониженная обводненность отмечается в эпоху неолита, раннего металла и андроновское время, а повышение уровня грунтовых вод наблюдается в позднем неолите, позднем бронзовом веке и раннем средневековье. Основываясь на данных о расселении древних коллективов на территории Тоболо-Ишимья, а также о климатических и ландшафтных изменениях, попытаемся реконструировать количество населения, проживавшего на этой территории в различные хронологические периоды.

В настоящее время исследователи все чаще на основе археологических данных — количества жилищ на поселениях, площади жилых конструкций, экологической емкости территорий, прилегающих к древним поселкам, составу стада и т.д. — пытаются найти подходы к реконструкции численности населения как на одном поселении, так и в определенном регионе в целом. Некоторые методические подходы уже опробованы. Так, для расчета количества проживавших в жилище и на поселении принимались норма площади жилища на одного человека и размеры «минимальной семейной единицы» (по Л.П. Хлобыстину), включавшей брачную пару, 2–3 детей и одного представителя старшего поколения, т.е. 5–6 чел. Л.П. Хлобыстин предлагал использовать в основном для ранних периодов усредненную цифру 3,5 м² общей площади на одного человека [1972, с. 31]. Для эпохи бронзы степного Приоболья В.В. Евдокимов рассматривал в качестве нормативного показателя на одного человека 5,5±0,5 м² площади жилища [1984]. По мнению А.В. Матвеева, в пределах 4–5 м² площади пола занимал один человек в малых полуземлянках ирменской культуры Новосибирского Приобья [1989]. Исходя из того, что количество членов семьи варьируется, средняя рассчитанная площадь пола на одного человека для ташковской культуры 6,5–7,0 м², принятая исследователями, на наш взгляд, вполне правомерна и может соответствовать действительности. Оптимальной нормой площади в среднем на одного человека независимо от эпохи являются, на наш взгляд, 8–12 м² в пределах всего жилища и 4 м² в жилой зоне [Зах, 1995а].

Основываясь на данных даже частично исследованных однослойных поселений с хорошей топографией углубленных и наземных жилищ, можно с большой долей достоверности восстановить количество жителей поселков, а принимая во внимание ареал, контролируемый ими, — оценить количество населения в регионе в определенный период. По материалам однослойных поселенческих комплексов эпохи неолита — раннего железного века рассмотрим динамику заселения Тоболо-Ишимского междуречья.

Для периодов палеолита и мезолита на рассматриваемой территории практически нет данных, позволяющих судить о ее заселенности. Палеолитические комплексы неизвестны, но два местонахождения эпохи мезолита (Звездный и Катенька) все же позволяют говорить об обитании в Тоболо-Ишимье аборигенного населения с навыками обработки камня, отличающимися от принятых у коллективов, заселявших Южный Урал и Казахстан [Зах, 2009]. Судя по материалам немногочисленных палеолитических местонахождений с сопредельных территорий, пространства Тоболо-Ишимья были заселены или периодически посещались в позднелейстоценовый период немногочисленными коллективами, занимавшимися в основном охотой и утилизацией погибших животных мамонтовой фауны. В раннеголоценовый период это, вероятно, были небольшие группы бродячих охотников и рыбаков.

В атлантический период голоцена, на раннем этапе неолита, происходят кардинальные изменения в климате, ландшафтах и заселении Западной Сибири в целом и Тоболо-Ишимского междуречья в частности. Уменьшается обводненность и залесенность территории, на смену березовым лесам приходят лесостепные пространства со степными участками. На раннем этапе неолита появляется население из южных и юго-западных областей, что фиксируется по керамике и каменному инвентарю ряда поселений, наиболее информативными из которых являются однослойные Юртобор 3 и Мерген 3 [Зах, 1995а; Зах, Сkochина, 2002]. Каждое состояло из

трех жилищ. На Юртоборе 3 жилища имели площади около 112, около 33 и предположительно около 45 м². Исходя из нормы площади на одного человека 8–12 м² считаем, что на поселении проживало 16–23 чел. На поселении Мергень 3, где площади жилищ — 54,6; 68 и около 81 м², могло обитать около 17–24 чел.

Достаточно трудно точно определить количество жилищ на многослойных поселениях более поздних этапов неолита. Это прежде всего касается таких привлекательных в древности территорий, как побережье Андреевского озера или водоемов Тарманского озерно-болотного массива. Здесь на протяжении значительного периода, в том числе в конце раннего и позднем неолите, на одном участке встречается до нескольких культурных строительных горизонтов.

Но и при отсутствии точных данных по количеству жилищ в одном поселке, содержащем комплексы кошкинского этапа боборыкинской, полуденковской и сосновоостровской культур, можно утверждать, что это количество больше, чем на поселениях Юртобор 3 и Мергень 3, и жилища крупнее по площади. Приблизительное число жителей поселков вышеназванных культур можно рассчитать по поселению Ташково 1, где исследовано 17 жилищ площадью около 37–38 м² [Ковалева, Ивасько, 1991]. По расчетам, на этом поселении могло проживать от 85 до 119 чел.

Для эпохи раннего металла в связи с недостаточной изученностью хронологического периода и преимущественной многослойностью поселений у нас нет необходимых данных.

В начале II тыс. до н.э. вновь начинается аридизация климата и остепнение территории междуречья Тобола и Ишима, на фоне которых отмечается проникновение мигрантов — скотоводов и металлургов по лесостепному коридору на восток. В результате проникновения алакульцев в Тоболо-Ишимье происходит взаимодействие аборигенного ташковского и мигрирующего населения, а в процессе ассимиляции формируется ряд новых культур эпохи бронзы.

Полностью исследовано несколько ташковских поселков с круговым расположением жилищ, среди которых Ташково 2 и ЮАО 13 [Ковалева, 1997; Ковалева и др., 2000]. На первом, по мнению исследователей, в одном жилище проживала, скорее всего, одна нуклеарная семья численностью от 4 до 7 чел., общее количество населения поселка составляло 60 чел. На ЮАО 13 проживало около 110–120 чел. при составе семьи в 5–8 членов [Козынцева, 1998, табл. 1, 2].

Близкие к ташковским по площади жилища исследованы на коптяковских поселениях Чепкуль 5 и 20 в Нижнем Притоболье. На Чепкуле 5 изучено шесть жилищ полностью и одно частично. Они расположены в одну линию по краю террасы. Судя по исследованной части памятника, вероятнее всего, в поселке было 8–9 жилищ, в которых при средней площади в 35 м² и 8–12 м² площади на одного человека проживало 27–45 чел. Если предположить, что в коптяковских жилищах, достаточно близких по площади и к позднеалакульским поселениям Ук 3 [Стефанов, Корочкова, 2000], проживало 7–8 членов нуклеарной семьи, то в поселке Чепкуль 5 могло одновременно проживать около 60–70 чел.

Для определения количества жителей в федоровских поселках эпохи бронзы воспользуемся данными по конструкции и внутренней планировке жилищ практически полностью исследованного поселения Черемуховый Куст. Жилища однотипны и в принципе близки к большим каркасно-столбовым полуземлянкам ирменской культуры [Матвеев, Сидоров, 1985]. Расчеты показали, что в жилище 1 могло проживать 15–17, в жилище 2 — более 16, в жилище 3 — от 22 до 29, в жилище 4 — не менее 15, в жилище 5 — приблизительно 16–21, а в жилище 6 — 25–33 чел. Суммарная численность обитателей федоровского поселка эпохи бронзы составляла, вероятно, около 110–120 чел. [Зах, 1995а].

В эпоху поздней бронзы на территории Тоболо-Ишимского междуречья в условиях возрастающей гумидизации климата и залесения существовали последовательно пахомовские и бархатовские комплексы в Притоболье и сузгунские в Пришимье. Для определения количества обитателей бархатовских поселков взято поселение Мостовое 1, на площади которого хорошо прослеживается девять западин, одна из них исследована [Зиминова и др., 2009]. Анализ показывает, что при 8–12 м² площади жилища на одного человека на поселении могло проживать от 70 до 100 чел.

С начала I тыс. до н.э. ухудшаются природные условия, что спровоцировало глубокий кризис скотоводческого хозяйства, отток большей части населения позднебронзовых культур с территорий Притоболья, Барабы и Приобья, вероятно, на юг и миграцию с севера носителей посуды с крестово-печатной орнаментацией. На этих территориях, где в эпоху поздней бронзы существовало не менее чем по сотне поселков бархатовской и ирменской культур, для финального этапа, когда происходило смешение аборигенного и пришлого населения, известны 1–2 по-

Динамика заселения территории лесного Тоболо-Ишимья в голоцене

селения в Притоболье и около 15 в Приобье и Барабе. В Приишимье и Прииртышье демографическая ситуация несколько иная. В отличие от бархатовских и ирменских обществ со скотоводческим хозяйством, население сузгунской культуры занималось как производящим (скотоводство), так и присваивающим (охота и рыболовство) хозяйством. В связи с этим население в переходный период от бронзы к железу было более многочисленным, чем в Притоболье и Приобье. Но в общем по Западной Сибири отмечается сокращение заселенности на раннем этапе переходного времени от бронзы к раннему железу, и лишь с конца первой половины I тыс. до н.э. наблюдается рост количества поселков и соответственно населения, пик которого отмечается на рубеже эр и связан в Тоболо-Ишимье с носителями саргатской культуры. Мы не исключаем, что увеличению численности населения в это время способствовало, наряду с благоприятными климатическими и ландшафтными условиями, проникновение на территории Нижнего Приишимья и Притоболья населения, предки которого ушли отсюда в конце эпохи бронзы.

Интересна динамика численности населения на ранних этапах иткульской культуры переходного периода от бронзы к железу. Ее укрепленные поселения расположены на длинном, покрытом дюнами мысу у д. Юртобор. Здесь отмечается четыре последовательно существовавших поселенческих комплекса, наиболее ранним из которых является Карагай-Аул 4 с 26 наземными постройками. Скорее всего, его сменило двухплощадочное Карагай-Аул 1, где внутри округлой площадки насчитывается 43 сооружения, а в пределах овальной — 44. Ближе к месту слияния Тобола и Тапа недалеко от Карагай-Аула 1 находятся две одновременные смыкающиеся укрепленные площадки и поселение рядом с ними, представляющие памятник Вак-Кур 2. По форме площадки близки к кругу и овалу, аналогичны площадкам Карагай-Аула 1, но меньших размеров. Внутри округлой прослежено 21 наземное сооружение, на овальной — 42, за пределами площадок насчитывается 81 постройка. Вероятно, самым поздним комплексом на мысу является поселение Юртобор 6, представляющее собой круглую площадку с 8 наземными жилищами, ограниченную небольшими рвом и валом [Зах, 1995б]. Исследованные на этих одностойных поселениях сооружения — наземные, площадью около 60–70 м². Исходя из того, что в одной такой постройке могло проживать от 5 до 7 чел., предполагаем, что численность обитателей укрепленного поселения Карагай-Аул 4 составляла 130–180 чел.

На поселении Карагай-Аул 1 на овальной площадке прослеживаются сооружения разных размеров: 50–70 и 100–120 м², на круглой — только 50–70 м². На овальной площадке исследовано два типа построек. Примечательно, что в удлиненных, больших по размерам сделано примерно в три раза меньше находок, чем в подпрямоугольных, площадью 50–60 м² [Зими́на, Зах, 2009]. Не исключено, что удлиненные постройки размерами 7×14 и 8×15 м, которых на овальной площадке насчитывается около 14–15 (или около 1/3 всех построек), служили для содержания скота. С учетом этого, на овальной площадке поселения Карагай-Аул 1, возможно, обитало 140–200 чел., на округлой, где все постройки были площадью около 50–70 м², а в 1/3 сооружений содержался скот, также проживало около 140–200 чел. Всего в поселке Карагай-Аул 1 мог одновременно обитать коллектив численностью 360–400 чел.

На круглой и овальной площадках поселения Вак-Кур 2, где постройки были примерно такой же площади, что и сооружения на ранее рассмотренных поселениях, возможно, проживало 70–100 и 140–200 чел. соответственно, а за пределами укреплений — около 270–380 чел. В общей сложности в поселке одновременно мог существовать коллектив численностью 480–670 чел.

На поселении Юртобор 6 количество населения в поселке снижается: в укрепленной части в 8 постройках и за пределами укреплений в 4 строениях площадью 20–25 м² при 8–12 м² на одного человека проживал коллектив численностью около 20–40 чел.

Структура (соприкасающиеся и расположенные на расстоянии десятков метров друг от друга овальные и округлые площадки) и значительное количество населения кольцевых укрепленных поселков свидетельствуют, на наш взгляд, не только об ассимиляционных процессах в среде местного позднебронзового и пришлых северных групп населения, но и, вероятно, об отношениях собственности [Зах, Зими́на, 2005]. О процессах, связанных с взаимодействием различных этнокультурных групп, позволяют судить и поселки ташковской культуры с круговой организацией пространства. Жилища, содержащие посуду с местными (гребенчато-ямочными) и пришлыми (петровско-алакульскими) традициями, вписаны, в отличие от иткульских, в структуру одного поселка [Зах, 2009].

Иткульские сдвоенные поселения с круговой планировкой, скорее всего, являются поселками, в которых проживали две экзогамные половины древнего коллектива, в определенный

период (Карагай-Аул 1) переходного времени, с началом имущественной дифференциации общества, достаточно ревниво оберегавшие свою собственность в пределах территории общего поселка. Позднее же, на поселении Вак-Кур 2, видим, как постепенно эта система имущественных отношений разрушается, вместе с формированием единого этноса. Наряду с уменьшившимися огороженными площадками, члены коллектива поселка расселяются на площадях, примыкающих к укрепленным частям. Во многом похожая ситуация, вероятно, отмечается и на других западно-сибирских поселениях — Борки 1, Чича 1 [Зах, 2011; Молодин и др., 2001, 2004, 2009]. На финальных этапах иткульской культуры на смену крупным родовым поселкам приходят небольшие, с соответствующим количеством жилищ и обитателей.

С формированием саргатской культуры эпохи раннего железного века о заселенности территорий можно судить по поселенческим комплексам, открытым на территории Андреевской озерной системы. На песчаных гривных всхолмлениях, иногда вдалеке от современных водоемов, встречаются саргатские поселки, насчитывающие от 24–30 до 44 и более строений (Болотное 1, Моховое Болото, Сосновое и др.) [Зах и др., 2005]. Исходя из нормы площади на одного человека 8–12 м² при площади жилищ в пределах 80–100 м² на поселениях раннего железного века одновременно могло проживать от 140–300 до 260–500 чел. Но учитывая присутствие наряду с лошадью в саргатском стаде мелкого и крупного рогатого скота, полагаем, что в 1/3 строений, скорее всего, содержались животные. Таким образом, в поселках, вероятно, насчитывалось от 100–160 до 240–360 жителей. Большое количество крупных и небольших по количеству построек однослойных саргатских поселений на достаточно ограниченной территории, в частности Андреевского микрорайона, скорее всего, свидетельствует о невысокой плотности заселения региона, а возможно, о сезонном характере некоторых поселков. Наиболее вероятно, это говорит о частой смене участков заселения, возможно, в связи с быстрым вытравливанием скотом близлежащих пастбищ.

Проанализировав данные материалы, мы попытались рассмотреть закономерности количественного расселения обитателей поселков эпохи камня, бронзы и раннего железа и реконструировать общее количество населения в эти периоды в Тоболо-Ишимском регионе.

Незначительная численность коллективов в поселках раннего периода неолита (комплексы раннего этапа боборыкинской культуры Юртобор 3 и Мергень 3) может объясняться, на наш взгляд, тем, что эти группы являлись пришлыми на территории Тоболо-Ишимья [Зах, 2006]. По-видимому, боборыкинский миграционный поток состоял из небольших экзогамных коллективов, которые по прошествии некоторого времени образовывали с автохтонным, также незначительным и еще с мезолитическими традициями, населением стабильные эндогамные группы. Этот процесс отмечается на последующих этапах неолита (кошкинском, козловском, полуденковском и сосновоостровском), когда мы видим рост числа жилищ на поселениях и соответственно увеличение количества населения поселков.

Вероятно, во многом схожие процессы, но более явно выраженные в археологических материалах, происходили в начале II тыс. до н.э. в среде петровско-алакульского и аборигенного, а также бархатовского и лесного гамаюнского населения в начале I тыс. до н.э. В первом случае это была миграция с юго-запада скотоводов и металлургов, во втором с севера мигрировали охотники и рыболовы — носители посуды с крестово-печатной орнаментацией.

Так, уже ташковское население, судя по керамическим комплексам, было синкретичным. Его основу составляло автохтонное лесостепное и южно-таежное население, потомки носителей байрыкской культуры, и явно инородные группы, связанные с южным и юго-западными соседями, вероятно петровцами и алакульцами. В процессе этого симбиоза последовательно формируются коптяковские [Зах, 2012а] и федоровские комплексы. Хозяйство последних явно было скотоводческим, с содержанием скота вместе с людьми в жилищах. Исходя из этого рассчитывать численность населения в поселках неолита и бронзы (федоровская культура) следует по всему количеству жилищ, их площади и средней площади на одного человека. Судя по численности населения в поселках этих периодов, оптимальным был коллектив, состоявший приблизительно из 120–150 членов, что, вероятно, обуславливалось экономикой (присваивающее и начало производящего хозяйства) и экологической емкостью территорий.

В финале эпохи бронзы сокращается количество поселков в связи с оттоком населения на юг. С севера мигрируют, скорее всего, экзогамные группы носителей посуды с крестово-печатной орнаментацией. В Притоболье складывается иткульская, в Приишимье — красноозерская культура.

Динамика заселения территории лесного Тоболо-Ишимья в голоцене

Иткульская культура сформировалась в результате ассимиляции местным бархатовским пришлого лесного западно-сибирского населения. С этого времени происходит некоторый рост численности населения, что отмечается на укрепленных поселениях у д. Юртобор. Так, на более позднем поселении Вак-Кур 2, по сравнению с Карагай-Аулом 4, она увеличилась в 3–4 раза. Несмотря на то, что с развитием производящего хозяйства часть построек (1/3?) на поселениях, возможно, следует считать предназначенными для животных, начиная с раннего железного века фиксируется некоторое увеличение численности населения в поселках (вероятно, ввиду более прогрессивных форм скотоводства). Среднее количество жителей поселков, возможно, варьировалось в пределах от 130 до 670 чел.

Для относительной оценки количества населения и его динамики от эпохи неолита до раннего железного века включительно в пределах Нижнего Тоболо-Ишимья рассмотрим общую площадь междуречья, наиболее заселенные территории бассейнов Тобола и Ишима, количество поселков и их обитателей. Площадь рассматриваемой части Тоболо-Ишимья составляет около 111 тыс. км². В Нижнем Притоболье наиболее заселены долины Тобола и его притоков, площадь которых составляет около 11 970 км². В Приишимье наиболее заселенная территория в 2 раза меньше и насчитывает около 5360 км². Для определения количества поселков, существовавших в тот или иной период голоцена в Тоболо-Ишимском междуречье, необходимо учитывать размер территории, которая могла обеспечить жителей всем необходимым, а обитатели поселка могли бы ее контролировать. Для Андреевского археологического микрорайона, с высокой плотностью заселения, на площади с радиусом 12 км (452 км²) можно предполагать одновременных 4 ранних неолитических поселка и 2–3 эпохи бронзы, с производящим хозяйством. В Мергенском, на площади с радиусом 8,5 км (227,9 км²), — по 1 поселку для всех эпох [Зах, 2012б]. Исходя из этого и учитывая достаточно низкую заселенность центральной части междуречья (бассейн рек Вагая, Емца и прилегающих озер), попытаемся дать количественную оценку заселенности этого региона в целом.

В эпоху раннего неолита в Притоболье, где известно по крайней мере четыре микрорайона с достаточно большой заселенностью, могло одновременно существовать около 42 поселков. При общем количестве жителей одного поселения, составляющем 24 чел., в этот период в данном районе могло проживать порядка 1000 чел. В развитом и позднем неолите при том же количестве поселков численность населения, вероятно, увеличилась почти до 5000 чел.

В 42 ташковских поселках, возможно существовавших на территории Нижнего Притоболья одновременно, могло проживать около 5000 чел. Если учитывать, что алакульцы расселялись только в южной части Нижнего Притоболья, где взаимодействовали с ташковцами и занимали лишь пригодные для скотоводства территории, эти пространства могли вместить порядка 20–21 коптяковских поселка, в которых при среднем количестве 70 жителей могло проживать порядка 1500 чел. Близкая ситуация, вероятно, была и во время существования федоровской культуры: при аналогичном количестве поселков населения было несколько больше, около 2500 чел.

В эпоху поздней бронзы одновременно на территории Нижнего Притоболья могло существовать не менее 38 бархатовских поселка со 103 жителями в каждом, при этом в данном регионе могло обитать около 3900 чел. Финал эпохи бронзы в регионе совпал с гумидизацией климата, обводненностью территории, проникновением мигрантов с севера и, вероятно, оттоком местного населения на юг. В Притоболье комплексы этого времени пока почти не известны (лишь на территории Среднего (Курганского) Притоболья городище Усть-Утяк 1), но о них свидетельствуют последующие иткульские, сформировавшиеся на основе бархатовских и крестовопечатных. Население иткульской культуры стремительно росло. На вак-куровском этапе в Притоболье, возможно, насчитывалось около 28 200 чел.

К саргатской культуре принадлежит наибольшее количество поселений и курганных могильников. Но одновременно на рассматриваемой территории могло существовать не более 40 городищ и поселков, на которых в общей сложности проживало около 20 000 чел. (табл.).

В Нижнем Приишимье, в силу несколько отличающихся природных условий, в неолите и эпоху бронзы количество населения было практически в два раза, а в переходное время от бронзы к железу и период существования саргатской культуры — и в большее число раз ниже. Так, для финальной стадии эпохи поздней бронзы на территории Приишимья известно около 8 комплексов раннего этапа взаимодействия местного и пришлого населения — красноозерской культуры. На следующих этапах ее существования и в саргатский период численность населе-

ния в Нижнем Приишимье, возможно, возрастает до 2700 и 5500 чел. соответственно (табл.). Заселение междуречья практически во все периоды было незначительно (табл.).

Примерное количество населения, обитавшего в низовьях Тоболо-Ишимского междуречья в неолите — раннем железном веке

Период/культура	Притоболье	Междуречье	Приишимье	Всего
Ранний неолит	1008		552	1560
Развитой, поздний неолит	4998	240	2737	7975
Ташковская Доандроновская бронза	5040	360	2760	8160
Коптяковская Одиновская	1512		1890	3402
Федоровская	2520		1320	3840
Бархатовская Сузгунская	3914	600	2369	6883
Финал эпохи бронзы Красноозерская			960	960
Иткульская Журавлевский этап	28 224		2760	30 984
Саргатская	20 064	1200	5520	26 784

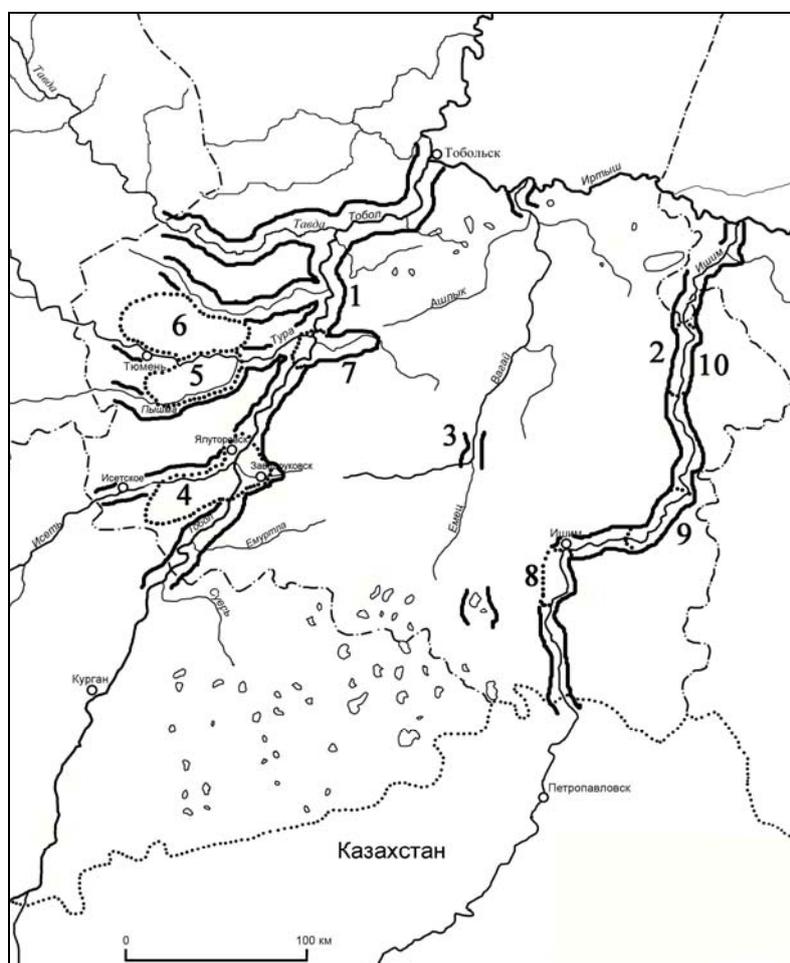

Рис. Наиболее заселенные в древности территории Тоболо-Ишимского междуречья:
 1 — долина р. Тобол; 2 — долина р. Ишим; 3 — обитаемые участки в междуречье; 4 — Ингальская долина;
 5 — Андреевская озерная система; 6 — Тарманский озерно-болотный массив; 7 — Юртоборовский микрорайон;
 8 — Мергенский микрорайон; 9 — Кокуйский микрорайон; 10 — Серебрянский микрорайон

Динамика заселения территории лесного Тоболо-Ишимья в голоцене

Несомненно, приведенные данные о заселенности Тоболо-Ишимья в неолите — раннем железном веке условны и позволяют оценить динамику численности населения региона лишь приблизительно. В атлантический период голоцена проникновение мигрантов с юго-запада приводит к росту населения в Тоболо-Ишимском регионе, да и во всей Западной Сибири. В среду немногочисленных подвижных групп мезолитических охотников и рыболовов вливаются оседлые мигранты, занимающиеся заповорным рыболовством, и постепенно народонаселение увеличивается. Аридная фаза суббореального периода вновь спровоцировала миграцию скотоводов и металлургов с юго-западных территорий, но численность населения, судя по количеству поселков, уменьшается. Не исключено, что на это повлиял как отток местного населения на восток, так и засушливость климата (сократилось количество мест, удобных для заселения скотоводами и, возможно, земледельцами). В эпоху поздней бронзы количество населения начинает увеличиваться, но кризис скотоводческого хозяйства и миграция с севера приводят, вероятно, к оттоку большей части местного скотоводческого населения Нижнего Притоболья на юг. В Приишимье, где позднебронзовое сузгунское население наряду со скотоводством занималось и присваивающим хозяйством, носители посуды с крестово-печатной орнаментацией встретились с большим количеством аборигенов, но общая численность обитателей Тоболо-Ишимья достаточно сильно сократилась. В последующие периоды, вероятно благоприятные для ведения комплексного хозяйства, количество населения резко возрастает.

Тем не менее плотность населения в Нижнем Тоболо-Ишимье во все периоды остается достаточно низкой, и только в хорошо дренированных долинах и междуречьях при слиянии крупных рек она могла в среднем варьироваться в Нижнем Притоболье — от 0,08 до 2,35, в Приишимье — от 0,1 до 1,02 чел. на 1 км². Наибольшая плотность наблюдается на территориях микрорайонов, в местах слияния крупных рек, с широкой поймой и массой останцов коренных террас, пригодных для заселения, и в древних озерных системах — Андреевской, Ингальской долине, Тарманском озерно-болотном массиве и др. (рис.).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Археологическое наследие Тюменской области: Памятники лесостепи и подтаежной полосы / А.В. Матвеев, Н.П. Матвеева, А.Н. Панфилов и др. Новосибирск: Наука, 1995. 240 с.
- Волков И.А. К истории речных долин юга Западно-Сибирской низменности // Четвертичная геология и геоморфология Сибири. Тр. Ин-та геологии и геофизики. Новосибирск, 1962. Вып. 27. С. 34–47.
- Евдокимов В.В. Народонаселение степного Притоболья в эпоху бронзы: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1984. С. 17.
- Зах В.А. Боборыкинский комплекс поселения Юртобор 3 в Нижнем Притоболье // Древняя и современная культура народов Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1995а. С. 12–28.
- Зах В.А. Кольцевые укрепления рубежа бронзового и железного веков в Нижнем Притоболье // Третьи исторические чтения памяти М.П. Грязнова: Докл. Всерос. науч. конф. Омск, 1995б. С. 26–28.
- Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995в. 96 с.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2006. 55 с.
- Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.
- Зах В.А. Древняя история Нижнего Приишимья: Учеб. пособие. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2011. 192 с.
- Зах В.А. Коптяковская культура в Нижнем Притоболье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. № 2 (17). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012а. С. 29–40.
- Зах В.А. Природные ресурсы лесного Тоболо-Ишимья в голоцене (на примере Андреевского и Мергенского микрорайонов) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 3 (18). Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012б. С. 159–167.
- Зах В.А., Зимина О.Ю. О дуальной организации древних обществ Западной Сибири (по археологическим данным) // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2005. Т. 1. С. 112–119.
- Зах В.А., Зимина О.Ю., Скочина С.Н., Усачева И.В. Геоморфология поселений эпохи неолита — средневековья в Тоболо-Ишимье (на примере Андреевского и Мергенского археологических микрорайонов) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2005. Вып. 6. С. 108–117.
- Зах В.А., Скочина С.Н. Поселение Мергень 3 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 37–56.

В.А. Зах

Зими́на О.Ю., Волков Е.Н., Рябогину Н.Е., Иванов С.Н. Новые материалы ранней и поздней бронзы в Тюменском Притоболье (по результатам исследования поселения Мостовое 1) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 10. С. 20–34.

Зими́на О.Ю., Зах В.А. Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Ковалева В.Т. Взаимодействие культур и этносов по материалам археологии: Поселение Ташково 2. Екатеринбург: УрГУ, 1997. 131 с.

Ковалева В.Т., Ивасько Л.В. Неолитические комплексы поселения Ташково 1 на Исети // Неолитические памятники Урала. Свердловск: Изд-во УрГУ, 1991. С. 112–131.

Ковалева В.Т., Рыжкова О.В., Шаманаев А.В. Ташковская культура: Поселение Андреевское озеро 13. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 2000. 160 с.

Козынцева Н.Н. Палеодемографический аспект изучения ташковской культуры // ВАУ. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1998. Вып. 23. С. 184–195.

Матвеев А.В. Ирменское жилище как палеодемографический источник // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск: Изд-во ИИФФ, 1989. С. 9–12.

Матвеев А.В., Сидоров Е.А. Ирменские поселения Новосибирского Приобья // Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1985. С. 29–54.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 240 с.

Молодин В.И., Парцингер Г., Гаркуша Ю.Н. и др. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск; Берлин: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. Т. 2. 336 с. (Материалы по археологии Сибири; Вып 4).

Молодин В.И., Парцингер Г., Кривоногов С.К. и др. Чича — городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. Т. 3. 248 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург: Полиграфист, 2000. С. 12–41.

Хлобыстин Л.П. Проблемы социологии неолита Северной Евразии // Охотники, собиратели, рыболовы. Л.: Наука, 1972. С. 26–42.

Тюмень, ИПОС СО РАН
viczakh@mail.ru

The article considers time history with regard to settling of ancient communities on the territory of the Low Tobol-and-Ishim basin in the Neolithic — Early Iron Age. Basing on a number of hillforts, settlements and dwellings therein, as well as on average number of people residing in one dwelling, subject to determination being most populated territories and the approximate number of population in certain periods. The population density on the territory of the interfluvium was not high, depending, first of all, on climatic changes, migration processes, and forms of economy.

Tobol-and-Ishim basin, Atlantic, subboreal, Holocene, settlement, number, settling, population density.

МЕТАЛЛООБРАБОТКА ГАРИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО И СРЕДНЕГО ПРИКАМЬЯ (по данным аналитического исследования)¹

С.В. Кузьминых*, А.Д. Дегтярева**, В.П. Денисов***

Аналитические материалы свидетельствуют о функционировании на территории Верхнего и Среднего Прикамья металлургического очага — сравнительно маломощного на фоне производственных центров Циркумпонтийской металлургической провинции, но в то же время передового и достаточно крупного на фоне очагов и центров металлообработки энеолитических культур лесной полосы Северной Евразии. Производственная деятельность гаринского очага базировалась на добыче местных медистых песчаников, выплавке и плавке окисленной меди и в небольших масштабах — самородной. Достаточная осведомленность о свойствах и пороках окисленной меди, умение выплавлять ее из руды и обрабатывать при предплавильных температурах свидетельствуют о высокой квалификации кузнецов-литейщиков гаринского очага.

Эпоха раннего металла, гаринская археологическая культура, Прикамье, анализ металла, металлообработка, металлургический очаг.

Данная статья является первым опытом аналитического исследования металла гаринской культуры, который базируется не только на изучении химического состава металлических изделий, но и на выявлении технологических процессов их изготовления. Для исследования химического состава и микроструктурных данных были отобраны пробы и срезы для анализа. Настоящая выборка — в отличие от предшествующих сборов проб для спектрального анализа металла энеолитических культур лесной полосы Восточной Европы [Черных, 1970, табл. XI; Кузьминых, 1977а, б; 1980; 1995; Кузьминых, Агапов, 1989; Кузьминых, Черных, 1976; Черных, Кузьминых, 1977; Черных и др., 2011, табл. 1] — носила случайный характер и определялась доступностью материалов в археологических фондах Пермского государственного университета и краевого краеведческого музея².

В исследованной выборке (24 экз.) в равной мере представлены как готовые мелкие изделия, так и полуфабрикаты и слитки с низкой металлоемкостью. Они происходят из поселений Красное Плотбище (19 экз.), Чернашка (2 экз.), Заюрчимское 1 (1 экз.), Бор 1 (1 экз.) и святилища Писаный камень (1 экз.) (раскопки и сборы 1950–1970-х гг. О.Н. Бадера, А.И. Чистина, В.П. Денисова) (рис. 1). В составе коллекции: орудия — ножи (2 экз.), обломок черешкового долота (1 экз.), шилья (6 экз.); украшения — бляшка-розетка, подвеска, браслет, пронизь; сырье и заготовки — слитки (4 экз.) и полосовые полуфабрикаты (7 экз.).

Культурный контекст всех поселенческих находок — слои и сооружения гаринской культуры. Сомнения есть лишь в отношении бляшки-розетки из слоя святилища под Писаным камнем. Она найдена не в слое святилища вместе с керамикой и каменными орудиями гаринской культуры, а в расщелине скалы вместе с кремневым наконечником стрелы подтреугольно-сводчатой формы с прямым основанием и пильчатой ретушью [Бадер, 1954, с. 250, рис. 6, 3]. Наконечники этого типа (их в святилище всего три), по замечанию О.Н. Бадера, принадлежат к основному типу стрел Турбинского могильника [Там же, с. 247] и, добавим, — большинства известных сейминско-турбинских могильников, а также Канинского святилища [Черных, Кузьминых, 1989, рис. 106, 24–39]. Сама бляшка-розетка относится к редкому типу украшений этнографически самобытного костюмного комплекта, присущего в Восточной Европе лишь носителям абашевской общности [Кузьмина, 2000, с. 102, 103, рис. 25]. В этой связи более вероятна связь данной находки с сейминско-турбинским или абашевским жертвенным комплексом на святилище Писаный камень.

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РФФИ, проекты № 11-06-00154а, 11-06-00034.

² Авторы приносят искреннюю благодарность С.Н. Коренюку, А.Ф. Мельничуку за содействие при работе в фондах ПГУ и ПККМ.

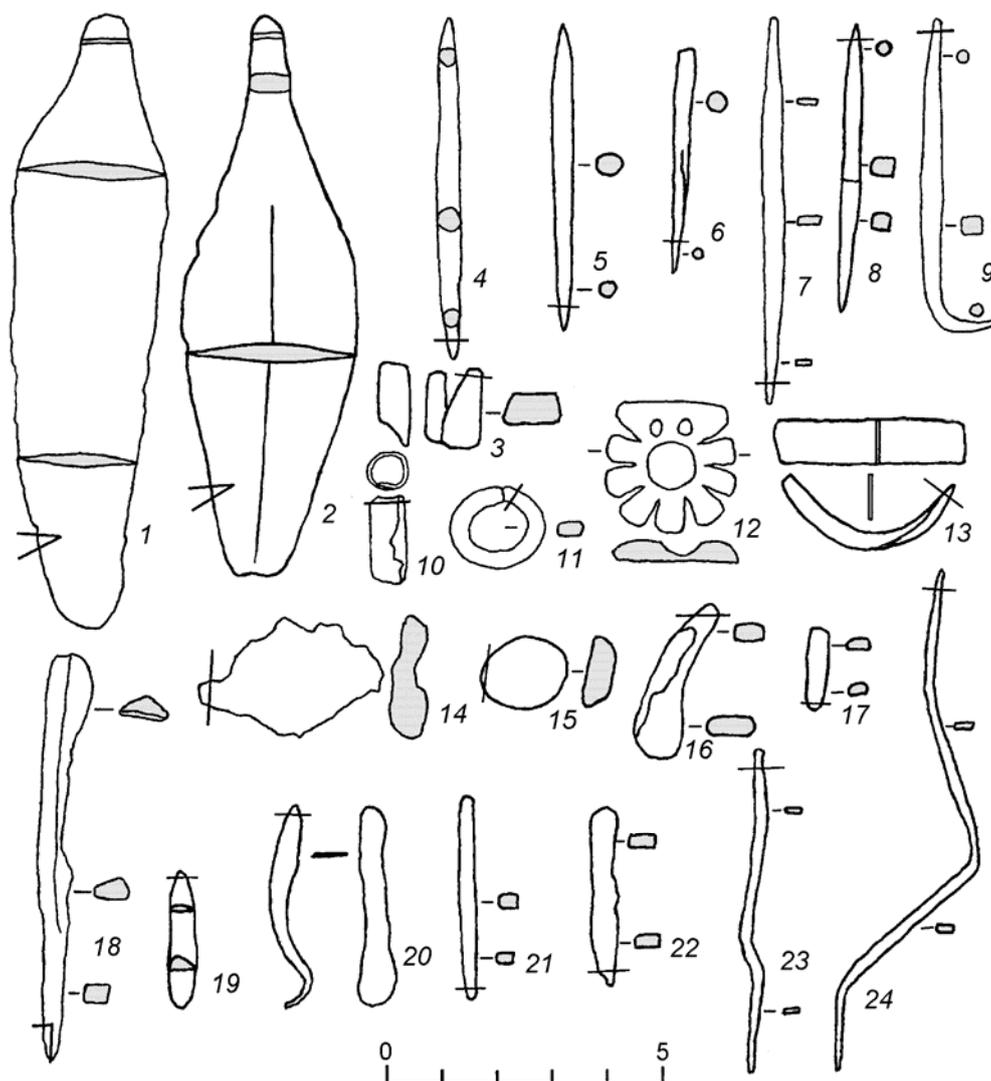

Рис. 1. Орудия труда украшения, слитки, заготовки гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья:

1 — нож (пос. Бор 1; ан. 1167); 2, 9 — нож, шило (пос. Чернашка; ан. 1159, 1160); 3, 5–8, 10, 11, 13–24 — долото, шилья, пронизь, подвеска, браслет, слитки, заготовки (пос. Красное Плотбище; ан. 1186, 1189, 1191, 1163, 1188, 1164, 1161, 1187, 1166, 1184, 1185, 1183, 1162, 1178, 1179, 1190, 1182, 1180, 1181); 4 — шило (пос. Заюрчимское 1; ан. 1157); 12 — бляшка-розетка (святилище Писаный камень)

Морфология исследованных предметов типична для металлопроизводства гаринской культуры Прикамья. Ножи из поселений Бор 1 и Чернашка [Бадер, 1961а, рис. 23, 1; Черных, 1970, рис. 56, 43] — двулезвийные, с выделенным черенком — принадлежат к двум конечным типологическим разрядам (КТР). Первый — с асимметричным лезвием и притупленной пяткой черенка. К этому же разряду среди орудий энеолитических культур лесной полосы отнесен нож из Удельно-Шумецкого 5 поселения волосовской культуры [Халиков, 1969, рис. 55, 23; Никитин, 1991, рис. 62, 14]. Второй КТР — орудия с симметричным лезвием и игловидным черенком — является наиболее распространенным типом ножей в культурах лесного энеолита (7 экз.). Кроме Чернашки, это экземпляры с поселений гаринской культуры Старушка 3, Лёвшино, Камский Бор 2, Тюремка 3 и юртической — Усть-Лудяна 2 [Черных, 1970, рис. 56, 40; Коногорова, 1961, рис. 14, 2; Бадер, 1961б, рис. 104, 4; Черных, 1970, рис. 56, 41; Наговицын, 1980, рис. 12, 1; Кузьминых, 1980,

рис. 1, 1]. Условно к этому же разряду отнесен медный нож из числа случайных находок у д. Пашино на оз. Сугояк в Красноармейском р-не Челябинской обл. (ЧОКМ, № 4881).

В 1971 г. на поселении Красное Плотбище (р. 1, яма, уч. В/Г-6, 7) было найдено, как полагал В.П. Денисов, «небольшое клиновидное орудие» [1972, с. 23]. Его можно отнести к разряду небольших, но массивных долот с узким поперечным лезвием [Там же, рис. 18, 1], широко использовавшихся на протяжении всей эпохи раннего металла. В слое над ямой обнаружены еще два клиновидных орудия или заготовки [Там же, с. 23]. Один из фрагментов (рис. 1, 3) был аналитически исследован. Сохранилась, судя по всему, деформированная пятка массивного кованого долота или его заготовки; сечение клина — трапециевидное. О типе орудия судить затруднительно, но отметим, что массивные долота и литейные формы заготовок для их отковки известны в энеолитических культурах лесной полосы: в той же гаринской — поселения Бойцовское 6, Русско-Азиебейское 3, поздневолосовской — Ховрино, имеркской — Новый Усад 4, Волгапино [Бадер, 1961б, рис. 47, 4; Кузьминых, 1977а, рис. 7; Вискалин, 2002, рис. 5, 1; Королев, Ставицкий, 2008, рис. 160, 1, 2, 4, 5, 7-9, 11-14; 161, 1-9].

Серия шильев (6 экз.) из поселений Заюрчимское 1 (рис. 1, 4) [Бадер, 1959, с. 118], Красное Плотбище (рис. 1, 5-8) [Денисов, 1970, рис. 21, 5-7, 9; 1972, рис. 28, 1-3, 5, 6, 15] и Чернашка (рис. 1, 9; Пермь, АКУ, № 436-6600) принадлежит к разряду обоюдоострых³, без упора; сечение — круглое, квадратное и прямоугольное; шило с Чернашки — с загнутым концом. Орудия данного КТР, наряду с шильями с притупленным концом, являются наиболее распространенными не только в энеолите лесной полосы, но и в культурах эпохи раннего металла в целом. Обоюдоострые шилья известны в таких гаринских памятниках, как Камский Бор 2, Заосиновское 1, Выстелишна, Тюремка 3, Русско-Азиебейское 3 [Коногорова, 1961, рис. 13, 6; Денисов, 1983, с. 144; Бадер, 1961а, рис. 45, 2; 1961б, рис. 104, 2; Кузьминых, 1977а, рис. 3, 7] и др.

Кроме упоминавшейся бляшки-розетки абашевского типа из святилища у Писаного камня, аналитически исследованы еще три украшения — подвеска, браслет и пронизь из поселения Красное Плотбище [Денисов, 1972, с. 23, 32, рис. 28, 11]. Первое из них (рис. 1, 11) относится к разряду кованых массивных колец с сомкнутыми концами. Подвески — лунницы и кольца — принадлежат к характерной группе украшений гаринской культуры. Среди них особенно выделяются кованые подвески-лунницы с несомкнутыми концами (Красное Плотбище, Выстелишна, Старушка, Усть-Паль) [Денисов, 1977, с. 145; Бадер, 1961а, рис. 45, 1; Бадер, 1959, рис. 33, 1; рис. 47, 2]. Массивные расплюснутые кольца являются их модификацией и широко распространены в энеолитических культурах лесной полосы — от Карелии (Пегрема 1, Вигайнаволок 1) и Финляндии (Suovaara) до Урала (см. обзор: [Кузьминых, 1995]).

Фрагмент широкого пластинчатого медного браслета (рис. 1, 13) — единственное подобное украшение в памятниках гаринской культуры. Браслеты в целом не характерны для энеолитической металлообработки лесной полосы. Не исключено, что в Красном Плотбище эта находка связана с позднебронзовым жертвенным комплексом [Денисов, 1973, с. 17, 22], к которому относятся три ножа с перекрестьем и перехватом (один из них с налитой рукоятью) [Денисов, 1970, рис. 21, 1-3], два наконечника копья с лавролистным и листовидным пером и укороченной втулкой [Денисов, 1973, рис. 17, 1, 2].

Пронизь свернута из массивной раскованной пластины (рис. 1, 10) и принадлежит к разряду несомкнутых, с заходящими краями. Кроме Красного Плотбища, аналогичные находки есть и в других энеолитических памятниках Уральского региона — Чернушка (2 экз.), Чебаркуль 10 и Береговая 6 (см. обзор: [Кузьминых, 1995]). В последующие эпохи бронзы и раннего железа подобные пронизи изготавливались уже из тонкой листовой меди и бронзы.

Слитки и полосовые полуфабрикаты (пластины), наряду с отходами производства (капли, сплески, лом), составляют в процентном отношении львиную долю металла в энеолитических памятниках лесной полосы. Поселения гаринской культуры особенно насыщены сырьем, заготовками и отходами производства [Там же].

Проанализированные изделия представлены одной металлургической группой — чистой медью. Данные микроструктурного анализа позволили также уточнить характер исходного сырья — в преобладающем большинстве образцов (70 %) обнаружены включения эвтектики $\text{Cu-Cu}_2\text{O}$, свидетельствующие об использовании для изготовления предметов чистой окисленной меди. По всей видимости, основным исходным сырьем служил малахит, куски которого в боль-

³ Предполагаем, что у экземпляра из Красного Плотбища (рис. 1, 6) конец сломан.

шом количестве встречены в слое поселения Красное Плотбище [Денисов, 1970, с. 40; 1972, с. 26]. Вполне вероятным представляется также использование для плавки самородной меди, в изобилии встречающейся на рудных месторождениях Прикамья. Косвенным свидетельством этого могут служить данные микроструктурного анализа полосовой заготовки, на шлифе которой обнаружены многочисленные включения эвтектики $\alpha_{Cu} + \alpha_{Ag}$. Судя по площади, занимаемой эвтектикой, содержание серебра в составе заготовки доходит до 10 %. По данным Н.В. Рындиной, самородная медь, помимо других признаков, диагностируется также повышенным содержанием серебра, концентрация которого может доходить до целых долей процента [1998, с. 20].

Таблица 1

**Результаты рентгенфлуоресцентного анализа металла
гаринской культуры Верхнего Прикамья**

№	Предмет	№ рис.	№ спектр. ан.	№ структур. ан.	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
1	Нож	1, 1	35415	1167	Осн.	—	—	—	—	0,2	—	—	0,02	0,001	—	—
2	Нож	1, 2	4575	1159	Осн.	—	—	—	—	0,4	—	—	0,008	0,001	—	—
3	Долото	1, 3	49864	1186	Осн.	0,07	0,1	—	0,07	0,09	0,16	—	0,08	—	—	—
4	Шило	1, 4	49834	1157	Осн.	—	0,07	—	0,05	0,05	0,11	—	0,06	—	—	—
5	Шило	1, 5	49867	1189	Осн.	—	0,07	0,19	0,04	0,1	0,07	—	0,06	—	—	—
6	Шило	1, 6	49869	1191	Осн.	—	0,06	0,35	0,03	0,12	0,04	—	<0,04	0,01	—	—
7	Шило	1, 7	49840	1163	Осн.	—	0,06	—	0,04	0,17	0,05	—	<0,04	—	—	—
8	Шило	1, 8	49866	1188	Осн.	—	<0,06	0,33	0,02	0,12	0,04	—	0,06	0,02	—	—
9	Шило	1, 9	4576	1160	Осн.	—	—	—	—	0,1	—	—	0,003	0,002	—	—
10	Пронизь	1, 10	49841	1164	Осн.	0,07	0,1	—	0,07	0,09	0,16	—	0,08	—	—	—
11	Подвеска	1, 11	49838	1161	Осн.	—	0,07	—	0,05	0,06	0,06	—	0,19	—	—	—
12	Бляшка	1, 12	49835	—	Осн.	—	0,07	—	0,04	0,05	0,06	—	0,05	—	—	—
13	Браслет	1, 13	49865	1187	Осн.	—	0,07	—	0,05	0,05	0,06	—	0,08	—	—	—
14	Слиток	1, 14	49843	1166	Осн.	—	0,06	—	0,04	0,08	0,04	—	0,36	—	—	—
15	Слиток	1, 15	49862	1184	Осн.	—	0,06	—	0,03	0,1	0,06	—	<0,05	—	—	—
16	Слиток	1, 16	49863	1185	Осн.	0,03	0,07	0,11	0,04	0,09	0,05	—	0,13	—	—	—
17	Слиток	1, 17	49861	1183	Осн.	—	0,06	—	0,04	0,08	0,05	—	0,07	—	—	—
18	Заготовка	1, 18	49839	1162	Осн.	—	0,07	—	0,04	0,12	0,08	—	0,51	—	—	—
19	Заготовка	1, 19	49856	1178	Осн.	0,03	0,07	0,06	0,05	0,15	0,09	—	0,05	—	—	—
20	Заготовка	1, 20	49857	1179	Осн.	—	0,09	—	0,06	0,06	0,12	—	0,05	—	—	—
21	Заготовка	1, 21	49868	1190	Осн.	—	0,07	0,11	0,05	0,22	0,06	—	0,07	—	—	—
22	Заготовка	1, 22	49860	1182	Осн.	—	0,08	—	0,04	10	0,05	—	0,06	—	—	—
23	Заготовка	1, 23	49858	1180	Осн.	—	0,07	—	0,04	0,08	0,04	—	0,05	—	—	—
24	Заготовка	1, 24	49859	1181	Осн.	—	0,07	—	0,05	0,08	0,08	—	0,05	—	—	—

Изготовление орудий труда и украшений осуществлялось преимущественно с использованием кузнечных процессов (64,3 %), реже — с использованием литейных технологий (35,7 %). Литье в односторонних литейных формах с плоскими крышками зафиксировано лишь для ножей и украшений — этнических индикаторов: бляшки-розетки и подвески. Лезвийная часть ножей после литья дорабатывалась кузнечной ковкой, направленной на вытяжку и заострение лезвий. Ковка протекала либо при предплавленных температурах 900–1000 °С, либо в режиме неполной горячейковки при 250–400 °С (ан. 1167, 1159; рис. 2, 1, 2). Вывод находит подтверждение в особенностях микроструктурных данных — размерах кристаллов, степени деформированности исходной литой структуры, замерах микротвердости металла.

Долото (представленное обломком) и шилья изготовлены также из чистой окисленной меди в процессековки, сопровождавшейся степенями обжата металла 70–80 %, в двух случаях обжатие не превышало 50–60 % (долото, шило, ан. 1186, 1188). Ковка направлена на придание заготовкам прямоугольной или овальной формы, заострение рабочих окончаний. Следов преднамеренного упрочнения металла холодной проковкой в микроструктурах изделий не обнаружено, замеры микротвердости металла находились в пределах 78–119 кг/мм². Преобладала горячая ковка в режиме 600–800 °С (ан. 1186, 1189, 1188, 1160; рис. 2, 3–5, 8). Изготовление двух шильев велось при предплавленных температурах 900–1000 °С, о чем свидетельствует диаметр зерен 0,12–0,15 мм, а также показатели микротвердости металла 79–89 кг/мм² (ан. 1163, 1191; рис. 2, 7, 8) [Равич, Рындина, 1989, с. 99]. Одно орудие проковано при низких температурах — в режиме неполной горячейковки при 250–400 °С, на что указывает наличие отдельных рекристаллизованных участков на фоне деформированной матрицы (ан. 1157, рис. 3, 1).

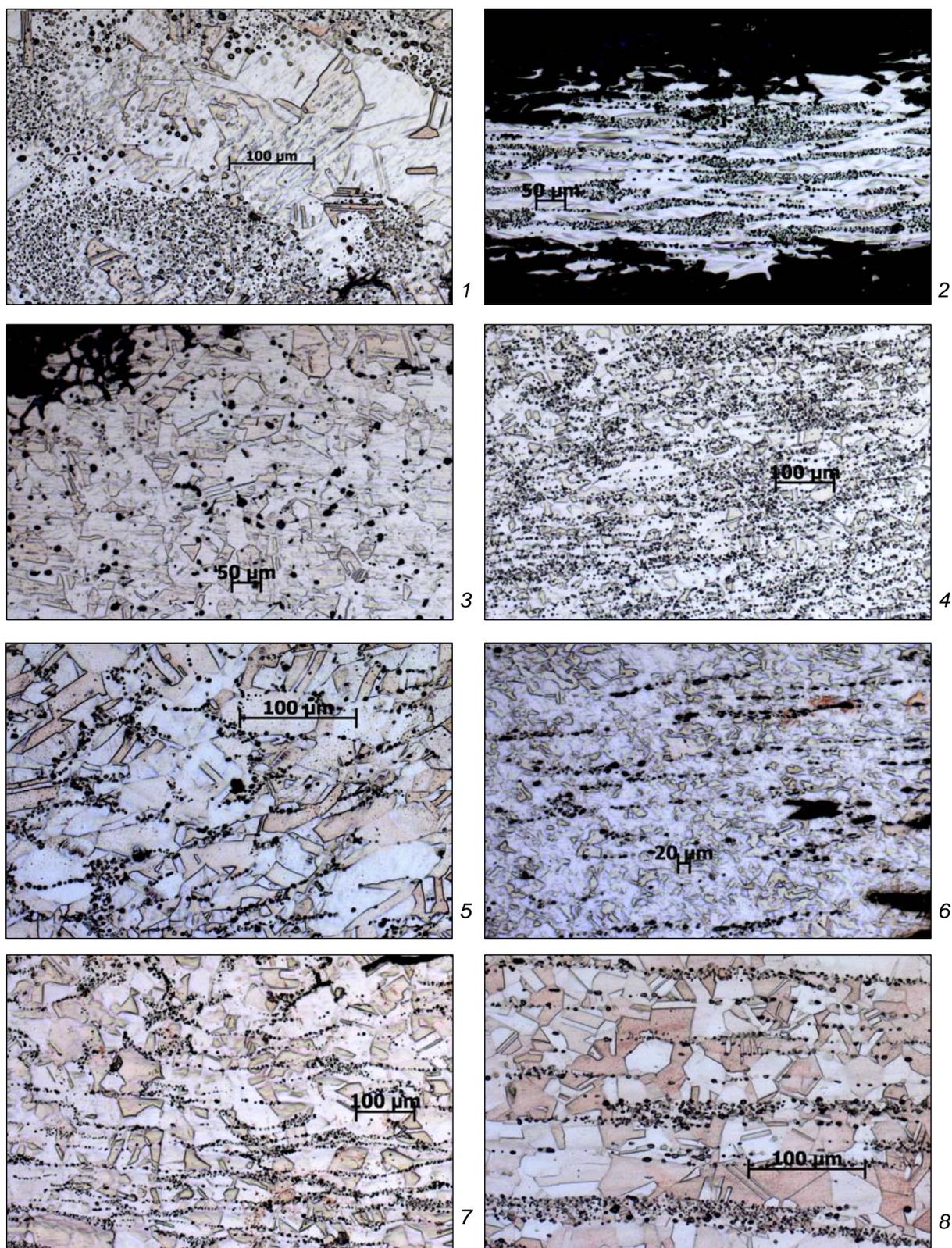

Рис. 2. Фотографии микроструктур орудий труда (1, 5, 8 — увел. 200; 2–4, 6, 7 — увел. 100):
1, 2 — ножи (ан. 1167, 1159); 3 — долото (ан. 1186); 4, 5, 6–8 — шилья (ан. 1189, 1188, 1191, 1163, 1160)
(1–3 — поперечные срезы лезвийной части; 4–8 — сечение рабочего окончания)

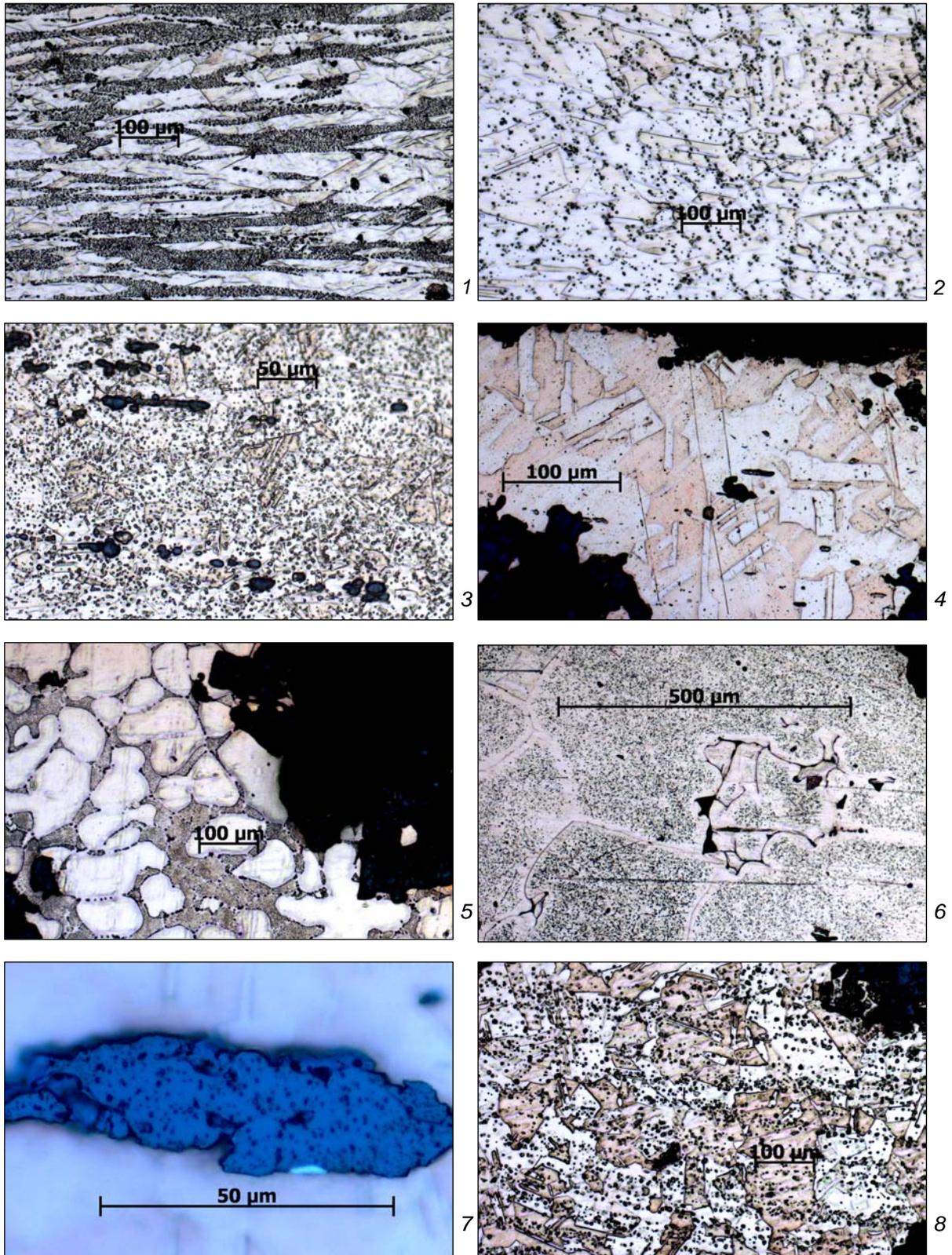

Рис. 3. Фотографии микроструктур шила, украшений, слитков, заготовок
(1, 2, 5, 6, 8 — увел. 100; 3, 4, — увел. 200, 7 — увел. 1000):
1 — шило (ан. 1157); 2 — подвеска (ан. 1161); 3 — браслет (ан. 1187); 4 — пронизь (ан. 1164);
5, 6 — слитки (ан. 1184, 1166); 7, 8 — заготовки (ан. 1182, 1179) (1–8 — поперечные срезы изделий)

Металлообработка гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья...

Украшения изготавливались либо по литейным технологиям, либо свободной кузнечной ковкой. Значимые этнические маркеры — подвеска и бляшка-розетка были отлиты в односторонних литейных формах с плоскими крышками, о чем свидетельствуют хорошо прослеживаемые литейные швы на боковых поверхностях изделий (рис. 4). Судя по характерным губчатым затекам, отливка украшений производилась в глиняные литейные формы. После литья подвеска согнута в кольцо при предплавленных температурах 900–1000 °С, при этом первоначальная литая полиэдрическая структура практически не изменилась, появились отдельные участки крупных рекристаллизованных зерен (ан. 1161, рис. 3, 2). Браслет и пронизь получены также из чистой меди ковкой полосовых заготовок, направленной на плющение изделий и сворачивание на округлых оправках. Операции осуществлялись в горячую при температуре 600–800 °С (ан. 1187, рис. 3, 3) и 900–1000 °С при степенях обжатия 80–90 % (ан. 1164, рис. 3, 4).

Рис. 4. Фотографии ножей, слитка, бляшки и подвески гаринской культуры

Исследованные слитки имеют небольшой вес, отлиты на дне сосудов или небольших тиглей (ан. 1184, 1166, 1185, 1183; рис. 3, 5, 6). Изделия относятся к категории рафинированных, поскольку металл отличается исключительной чистотой. При микроструктурном исследовании обнаружены лишь включения эвтектики $\text{Cu-Cu}_2\text{O}$. Остывание некоторых слитков происходило замедленно по мере остывания печей или очагов на открытом воздухе, что привело к чрезмерному окислению (ан. 1166, рис. 3, 6).

Заготовки представляли собой полосовые полуфабрикаты, предварительно отлитые в литейных формах и далее подвергнутые ковке с обжатием 50–60 % или с использованием более существенных степеней обжатия 70–80 %. Кузнечные операции проводились в горячую при температуре 600–800 °С (ан. 1162, 1178, 1182; рис. 3, 7), а также 900–1000 °С (ан. 1179, рис. 3, 8). В трех случаях заготовки были прокованы в режиме неполной горячейковки при температуре 300–500 °С (ан. 1180, 1181, 1196). В одном случае обнаружена рекристаллизованная структура на фоне большого количества крупных линзовидно-вытянутых цепочек включений эвтектики $\alpha_{Cu} + \alpha_{Ag}$ ярко-синего цвета, к появлению которых приводит ограниченная растворимость компонентов в твердом состоянии. Судя по площади, занимаемой эвтектикой, содержание серебра в меди доходило до 10 % [Двойные и многокомпонентные системы..., 1979, с. 51].

Гаринские кузнецы были осведомлены о свойствах чрезмерно окисленной меди — ее повышенной хрупкости при всех видахковки, поэтому обработка сопровождалась предохранением поверхности металла от окисления [Сучков, 1967, с. 8]. В 60 % случаев содержание кислорода находилось в пределах нормы и только в микроструктурах 7 изделий концентрация кислорода составляла 0,25–0,39 %. Свободная ковка по формовке орудий и украшений осуществлялась преимущественно в горячую — при температуре 600–800 °С (42,1 %) или при предплавильных температурах 900–1000 °С (31,6 %), гораздо реже — при низких температурах в режиме неполной горячейковки при 250–400 °С (26,3 %). Использование высокотемпературных предплавильных режимов обработки металла при 900–1000 °С представляется очень интересным и примечательным фактом, поскольку требовало достаточно высокой квалификации и длительных навыков обработки окисленной меди. Режим холодной обработки металла по данным микроструктурного анализа не отмечен.

Полученные аналитические материалы свидетельствуют о функционировании на территории Верхнего и Среднего Прикамья металлургического очага сравнительно маломощного на фоне производственных центров Циркумпонтийской металлургической провинции, но в то же время передового и достаточно крупного на фоне очагов и центров металлообработки энеолитических культур лесной полосы Северной Евразии. Производственная деятельность гаринского очага базировалась на добыче местных медистых песчаников [Черных, 1970; Кузьминых, Агапов, 1989], выплавке и плавке окисленной меди и в небольших масштабах — самородной. Достаточная осведомленность о свойствах и пороках окисленной меди, умение выплавлять ее из руды и обрабатывать при предплавильных температурах свидетельствуют о высокой квалификации кузнецов-литейщиков гаринского очага. Кроме того, есть основание предполагать, что камская металлообработка развивалась под влиянием приуральского ямного очага, в котором использовались практически те же технологии, но в более крупном масштабе, с производством массивных металлоемких орудий и оружия [Дегтярева, 2010, с. 68–69]. Во всяком случае, нами было зафиксировано распространение традиций металлургического производства приуральских ямных племен в Зауралье и Северном Казахстане. Благодаря мобильности степных скотоводческих племен достижения различных сфер хозяйственной деятельности достаточно быстро распространялись на сопредельных и отдаленных территориях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Бадер О.Н. Жертвенное место под Писаным камнем на р. Вишере // СА. 1954. № 21. С. 241–258.
Бадер О.Н. Камская археологическая экспедиция в 1956 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 110–123.
Бадер О.Н. Поселения турбинского типа в Прикамье // МИА. 1961а. № 99. 198 с.
Бадер О.Н. Поселения у Бойцова и вопросы периодизации среднекамской бронзы // ОКАЭ. 1961б. Вып. 2. С. 110–271.
Вискалин А.В. Поселение ранних металлургов и коневодов на Барыше // Твер. археол. сб. 2002. Вып. 5. С. 370–377.
Двойные и многокомпонентные системы на основе меди. М.: Наука, 1979. 247 с.
Дегтярева А.Д. Древнее металлопроизводство Южного Зауралья. Новосибирск: Наука, 2010. 162 с.
Денисов В.П. Отчет об археологических раскопках, проведенных Пермским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции Института археологии АН СССР [в 1969 г.]. Пермь, 1970 // Архив ИА. Р-1, № 3963.
Денисов В.П. Отчет о разведках и археологических раскопках, проведенных Сарапульской группой Пермского отряда Нижнекамской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1971 г. Пермь, 1972 // Архив ИА. Р-1, № 4641.

Металлообработка гаринской культуры Верхнего и Среднего Прикамья...

- Денисов В.П. Отчет об археологических раскопках, проведенных Пермским отрядом Нижнекамской археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1972 г. Пермь, 1973 // Архив ИА. Р-1, № 5226.
- Денисов В.П. Раскопки Красноплотбищенского поселения // АО 1976. М.: Наука, 1977. С. 144–145.
- Денисов В.П. Работы Заосиновского отряда // АО 1981. М.: Наука, 1983. С. 144–145.
- Коногорова (Ширинкина) А.М. Жилища 3–8 поселения Камский Бор II // ОКАЭ. 1961. Вып. 2. С. 76–94.
- Королев А.И., Ставицкий В.В. Энеолит // Археология Мордовского края: Каменный век, эпоха бронзы. Саранск: НИИГН, 2008. С. 107–133, 307–370.
- Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.: Европейский Дом, 2000. С. 65–134. (Археологические изыскания; Вып. 63)
- Кузьминых С.В. К вопросу о волосовской и гаринско-борской металлургии // СА. 1977а. № 2. С. 20–34.
- Кузьминых С.В. Новые материалы о ранней металлообработке Нижнего Прикамья // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев: КГПИ, 1977б. С. 26–28.
- Кузьминых С.В. Первые анализы меди с энеолитических поселений бассейна р. Вятки // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск: УдмИЯЛИ, 1980. С. 147–150.
- Кузьминых С.В. Евразийская металлургическая провинция (лесные и лесостепные производящие центры). М., 1995. (Рукоп. Архив лаборатории естественно-научных методов)
- Кузьминых С.В., Агапов С.А. Медистые песчаники Приуралья и их использование в древности // Становление и развитие производящего хозяйства на Урале. Свердловск: УрО АН СССР, 1989. С. 178–197.
- Кузьминых С.В., Черных Е.Н. Анализы меди и бронзы с поселений Нижнего Прикамья эпохи раннего металла // Из археологии Волго-Камья. Казань: КФАН, 1976. С. 47–54.
- Наговицын Л.А. Поселение Усть-Лудяна II // Памятники эпохи энеолита и бронзы в бассейне р. Вятки. Ижевск: УдмИЯЛИ, 1980. С. 96–117.
- Никитин В.В. Медно-каменный век Марийского края (середина III — начало II тысячелетия до н.э.). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1991. 152 с.
- Равич И.Г., Рындина Н.В. Методика металлографического изучения древних кованных изделий из меди // Естественнонаучные методы в археологии. М.: Наука, 1989. С. 91–100.
- Рындина Н.В. Древнейшее металлообрабатывающее производство Юго-Восточной Европы. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 288 с.
- Сучков Д.И. Медь и ее сплавы. М.: Металлургия, 1967. 248 с.
- Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969. 395 с.
- Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. 1970. № 172. 180 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. О химическом составе металла с волосовских поселений Верхнего и Среднего Поволжья // Археология и этнография Марийского края. Йошкар-Ола, 1977. Вып. 2. С. 88–95.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии: (Сейминско-турбинский феномен). М.: Наука, 1989. 320 с.
- Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Орловская Л.Б. Металлоносные культуры лесной зоны вне системы Циркумпонтийской провинции: Проблемы радиоуглеродной хронологии IV–III тыс. до н.э. // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. М.: Таус, 2011. Вып. 2. С. 24–62.

* Москва, ИА РАН

kuzminykhsv@yandex.ru

** Тюмень, ИПОС СО РАН

anna126@inbox.ru

*** Пермский краевой краеведческий музей

The available analytical materials testify to operation of a metallurgical hearth on the territory of the Upper and Middle Kama basin — a comparatively minor, compared with industrial centres of the Circumpontic metallurgical province, but, at the same time, quite an advanced and big one, compared with hearths and metal working centres of the Eneolithic cultures from forest belt of North Eurasia. The industrial operation of the Garino metallurgical hearth was based on mining of the local coppery sandstones, with smelting and melting of oxidized copper and, in a small way, of virgin copper. A sufficient knowledge on properties and defects of oxidized copper, together with an ability to smelt it from the ore, working it under pre-melting temperatures, testify to a high skill of blacksmiths and foundry men of the Garino hearth.

Early Metal Age, the Garino archaeological culture, Kama basin, metal analysis, metal working, metallurgical hearth.

КОМПЛЕКС СИНТАШТИНСКОЙ КЕРАМИКИ УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ КАМЕННЫЙ АМБАР: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ¹

С.Е. Пантелеева

Представлены результаты исследования коллекции керамики синташтинского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар. Рассмотрены морфологические, орнаментальные характеристики сосудов и предложен вариант внутренней типологии. Анализ пространственного распределения находок показал, что каждая типологическая группа занимает определенную планиграфическую позицию в слое поселения и, по-видимому, представляет собой отдельную функциональную категорию.

Южный Урал, бронзовый век, синташтинская культура, керамика.

Введение

Синташтинская культура Южного Урала занимает важнейшее место в системе культурных образований евразийской степи конца III — начала II тыс. до н.э. Несмотря на то, что данный феномен привлекает пристальное внимание археологов уже в течение нескольких десятилетий, наиболее изученными являются погребальные памятники. Материалы поселений вводятся в научный оборот значительно медленнее. Такая ситуация обусловлена объективными причинами, а именно — долгосрочностью и трудоемкостью исследования как самих поселений, так и их многочисленных и фрагментированных коллекций. Вследствие этого работа с самым массовым источником — керамикой — пока находится в начальной стадии. Хотя сосуды из синташтинских могильников подробно изучены В.В. Ткачевым и А.И. Хаванским [2006] и представлены в виде сложных типологических рядов, полученные результаты не могут быть полностью экстраполированы на посуду поселений. Как известно, бытовая керамика зачастую разительно отличается от погребальной и является совершенно другим комплексом, включающим изделия иной формы, размера, орнаментации и т.д. В настоящее время с разной степенью подробности в научной печати представлены коллекции укрепленных поселений Аркаим [Малютина, Зданович, 2004], Синташта [Генинг и др., 1992, с. 89–100] и Устье I [Виноградов, 2011, с. 38–43]. Всеми исследователями отмечается чрезвычайное разнообразие синташтинской посуды (вариативность форм, морфологических деталей и орнаментальных композиций), затрудняющее классификационные процедуры.

Целью данной статьи является представление широкому кругу специалистов коллекции синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар, раскопки которого проводятся на Южном Урале в течение ряда последних лет в рамках совместного российско-германского проекта [Krause et al., 2010; Корякова и др., 2011]. Памятник содержит культурные отложения трех хронологических периодов: синташтинского, петровского и срубно-алакульского. В процессе работы была проанализирована посуда из участков, вскрытых в северо-восточной части поселения, где исследованы остатки четырех построек и фрагмент линии фортификации. С синташтинским периодом функционирования поселения связаны постройки 1, 2 и 7, постройка 3 относится к срубно-алакульскому времени (рис. 1).

Принципы исследования

Основные ограничения в возможностях анализа и интерпретации синташтинских материалов укрепленного поселения Каменный Амбар связаны с многослойностью памятника и как следствие — со значительным повреждением синташтинского горизонта следами активной жизнедеятельности последующих обитателей поселка. Так, постройки 2 и 7 подверглись существенным разрушениям: часть их заполнения уничтожена переотложенными слоями, которые, вероятно, сформировались в результате извлечения грунта при сооружении котлованов более

¹ Работа выполнена в рамках междисциплинарного проекта, поддержанного Президиумом УрО РАН «Природа и общество Южного Зауралья в эпоху бронзы: междисциплинарный анализ археологических памятников» и совместного российско-германского проекта (РФФИ 12-06-91330-ННИО_а).

Комплекс синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар...

поздних жилищ. Кроме того, постройка 2 нарушена объектом, возведенным в срубно-алакульское время (постройкой 3). Все эти факторы обусловили сильную степень фрагментированности керамики: изделия, которые возможно реконструировать хотя бы графически, единичны. Таким образом, для анализа были доступны только верхние части сосудов.

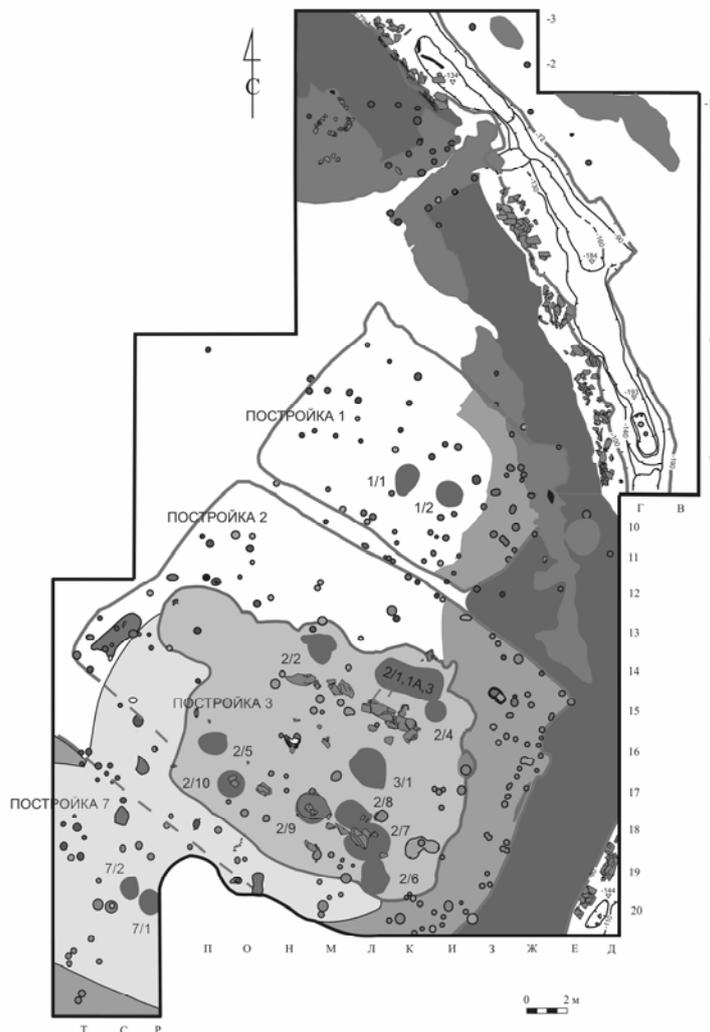

Рис. 1. Общий план исследованных объектов в северо-восточной части поселения

Первостепенной задачей при работе с коллекцией являлась систематизация материала. Поиск критериев типологического членения синташтинской посуды потребовал обращения к результатам предшественников. Керамические коллекции поселений Синташта и Устье I охарактеризованы очень кратко: их публикации содержат лишь общее описание, отсутствуют количественные показатели, позволяющие оценить соотношение разных типов сосудов и их морфологические особенности [Генинг и др., 1992, с. 89–100; Виноградов, 2011, с. 38–43]. Наиболее полно и подробно опубликована только керамика укрепленного поселения Аркаим [Малютина, Зданович, 2004]. По сведениям авторов, эта коллекция уникальна, поскольку преимущественно представлена целыми или почти целыми изделиями, реконструированными в процессе обработки. Соответственно и типология, предложенная исследователями, основана на анализе полных форм. Именно это обстоятельство не позволяет использовать ее для систематизации фрагментированной керамики укрепленного поселения Каменный Амбар. Таким образом, было принято решение формировать самостоятельный типологический ряд, а материалы других памятников привлекать по возможности для сравнительного анализа.

Очевидно, что фрагменты битой посуды, извлекаемые из культурного слоя любого поселения, первоначально являлись целыми изделиями, выполнявшими различные функции (приго-

товление пищи, хранение, транспортировка и т.д.). Многочисленные исследования демонстрируют, что многофункциональность керамических изделий находит отражение в их морфологической, технологической и орнаментальной вариативности, а также в специфике их локализации в археологическом контексте. Предполагается, что пространственное распределение керамики в слое памятника может соответствовать расположению зон использования разных категорий посуды [Sinopoli, 1991, p. 83–98]. Поэтому контекстуальный анализ выделенных типологических групп стал второй важной задачей исследования. В процессе выполнения этой работы было необходимо учитывать одно существенное обстоятельство: неоднократное заселение площадки городища, а впоследствии и различные природные процессы, сопровождавшие разрушение объектов, приводили к перемещению отдельных фрагментов в культурном слое. Эти факторы, несомненно, повлияли на качество и информативность источника, поэтому интерпретация полученных результатов требует определенной осторожности.

Основные результаты исследования

Выборка синташтинской посуды составила 72 экз. В основу систематизации керамики было положено традиционное разделение сосудов на две основные категории — горшки (37 экз.) и банки (35 экз.). Дальнейшее типологическое членение оказалось возможным только при использовании различных критериев классификации. Было установлено, что горшечные формы легко подразделяются на типы на основе различий в морфологических особенностях сосудов, но их орнаментальные композиции чрезвычайно разнообразны и практически не поддаются систематизации (во всяком случае, при данном объеме выборки). Группа же баночных сосудов, напротив, является в целом монолитной по своим морфологическим характеристикам, но подразделяется на отдельные категории благодаря устойчивым орнаментальным моделям. Таким образом, удалось выделить четыре типа горшечных сосудов и четыре типа баночных. Сильная фрагментированность коллекции не позволила однозначно отнести часть изделий к конкретным типам, и для максимального охвата имеющейся информации были также сформированы две условные промежуточные группы.

Тип Г-1. Плавнопрофилированные сосуды с прямой шейкой (3 экз., 4,2 %). Данная группа включает горшки различных размеров — диаметром от 16 до 33 см². У крупных сосудов венчики плоские и прямые, их толщина (1 см) слегка превышает толщину стенок (0,7–0,9 см). У маленького горшка плоский венчик отогнут наружу, его толщина равна толщине стенок (0,7 см). Шейки прямые, высотой 3–3,5 см (рис. 2, 1, 2). Сосуды обнаружены в виде скоплений в заполнении построек, а также в хозяйственной яме.

Тип Г-2. Горшки с короткой резко отогнутой шейкой и колоколовидным туловом (1 экз., 1,4 %). Эта группа представлена единственной емкостью крупного размера (диаметр 28 см). Венчик округлый, его толщина равна толщине стенок (0,8 см) (рис. 2, 3). Сосуд обнаружен в виде разрозненных фрагментов, сконцентрированных в северо-западном углу постройки 2.

Тип Г-3. Плавнопрофилированные горшки с короткой резко отогнутой шейкой (14 экз., 19,4 %). Данная группа включает сосуды различного объема, но преобладают емкости малого и среднего размера диаметром от 14 до 24 см. Встречаются как округлые (8 экз.), так и плоские (6 экз.) венчики. Шейка короткая, отогнутая наружу, резкий переход от шейки к плечу образует ребро с внутренней стороны. Профиль плеча плавный. Соотношение толщины стенок и венчика различно: в одних случаях преобладает толщина либо венчика, либо стенок; в других случаях эти показатели равны. Средние значения составляют 0,7 см (рис. 2, 4–9). Половина сосудов обнаружена в пределах сооружений, остальные — в межжилищном пространстве или в переотложенном положении. Какой-либо закономерности в положении керамики внутри построек не прослеживается.

Тип Г-4. Горшки с короткой резко отогнутой шейкой и ребристым профилем (8 экз., 11,1 %). В основном это емкости малого или среднего размера диаметром от 14 до 22 см. Венчики округлые (5 экз.) или плоские (3 экз.); шейка короткая, отогнутая наружу. Половина сосудов имеет ребро с внутренней стороны при переходе от шейки к плечу, у другой половины этот переход сглажен. Переход от плеча к тулову оформлен в виде ребра. Толщина стенок и венчиков, а также соотношение этих показателей аналогичны данным по предыдущей группе сосудов (рис. 2, 10–14). Все сосуды находились в пределах объектов, преимущественно концентрируясь

² В соответствии с диаметром (по венчику) все сосуды были разделены на три условные категории: малого (до 17 см), среднего (18–27 см) и крупного (28 см и более) размера.

Комплекс синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар...

вблизи колодцев в глубине помещения. Один из горшков был обнаружен в детском погребении, сооруженном под полом постройки 2 (см. подробнее: [Корякова и др., 2011, с. 67–68]).

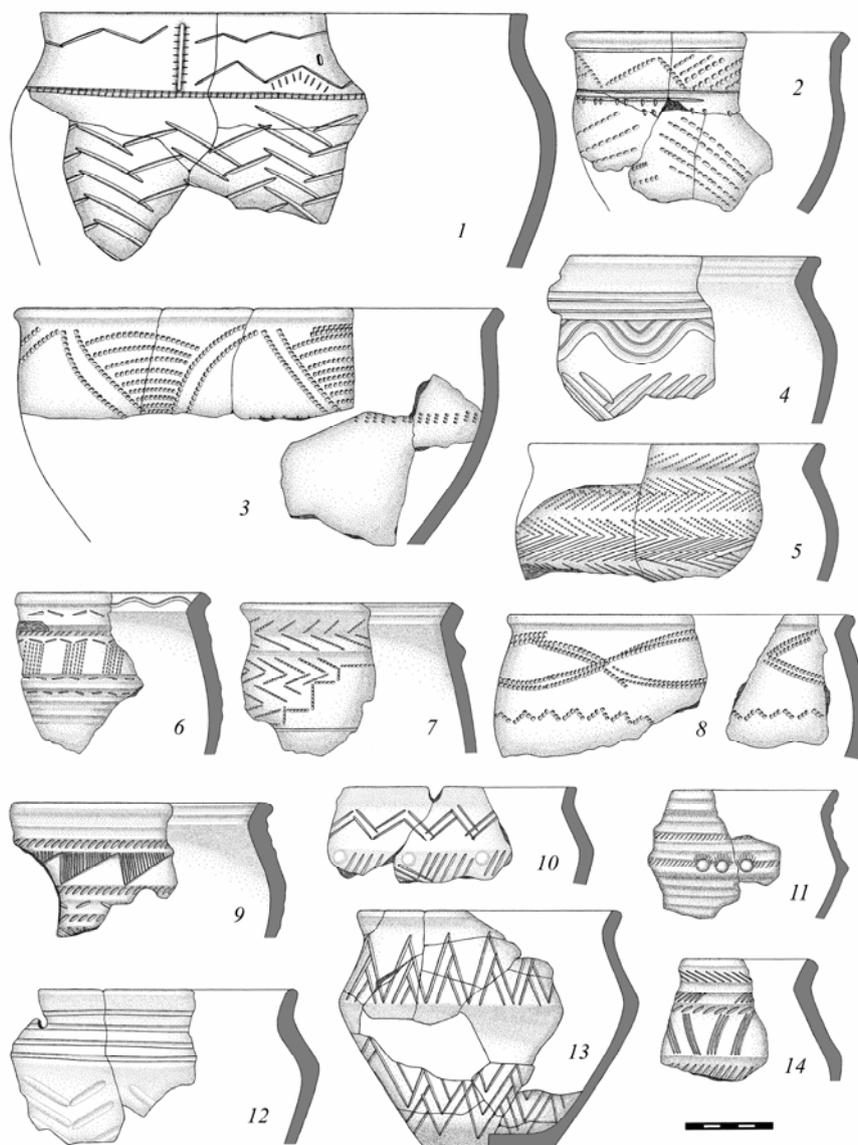

Рис. 2. Керамика синташтинского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар: 1, 2 — плавнопрофилированные сосуды с прямой шейкой (тип Г-1); 3 — сосуд с короткой резко отогнутой шейкой и колоколовидным туловом (тип Г-2); 4–9 — плавнопрофилированные горшки с короткой резко отогнутой шейкой (тип Г-3); 10–14 — горшки с короткой резко отогнутой шейкой и ребристым профилем (тип Г-4)

Первая промежуточная группа — тип Г-3/4. В эту группу вошли обломки горшков с короткой резко отогнутой шейкой, размер которых не позволял определить форму профиля плеча (11 экз., 15,3 %). Анализ пространственного распределения фрагментов показал, что почти две трети сосудов расположены за пределами построек — в межжилищном пространстве, в зоне оборонительных сооружений и в переотложенных слоях. Степень фрагментированности изделий очень значительная — основная их часть представлена всего одним обломком, в единичных случаях — двумя или тремя.

Тип Б-1. Банки, ornamentированные в верхней части двумя горизонтальными валиками (10 экз., 13,9 %). Данная группа в основном представлена крупными сосудами, диаметр

которых составляет 30–39 см. Во всех случаях венчик плоский, утолщенный (средняя толщина 1,2 см); средняя толщина стенок 0,8 см (рис. 3, 1–5). Основная концентрация фрагментов сосудов отмечена в дальней от входа части построек — вдоль стен, а также вблизи колодцев.

Тип Б-2. Банки, орнаментированные в верхней части одним горизонтальным валиком (4 экз., 5,6 %). Это посуда средних и крупных размеров, диаметром от 22 до 32 см. Во всех случаях венчик плоский, его толщина слегка превышает толщину стенок (средняя толщина венчика 1 см, стенок — 0,8 см) (рис. 3, 6–8). В основном сосуды обнаружены в глубине помещений — вдоль стен, а также вблизи одного из колодцев.

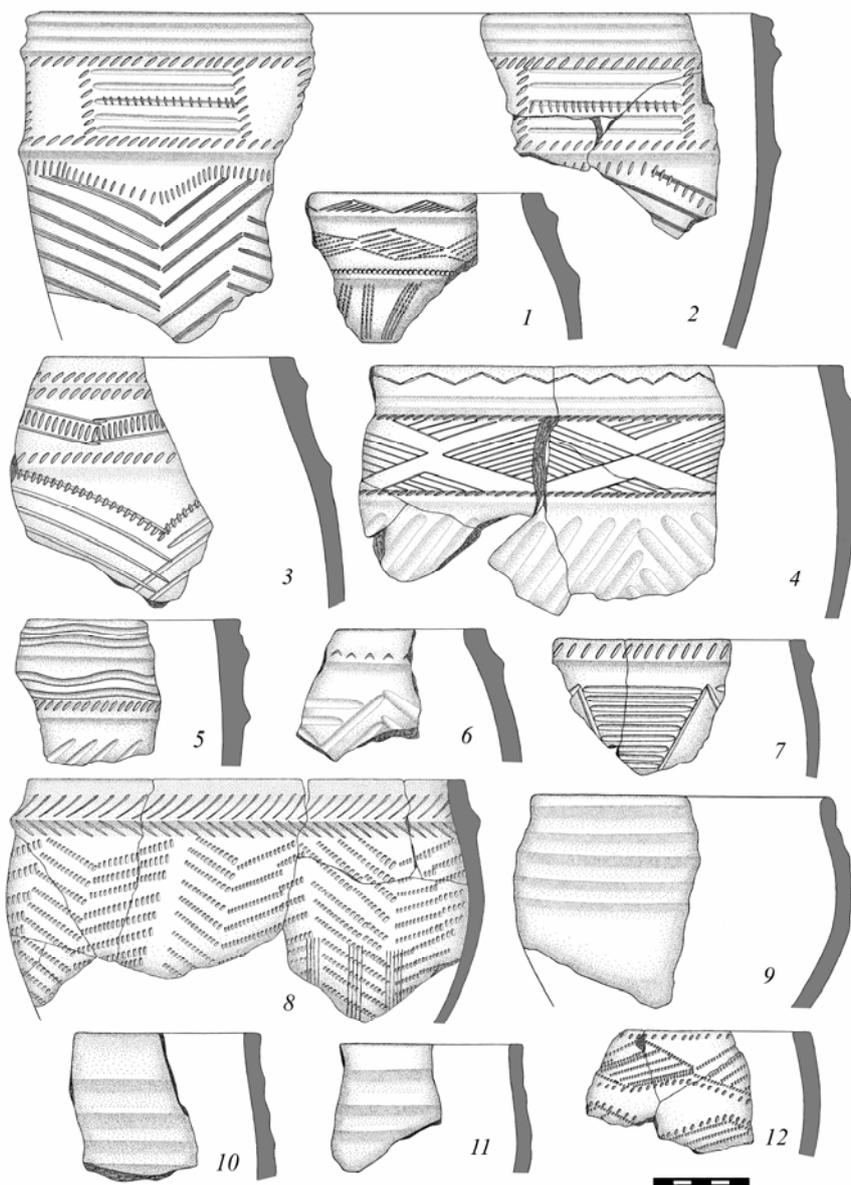

Рис. 3. Керамика синташтинского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар: 1–5 — банки, орнаментированные в верхней части двумя горизонтальными валиками (тип Б-1); 6–8 — банки, орнаментированные в верхней части одним горизонтальным валиком (тип Б-2); 9–11 — банки, орнаментированные в верхней части чередующимися валиками и желобками (тип Б-3); 12 — банка без рельефного орнамента (тип Б-4)

Вторая промежуточная группа — тип Б-1/2. В эту группу вошли фрагменты сосудов, размеры которых не позволили с уверенностью отнести их к одному из двух предыдущих типов

(6 экз., 8,3 %). Большинство обломков было найдено за пределами объектов в межжилищном пространстве. Все сосуды представлены одним, максимум двумя фрагментами, обнаруженными на значительном расстоянии друг от друга.

Тип Б-3. Банки, орнаментированные в верхней части чередующимися валиками и желобками (14 экз., 19,4 %). Данная группа включает емкости различных размеров (диаметром от 16 до 36 см) и по своим морфологическим характеристикам является наиболее разнородной из всех категорий баночной посуды. Среди рассмотренных изделий зафиксированы и закрытые формы, и сосуды с почти вертикальными стенками. Отдельные банки имеют слегка оттянутый венчик и приближаются по форме уже к категории горшков. У большинства изделий венчик плоский, округлый встречен только у трех экземпляров. Соотношение толщины стенок и венчика различно: в некоторых случаях преобладает толщина либо венчика, либо стенок, в других случаях эти показатели равны. Среднее значение толщины венчика — 1 см, стенок — 0,9 см (рис. 3, 9–11). Две трети сосудов найдено за пределами объектов: в межжилищном пространстве и в переотложенных слоях. В заполнении построек они были обнаружены преимущественно в предвходовой части.

Тип Б-4. Банки без рельефного орнамента (1 экз., 1,4 %). Единственный сосуд данного типа обладает следующими морфологическими характеристиками: диаметр 25 см, венчик плоский, толщина венчика 1 см, стенок — 0,8 см (рис. 3, 12). Один фрагмент обнаружен в заполнении рва, два — в постройке 1 вблизи колодца.

Итак, в результате анализа керамики синташтинского типа с укрепленного поселения Каменный Амбар был сделан ряд важных наблюдений. Количество баночных и горшечных форм в коллекции практически одинаково. Такое соотношение резко отличает бытовую посуду от набора погребальной керамики из расположенного рядом могильника Каменный Амбар-5, где доля баночных сосудов составляет только 2 % [Епимахов, 2005, с. 160].

Типологические группы, выделенные в процессе изучения коллекции, количественно неравнозначны. Наиболее многочисленны банки, орнаментированные в верхней части чередующимися валиками и желобками (тип Б-3) и плавнопрофилированные горшки с короткой резко отогнутой шейкой (тип Г-3). Второе место по количеству занимают банки, орнаментированные в верхней части двумя горизонтальными валиками (тип Б-1), и горшки с короткой резко отогнутой шейкой и ребристым профилем (тип Г-4). Изделия других групп немногочисленны или представлены в единичных экземплярах. Таким образом, определяется круг наиболее используемых в быту и, следовательно, наиболее часто воспроизводимых изделий, составляющих основу синташтинского керамического комплекса. Каждая из этих групп обладает отличительным набором морфологических и орнаментальных характеристик. В процессе систематизации материала было выявлено еще одно существенное отличие от материалов могильника Каменный Амбар-5: если в коллекции могильника абсолютное большинство составляют горшки с ребристым профилем [Епимахов, 2005], то в коллекции поселения среди горшечных форм преобладают плавнопрофилированные сосуды.

В результате исследования было установлено, что для украшения синташтинской посуды использовалось 37 элементов декора, которые наносились с помощью шести различных технических приемов, употребляемых как по отдельности, так и в комбинации (табл.).

Чаще всего при орнаментации сосудов использовались рельефные украшения, определяющие специфику синташтинского керамического комплекса. Самыми популярными элементами являлись один или два горизонтальных валика и чередующиеся валики и желобки. «Шпешечки» — исключительно редкий элемент, встреченный только на некоторых изделиях типа Г-4.

Среди других приемов нанесения узора наиболее употребляемыми были резная техника и гребенчатый штамп, причем последний доминировал в декоре горшечных форм. Реже встречались орнаменты, выполненные гладким штампом. Немногочисленны вдавления, а также процерченные прямые и волнистые линии. На сосуды наносились разнообразны элементы: горизонтальные зигзаги, заштрихованные треугольники вершиной вверх или вниз, горизонтальные «елочки», пояски и группы наклонных отрезков, заштрихованные ромбы и т.д. Иногда встречаются «лесенки» и различные криволинейные элементы, придающие характерное своеобразие синташтинской орнаментике. В целом для украшения горшечных форм использовался гораздо более широкий ассортимент элементов по сравнению с банками.

Оценивать построение орнаментальных композиций крайне затруднительно вследствие сильной фрагментированности коллекции. Тем не менее можно выделить ряд основных деко-

С.Е. Пантелеева

ративных моделей. Одна из самых узнаваемых синташтинских композиций — горизонтальный пояс узора в верхней части сосуда и вертикальная «елочка» по тулову. Такой орнамент является характерной чертой изделий типов Б-1 и Г-1, в единичных случаях он встречен на сосудах типов Б-2, Г-3 и Г-4.

Орнаментация керамики синташтинского типа укрепленного поселения Каменный Амбар

Элементы орнамента	Техника нанесения	Количество наблюдений			
		Всего	Горшки	Банки	
Один горизонтальный валик	Рельеф	15	5	10	
Два горизонтальных валика	Рельеф	10		10	
Вертикальный валик	Рельеф	1	1		
Диагональный валик	Рельеф	1		1	
Желобок	Рельеф	1	1		
Два желобка	Рельеф	9	4 (шейка изнутри)	5	
Три желобка	Рельеф	4	4 (шейка изнутри)		
Чередующиеся валики и желобки	Рельеф	26	12	14	
«Шишечки»	Рельеф	2	2		
Горизонтальная линия	Прочерченная	2	2		
Две горизонтальные линии	Прочерченная	1	1		
Три горизонтальные линии	Прочерченная	2	2		
Четыре горизонтальные линии	Прочерченная	1	1		
Пять горизонтальных линий	Прочерченная	1	1		
Волнистая линия	Прочерченная	1	1		
Две волнистые линии	Прочерченная	1		1	
Три волнистые линии	Прочерченная	1		1	
Взаимопроникающие волнистые линии	Гребенчатый штамп	1	1		
Округлые фестоны	Прочерченная	2	1	1	
	Гладкий штамп		1	1	
Горизонтальный зигзаг	Резная	13	5	3	2
	Гладкий штамп		2	1	1
	Гребенчатый штамп		6	5 + 1 (шейка изнутри)	
	Резная		4	3	1
Двойной горизонтальный зигзаг	Резная	6	4	3	1
	Гребенчатый штамп		2	2	
Тройной горизонтальный зигзаг	Резная	2	1	1	
	Гребенчатый штамп		1	1	
Горизонтальная «елочка»	Резная	13	6	4	2
	Гребенчатый штамп		7	5	2
	Резная		5	2	3
Вертикальная «елочка»	Гладкий штамп	11	4	2	2
	Гребенчатый штамп		2	1	1
	Резная		3	2	1
Заштрихованные треугольники вершиной вниз	Резная	8	3	2	1
	Гладкий штамп		2		2
	Гребенчатый штамп		3	3	
Заштрихованные треугольники вершиной вверх	Резная	4	2		2
	Гребенчатый штамп		2	1 + 1 (шейка изнутри)	
Заштрихованные ромбы	Резная	4	2		2
	Гребенчатый штамп		2		2
«Лесенка»	Гребенчатый штамп	1	1		
Двойная «лесенка»	Гребенчатый штамп	1	1		
Группы оттисков, расположенные в шахматном порядке	Гладкий штамп	3	3		
Горизонтальный поясик наклонных отрезков	Резная	19	16	7	9
	Гладкий штамп		2	1	1
	Гребенчатый штамп		1	1	
Отдельные группы из нескольких наклонных отрезков	Резная	4	1	1	
	Гребенчатый штамп		3	2	1
Столбцы горизонтальных отрезков	Гладкий штамп	2	1		1
	Гребенчатый штамп		1		1
Горизонтальный поясик наколов	Наколы	5		5	
Горизонтальный поясик парных наколов	Наколы	1	1		
Обрамление различных элементов наколами	Наколы	2		2	
Обрамление различных элементов насечками	Резная	6	2	4	

Комплекс синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар...

Тем не менее в качестве самой представительной орнаментальной модели выступают чередующиеся валики и желобки, которыми украшено более трети всех сосудов. Как уже отмечалось выше, этот декор является характерной чертой сосудов группы Б-3. Также он достаточно распространен на изделиях типов Г-3 и Г-4. Только, в отличие от банок, у горшечных форм орнамент выполнен аккуратнее, валики и желобки значительно тоньше и дополнены множеством других элементов. По-видимому, нижняя часть тулова могла оставаться без декора.

Третьей устойчивой композицией являются крупные заштрихованные треугольники вершиной вниз, расположенные в верхней части сосуда. Насколько можно судить, остальная поверхность изделия не орнаментирована. Такой узор был встречен на сосудах типов Б-2, Г-2 и Г-3. Наконец, выделяется группа посуды, сплошь орнаментированной в верхней части горизонтальной «елочкой». Большинство фрагментов относится к типу Г-3.

Попытка обнаружить какие-либо различия между декором посуды из разных жилищ практически не дала результатов. Более того, орнамент некоторых сосудов (в том числе разных типологических групп и из разных построек) выглядит очень схожим, как будто выполненным «одной рукой». Единственным отличием является характерное украшение внутренней стороны шейки у большинства сосудов типов Г-3 и Г-3/4, происходящих из постройки 2. Две трети шеек орнаментированы изнутри двумя или тремя желобками, изредка — другими элементами.

В целом из заполнения построек происходит чуть более половины всех сосудов (39 экз.), остальные обнаружены в межжилищном пространстве, в области оборонительных сооружений и в переотложенном положении. Как показало исследование пространственного распределения фрагментов, локализация в слое различных типов посуды неодинакова. Только в постройках или преимущественно в постройках находилась керамика следующих типов: Б-1 и Б-2 (в глубине помещения вдоль стен и вблизи колодцев), Б-4 и Г-4 (вблизи колодцев), Г-1 (в предвходовой части и вблизи колодца), Г-2 (в предвходовой части). Данные наблюдения позволяют сделать два основных вывода. Во-первых, по периметру помещения располагались наиболее крупные и тяжелые сосуды. Во-вторых, значительная часть изделий концентрировалась в непосредственной близости от колодцев, которые, очевидно, играли важнейшую роль в домохозяйстве.

Однако не все типологические группы были связаны исключительно с постройками. Так, например, половина сосудов типа Г-3 обнаружены вне объектов, внутри сооружений эти изделия не занимали определенной позиции и находились в различных частях помещения. Возможно, использование этой посуды было связано с ее перемещением в пространстве, в том числе за пределы построек. Не исключено, что именно поэтому горшки из постройки 2 имеют характерное украшение шейки с внутренней стороны, являющееся отличительным признаком посуды именно этого жилища.

Обломки керамики, размер которых не позволял отнести их однозначно к определенному типу, помещенные в промежуточные группы Г-3/4 и Б-1/2, были преимущественно обнаружены вне сооружений. Очевидно, они являются фрагментами сосудов типов Г-3, Г-4, Б-1 и Б-2. Их размер и положение в пространстве свидетельствуют о том, что эти изделия к заключительному моменту функционирования синташтинских построек уже давно вышли из употребления (были разбиты) и их мелкие обломки в качестве мусора рассеялись по площадке поселения.

Фрагменты сосудов типа Б-3 преимущественно фиксировались за пределами построек и в их предвходовой части. Как уже отмечалось выше, эта группа наименее однородна морфологически и представлена наиболее бедно и грубо декорированными изделиями. Можно предположить, что данные сосуды не предназначались для приготовления и/или употребления пищи, а могли быть связаны с какой-либо хозяйственной деятельностью за пределами помещений.

Сравнительный анализ

Интересные результаты были получены при сравнении синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар с посудой других памятников. Например, если в анализируемой коллекции преобладают плавнопрофилированные горшки с короткой резко отогнутой шейкой и банки, орнаментированные в верхней части чередующимися валиками и желобками, то в коллекции поселения Устье I ведущим типом являются сосуды с ребристым профилем [Виноградов, 2011, с. 38]. По мнению автора, группа плавнопрофилированных изделий может рассматриваться как технологический сбой [Там же, с. 44]. Сосуды с ребром по плечу преобладают и в коллекции керамики поселения Аркаим [Малютина, Зданович, 2004, с. 69–72]. Зато, по наблюдениям авторов раскопок поселения Синташта, «большая категория сосудов имеет ок-

руглые очертания тулова, острореберность или сильно сглажена, или отсутствует совсем» [Генинг и др., 1992, с. 89].

Хотя банки с желобками по плечу выделяются в качестве довольно большой серии на поселении Аркаим, но, судя по иллюстрациям и описанию, это посуда совершенно иного типа. Верхний край этих изделий орнаментирован только двумя широкими желобками, а по основным параметрам формы они близки к баночным сосудам с валиками [Малютина, Зданович, 2004, с. 77–78]. Впрочем, сосуды, совершенно идентичные типу Б-3 из коллекции поселения Каменный Амбар, есть среди материалов поселений Синташта [Генинг и др., 1992, рис. 26, 10] и Устье I [Виноградов, 2011, рис. 5, 1]. К сожалению, в публикациях не отражены ни их процентное содержание в коллекциях, ни морфологическая характеристика.

Крупные баночные сосуды типа корчаг с массивным верхним краем являются одной из самых многочисленных категорий в коллекциях всех синташтинских памятников [Виноградов, 2011, с. 38; Генинг и др., 1992, с. 89; Малютина, Зданович, 2004, с. 76]. По данным авторов раскопок поселения Аркаим, среди этих изделий, орнаментированных в верхней части, как правило, одним или двумя валиками, иногда встречаются сосуды, украшенные тремя такими элементами.

В итоге можно отметить, что, с одной стороны, обнаружено определенное сходство в типологическом составе наборов синташтинской керамики с разных поселений. С другой стороны, отчетливо фиксируются и различия. Они проявляются и в количественном соотношении основных категорий посуды, и в наличии специфических типов, и в своеобразии деталей орнаментальных композиций. Несомненно, дальнейшие исследования в этом направлении представляют огромный интерес, поскольку позволят выявить региональные особенности в облике керамической посуды, определить хронологические отличия, а возможно, и реконструировать контакты отдельных групп синташтинского населения.

Заключение

Таким образом, в результате изучения коллекции синташтинской керамики с укрепленного поселения Каменный Амбар удалось не только дать общую характеристику морфологических и орнаментальных особенностей посуды, но и на основе внутренних различий выделить ряд типологических групп. Сосуды каждой из этих групп занимают определенную пространственную позицию в слое поселения и, по-видимому, представляют собой различные функциональные категории. Несомненно, представленное исследование является только началом долгого пути, поскольку выборка керамики пока невелика и выдвинутые предположения нуждаются в проверке и уточнении. Данная работа на поселении Каменный Амбар будет продолжаться. В связи с этим перспективным видится участок внутренней застройки в северной части памятника, исследуемый раскопками в течение последних лет.

В целом главными задачами на современном этапе исследований являются накопление источниковой базы по поселенческой керамике синташтинской культуры и ввод в научный оборот новых материалов, что создаст основу для дальнейших интерпретаций и сопоставлений. Как хорошо известно, керамика — не только самая массовая категория находок на поселениях, но и важнейший источник для изучения широкого спектра проблем — хронологии, генезиса, взаимодействия и трансформации различных культурных образований в древности. В этой связи также чрезвычайно актуальными представляются исследования в области технологии изготовления синташтинской посуды. Сопоставление результатов типологического и технологического анализов позволит почерпнуть максимум информации из имеющихся в нашем распоряжении материалов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Виноградов Н.Б.* Степи Южного Урала и Казахстана в первые века II тыс. до н.э.: (Памятники синташтинского и петровского типа). Челябинск: Абрис, 2011. 175 с.
- Генинг В.Ф., Зданович Г.Б., Генинг В.В.* Синташта. Археологические памятники арийских племен Урало-Казахстанских степей. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1992. Ч. 1. 407 с.
- Епимахов А.В.* Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Кн. 1. Челябинск: Челяб. дом печати, 2005. 192 с.
- Корякова Л.Н., Краузе Р., Епимахов А.В. и др.* Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 4 (48). С. 61–74.
- Малютина Т.С., Зданович Г.Б.* Керамика Аркаима: Опыт типологии // РА. 2004. № 4. С. 67–82.

Комплекс синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар...

Ткачев В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры. Орск; Самара: Изд-во ОГТИ, 2006. 180 с.

Krause R., Korjakova L.N., Fornasier J. et al. Befestigte Siedlungen der bronzezeitlichen Sintashta-Kultur im Transural, Westsibirien (Russische Föderation) // Eurasia Antiqua. 2010. Bd. 16. S. 97–129.

Sinopoli C.M. Approaches to archaeological ceramics. N. Y.: Plenum Press, 1991. 237 p.

Екатеринбург, Институт истории и археологии УрО РАН
SPanteleyeva@mail.ru

The article presents investigation results on the Sintashta pottery collection from the fortified settlement of Kamenny Ambar. The author considers morphological and ornamental features of the vessels, suggesting their inner typology. The analysis of spatial distribution of the findings showed that each typological group occupied a certain planigraphic position in the settlement layer, to all appearances, representing an individual functional category.

South Urals, Bronze Age, the Sintashta culture, pottery.

ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ФЕДОРОВСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НИЖНЕГО ПРИТОБОЛЬЯ (по результатам комплексного анализа орудий труда)

Ю.В. Костомарова

Рассматриваются основные элементы экономики населения федоровской культуры лесного и лесостепного Притоболья. Для реконструкции использованы результаты трасологического изучения орудий труда, позволившие конкретизировать и расширить представления об основных отраслях хозяйства федоровских групп.

Федоровская культура, орудия труда, трасологический анализ, хозяйство, производственная деятельность.

Многолетние исследования памятников федоровской культуры на территории Нижнего Притоболья позволили ученым выработать единую точку зрения на хозяйство ее носителей [Корочкова, Стефанова, 1983, с. 150; Зах, 1995, с. 66–68; Зах и др., 2008, с. 138–140; Матвеев, 2000а, с. 29–30; Стефанов, Корочкова, 2000, с. 44–46, 65–67; Косинцев, 2003]. На основании анализа остеологических коллекций установлено, что основу производящей экономики федоровских групп составляло скотоводство, базировавшееся на разведении крупного рогатого скота. Вспомогательную роль играли присваивающие отрасли — охота и рыболовство. Кроме того, методами палинологии получены факты, косвенно свидетельствующие о знакомстве федоровцев с земледелием [Зах и др., 2013, с. 19–21]. Типологическое изучение орудий труда и результаты металлографических исследований дали возможность выделить и охарактеризовать ряд производств: металлообрабатывающее, кожевенное, керамическое, деревообрабатывающее и др. [Зах, 1995, с. 66–68; Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 30–45]. Таким образом, на основании всего комплекса данных был сделан вывод о генеральной тенденции развития экономики федоровского населения Притоболья, идентичной в рамках культуры в целом. Однако потенциал имеющихся в нашем распоряжении источников для изучения федоровского хозяйства далеко не исчерпан — практически не использованы возможности трасологического анализа орудий труда, который позволяет функционально атрибутировать ряд артефактов и связать их с конкретными производствами. Кроме того, необходимо обратить особое внимание на тот факт, что географические условия проживания федоровских групп даже в границах рассматриваемой территории не были одинаковыми, что непременно должно было найти отражение в экономике. Таким образом, триединой целью исследования является обобщение различного рода сведений по хозяйственной деятельности федоровского населения Нижнего Притоболья; введение в научный оборот новых данных, полученных при трасологическом и технологическом изучении инвентаря и выявление особенностей и общих черт экономики федоровского населения в конкретном микрорегионе.

К настоящему времени на обозначенной территории раскопками исследовано семь поселений с федоровским культурным слоем: Дуванское XVII, Черемуховый Куст, Щетково 2, Курья 1, Криволюкское 7, Ново-Шадрино VIII¹. Материалы некоторых из перечисленных объектов неоднократно опубликованы [Корочкова, Стефанова, 1983, 2000; Зах, 1995; Зах и др., 2008, с. 138–140; Матвеев, 2000б; Матвеев и др., 2002б; Волков и др., 2007; Зах и др., 2013]. Степень изученности памятников и сохранность их культурного слоя разные. Некоторые из памятников считаются эталонными. Так, на поселении Дуванское XVII, расположенном на правом берегу р. Дуван и исследованном О.Н. Корочковой и М.Б. Абрамовой в 1978–1979 гг., с федоровским временем связаны остатки одного сооружения [Корочкова, Стефанова, 1983, с. 150]. Коллекция орудий труда, их обломков и отходов различных производств насчитывает порядка 80 экз. На

¹ Выражаю искреннюю благодарность А.В. Матвееву, В.А. Заху, О.Н. Корочковой и Е.Н. Волкову за предоставленную возможность трасологического анализа материалов и использования его результатов в статье.

Хозяйственно-производственная деятельность федоровского населения Нижнего Притоболья...

поселении Черемуховый Куст В.А. Захом изучено шесть федоровских жилищ и четыре зольника, а трасологически исследованный комплекс артефактов представлен 110 предметами [Зах, 1995]. На селище Щетково 2 А.В. Матвеевым вскрыто одно федоровское сооружение и синхронный ему зольник [Матвеев, 2000б]. Трасологически изучено 47 вещей. Культурный слой поселения Курья 1, исследованный Е.Н Волковым, разрушен и насыщен артефактами нескольких эпох от неолита до средневековья. Учитывая многослойный характер селища, отметим, что часть инвентаря трудно культурно и хронологически атрибутировать. Особенно это касается некоторых предметов из камня. К комплексу эпохи бронзы федоровского времени типологически на основании аналогий и с учетом использованного сырья отнесено 74 предмета [Волков и др., 2007; Зах и др., 2013]. Поселения Ново-Шадрино VIII и Криволукское 7 исследованы небольшими площадями, они также многослойны, но в материалах раскопок орудия труда единичны [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 44–46].

Поскольку приоритетную роль в хозяйстве местного федоровского населения играло скотоводство, остановимся на анализе результатов палеозоологических определений. Для селищ Дуванское XVII и Черемуховый Куст эти данные подробно опубликованы и проанализированы [Корочкова, Стефанова, 1983, с. 150; Зах, 1995, с. 66–67]. В целом для памятников характерно примерно одинаковое процентное соотношение обнаруженных в их культурном слое костей домашних и диких животных. В составе стада преобладал крупный рогатый скот. Однако есть и ряд отличий, которые необходимо отметить. Так, на поселении Дуванское XVII костей крупного рогатого скота больше, чем на селище Черемуховый Куст. Другое наблюдение заключается в том, что в коллекции остеологических остатков с поселения Дуванское XVII было в два раза меньше костей лошадей и мелкого рогатого скота. По материалам селищ Дуванское XVII зафиксирована следующая закономерность: останки крупного рогатого скота преобладали над останками лошадей, тогда как на селище Черемуховый Куст соотношение обратное. Объектами охоты были пушные звери и копытные, количество их останков незначительно, но, тем не менее, тоже варьируется. Таким образом, несмотря на общую скотоводческую направленность экономики, отчетливо фиксируются локальные различия в соотношении разных видов животных в составе стада. Сходная ситуация неоднократно отмечалась по материалам эпохи бронзы других территорий [Косинцев, 2003, с. 159; Кирюшин, Грушин, 2010, с. 87, 93].

Присваивающие отрасли традиционно представлены рыболовством и охотой. С первой связаны глиняные грузила, обнаруженные в разных количествах на всех рассматриваемых поселениях. На расположенных в системе Андреевских озер селищах Дуванское XVII и Курья 1 они составляли более 40–50 % от всех функционально диагностированных орудий. С Курья 1 происходит 24 изделия (рис. 1, 1–4). Предметов с двумя перпендикулярными желобками 15, с одним продольным — 8. Одно грузило имеет цилиндрическую форму и отверстие в центре. Коллекция аналогичных глиняных изделий с селища Дуванское XVII представлена шестью экземплярами грузил с двумя желобками и восьмью с одним продольным углублением, кроме того, встречен предмет с поперечным желобком. На пос. Черемуховый Куст обнаружено по два грузила каждого вида, одно имело дисковидную форму и отверстие в центре. С пос. Щетково 2 происходит один обломок и одно целое желобчатое грузило. Среди инвентаря рассматриваемой категории встречаются миниатюрные экземпляры размерами 3,2×2,6×1,2 см и более массивные — 5,8×4×3 см. Форма изделий подпрямоугольная или овальная. Желобки почти на всех предметах выражены плохо, они широкие и неглубокие, на некоторых еле заметные. Только на одной находке желобок глубокий, четкий. Сырьем для лепки изделий являлась глина, в большинстве случаев без искусственных добавок. На территории лесостепного и лесного Зауралья широкое распространение такого типа грузил связано с появлением населения федоровской культуры. Аналоги этим предметам встречаются, во-первых, на других федоровских памятниках; во-вторых, в материалах культур хронологически более поздних — пахомовской, черкаскульской, бархатовской, сузгунской [Косарев, 1979, с. 23; 1981, с. 136, рис. 50, 13, 16–19]. Федоровские грузила часто более миниатюрные, имеют слабовыраженные желобки и подпрямоугольные очертания, тогда как постфедоровские характеризуются овальной формой, четкими глубокими, но более узкими желобками. Таким образом, федоровская традиция рыболовства оказалась очень прочной и в неизменном виде унаследовалась населением финального этапа бронзового века.

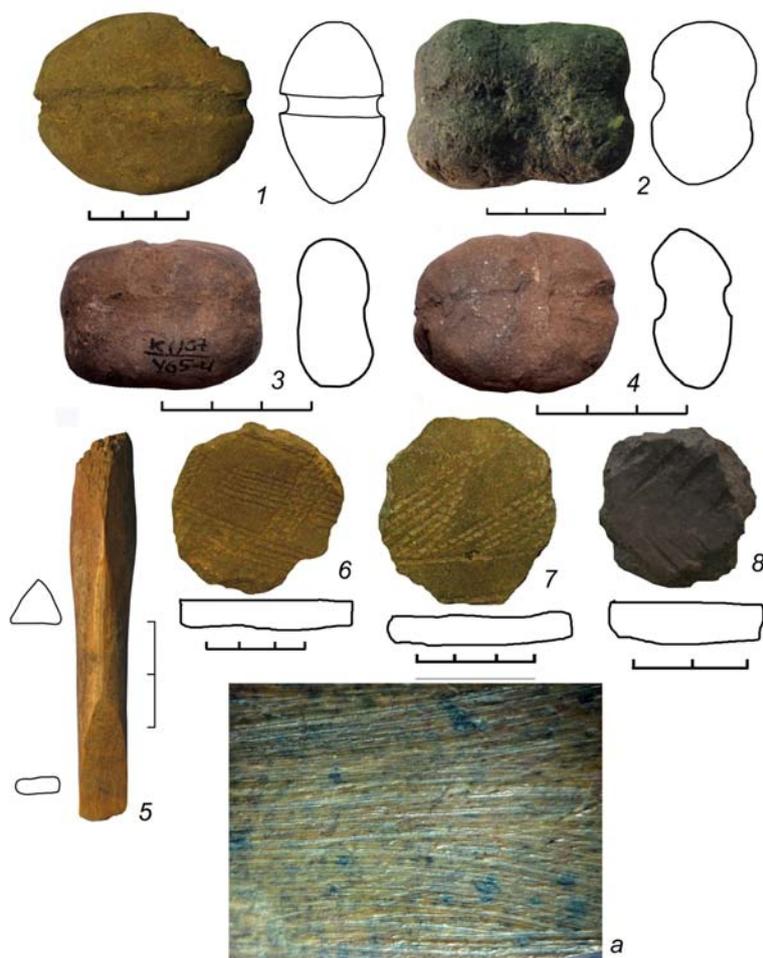

Рис. 1. Орудия рыболовства и охоты:

1–4 — глиняные грузила (1, 2 — Дуванское XVII; 3, 4 — Курья 1); 5 — наконечник стрелы из кости (Черемуховый Куст); а — следы строгания ножом (увел. в 10 раз); 6–8 — заготовки для пряслиц (6, 7 — Дуванское XVII; 8 — Щетково 2)

С охотой связан обломок костяной концевой накладки на лук вытянутой формы длиной около 7 см со скошенным острием и выступами с пос. Курья 1 [Зах и др., 2013, с. 19, рис. 5, 5]. Кроме того, эту отрасль характеризуют наконечники стрел, изготовленные из аналогичного материала. Самая многочисленная коллекция наконечников стрел, состоящая из 14 предметов (13 изделий из кости, 1 из бронзы) обнаружена на пос. Черемуховый Куст, что соотносится с разнообразием костных останков диких животных по данным палеозоологии [Зах, 1995, с. 55, рис. 36, 2–14]. На пос. Щетково 2 найдено два подобных изделия и одна заготовка для него. Один наконечник ромбовидный в поперечном сечении, форму определить трудно из-за фрагментированности, но, скорее всего, иволистная. Другой — миниатюрный, с треугольным широким пером, длинным черешком, овальным поперечным сечением. Аналогичные костяные предметы с селища Дуванское XVII представлены тремя экземплярами с подтреугольным, овальным и ромбическим поперечным сечениями [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 65]. Технологический анализ рассматриваемой категории инвентаря позволил выделить основные приемы их изготовления. Для производства наконечников стрел использовались расколотые пополам трубчатые кости животных. Особенно четко это фиксируется на экземплярах, имеющих треугольное поперечное сечение. Судя по характеру поверхности и рельефу срезов на заготовках, удаление лишнего материала происходило с помощью металлического лезвия (рис. 1, 5, а). Затем изделие подвергалось тщательной абразивной обработке. Об этом свидетельствуют многочисленные разнонаправленные линейные следы, которые отмечают по всей поверхно-

сти предмета. По внешнему виду они напоминают царапины. Завершающей стадией работ являлось лощение предмета, проводимое с целью окончательного выравнивания поверхности, которая после абразивной обработки была шероховатой. Об этом процессе говорит яркая заполировка, отмеченная на большей части наконечников. Аналоги наконечникам также широко представлены в материалах бронзового века Зауралья.

В структуре хозяйства федоровского населения, судя по количеству орудий труда, важное место занимала металлообработка. С этой отраслью связаны литейные формы, гладилки-выпрямители, молотки различного действия, подставки-наковаленки, абразивы, оселки (рис. 2). Глиняные литейные формы — лепные и из обломков посуды были обнаружены на поселениях Черемуховый Куст, Дуванское XVII, Курья 1 [Зах, 1995, с. 58, рис. 39, 4, 14; Зах и др., 2013, с. 19, рис. 5, 3]. Обломок каменной формы для отливки бронзовых прутиков найден на пос. Криволукское 7. В комплексах селищ Черемуховый Куст и Курья 1 присутствуют изделия, на рабочей площадке которых фиксируются многочисленные мелкие выбоинки, группирующиеся в несколько скоплений (рис. 2, 4, в). Скорее всего, предмет использовался в качестве площадки, на которой осуществляласьковка изделий из бронзы. Пять предметов можно атрибутировать как гладилки для раскатки листового металла. Для их изготовления брались окатанные гальки средних размеров с округлым, реже — овальным поперечным сечением, на торцах таких предметов фиксируется металлический блеск, не проникающий в микрорельеф, гладкая поверхность, грани между торцом и боковыми сторонами четкие (рис. 2, 1, 2, а, б). Одно изделие с поселения Дуванское XVII было осмотрено Г.Ф. Коробковой, которая сделала заключение, что оно использовалось в качестве молотка среднего действия дляковки горячего металла, употреблявшегося в рукояти [Стефанов, Корочкова, 2000, с. 65]. Похожее орудие выявлено и в материалах селища Черемуховый Куст. Абразивы для подправки и заточки металлических предметов характеризуются наличием грани на рабочей поверхности, иногда по всему периметру, или ее скошенностью, глубокими бороздками на ней. Для первичной обработки отливок применялись крупнозернистые породы камня, для заточки и подправки — породы мелкозернистые и в некоторых случаях с содержанием слюды и талька (рис. 2, 5). От заострения металлических изделий на абразиве появляется характерный металлический блеск, если в качестве орудий использован брусок, то на рабочей части могут образовываться грани или она становится скошенной. Оселок обнаружен на пос. Щетково 2, имеет просверленное отверстие для подвешивания, сложный в изготовлении, требовавший длительной абразивной обработки и шлифовки (рис. 2, 3). Следует отметить, что количество орудий труда, связанных с металлообработкой, варьируется от 13 % на поселении Курья 1 до 18–24 % на селищах Дуванское XVII и Черемуховый Куст. Выделенные типы орудий соотносятся с технологией металлообрабатывающего производства, реконструированной по результатам металлографического изучения [Дегтярева, Костомарова, 2011].

Со скотоводческой направленностью комплексного хозяйства связано кожевенное производство. Его иллюстрируют скребки, обнаруженные в одном-двух экземплярах на всех рассматриваемых памятниках. Четыре из них изготовлены из обломков посуды, для одного орудия в качестве заготовки выбран каменный скол, еще один скребок выполнен на обломке кости (рис. 3, 5). Они имеют волнистые в плане и округлые в профиле рабочие края. С рассматриваемой отраслью связаны изделия из нижних челюстей крупного скота, они в одинаковом количестве обнаружены на поселениях Черемуховый Куст и Щетково 2 (рис. 3, 3, а). Данные предметы, скорее всего, служили для мездрения шкур. Наибольшие следы сработанности фиксируются в их средней части. Линия рабочего края ровная, сечение закругленное. По обеим плоскостям рабочего участка орудий отмечаются заполировка и тонкие поперечные линейные следы. Также на всех селищах найдены бронзовые шилья и костяные проколки. Микроанализ последних позволил выявить следующие признаки износа орудия: скругленный конец острия, заполировка, проникающая в микрорельеф, линейные следы, параллельные длинной оси предмета. Все эти признаки в совокупности и позволяют интерпретировать данные изделия как проколки, использовавшиеся при работе с кожей или шкурой. Для лощения кожи применялись небольшие кварцитовые гальки, и только в одном случае — крупная заготовка. С прядением связаны пряслица: встречены лепные изделия округлой и биконической форм и предметы из фрагментов посуды, оббитые по краям для придания формы и с просверленным в центре отверстием (рис. 3, 6, 7). Кроме того, в коллекции орудий труда есть несколько заготовок без углублений (рис. 1, 6, 7). Из вышесказанного следует, что набор орудий труда, использовавшихся в обработке шкур и текстильном производстве, на всех рассматриваемых поселениях федоровской культуры Ниж-

него Притоболья одинаков. Их значительное количество на памятниках говорит о важности для каждого отдельно взятого поселка этого вида деятельности.

Рис. 2. Орудия металлообработки. Камень:

1, 2 — гладилки-выпрямители (Черемуховый Куст); 3 — оселок (Щетково 2); 4 — подставка-наковаленка (Черемуховый Куст); 5 — абразив (Курья 1): а, б — следы сработанности на гладилках; в — следы сработанности на подставке-наковаленке (увел. в 10 раз)

Самым распространенным сырьем для изготовления инвентаря являлся камень. Использовались песчаник и его разновидности, алевролиты, метаалевролиты, роговик, сланцы, в том числе тальковые, и др. Всего по материалам поселений Щетково 2 и Черемуховый Куст² зафиксировано 16 горных пород, минералов и их разновидностей [Матвеев и др., 2004]. Такое разнообразие пород с разными физическими свойствами (структурой, размером фракций, их сцементированностью, плотностью, прочностью) требовало и различных подходов к обработке камня и его применению в повседневной жизни. Можно с уверенностью сказать, что население федоровской культуры рассматриваемой территории знало и учитывало эти различия. Для производства орудий отбиралось сырье, требующее минимальной доработки: гальки с ровной окатанной поверхностью, плитки толщиной от 0,7 до 3 см. Нам удалось выявить всего пять орудий, непосредственно задействованных в рассматриваемой отрасли, — отбойник и четыре абразива. Отбойник представляет собой крупную гальку со следами забитости и сколами на одном из

² Петрографические определения каменных изделий с памятника выполнены д.г.-м.н. Е.А. Пономаревым.

Хозяйственно-производственная деятельность федоровского населения Нижнего Притоболья...

торцов. Абразивы по камню характеризуются зеркальной заполировкой, рабочая поверхность имеет большую площадь и сильнее сглажена (рис. 3, 2). Таким образом, по исследованным нами орудиям труда зафиксированы следующие приемы обработки рассматриваемого сырья: оббивка, ударная и абразивная техники, полировка. Ярким образцом использования этих приемов в совокупности с техникой сверления является оселок, обнаруженный на пос. Щетково 2. Однако наибольшее распространение получило частичное оформление изделий, как правило только их рабочих сторон.

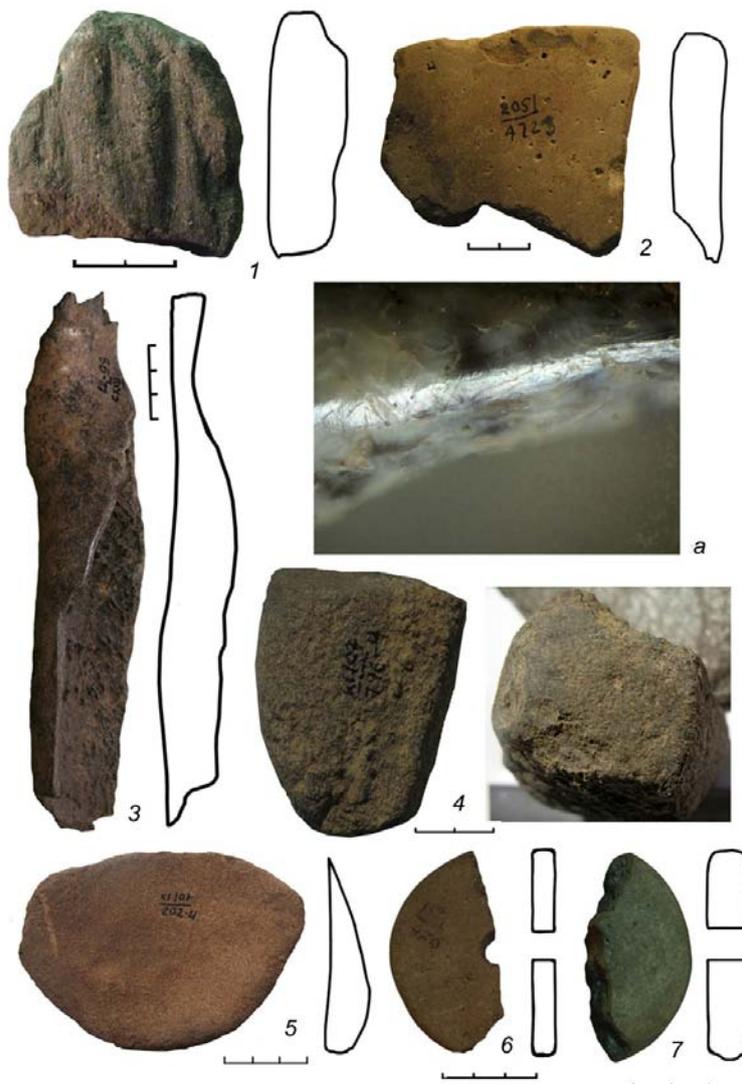

Рис. 3. Орудия различных производств:

- 1 — абразив по кости (Дуванское XVII); 2 — абразив по камню (Дуванское XVII); 3 — тупик (Щетково 2);
а — рабочая кромка тупика (увел. в 20 раз); 4 — пест (Курья 1); 5 — скребок (Курья 1);
6, 7 — обломки пряслиц (Черемуховый Куст); 1, 2, 4, 5 — камень; 3 — кость; 6, 7 — глина

Несмотря на небольшое количество орудий из кости, последовательность ее обработки хорошо реконструируется. Федоровское население Притоболья использовало такие приемы работы с этим сырьем, как рубка, расщепление, тесание, сверление, абразивная обработка, полировка. В комплексах поселений Черемуховый Куст и Дуванское XVII обнаружены абразивы для обработки костяных предметов, изготовленные из крупнозернистых пористых пород камня (песчаник) (рис. 3, 1). В процессе утилизации на них образовались желобки конической в плане формы, на микроуровне — тусклая заполировка. С деревообработкой достоверно связаны топор и долото с пос. Черемуховый Куст. Керамическое производство иллюстрируют галечные ложила, также обнаруженные на селище Черемуховый Куст.

Несколько предметов атрибутированы как фрагменты плиток для растирания (терочки). Они имеют удлиненные или округлые очертания, в поперечном сечении — углубление со следами растирания (однонаправленные бороздки и группы выбоинок). Эта категория орудий представлена и пестами, на торцевых участках которых также фиксируются признаки трения (рис. 3, 4). Однозначно связывать эти орудия с земледелием нет достаточных оснований. Они могли использоваться для получения шамота, дробления раковины, т.е. в керамическом производстве [Зах, Илюшина, 2010, с. 44]; или для переработки дикоросов и др. В целом в изученных коллекциях орудий труда не удалось выявить предметы, достоверно применявшиеся в земледелии (для обработки почвы). Орудие сбора урожая единично (серп с пос. Черемуховый Куст) и могло иметь отношение к другим отраслям, так же как песты и терочки. На основании выше-сказанного существование этой отрасли как самостоятельной в структуре экономики федоровских общин по результатам трасологического анализа считаем сомнительным.

Трасологический и технологический анализ орудий труда с федоровских поселений рассматриваемой территории дал возможность атрибутировать большую часть изделий и их фрагментов, соотнеся их не только с определенным производством, но и его этапом. На основании полученных данных была произведена классификация предметов по функциональному признаку (табл.). За ее основу взята методика, предложенная С.А. Семеновым и Г.Ф. Коробковой [Семенов, Коробкова, 1983; Коробкова, 1987].

Анализ результатов классификации существенно дополняет характеристику скотоводческого в своей основе хозяйства федоровского населения Нижнего Притоболья. Можно отметить значительное по сравнению с другими количество орудий, связанных с присваивающими отраслями экономики, выделкой шкур и кож, металлообработкой. Установлено, что на расположенных в системе Андреевских озер поселениях Дуванское XVII и Курья 1 среди орудий труда преобладают глиняные грузила. На наш взгляд, обитатели каждого селища приспосабливались к окружающему ландшафту и старались максимально использовать его особенности в своей хозяйственной деятельности.

Скотоводство не только обеспечивало население федоровской культуры продуктами питания, но и предоставляло сырье для ряда производств. Наличие богатой сырьевой базы определило количество и ассортимент орудий, задействованных в ткачестве и обработке меха и кожи. На развитую металлообработку и ее высокий уровень указывают разнообразие и серийность использовавшихся в ней орудий, их дифференциация по этапам производства. Все это свидетельствует о единстве технологий и приемов, применявшихся обитателями рассматриваемых селищ при производстве металлических изделий. Эта информация соотносится со сведениями, полученными в результате металлографического анализа бронзовых предметов с федоровских памятников, показавшего хорошее качество отливок, использование нескольких технологических схем, что позволило, с одной стороны, констатировать преемственность технологий с алакульского времени, а с другой — отметить их прогресс [Дегтярева, Костомарова, 2011, с. 42–43]. Кроме того, удалось определить основные приемы работы с камнем и костью. Несмотря на то, что федоровское население для производства орудий из кости и камня старалось отбирать сырье, требующее минимальной доработки, установлено, что самой востребованной являлась абразивная техника. Часто при изготовлении инвентаря последовательно применялось несколько приемов (оббивка, абразивная обработка, шлифовка). Не встречаются в материалах федоровской культуры ретушированные каменные орудия, тогда как в алакульское время они имели место, что также можно считать прогрессивной чертой. О высоком уровне обработки кости свидетельствуют предметы непромышленной сферы, изготовление которых требовало значительных усилий (вюрфель, пряжка). В комплексе инвентаря единичны предметы, связанные с деревообработкой и керамическим производством. Возможно, это объясняется тем, что в первой чаще использовались металлические орудия, которые больше ценились и могли в случае необходимости переплавляться, а при изготовлении посуды — костяные или деревянные инструменты, не сохранившиеся в культурном слое. В целом ассортимент инвентаря с федоровских памятников Нижнего Притоболья находит самые близкие аналогии в комплексах однокультурных памятников других территорий и продолжает андроновские традиции [Кривцова-Гракова, 1948; Сальников, 1967, с. 326–338; Потемкина, 1985, с. 300–322; Молодин, 1985, с. 88–117; Зданович, 1988, с. 148; Кузьмина, 1994, с. 195–216]. Основное отличие проявилось в отсутствии металлургической отрасли, что обусловлено удаленностью рассматриваемого региона от рудных источников.

Хозяйственно-производственная деятельность федоровского населения Нижнего Притоболья...

Функциональная типология изделий федоровской культуры Нижнего Притоболья
(по материалам поселений Черемуховый Куст, Дуванское XVII, Щетково 2, Курья 1)

Группа, тип	Наименование группы и типа	Памятники							
		Черемуховый Куст		Дуванское XVII		Щетково 2		Курья 1	
		Кол-во	%*	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
I	Орудия рыболовства	6	5,4/9	19	25,3/41,3	2	4,2/8,3	24	32,4/52,2
1	Грузила	6	5,4/9	19	25,3/41,3	2	4,2/8,3	24	32,4/52,2
II	Орудия охоты	14	12,7/20,9	3	4/6,5	2	4,2/8,3	1	1,35/2,2
2	Наконечники стрел	14	12,7/20,9	3	4/6,5	2	4,2/8,3	—	—
3	Концевая накладка на лук	—	—	—	—	—	—	1	1,35/2,2
	Орудия «земледелия»	1	0,9/1,5	—	—	—	—	—	—
4	Серпы	1	0,9/1,5	—	—	—	—	—	—
III	Орудия обработки кожи, ткачества	22	20/32,7	8	10,6/17,4	11	23,4/45,8	8	10,8/17,4
5	Скрепки	2	1,8/3	2	2,6/4,4	1	2,1/4,1	1	1,35/2,2
6	Тупики	3	2,7/4,5	—	—	3	6,3/12,6	—	—
7	Проколки, шилья	7	6,3/10,4	1	1,3/2,2	1	2,1/4,1	1	1,35/2,2
8	Пряслица и их заготовки	5	4,5/7,4	5	6,6/10,8	6	12,7/25	6	8,1/13
9	Лощила	5	4,5/7,4	—	—	—	—	—	—
IV	Орудия деревообработки	2	1,8/3	—	—	—	—	—	—
10	Топоры	1	0,9/1,5	—	—	—	—	—	—
11	Долота	1	0,9/1,5	—	—	—	—	—	—
V	Орудия обработки кости	—	—	—	—	—	—	—	—
12	Абразивы	1	0,9/1,5	1	1,3/2,2	—	—	—	—
VI	Орудия металлообработки	12	11/18	11	14,6/23,9	5	10,6/21	7	9,4/15,2
13	Литейные формы	2	1,8/3	1	1,3/2,2	—	—	1	1,35/2,2
14	Абразивы	5	4,5/7,4	6	8/13	2	4,2/8,3	4	5,4/8,6
15	Оселки	—	—	—	—	2	4,2/8,3	—	—
16	Гладилки-выпрямители	2	1,8/3	3	4/6,5	1	2,1/4,1	1	1,35/2,2
17	Молотки	1	0,9/1,5	1	1,3/2,2	—	—	—	—
18	Подставки-наковаленки	2	1,8/3	—	—	—	—	1	1,35/2,2
VII	Орудия керамического производства	2	1,8/3	1	1,3/2,2	2	4,2/8,3	—	—
19	Лощила	2	1,8/3	1	1,3/2,2	2	4,2/8,3	—	—
VIII	Орудия камнеобработки	—	—	3	4/6,5	—	—	2	2,7/4,4
20	Абразивы	—	—	3	4/6,5	—	—	1	1,35/2,2
21	Отбойники	—	—	—	—	—	—	1	1,35/2,2
IX	Полифункциональные орудия	7	6,3/10,4	1	1,3/2,2	2	4,2/8,3	4	5,4/8,6
22	Песты	5	5,4/7,4	1	1,3/2,2	1	2,1/4,1	2	2,7/4,3
23	Терочники	2	0,9/3	—	—	1	2,1/4,1	2	2,7/4,3
	Всего орудий труда по функциональному признаку	67	60,9/100	46	61,3/100	24	51,1/100	46	62,1/100
X	Предметы непромышленной сферы	6	5,4	—	—	—	—	2	2,7
24	Бусина	1	0,9	—	—	—	—	—	—
25	Вюрфель, заготовка	2	0,9	—	—	—	—	—	—
26	Костяная пластинка с орнаментом	—	—	—	—	—	—	1	1,35
27	Альчики	2	1,8	—	—	—	—	—	—
28	Бляшка	—	—	—	—	—	—	1	1,35
29	Пряжка	1	0,9	—	—	—	—	—	—
XI	Неатрибутированные орудия	1	0,9	1	1,3	2	4,2	2	2,7
XII	Изделия со следами обработки или использования	19	17,3	10	13,4	11	23,4	10	13,5
XIII	Изделия без следов обработки или использования	17	15,5	18	24	10	21,3	14	18,9
	Итого	110	100	75	100	47	100	74	100

* Здесь и далее для всех памятников в числителе указан процент от общего количества (орудия труда, заготовки, предметы без следов использования и обработки), в знаменателе — процент от количества функционально атрибутированных орудий труда.

Таким образом, в экономике федоровского населения Нижнего Притоболья, проживавшего на указанной территории в XV — начале XIII в. [Зах, 1995, с. 83–84; Матвеев и др., 2002а, с. 81], пастушеское скотоводство сочеталось с развитыми кожевенным, металлообрабатывающим,

керамическим, косте-, камне- и деревообрабатывающими отраслями. Население каждого поселения обеспечивало себя всеми необходимыми средствами труда и использовавшимися в быту вещами. Выработанные стандарты орудий, а следовательно, и технологии различных производств продолжали применяться в пахомовской и черкаскульской культурах эпохи поздней бронзы [Матвеев, 2007; Матвеев, Костомаров, 2011, с. 46–55]. В то же время хозяйственный уклад федоровского населения даже в рамках ограниченной территории имел локальные особенности, наиболее ярко проявившиеся в разной доле в структуре экономики присваивающих отраслей, что еще раз подчеркивает их вспомогательный характер в системе жизнеобеспечения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Волков Е.Н., Зах В.А., Еньшин Д.Н., Илюшина В.В., Исаев Д.Н. Раскопки многослойного поселения Курья 1 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2007. № 8. С. 240–242.
- Десярева А.Д., Костомарова Ю.В. Металл позднего бронзового века лесостепного Притоболья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 30–45.
- Зах В.А. Поселок древних скотоводов на Тоболе. Новосибирск: Наука, 1995. 96 с.
- Зах В.А., Зимина О.Ю., Рябогина Н.Е. и др. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск, 2008. 212 с.
- Зах В.А., Илюшина В.В. Посуда федоровского культуры Нижнего Притоболья (по материалам поселения Черемуховый Куст) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2010. № 2 (13). С. 42–50.
- Зах В.А., Рябогина Н.Е., Илюшина В.В. и др. Федоровский поселок Курья 1 в системе андреевских озер // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 1 (20). С. 10–22.
- Зданович Г.Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей. Свердловск: УрГУ, 1988. 184 с.
- Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П. Хозяйство населения андроновской культуры Верхнего Приобья // Хозяйственно-культурные традиции Алтая в эпоху бронзы. Барнаул: Слово, 2010. С. 86–95.
- Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л., 1987. 320 с.
- Корочкова О.Н., Стефанова Н.К. Поселение федоровской культуры // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 143–152.
- Косарев М.Ф. Древнейшие грузила Нижнего Притоболья // История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 15–25.
- Косарев М.Ф. Бронзовый век Западной Сибири. М.: Наука, 1981. 277 с.
- Косинцев П.А. Типология археозоологических комплексов и модели животноводства у древнего населения юга Западной Сибири // Новейшие археозоологические исследования в России. М., 2003. С. 157–174.
- Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. 1948. Вып. 17. С. 57–172.
- Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоари? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. М.: Рос. Ин-т культурологии РАН и МК РФ, 1994. 464 с.
- Матвеев А.В. Лесостепное Зауралье во II — начале I тыс. до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2000а. 50 с.
- Матвеев А.В. Поселение Щетково 2 — первый стратифицированный комплекс эпохи бронзы в Ингальской долине (предварительное сообщение) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2000б. Вып. 1. С. 23–24.
- Матвеев А.В., Аношко О.М., Измер Т.С. Хроностратиграфические комплексы позднебронзового поселения Щетково-2 в Ингальской долине // Хронология и стратиграфия археологических памятников голоцена Западной Сибири и сопредельных территорий: Материала науч. семинара. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002а. С. 78–83.
- Матвеев А.В., Матвеева Н.П., Чукунова И.Ю. и др. Археологические исследования в Ингальской долине // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002б. Вып. 3. С. 8–17.
- Матвеев А.В., Измер Т.С. Федоровский комплекс селища Щетково-2 // XVI Словоцкие чтения-2004. Тюмень, 2004. Ч. 1. С. 158–160.
- Матвеев А.В., Пономарев Е.А., Кияева Л.С. О минералогическом составе коллекции каменных предметов с поселения Щетково 2 // Там же. 2004. С. 160–161.
- Матвеев А.В. Черкаскульская культура Зауралья // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 4–42.
- Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 1 (14). С. 46–55.
- Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 1985. 200 с.

Хозяйственно-производственная деятельность федоровского населения Нижнего Притоболья...

Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М.: Наука, 1985. 376 с.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств (мезолит — энеолит). Л.: Наука, 1983. 255 с.

Стефанов В.И., Корочкова О.Н. Андроновские древности Тюменского Притоболья. Екатеринбург, 2000. 108 с.

Тюмень, ИПОС СО РАН
jvkostomarova@yandex.ru

The article considers basic elements of economy with the Fyodorovo culture groups inhabiting the forest and forest-steppe Low Tobol basin. Aiming at reconstruction, the author used the outcome of trace evidence investigation of the implements, which allowed not only to specify the available notions on the main branches of the economy, but also to supplement those with new data.

The Fyodorovo culture, implements, trace evidence analysis, economy, industrial activity.

ФОРТИФИКАЦИИ РАННЕГО И РАЗВИТОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ЛЕСОСТЕПНОГО И ПОДТАЕЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Т.Н. Рафикова*, С.В. Берлина*, А.И. Кайдалов**, Е.А. Сечко**

Анализируются фортификационные сооружения эпохи раннего и развитого средневековья, особое внимание уделено наиболее изученным фортификациям бакальской культуры. Сделан вывод, что городища лесостепной зоны средневекового времени, независимо от их культурной принадлежности, отличаются большой площадью и мощностью оборонительных конструкций в сравнении с городищами подтаежной полосы. При рассмотрении эволюции оборонительного зодчества начиная с раннего железного века сделано заключение об установлении к средневековью определенных стандартов в строительстве фортификаций.

Средневековье, бакальская культура, фортификационные сооружения, развитие и эволюция оборонительного зодчества.

В последние годы в археологии Западной Сибири отмечается активное изучение проблем средневековья. Приоритетными остаются вопросы генезиса средневековых культур и построение хронологических схем, которым посвящено немалое количество работ. Вместе с тем ведутся и археологические раскопки и накапливаются новые данные по жилым и хозяйственным сооружениям, фортификациям, хозяйству средневекового населения и т.д. Одна из слабо освещенных сторон — оборонительное устройство средневековых памятников, хотя именно в этот период наблюдаются значительные различия в формах городищ, видах и параметрах оборонительных линий и т.д., что обусловлено не только культурными традициями, но и социально-экономическим статусом поселений. Отчасти недостаточное изучение защитных линий связано с малым количеством раскопанных памятников, а также, в силу трудоемкости работ, с распространенной методикой исследования фортификаций траншеями шириной 1 м, что не позволяет в должной мере реконструировать сооружения. Помимо этого, многослойность городищ затрудняет интерпретацию материала.

Несмотря на продолжительный (с конца XIX в.) период исследования средневековых поселений западной части Западной Сибири, в изучении фортификационного устройства средневековых городищ лесостепного и подтаежного Зауралья в 90-х гг. XX в. отмечались значительные пробелы [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 342–362]. Действительно, к тому времени были подвергнуты раскопкам фортификации около десяти средневековых поселков, но малая площадь вскрытых участков не давала возможности составить целостную картину.

Одними из первых в лесостепном Зауралье были изучены укрепления Андрушиного городка. В 80-х г. XIX в. И.Я. Словцовым заложена траншея через оборонительную линию на памятнике, в 1951 г. В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская, помимо раскопок на жилой площадке городища, провели зачистку траншеи И.Я. Словцова, подтвердив его выводы о многократном подновлении вала. Они указывают, что подсыпка вала и углубление рва осуществлялись не менее четырех раз, помимо этого городище со стороны озера укреплено дополнительными валом и рвом [Мошинская, Чернецов, 1953, с. 93–94]. На рисунке стратиграфического разреза укреплений Андрушиного городка [Там же, с. 97] обозначены вкрапления угля, особенно многочисленные со стороны дополнительных вала и рва, но данных для реконструкции возможной деревянной конструкции недостаточно.

В начале XX в. Ю.П. Аргентовским разрезана траншеей оборонительная линия Большого Мыльниковского городища бакальской культуры [Археологическая карта Курганской области, 1993, с. 18, 226]. В 1940 г. К.В. Сальниковым осмотрены, прошурфованы и датированы исетские городища, подчеркнута большая по сравнению с предыдущими эпохами мощность средневековых защитных линий, отмечено наличие эшелонированной системы обороны [Сальников, 1956, с. 211–213].

В начале 60-х гг. значительной площадью изучалось Большое Бакальское городище одноименной культуры, при этом первая фортификационная линия исследована траншеей шириной 4 м,

Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья

вторая — шириной 1 м. Результаты работ опубликованы в совместной работе Т.М. Потемкиной и Н.П. Матвеевой только в конце 90-х гг. XX в. [1997, с. 39–50]. В начале XXI в. к объекту вернулись челябинские археологи. К сожалению, основная часть памятника была уничтожена, исследователям удалось изучить участок рва общей протяженностью 8 м с проездом шириной около 2 м [Боталов и др., 2008, с. 13–15].

Необычна оборонительная система Малого Бакальского городища, изученного В.Ф. Генингом и Т.Г. Бушуевой. Вал представлен бревенчатой стеной, обмазанной глиной, и глинобитной башней, возможно двухэтажной. Ров достаточно широкий, достигающий в ширину по верхней части 9 м, по дну — 3 м [Генинг, Бушуева, 1961, с. 173–180].

В 60-х гг. XX в. В.Д. Викторовой, помимо жилой площадки, траншеей изучена оборонительная линия Юдинского городища одноименной культуры. Установлено наличие на валу деревянной конструкции или сруба, а во рву и за его пределами частокола [Викторова, 1968, с. 130]. Фортификация раннесредневекового времени, исследованная на городище Уфа VI, представлена валом с деревянной стеной и ровиком-водоотводом [Борзунов, Морозов, 1994, с. 136–153]. Линия вал-ров, включая въезд, изучена Уральской экспедицией на городище Дуванское 1 [Морозов, 1982, с. 125–126, 139], относящемся, скорее всего, к нижнеобской культуре. Средневековые оборонительные линии вскрыты на Борковском городище И.А. Сыркиной, но, к сожалению, установить их принадлежность населению определенной культуры (бакальской, потчевашской или усть-ишимской) не представляется возможным. На городище Андреевское-4 юдинской культуры В.Ф. Кернер траншеей 3х1 м изучен ров, его ширина составила 2,5 м, глубина 1,15 м от вершины вала [Кернер, 1977, с. 4].

В конце XX — начале XXI вв. продолжено изучение фортификаций средневековых городищ лесостепного и подтаежного Зауралья. Исследована оборона городищ Коловского, Красногорского, Красноярского, Коняшино-2, Усть-Утякского-1, Усть-Терсюкского-1, Святого Бора-5, Криволукского, Черепаниха-2 и др. В полевом сезоне 2013 г. проведены работы на защитных укреплениях городищ Ласточкино Гнездо и Борковское.

Таким образом, отмечаем увеличение интереса к оборонительным устройствам средневековых поселков в целом, при этом ряд бакальских фортификаций изучен большой площадью, позволяющей восстановить их конструкцию. В настоящее время назрела необходимость обобщить и систематизировать уже имеющиеся данные по оборонительным сооружениям бакальской культуры, ввести в научный оборот новые материалы, рассмотреть их на фоне других укреплений Западной Сибири, чему и посвящена данная работа.

Анализ бакальских городищ с помощью методов многомерной статистики, а именно факторного анализа, проведенного на основе таблиц сопряженности памятников с их признаками, позволил выделить две группы памятников: расположенных на мысу (подтреугольной или подтрапециевидной формы) и на террасе и укрепленных в первом случае незамкнутыми, а во втором — кольцевыми оборонительными линиями. В количественном отношении мысовые городища преобладают.

Выявлены объекты с прилегающими к ним селищами — Старо-Лыбаевское-1, Усть-Терсюкское-1 и др. Несомненно, селища имелись у большего количества городищ, но достоверно установить их наличие пока не позволяет степень исследованности памятников.

Бакальские городища, в отличие от поселений, располагались на участках с более высокими гипсометрическими отметками. Так, высота террасы или мыса, на которых локализовались неукрепленные поселки, в среднем составляет 4–5 м, в единичных случаях достигает 7–10 м, в то время как самые низкие отметки городищ равны 5–9 м, среднее их значение составляет 20 м. Сорока метров и более достигала высота мысов, на которых располагались городища Зотинское III, Ласточкино Гнездо, Кучум-Гора, Усть-Терсюкское-1.

Проанализировать конструктивные особенности оборонительных сооружений возможно только на изученных раскопками памятниках. На сегодняшний день фортификации населения бакальской культуры исследованы на семи городищах — Красногорском, Усть-Утякском-1, Коловском, Усть-Терсюкском-1, Большом Бакальском, Красноярском, Ласточкином Гнезде [Боталов и др., 2008, с. 13–15; Зах, 2009, с. 75; Кайдалов, Сечко, 2008, с. 73–80; Матвеева, 1997, с. 245–262; Потемкина, Матвеева, 1997, с. 39–50; и др.]

Одной линией укреплены поселки Красногорское, Усть-Утякское-1, Ласточкино Гнездо. К этой же группе мы относим Коловское городище. Как известно, оно закрыто тремя линиями вал-ров, но, по мнению автора раскопок Н.П. Матвеевой, к средневековому городищу принадлежит только одна — первая фортификационная линия [Матвеева и др., 2005, с. 157–158].

Двумя оборонительными линиями защищены Усть-Терсюкское и Большое Бакальское городища. На Усть-Терсюкском раскопками изучены только внутренние укрепления и защита со стороны поймы, но хорошая сохранность и мощность второй линии свидетельствуют, по нашему мнению, о ее принадлежности к средневековому периоду. Красноярское городище укреплено тремя идущими друг за другом линиями вал-ров.

Одним из опорных памятников для реконструкции фортификационных сооружений поселков бакальской культуры является Коловское городище, где фортификационная линия между первой и второй жилыми площадками изучена на 2/3 (на протяжении 19 м). На всем протяжении вала фиксировались остатки деревянной конструкции в виде параллельных рядов обгоревших жердей толщиной 8–13 см, достигающих в длину 1,2 м. Стены были сложены в заплот, о чем свидетельствуют зафиксированные на нижнем уровне вертикальные деревянные столбы. С интервалом в 4–4,5 м отмечены бревна, располагающиеся перпендикулярно общей массе и выполняющие, по всей видимости, роль переводин. Таким образом, внутривальная конструкция представляла собой тарасы, т.е. состояла из двух параллельных стен, соединенных поперечинами и заполненных ветками, листьями, строительным мусором и культурным слоем с городища [Матвеева и др., 2008, с. 160, рис. 127]. Судя по расстоянию между жердями нижнего яруса, ширина тарас составляла 1,5 м. Надвальная конструкция бакальского городища была разрушена временем или юдинским населением и археологически не фиксируется.

Один из интереснейших моментов — наличие на некоторых средневековых памятниках полукруглых или подквадратных выступов — своеобразных бастиеонов или башен. Они встречены на городищах Усть-Утякское-1, Борковское, Логиновское, Ласточкино Гнездо и др. и практически не исследованы. Лишь на Логиновском городище вскрыты два полуовальных выступа, размерами 3×6 м, примыкающих к укреплениям и связанных с основаниями сторожевых башен [Генинг, Евдокимов, 1969, с. 105]. Изучение этих сооружений, восстановление их конструкции, определение функционального назначения — задача ближайшего будущего.

Оборонительная линия Красногорского городища исследована траншеей шириной 1 м, что не позволяет уверенно судить о конструкции деревянной основы. Отмечены лишь остатки параллельных и перпендикулярных длинной оси вала жердей [Матвеева, 1997, с. 248, рис. 2; с. 249], что, возможно, свидетельствует о близости внутривальных сооружений к коловским. По результатам радиоуглеродного анализа данный этап сооружения обороны Красногорского городища соотносится с бакальским периодом [Матвеева и др., 2007, с. 76–98].

Фортификационные линии Большого Бакальского городища изучены траншеей шириной 4 м. Т.М. Потемкина и Н.П. Матвеева полагают, что внутренняя сторона первого вала была облицована массивными продольно уложенными бревнами, поддерживаемыми со стороны городища вертикальными бревнами, а с внутренней — жердями и насыпью вала [Потемкина, Матвеева, 1997, с. 42–43]. С внешней стороны вала облицовка не отмечена. По нашему мнению, насыпь мощного земляного вала, сложенного из суглинка, фиксировавшаяся стеной только с одной, внутренней стороны, под действием осадков и собственной массы довольно в короткий промежуток времени сползла бы в ров. Между тем, анализируя стратиграфию траншеи, с внешней стороны вала в полуметре от рва отмечаем столбовую ямку, диаметром 35 см и глубиной более 50 см, аналогичную еще двум, расчищенным с внутренней стороны насыпи [Там же, с. 46]. Данные ямки могли являться остатками вертикально поставленных бревен от двух параллельных стен, выполнявших роль каркаса вала. Стены, скорее всего, были сооружены в заплот. Небольшая стена, шедшая вглубь земляного вала, могла выполнять роль переводины, связывавшей деревянную конструкцию. То есть, внутривальная конструкция Большого Бакальского городища могла представлять собой тарасы, сложенные из массивных бревен и заполненные культурным слоем с площадки городища. Ширина вала составила 4,2 м. На валу, скорее всего, дополнительно была установлена стена.

Вал второй площадки, менее мощный, был сложен из суглинка и скорее всего, как полагают Т.М. Потемкина и Н.П. Матвеева, укреплен частоколом [1997, с. 43].

На жилой площадке городища Усть-Утяк-1 с эпохой средневековья связан верхний строительный горизонт максимальной мощностью 0,2–0,25 м. Памятник многослойный, с раннесредневековой эпохой связаны комплексы вал-ров 2 и 3. Анализируя стратиграфию и планиграфию памятника, можно предложить следующий вариант реконструкции сооружения оборонительных линий. Первоначально средневековые строители городища досыпали оплывший вал переходного времени от бронзы к раннему железному веку из рва № 2 шириной приблизительно 1,7 м,

Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья

глубиной 0,5–0,55 м. Ров № 2 в сечении подтрапециевидной формы. Незначительная углистая прослойка, фиксировавшаяся на валу, возможно, является остатками установленной на укреплении конструкции в виде тына, впоследствии сгоревшей. Спустя некоторое время произведена досыпка вала № 2, в результате которой высота его составила около 2 м, а с учетом оползания — возможно, 2,5 м. На втором этапе сооружения раннесредневековых фортификаций на валу были установлены деревянные конструкции в виде клетей либо тарас, судя по остаткам, в технике заплота и в высоту до 3 м. К этому же времени, скорее всего, относится сооружение бастионобразного выступа.

Интерес представляют оборонительные конструкции Усть-Терсюкского-1 городища. Результаты изучения фортификационной линии между первой и второй жилыми площадками, а также защиты со стороны поймы, проведенного авторами (Т.Н. Рафиковой и С.В. Берлиной) в 2007, 2010 гг., еще не нашли отражения в публикациях, поэтому остановимся на этом материале подробнее.

Усть-Терсюкское-1 городище расположено в Шатровском районе Курганской области на мысу подтреугольной формы, высотой 42 м, выдающемся в пойму р. Исети. Поселение двухплощадочное, укрепления представлены линиями вал-ров, при этом помимо напольной стороны городище защищено и со стороны поймы.

В 1962 г. памятник обследовал В.Н. Фролов, в 1988 г. — Н.Б. Виноградов. В 1991 г. В.А. Иванов и Г.Н. Гарустович проводили раскопки на второй площадке памятника, опубликован керамический комплекс городища [Гарустович, 2008, с. 102–114]. В 2007–2008, 2010 гг. нами, помимо оборонительных линий памятника, был исследован участок жилой застройки на второй площадке городища, позволивший изучить и реконструировать жилище бакальской культуры [Рафикова, Берлина, 2011, с. 95–101].

Основная масса керамического материала средневекового времени относится к бакальской культуре, помимо этого зафиксировано незначительное количество керамики карымского, куш-наренковско-караякуповского, юдинского и чияликского населения.

Устройство въезда изучено при исследовании оборонительной линии между первой и второй жилыми площадками Усть-Терсюкского-1 городища. Несколько уровней жердей, уложенных друг на друга и перпендикулярно длинной оси вала, свидетельствуют, что проезд на первую площадку городища был облицован горизонтально уложенными жердями диаметром до 14 см. Почвоведом Г.И. Махониной при осмотре стенки вала было установлено, что верхний темно-серый мешаный слой представлял собой дерновые кирпичики толщиной около 30 см. Служили они для предупреждения разрушения конструкции бакальского вала под действием внутренних сил или появились позднее в процессе обновления фортификации, пока не ясно. Ввиду малой толщины бревен конструкции вала мы склоняемся к первому варианту.

Ворота были сооружены из досок шириной 14 см, толщиной 2–3 см. Раскопом удалось зафиксировать только их половину на ширину в 60 см.

Основная часть вала практически не исследована, но облицовка проезда позволяет предположить, что внутривальная конструкция, так же как и на Коловском и других городищах, представлена тарасами. Ширина конструкции, скорее всего, составляла 3 м.

Интересны результаты изучения защиты городища со стороны поймы. Несомненно, подобная защита существовала на многих средневековых поселках (например, Красногорское [Матвеева, 1997, с. 246], Уповорское), но из-за близости к склону с течением времени разрушилась.

Итак, анализируя нивелировочные отметки по уровню материка и стратиграфические разрезы раскопов Усть-Терсюкского-1 городища, отмечаем плавное понижение поверхности мыса на запад, в сторону поймы. Для повышения обороноспособности поселок средневекового периода построили на самой высокой части мыса. С западной стороны мыс эскарпировали. Высота среза составляла около 2 м. Более того, под эскарпированной поверхностью была выкопана канавка, шириной до 32 см, глубиной от уровня материка 7–32 см, куда вертикально устанавливались бревна. Бревна, по всей видимости, не только поддерживали эскарп, но и, возвышаясь над валом, делали городище практически неприступным с напольной стороны.

Ширина рва на данном участке — 2,3–2,5 м. Глубина от уровня материка чуть более 1 м. В профиле ров ступенчатый, подтрапециевидной формы.

В целом рвы поселений бакальской культуры были простые, с отвесными или пологими стенками, глубиной 0,6–3 м, шириной от 2 до 15 м. Облицовка деревом не отмечена (табл.).

Характеристика городищ раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья

Городище	Тип городища	Форма площадки, S (м ²)	Культурная принадлежность в средневековый период	Параметры оборонительных линий	
				Вал (м)	Ров (м)
Андреевское-3	Террасное	Округло-многоугольная, S = 2500	Юдинское	Шир. 5, выс. ?	Шир. 5, гл. ?
Андреевское-4	На гриве	Основная площ. овальная, пристрой — подтреуг., S = 3400	Юдинское	Шир. 3-7, выс. 1,3	Шир. 2-7, гл. 1,5
Андроновское	Террасное	Прямоугольное, S ок. 1400	Юдинское	Шир. 2-2,5, выс. 1,5	Шир. 4,5-6,5, гл. 1,5-2
Андраушин городок	На гриве	Основная площ. округло-овальная, пристрой — подтреуг., S ок. 4000	Юдинское	Шир. 2-4,5, выс. 2-3	Шир. 2,5-4, гл. 1
Андреевское-8	На гриве	Основная площ. овальная, вытян. пристрой, S = 3600	Туманский тип	Шир. 3,5-4, выс. 0,3-0,4	Шир. 0,6-2, гл. 0,2-0,3
Антоново-1	Террасное	Округлое, S ок. 1650	Юдинское	Шир. 2-5, выс. 1-1,3	Шир. 1,5-3, гл. 0,3-0,5
Антропово	Мысовое	Подтреуг., S ок. 5000	Юдинское	Две линии обороны: 1) шир. ?, выс. 1-1,3 2) шир. 5, выс. 1	1) шир. ?, гл. 1-1,2 2) ?
Бакальское Большое	Мысовое	Подтреугольное, S ок. 1500	Бакальское, юдинское	Две линии обороны: 1) шир. 14, выс. 2,5 2) шир. 2, выс. 0,4-0,6	1) шир. 10, гл. 1,6 2) шир. 2, гл. 0,4-0,6
Бакальское Малое	Мысовое	Подтреугольное, S ок. 350	XIII-XIV вв. н.э.	Холмообр. возвышение, 11х6, выс. 0,6	Шир. 7-8, гл. 1,5
Барино-3	Террасное	Округлое, S ок. 750	Бакальское	Шир. 3-4, выс. 0,38-0,43	Шир. 1,7-2,5, гл. 1-1,3
Барсучье	Террасное	Полуовал., S ок. 1500	Юдинское	Шир. 4-4,5, выс. 2.	Шир. 2,5-3, гл. 1
Богандинское	Террасное	Овальное, S ок. 1800	Разв. сред.	?	?
Борковское	Мысовое	Подтреугольное, S = 3200-3400	Потчевашское, бакальское, усть-ишимское	Две линии обороны: 1) шир. 3-4, выс. 0,8-1,2 2) шир. 3-4, выс. 0,5-0,8 На внутреннем валу три выступа в ров	1) шир. 3-4, гл. 0,5-1 2) шир. 3-4, гл. 0,5-1
Боровиковское	Мысовое	Овальное, S ок. 700	Юдинское	?	Шир. ?, гл. 2-2,5
Боровое-2	Мысовое	Подпрямоугольное, S = 8500	Бакальское	?	?
Булатово	Мысовое	Овальное, S ок. 750	Юдинское	?	?
Галкинское	Террасное	?, S ок. 750	Юдинское	?	?
Городищенское	Мысовое	?, S ок. 300	Юдинское	?	?
Городокское	На увале	Овальное, S ок. 600	Втор. пол. I тыс. н.э.	?	Шир. 4, гл. 2-3
Дуванское-16	На гриве	Овальное, S ок. 3000	Втор. пол. I — нач. II тыс. н.э.	Шир. 4, выс. 0,3-0,4	Шир. 1-2, гл. 0,3
Дуванское 26	На гриве	Овальное, S ок. 6200	Средневековье	?	?
Дуванское-29	На гриве	Овальное, S = 2500	Юдинское	Шир. 5, выс. 0,3-0,6	Шир. 3, гл. 0,2-0,4
Дуванское-30	Террасное	Овальное, S = 4200	Юдинское, бакальское	Шир. 5, выс. 0,4-0,5	Шир. 4, гл. 0,2-0,4
Задуванское-5	На гриве	Подпятиугольная, S = 8400	Юдинское	—	—
Задуванское-6	На гриве	?, S = 5000	Средневековье	?	?
Задуванское-8	На гриве	Округлая, S ок. 2600	Юдинское	Шир. 2,0-2,5, выс. 0,5-0,8	Шир. 0,3-0,4, гл. 1-1,5
Задуванское-9	На гриве	Округлая, S ок. 5600	Юдинское	Шир. 7, выс. 0,8-1,0	Шир. 5-7, гл. 0,5-0,7
Задуванское-10	На гриве	Овальная, S ок. 2700	Юдинское	Шир. 3-4, выс. 0,4	Шир. 2-3, гл. 0,3-0,4
Жилье	На гриве	Основная площ. округлая, пристрой — полукруглый, S ок. 3700	Юдинское, бакальское	Шир. 2-2,5, выс. 0,2-0,5	Шир. 1,5-2,5, гл. 0,15-0,3
Заозерное I	Террасное	Подквадратное, S ок. 800	Кон. I тыс. н.э.	?	?, гл. 5 м
Заозерное II	Мысовое	Подпрямоуг., S ок. 450	Кон. I тыс. н.э.	Шир. 1,5, выс. 0,6	?
Западно-Урайское	На гриве	Овальное, S ок. 1700	Втор. пол. I тыс. н.э.	Шир. 1,5, выс. 0,5-1	Шир. 2, гл. 2-3
«Золотая горка»	Мысовое	Овальное, S ?	Кон. I тыс. н.э.	?	?
Зотинское I	Мысовое	Подтрапиевидная, S = 1750	Бакальское	?	?
Зотинское III	Мысовое	Подтрапиевидная, S = 2800	Средневековье	Шир. 4-4,8 м	?
Зотинское IV	Мысовое	Подтреугольная, S = 380	Бакальское	?	?
Ивановское	Мысовое	Овальное, S = 2400	Средневековье	?	?
Ипкуль XIII	Террасное	?	Юдинское	?	?
Ирбитское	На холме	?	Юдинское	?	?
Ключи	Террасное	?	Средневековье	?	?
Коловское	Мысовое	Подтреугольное, S ок. 6500	Бакальское, юдинское, кушнаренковское	Три линии обороны: 1) шир. 12, выс. 1,4 2) шир. 8-10, выс. 1 3) шир. 10-11, выс. 1	1) шир. 3-5, гл. 0,6 2) шир. 5-6 м, гл. 0,8 3) шир. 4-5, гл. 0,4
Красногорское	Мысовое	Подтреугольное, S ок. 2000	Бакальское, юдинское	Шир. 5-6, выс. 1,5	Шир. 6, гл. 1,5-2
Красноярское	Мысовое	Трапиевидное, S ок. 9000	Карымское, потчевашское, усть-ишимское, бакальское	Три линии обороны: 1) шир. 10, выс. 0,6-1 2) шир. 7-8, выс. 0,6 3) шир. 7-8, выс. 0,6-1,2	1) шир. 6-7, гл. 0,4-0,8 2) шир. 9-10, гл. 0,8-0,9 3) шир. 11, гл. 0,6-1,2
Коняшино-2	Мысовое	Треугольное, S ок. 1800	Юдинское, бакальское	Шир. 6-7, выс. 1,5	Шир. 3,8, гл. 1,2-1,4.
Куртумово	?	?	Юдинское	?	?
Кучум-Гора	Мысовое	Овальное, S ок. 9500	Бакальское, сиб. татары	Две линии обороны: 1) шир. 8,25, выс. 1,8 2) шир. 9,3, выс. 0,66	1) шир. 2,25, гл. 2-4 2) шир. 12, гл. 1,8
Ласточкино Гнездо	Мысовое	Подтрапиевидное, S ок. 2000	Бакальское	Шир. 2 м, выс. 0,2 Два выступа-башни в ров	Шир. 2-2,5, гл. 0,2-0,3
Ликинское	Мысовое	Овальное, S ок. 600	Юдинское	Шир. ?, выс. 1,5	Шир. 2, гл. 1
Липчинское	Мысовое	Полукруглое, S ок. 450	Юдинское	?	Шир. 2,5, гл. 1,5
Логиновское	Террасное	Подпрямоугольная, S = 550	Средневековье	Шир. ?, выс. до 0,2	Шир. 2-3, гл. 0,4-0,8
Малахово	Террасное	Полукруглое, S ок. 600	Юдинское	?	?, гл. 2,5
Мишинское	На останце	Овальное, S ок. 700	Юдинское	?	?
Мишинское II	Мысовое	Овальное, S ок. 220	I тыс. н.э.	?	?
Молчановское	Террасное	Круглое, S ок. 1300	Юдинское	Шир. 3, выс. 0,9	Шир. 6, гл. 0,8
Мохиревское	Террасное	Овальное, S = 500	Юдинское	Шир. 3,5, выс. 1	Шир. 5, гл. 2
Моховое Болото-1	На гриве	Округлое, S = 1295	Юдинское	Шир. 1,8-4, выс. 0,1-0,2	Шир. 1-4, гл. 0,1-0,2
Мулаши	Террасное	Овальное, S ок. 3200	Юдинское	?	?
Мурзинское	Террасное	Округлое, S = 9900	Средневековье	Шир. 5, выс. 0,5 9 выступов в ров	Шир. 1,5-4, гл. до 0,6

Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья

Окончание т а б л .

Городище	Тип городища	Форма площадки, S (м ²)	Культурная принадлежность в средневековый период	Параметры оборонительных линий	
				Вал (м)	Ров (м)
Мыльниковское, Большое	Террасное	Подовальное, S > 3000	Средневековье	Две линии обороны: 1) вал не выражен 2) шир. 3, выс. ?	1) шир. 3, гл. до 1,2 2) шир. до 3,5, гл. до 0,8
Мыльниковское, Малое	Террасное	Полукруглое, S ок. 360	Средневековье	—	Шир. 1,5, гл. 0,2
Нерда III	Террасное	?, S ок. 3800	Юдинское	Шир. ?, выс. 1–1,5 Шир. ?, выс. 1 Шир. ?, выс. 0,1–0,4 Шир. ?, выс. 0,1	Шир. ?, гл. 1,5 ? Шир. ?, гл. 0,1–0,2 Шир. ?, гл. 0,15
Нерда IV	Террасное	Подчетыреугольное, S ок. 500	Юдинское	Шир. 1,5, выс. 0,4	Шир. 0,6–1, гл. 0,2
Нерда VI	Террасное	Подтрапезиевидное, S ок. 1200	Юдинское	Шир. 1–2,5, выс. 0,8	Шир. до 1, гл. ?
Памятное-9	Террасное	Подпрямоуг., S ок. 8500	Средневековье	Шир. 3–8, выс. 0,5–1	Шир. 1–1,5, гл. 0,5
Памятное-10	Террасное	Овальное, S ок. 4000	Юдинское	Шир. 5–9, выс. 0,3–0,7	Шир. 1–3, гл. 0,5
Петровское	Мысовое	Подтреугольное, S ?	Юдинское	?	?
Полевское	Мысовое	Подтреугольное, S ок. 1500	Бакальское	?	?
Пламя Сибири-6	Террасное	Овальное, S = 4032	VII–IX вв. н.э.	Шир. 2–5, выс. 3–4,5	Шир. 2–4, гл. 1–2
Пламя Сибири-7	Террасное	Овальное, S = 6000, примыкает к рвиообр. останец	VII–IX вв. н.э.	Шир. 5–9, выс. 3–5,5	Шир. 3–6, гл. 1–2 Останец укреплен рвом шир. 0,5–2, гл. 0,5–1
Прыговское	Мысовое	Многоугольно-овальное, S ок. 8300	Юдинское, чиялыкское бакальское	Две линии обороны: 1) шир. 3–4, выс. 0,2–0,4 2) шир. 3–7, выс. 0,4–2	1) шир. 3–4, гл. 0,8–1,95 2) шир. 5–7, гл. 0,6–1,5
Ревда-1	Террасное	Округлая, S ок. 10 000	Юдинское	Шир. 4, выс. 1,2	Шир. 2, гл. 0,8
Святой Бор-1	Террасное	Овальная, S ок. 1050	Юдинское	Шир. 6–10 м, выс. ?	Шир. 2 м, гл. ?
Святой Бор-5	На гриве	Прямоугольную, S ок. 1200	Юдинское	Шир. 2–3, выс. 1	Шир. 2, гл. 0,6
Скородумское	Террасное	Подпрямоугольное, S = 13 300	Средневековье	Вал-ров-вал с южн. стор. 1) шир. 3, выс. 1,2–1,5 2) шир. 1,5–2, выс. 0,5 Вал-ров-вал с сев. стор. 1) шир. 3–5, выс. 2 2) шир. ?, выс. 0,5–0,7	Шир. 4,5, гл. 3 Шир. 5–6, гл. 3–4
Старо-Лыбаевское-1	Террасное	Полуовальное, S ок. 8800	Бакальское	Шир. 2–3, выс. 0,75–1	Шир. 2,2–2,5, гл. 1
Суварышское	?	?	Бакальское	?	?
Тавдинское	?	?	Юдинское	?	?
Уповское	Мысовое	Подтреугольное, S = 13 500	Бакальское	Три оборон. линии: 1) шир. 5, выс. 1,5–2 2) шир. 4–5, выс. 0,5–0,7 3) шир. 4–7, выс. 0,5–0,7	1) шир. 5–6, гл. 0,5–0,7 2) шир. 3–4, гл. 0,1–0,3 3) шир. 2–3, гл. 0,1–0,3
Усть-Терсюкское	Мысовое	Подтреугольное, S = 7150	Бакальское, юдин., карым., чиялыкское, кушнареновско-караюкуповское	Две линии обороны: 1) шир. 12, выс. 1,6–2 2) шир. до 7, выс. 1 Со стороны поймы: шир. 3, выс. 0,4–0,5	1) шир. 6–7, гл. до 1,7–2,0 2) шир. 6–8, гл. 1,2–2,5 Гл. 1–1,2
Юдинское	Террасное	Округлое, S ок. 400	Юдинское, чиялыкское	?	Шир. 4, гл. 0,5
Усть-Вагильское	Террасное	Округлое, S ок. 300	Нач. II тыс. н.э.	Шир. 3, выс. 1	Шир. 8, гл. 6 (?)
Усть-Утяжское-1	Мысовое	Подтреугольное, S = 1840	Бакальское, кушнареновское	Шир. 10, выс. до 1,5	—
Черепаниха-2	Мысовое	Подтреуг. S = 800	Юдинское	Шир. 6, выс. 2	Шир. 6, гл. 2
Чинги-Тура (Царево городище)	Мысовое	Цитадель подпрямоуг., S = ?	Бакальское, сиб. татары	?	?
Шарьянка-1	Мысовое	Подтреугольное, S = 2000	Средневековье	Шир. 7, выс. 1,7	Шир. ?, гл. 1,5

Таким образом, несмотря на небольшое количество изученных раскопками защитных линий городищ бакальской культуры, можно отметить ряд общих черт и предположить существование определенного стандарта, традиции в их сооружении. Все фортификационные сооружения были достаточно внушительными, объемными. Часто устраивалась внутривальная конструкция — тарасы, заполненные слоем, взятым с городища или изо рва при его копке. Вал, скорее всего, дополнительно укрепляли стеной. Ров выкапывали простой, с отвесными или несколько наклонными стенками. Проезд забирался горизонтальными жердями. Со стороны поймы и вдоль склонов мыса также строили дополнительные укрепления. Склоны мыса в ряде случаев дополнительно эскарпировались.

Рассматривая укрепленные поселки бакальского времени и сопоставляя их с городищами других средневековых культур, можно выделить некоторые особенности и схожие черты в их топографии, площади, форме, количестве площадок, конструкциях валов и ровов, что определялось уровнем военной опасности, природно-географическими условиями и хозяйственно-культурным развитием.

При устройстве городищ лесостепного и лесного Зауралья чаще выбирались естественно укрепленные участки местности — мысы, террасные поселки также были повсеместно распространены, но в количественном отношении уступали. Лидирующее же положение среди ранне-средневековых поселков Нижнего, Сургутского и Верхнего Приобья занимают расположенные на террасах, холмах или гривах [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 362; Морозов, 1994, с. 17; Могильников, 1987, с. 203; Троицкая, Новиков, 1998, с. 10–15].

В лесостепной зоне наряду с одноплощадочными были распространены городища с несколькими жилыми площадками, укрепленные линейными фортификационными линиями. Так, городища бакальской культуры были одно- и двухплощадочные, для населения потчевашской культуры достоверно установлено проживание сразу на трех площадках [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 379–380], в усть-ишимское время их количество возрастало до пяти [Конилов, 1993, с. 103–108]. Увеличение числа площадок террасных поселков и доминирование одной над другой, по мнению Б.А. Конилова, связано со стремлением увеличить выживаемость поселка [Конилов, 1995, с. 75]. В таежной зоне большинство объектов одноплощадочные, значительно уступающие по площади южным синхронным. Некоторые изменения произошли в кучиминское время, когда появились городища из двух-трех жилых площадок [Федорова и др., 1991, с. 136], правда, через несколько веков они утратили свою актуальность. Среди поселков верхнеобской культуры также преобладали одноплощадочные, но выявлены и более сложные объекты [Троицкая, Новиков, 1998, с. 13, 90, рис. 3, 8].

Наибольшее распространение получили преграды, состоящие из параллельных валов и рвов, при этом ров являлся внешней преградой, за исключением Верхнего Приобья, где зафиксировано их обратное расположение [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 480; Троицкая, Новиков, 1998, с. 10–15]. Часто оборона была представлена только валом или рвом, но встречены и более сложные варианты, например линии вал-ров-вал или ров-вал-ров.

Валы потчевашского времени чаще всего были земляными, отсыпанными из грунта, вынутаго при копании рва, как это зафиксировано на городищах Сопка-1, Сперановка. Встречено и использование деревянных внутривальных конструкций, например на Мурлинке 1, Логиновском городище [Елагин, Молодин, 1991, с. 36; Очерки культурогенеза..., 1994, с. 380]. Рвы были глубокие и широкие. На Сопке 1 ширина рва по уровню материка достигала 2–3 м, глубина — 2 м [Елагин, Молодин, 1991, с. 36]. На Евангищенском городище крутые стенки рва были облицованы деревом и укреплены глиняной обмазкой [Очерки культурогенеза..., 1994, с. 380].

В усть-ишимское время остатки деревянных конструкций типа тарас отмечены на городищах Кипо-Куларовском III, Безымянном 1, Большой Пристани, Новоягодном II [Конилов, 1995, с. 77]. Земляные валы, укрепленные забором или плетнем, отмечены для верхнеобской культуры. Население юдинской культуры, по данным В.Д. Викторовой, в основу вала помещало деревянную раму или срубы шириной до 3 м, по дну рва шириной 2–3 м дополнительно устанавливался частокол в два ряда [Викторова, 1968, с. 242]. Подобный частокол отмечен Н.П. Матвеевой на Красногорском городище и соотнесен с юдинским периодом обитания на нем [Матвеева, 1997, с. 249]. Юдинское городище Святой Бор-V на р. Иске было обнесено невысоким валом, сложенным из суглинка при копке рва, и дополнительно укреплено забором [Матвеева, Бахарева, 2004, с. 174].

Валы бакальского населения почти всегда имели в своей основе деревянную конструкцию — тарасы — две параллельные стены, соединенные переводинами, заполненными изнутри культурным слоем с территории городища или извлеченным при копке рва. Судя по параметрам оборонительных линий (табл.), часть городищ ограничивались земляным валом и бревенчатой стеной на нем. Дальнейшие исследования бакальских фортификационных сооружений позволят уточнить эту гипотезу. Необходимо отметить использование глиняной обмазки при строительстве надвальных укреплений.

На территории Нижнего Приобья явно прослеживаются изменения в мощности фортификационных рубежей на протяжении средневековья, что традиционно объясняется изменением уровня военной опасности. Так, для городищ карымского времени был характерен небольшой вал, оригинально образованный за счет земляной подсыпки задних стенок построек, и неглубокий ров шириной 1–1,5 м [Федорова и др., 1991, с. 133]. Усиление защитных сооружений кучиминского времени, выразившееся в появлении бревенчатых стен и сложных воротных укреплений [Там же, с. 136], продолжилось на кинтусовском этапе, когда средняя ширина рвов достигала 4,6 м при глубине до 2, 5 м, высота валов — 0,8 м [Там же, с. 139; Морозов, 1994, с. 17]. В период позднего средневековья городища на этой территории утратили свое значение.

Дополнением к археологическим являются фольклорные материалы. Данный источник при объективном восприятии его исследователем раскрывает много интересного о тактике и стратегии войн, их причинах, возможных вариантах исхода, приемах предупреждения союзников, т.е. содержит сведения, которые не могут дать ни этнография, ни археология. Также из него можно почерпнуть информацию об устройстве оборонительных линий городищ. Так, например,

Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья

С. Патканов, анализируя былины, сказания и краткие рассказы остяков, указывает, что городки были обыкновенно укреплены валами и рвами, но, в силу небольших размеров последних, не оказывали значительной помощи осаждаемым. Для лучшей обороноспособности дополнительно возводили палисады, высотой в 7 копьевищ или саженой [Патканов, 1891, с. 69]. Несомненно, такая высота нереальна и гиперболическое сравнение в былине использовано, по всей видимости, для того чтобы показать мощь городка (не стоит забывать, что былины складывались самими остяками). Но приведенные С. Паткановым примеры убеждают нас, что отстоять город было возможно. Даже при столкновении с более мощным противником, например русскими, некоторые городки держались до трех дней [Там же, с. 17].

В фольклоре манси также встречаются сведения об укреплении городищ палисадами. В сказке о богатыре Вищ-отыр, записанной В.Н. Чернецовым, так описывается хорошо укрепленный поселок «...Палисады в небо уперлись. Бревна их вершинами за темные тучи задевают, нижними концами в подземный мир высунулись. Нигде щелочки не найти, внутрь ограды не пролезть...». Интересная деталь указывается дальше в этом же произведении. Главный герой, похитив девушку, «... домой прибежал, вокруг поселка в семь рядов палисады поставил. С внутренней стороны к ним завалы пристроил, чтобы через стену стрелять ловко было бы» [Чернецов, 1935, с. 130]. Завалы, по которым было удобно ходить и которые являлись дополнительным средством защиты, как раз могли быть тарасами или городнями, фиксируемыми по археологическим материалам; «семь рядов», возможно, указывают на эшелонированную систему обороны.

Таким образом, рассмотрев имеющиеся на сегодняшний день материалы, можно сделать следующие выводы. Средневековые городища лесостепной зоны, как правило, более мощные. Для их возведения часто выбирали естественно укрепленные участки местности — мысы. Они имели одну или две линии обороны. Цитадель, как правило, укреплена более основательно, чем вторая площадка. В основе внутривальной конструкции устанавливали тарасы, поверх которых дополнительно возводили деревянную стену. Интересно, что на городищах с менее основательными валами — насыпными, поверх которых воздвигали деревянную стену, устанавливали башни. Это зафиксировано на городищах Малое Бакальское, Логиновское и пр. Рвы в поселках бакальского и юдинского населения, как правило, были простые, стенки деревом не облицовывались.

Как свидетельствуют параметры оборонительных линий городищ (табл.), не все из них обладают мощными фортификационными сооружениями. Ряд городков слабо укреплены, обнесены небольшими валами и рвами. Это позволяет предположить различную социально-политическую функцию городищ, но для подобных выводов необходимы дополнительные исследования.

В подтаежной зоне Зауралья, являющейся ареалом преимущественно юдинской культуры, оборонительные конструкции городищ меньшей мощности. Валы в своей основе земляные (Святой Бор-5, Черепаниха), поверх них устанавливали частокол или плетень.

Рассматривая эволюцию фортификационного зодчества, следует отметить, что широкое распространение городищ в Западной Сибири наблюдается в раннем железном веке и связано с носителями иткульской и баитовской культур переходного от бронзового к раннему железному веку времени. Небольшие параметры валов и рвов, немногочисленные фрагменты дерева или угольков в заполнении позволили высказать предположение о бытовании легких каркасных защитных сооружений-заборов либо частоколов [Зими́на, Зах, 2009, с. 184; Цембалюк, 2009, с. 58]. Но уже в начале раннего железного века, на позднем этапе функционирования баитовской культуры, мощность фортификаций возрастает [Цембалюк, 2009, с. 58]. Своеобразный «расцвет» форм и вариаций фортификаций наблюдаем у носителей саргатской и гороховской культур эпохи раннего железа: укрепления в плане округло-овальных, трапециевидных, подтреугольных форм, с выступами-башнями, городища часто двух-трехплощадочные. Следует отметить вариабельность в использовании укреплений из дерева и земли. Материалы изученных памятников (Рафайловское, Коловское, Павлиново, Ак-Тау, Розановское, Марьино ущелье 4, Чудаки, Мало-Казахбаевское и др.) позволяют установить применение в укреплениях частоколов, клетей, плетней, стен, сложенных в пазово-шиповой технике, укрепление стенок рва деревом для увеличения мощности и высоты вала [Берлина, 2010, с. 16; Берлина, Попов, 2011, с. 330–331], при этом основной акцент делался как на вал (установка на валу клетей, частоколов, плетней), так и на ров (установка в ров частокола, плетня при незначительных размерах

вала), появляется традиция эскарпирования склонов. Вероятно, в это время шел поиск оптимальных и эффективных мер защиты поселков разных рангов — от крупных социально-экономических центров до небольших укрепленных поселков общины.

К началу средневековья, вероятно, был выработан оптимальный вариант защитных укреплений поселков — система вал-ров с размещением на валу деревоземляных сооружений типа тарас, при этом в основном использовались жерди до 15 см диаметром (за исключением Большого Бакальского городища, где зафиксированы бревна до 30 см), из нововведений появляется обмазка стен глиной, строительство башен, широко распространяется эскарпирование склонов. По сравнению с ранним железным веком параметры фортификаций увеличиваются, но схема укреплений становится относительно унифицированной для средневековых культур лесостепной зоны (укрепление тела вала с помощью тарас, клетей, установление поверх дополнительных заборов, частоколов, плетней), что отражает хронологический этап в развитии фортификаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Археологическая карта Курганской области.* Курган, 1993. 346 с.
- Берлина С.В.* Жилая и оборонительная архитектура населения западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2010. 18 с.
- Берлина С.В., Попов Н.А.* Фортификации племен раннего железного века лесостепного Тоболо-Ишимья // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Вел. Новгород; Старая Русса, 2011. Т. 1. С. 330–331.
- Борзунов В.А., Морозов В.М.* К изучению укрепленных поселений горно-лесного Зауралья (городище Уфа VI) // РА. 1994. № 4. С. 136–153.
- Боталов С.Г., Тидеман Е.В., Лукиных А.А., Вохменцев М.П.* Новые материалы исследований Большого Бакальского городища // Проблемы бакальской культуры: Материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск, 2008. С. 6–45.
- Викторова В.Д.* Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н.э. // Учен. зап. ПермГУ. 1968. № 191. С. 240–256.
- Гарустович Г.Н.* Керамика городища Усть-Терсюк на реке Исеть // Проблемы бакальской культуры: Материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск, 2008. С. 102–114.
- Генине В.Ф., Евдокимов В.В.* Логиновское городище // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 102–127.
- Генине В.Ф., Бушueva Т.Г.* Малое Бакальское городище // Архив ИА РАН. Р-1, № 2362. 1961. С. 166–207.
- Елагин В.С., Молодин В.И.* Бараба в начале I тысячелетия н.э. Новосибирск: Наука, 1991. 126 с.
- Зах В.А.* Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 11. С. 67–80.
- Зимица О.Ю., Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.
- Кайдалов А.И., Сечко Е.А.* Материалы эпохи средневековья городища Усть-Утяк-1 в Кетовском районе Курганской области (по результатам исследований 2002–2006 гг.) // Проблемы бакальской культуры: Материалы науч.-практ. семинара по проблемам бакальской культуры. Челябинск, 2008. С. 73–80.
- Кернер В.Ф.* Отчет о раскопках городища IV в Тюменском районе Тюменской области и о разведке археологических памятников в Варненском районе Тюменской области // Архив АКА УрГУ. Ф. II. Д. 224. 1977.
- Конилов Б.А.* Таежное Прииртышье в X–XIII вв. н.э. Омск: ИГПИ, 1993. 176 с.
- Конилов Б.А.* Об эволюции оборонительных сооружений Омского Прииртышья эпохи железа // Военное дело и средневековая археология Центральной Азии. Кемерово, 1995. С. 74–79.
- Матвеева Н.П.* Новые средневековые памятники из северной лесостепи Притоболья // Актуальные проблемы древней и средневековой истории Сибири. Томск: ТГУ, 1997. С. 245–262.
- Матвеева Н.П., Бахарева Т.Н.* Средневековое городище Святой Бор-V в лесном Зауралье // Четвертые Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 174–184.
- Матвеева Н.П., Берлина С.В., Рафикова Т.Н.* Колдовское городище. Новосибирск: Наука, 2008. 240 с.
- Матвеева Н.П., Ларина Н.С., Берлина С.В., Чукунова И.Ю.* Комплексное изучение условий жизни древнего населения западной Сибири. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.
- Матвеева Н.П., Рафикова Т.Н., Берлина С.В.* К вопросу о хронологической позиции бакальской культуры (по материалам исетских городищ) // АВ ORIGINE: Проблемы генезиса культур Сибири. Тюмень: Вектор Бук, 2007. С. 76–98.
- Могильников В.А.* Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 163–235. (Археология СССР).
- Морозов В.М.* Средневековые поселения и жилища на р. Дуван // Археологические исследования севера Евразии. Свердловск, 1982. С. 125–141.
- Морозов В.М.* Поселения и жилища таежной зоны Зауралья и Западной Сибири в эпоху средневековья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 1994. 22 с.
- Мошинская В.И., Чернецов В.Н.* Городище Андрушин городок // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 93–98.

Фортификации раннего и развитого средневековья лесостепного и подтаежного Зауралья

Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. I. Кн. 1: Поселения и жилища. Томск: Изд-во ТГУ, 1994. 489 с.

Патканов С. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. 74 с.

Потемкина Т.М., Матвеева Н.П. Большое Бакальское городище // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1997. Вып. 1. С. 39–50.

Рафикова Т.Н., Берлина С.В. Жилище бакальской культуры Усть-Терсюкского-1 городища // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 2 (46). С. 95–101.

Сальников К.В. Исетские древние поселения (по материалам обследования среднего течения реки Исети в 1940 году) // СА. 1956. XXV. С. 189–214.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. 152 с.

Федорова Н.В., Зыков А.П., Морозов В.М., Терехова Л.М. Сургутское Приобье в эпоху средневековья // ВАУ. Екатеринбург: УрГУ, 1991. С. 126–145.

Цембалюк С.И. Характеристика поселений и жилищ баитовской культуры // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. № 10. С. 57–64.

Чернецов В.Н. Вогульские сказки. Л., 1935. С. 128–137.

*Тюмень, ИПОС СО РАН

TNRafikova@yandex.ru

svb82@mail.ru

** Курганский областной краеведческий музей

alex_kaidalov@mail.ru

s.e.a.1984@mail.ru

The paper describes fortification structures of the early and developed Middle Ages with special emphasis to most studied fortifications of the Bakal culture. It is concluded that the medieval fortified settlements from the forest-steppe zone, irrespective of their cultural identity, are distinguished by a big area and strength of their defense constructions, compared with those from the sub-taiga belt. Considering evolution of defense art of building, starting with early Iron Age, it was concluded on the establishment of certain standards in the building of fortifications by the Middle Ages.

The Middle Ages, the Bakal culture, fortification structures, development and evolution of defense art of building.

ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ УРАЛО-ЗАПАДНОСИБИРСКОГО РЕГИОНА (опыт экспериментального моделирования)¹

Е.Н. Дубовцева

Орнаментальные традиции являются основанием для реконструкции этнокультурных процессов в неолите Урала и Западной Сибири. Однако методика объединения керамики в рамках определенной традиции не разработана, что приводит исследователей к взаимоисключающим выводам. В статье рассматривается понятие «орнаментальная традиция» и дается краткое описание основных орудий, использовавшихся для украшения неолитической керамики.

Орнаментация, орнаменты, орнаментальная традиция, экспериментальное моделирование, керамическая трасология, неолит Урала и Западной Сибири.

Изучение керамики всегда являлось одним из приоритетных направлений исследований в Урало-западносибирском регионе. Методика анализа древней посуды изложена в программе В.Ф. Генинга [1992], довольно популярной среди археологов. С конца 80-х гг. XX в. в регионе развивается технологическое направление в изучении древней посуды, среди его пионеров можно назвать Е.А. Гаджиеву, И.Г. Глушкова, И.В. Калинину, Л.Н. Корякову, Н.В. Тихонову. Однако особое внимание исследователей всегда привлекал орнамент на керамике. До сих пор он остается главным культуроопределяющим признаком, позволяющим выделять археологические культуры и выстраивать культурно-хронологические схемы. Большой вклад в исследование орнаментации неолитической керамики Урало-западносибирского региона внесли И.В. Калинина и Е.А. Устинова [Калинина, Устинова, 1990; Калинина, Гаджиева, 1995; Калинина, 1998]. Ими была проведена работа по технологической классификации орнамента, впервые даны четкие и понятные определения различных способов декорирования, разработаны методические основы технологического подхода в изучении орнаментации. Выполнено экспериментальное моделирование различных мотивов, в результате которого выделены естественные орнаменты. Под такими орнаментами понимаются природные формы, либо не подрабатывавшиеся, либо с незначительной подработкой рабочего края. К ним относятся челюсти и кости животных, ископаемые моллюски и т.п. Узоры, нанесенные челюстями и костями животных, были выявлены на большом количестве неолитических памятников, проведено их картографирование [Калинина, Гаджиева, 1993]. В настоящее время эта работа продолжается автором². Объект исследования — по-прежнему неолитическая керамика региона; посуда более поздних эпох исследуется в меньшем объеме, поэтому в данной статье не рассматривается. Цель исследования — выделение культурных традиций в сфере декорирования (орнаментальных традиций) неолитической посуды.

«Культурная традиция в сфере декорирования посуды» это научное понятие, используемое для обозначения сложившейся в обществе естественным путем устойчивой системы представлений, во-первых, о способах деятельности человека по декорированию посуды и, во-вторых, о виде получаемых при этом результатов. В содержательном плане понятие включает: технику и технологию создания орнамента, его стилистику и связь с формой сосуда, а также семантику орнамента [Цетлин, 2006, с. 316]. На практике это понятие чаще связывается со способом орнаментации (прочерченно-накольчатая орнаментальная традиция) или типом орнамента (гребенчатая орнаментальная традиция).

Понятие «орнаментальная традиция» лежит в основе культурогенетических исследований и исторических реконструкций в археологии [Косарев, 1974; Зах, 2005], поэтому необходимо разобраться, что же лежит в основе орнаментальной традиции. Логично предположить, что это

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФГФ в рамках проекта РФГФ № 08-01-94572 н/Мл.

² Выражаю глубокую благодарность за возможность работы с керамическими коллекциями и публикации неопубликованного материала Е.А. Васильеву, Е.А. Гаджиевой, С.Ю. Зыряновой, И.В. Калининой, В.Т. Ковалевой, Л.Л. Косинской, Г.В. Синициной, И.В. Усачевой, Н.М. Чаиркиной.

должны быть наиболее устойчивые элементы орнаментальной системы. На основе анализа керамики фатьяновской культуры Е.В. Волковой было установлено, что структурные уровни орнамента проявляют различную степень устойчивости в условиях смещения орнаментальных традиций [1998]. Более устойчивы нижние уровни (элемент, мотив), в большей степени связанные с технологией декорирования.

Как видно из названий орнаментальных традиций (гребенчатая, отступающе-накольчатая), в основе их выделения лежат технологические аспекты орнаментации, а именно способ декорирования и инструмент. Почему это происходит? На мой взгляд, это может объясняться несколькими факторами. Во-первых, технология декора неотделима от его морфологии, а следовательно, определяет визуальный образ декора того или иного культурного типа. Во-вторых, небольшое количество приемов орнаментации (6 для незубчатых орнаментов и 8 для зубчатых [Калинина, Устинова, 1990, с. 9–18]) позволяет на этом основании делать некоторые обобщения. С другой стороны, своеобразие культурных типов керамики Западной Сибири выражается не столько в мотивах орнаментации (например, волна, зигзаг), которые довольно устойчивы и повторяются из культуры в культуру, сколько в технологических аспектах декорирования, таких как форма, размер и пропорции рабочего края инструмента, угол его наклона, кинематика орнамента. Именно эти технологические признаки определяют специфику одного и того же мотива на керамике различной культурной принадлежности.

Многим коллегам эта информация кажется избыточной, однако за ней часто скрываются не только индивидуальные особенности мастера, но и тип инструмента. Из-за игнорирования таких признаков в гребенчатую орнаментальную традицию включаются и челюстные и веревочные отпечатки, в то же время к прочерченно-отступающей традиции относят узоры, выполненные зубчатыми орудиями (прочерчивание челюстями рыб и гребенчатым штампом). Это приводит к большой путанице, в результате выводы, сделанные на основе таких исследований, часто многозначны и субъективны. Таким образом, выделение орнаментальных традиций, на мой взгляд, должно производиться в первую очередь на основе определения типа орнамента.

Особая семантическая значимость орудий для декорирования подтверждается данными этнографии [Калинина, 1998, с. 117]. Использование в качестве подобных инструментов подвесок-оберегов, в том числе челюстей и костей животных, только усиливает их семантический статус. Возможно, это и, как следствие, бережное отношение к орнаментам объясняет редкость таких находок на поселениях. Последнее обстоятельство довольно часто делает экспериментальное моделирование узоров единственно возможным способом реконструкции орудий для орнаментации и способов работы ими. Таким образом, основными методами изучения культурных традиций в технологии декорирования являются эксперимент и керамическая трапология.

При таком подходе в исследовании ставятся задачи: выявление видов орнаментов, их происхождения и способов работы ими, выделение их диагностирующих признаков, хронологическое изучение распространения в регионе тех или иных видов орудий декорирования и их картографирование. Задачи решаются с использованием методов структурного и технологического анализа орнамента, бинокулярной микроскопии, экспериментального моделирования, статистического анализа и картографирования.

Процедура технологического анализа орнамента сводится к следующему:

- первый этап заключается во всестороннем изучении элементов и мотивов орнамента;
- на втором этапе орнаменты изучаются под микроскопом МБС-10 с целью выявления следов на ложе; затем с них снимаются позитивы оттисков, что дает информацию о форме рабочего края инструмента и в некоторых случаях помогает разобраться в способах декорирования;
- на третьем этапе проводится экспериментальное моделирование узоров. Задача этого этапа состоит в проверке выводов, полученных на первых этапах. С моделей также снимаются позитивы;
- на четвертом этапе, после детального сравнения археологических и экспериментальных узоров и их слепков (позитивов), делается вывод о применении того или иного вида орудия и устанавливается способ орнаментации.

Как уже говорилось, технологический анализ орнамента состоит из определения орнамента и способа работы им. Способы орнаментации подробно описаны в работе И.В. Калининой и Е.А. Устиновой [1990], поэтому остановимся на анализе орудий декорирования. На основе результатов экспериментов и находок на археологических памятниках возможна разработка

нескольких классификационных схем орнаментов. По форме рабочего края они делятся на зубчатые инструменты, стержни, фигурные и гладкие штампы; по происхождению — на естественные и искусственные.

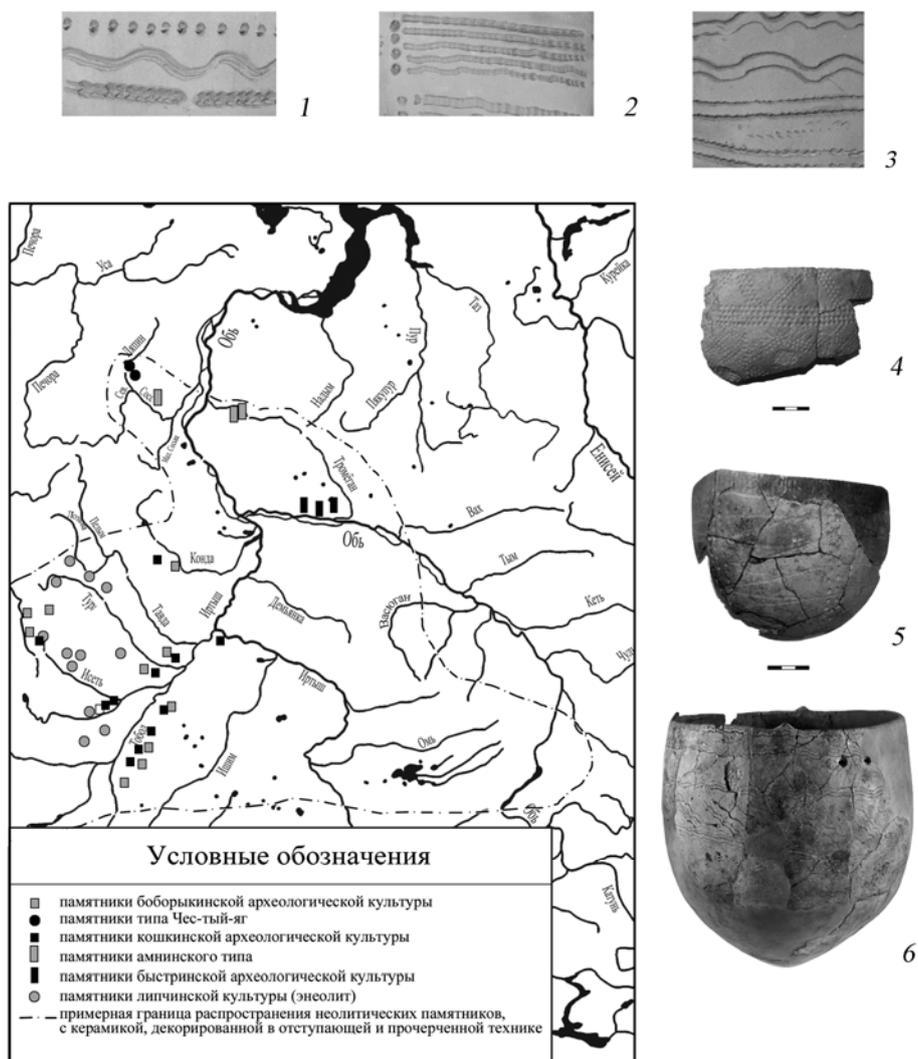

Рис. 1. Распространение керамики, украшенной в отступающей и прочерченной технике, в неолите-энеолите (по И.В. Калининой, Е.А. Гаджиевой, В.А. Заху с дополнениями автора): 1–3 — моделирование орнаментов естественными орнаментирами (экспериментальные образцы): 1 — отступление и прочерчивание клыком волка, 2 — отступление концом грифельной кости (по [Калинина, Устинова, 1990, рис. 6-Е]), 3 — прочерчивание и отступление остистыми отростками позвонков рыб; 4 — сосуд боборыкинской культуры, 5 — неолитический сосуд с пос. Чес-тый-яг; 6 — реконструированный сосуд быстринской культуры (по [Поселение Быстрый Кульеган 66..., 2006, ил. 7.1]). Фото 1, 3, 4, 5 публикуются впервые

Стержни (рис. 1). Узоры выполнялись различными стержнями с гладким рабочим краем (палочками, лопаточками). Способы орнаментации самые различные — прочерчивание, отступление, наколы, ямки. Считается, что для подобной орнаментации могла использоваться любая щепка. Однако на основе морфологического анализа и экспериментального моделирования было доказано, что это не так [Калинина, Устинова, 1990, с. 13]. Во-первых, неолитическая орнаментация отличается устойчивостью морфологии, что и позволяет выделять различные культурные типы даже при сходстве мотивов. Во-вторых, необработанная древесина оставляет хорошо заметные следы в ложе орнамента, которые трудно спутать с какими-нибудь другими. На неолитической керамике Урала и Западной Сибири такие следы встречаются редко. Проблема определения материала, из которого изготовлен орнаментир, может быть решена только

Орнаментальные традиции Урало-западносибирского региона...

при помощи трасологических методов, однако пористость черепка и наличие в нем минеральных включений значительно снижает их эффективность.

На сегодняшний день установлено, что неолитическая накольчатая прикамская керамика, а также липчинская посуда Зауралья периода энеолита украшалась обломками трубчатых костей и торцами ребер (рис. 1, 2, 6) [Калинина, Устинова, 1990, с. 13]. Керамика быстринской культуры орнаментировалась костями рыб (рис. 1, 3) [Дубовцева, 2007]. Узоры на кошкинской и боборынской посуде (рис. 1, 4) наносились как деревянными, так и костяными орудиями [Пошехонова, 2004, с. 25].

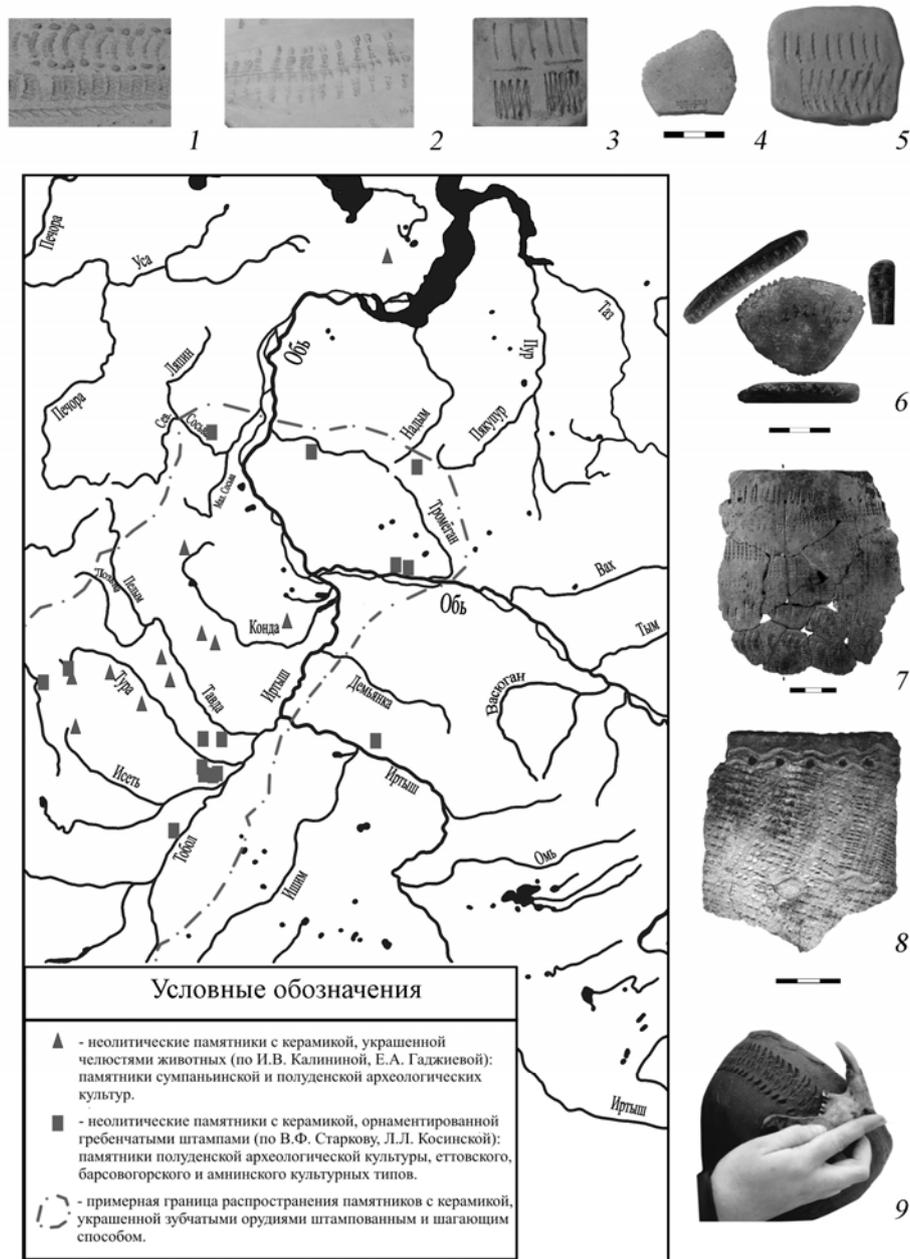

Рис. 2. Распространение керамики, украшенной челюстями животных и гребенчатыми штампами (по И.В. Калининой, Е.А. Гаджиевой, В.Ф. Старкову и Л.Л. Косинской): 1–3, 5, 9 — экспериментальные образцы орнаментации: 1 — декорирование челюстью куницы, 2 — декорирование челюстью бобра, 3, 5 — орнаментация гребенчатым штампом, 9 — процесс орнаментации челюстью бобра; 4, 6 — каменные гребенчатые штампы; 7, 8 — керамика, украшенная гребенчатым штампом: 7 — пос. Быстрый Кульеган 66, 8 — пос. «VIII пункт» на Андреевском озере. Фото публикуются впервые

Гребенчатые штампы (рис. 2). Различаются формой (прямоугольные, квадратные, трапециевидные) и размерами (мелко- или крупнозубый), количеством и организацией (простой, рамчатый) зубцов. Такие инструменты изготавливались из камня и кости. Найдены костяные штампы в силу почвенных условий очень редки, каменные инструменты известны на Урале и в Западной Сибири только с эпохи энеолита (рис. 2, 4, 6), в эпоху бронзы появляются керамические гребенчатые штампы в виде колесика, а также выполненные на торцах фрагментов сосудов. Многие известные искусственные штампы имеют несколько рабочих поверхностей, с разной нарезкой зубцов (рис. 2, 6). Поэтому гипотеза о том, что для орнаментации одного сосуда использовалось несколько инструментов или что для каждой емкости изготавливался отдельный штамп [Захожая, 1994, с. 42–51], скорее всего, не верна.

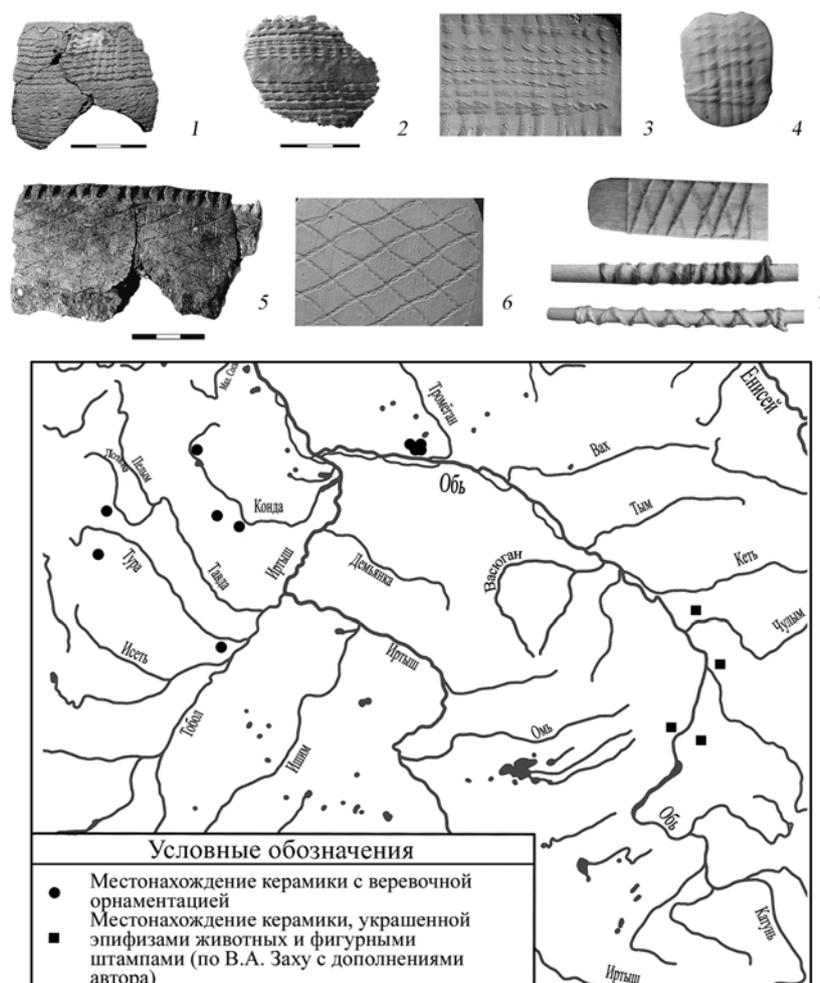

Рис. 3. Распространение керамики, украшенной веревочными и фигурными орнаментами, в эпоху неолита: 1 — фрагмент керамики с веревочным орнаментом, пос. «VIII пункт» Андреевского озера; 2 — фрагмент керамики с веревочным орнаментом, пос. Нижнее III; 3 — моделирование веревочного орнамента в технике шагания (экспериментальный образец); 4 — слепок с экспериментального образца 3; 5 — фрагмент керамики с веревочным орнаментом, пос. Енья 12; 6 — моделирование веревочного орнамента в технике проката; 7 — разновидности веревочных орнаментов; 8, 9 — фрагменты керамики с веревочной орнаментацией, пос. Барсова Гора II/8; 10 — слепок с фрагмента керамики 9; 11 — фрагмент керамики, украшенный эпифизом животного, с пос. Игреково 1. Фото публикуются впервые

Гребенчатая орнаментация появляется в регионе в раннем неолите, наиболее выразительна она на керамике еттовского, барсовогорского, сосновоостровского типов.

Естественные зубчатые орнаменты (рис. 2). На неолитической керамике Урала узоры выполнены челюстями грызунов и хищников — куницы, лисицы, бобра, зайца [Калинина, Гаджиева, 1993]. Экспериментальное моделирование узоров позволило выделить ряд диагностирующих признаков их использования, а также накопить эталонную базу челюстных оттисков различных животных (рис. 2, 1, 2, 9). Естественные орнаменты характеризуются тем, что зубцы в одном оттиске различаются по форме и размерам, некоторые из них не всегда пропечатываются, направление оттисков различается, помимо самих зубцов время от времени появляются отпечатки других частей инструмента. Челюстные орнаменты наносились в технике шагания и отступления. Однако этими же орудиями наносились и незубчатые мотивы в технике прочерчивания, отступления, накола (рис. 1, 1). Это характерно для всех челюстных орнаментов, в том числе для челюстей щук, которые использовались для украшения керамики быстринской неолитической культуры (рис. 1, 6). Наряду с челюстями использовались и остистые отростки позвонков рыб. Этими инструментами наносились прочерченные волнистые линии [Дубовцева, 2002].

Веревочные штампы (рис. 3). Это составные орудия с эластичным рабочим краем, которые представляют собой веревку, закрепленную на жесткой основе (рис. 3, 7). Декорирование производилось в технике шагания и проката (рис. 3, 1–6, 8, 10). Подобные узоры настолько схожи с гребенчатыми по морфологии, что долгое время данный тип орнаментов не выделялся. На сегодняшний день известно более 10 памятников с керамикой, украшенной веревочными штампами. Они относятся к разным периодам неолита и разным культурным типам [Дубовцева, 2011].

Фигурные штампы (рис. 3). Орнаментация производилась в технике штампования и накола. Формы штампов могут быть самыми различными. В качестве таких орудий служили как специально изготовленные стерженьки с рельефной рабочей поверхностью [Зах, 1990], так и естественные формы. В Томском и Нарымском Приобье встречаются узоры, выполненные эпифизами и метаподиями животных (Сартынья I, Игреково I, II) (рис. 3, 11).

Очевидно, что в каждом из рассмотренных видов орнаментов можно выделить подвиды и варианты. На каждом поселении отдавали предпочтение тем или иным видам инструментов. Но довольно часто в одном жилищном комплексе встречается посуда, украшенная разными инструментами. Так, гребенчатая посуда практически всегда встречается вместе с керамикой, украшенной в отступающе-накольчатой технике. Веревочная орнаментация довольно часто сочетается с прочерчиванием (Нижнее 3, Быстрый Кульёган 66). Как уже говорилось, зубчатыми инструментами (особенно естественными) наносились и незубчатые мотивы, ярким примером этого является полуденская керамика. Таким образом, между двумя способами орнаментации нет жесткой границы. Картографирование показало, что ареалы орнаментальных традиций накладываются друг на друга (рис. 1, 3).

Культурные образования Урало-западносибирского региона отличаются размытостью своих границ. Часто керамические комплексы с поселений содержат керамику, относящуюся к различным культурным группам. Гораздо реже встречаются так называемые чистые комплексы. Возможно, это объясняется механизмом распространения керамики в Западной Сибири. По мнению Л.Л. Косинской, продвижение керамики на север следует рассматривать как элемент культурной диффузии [2002, с. 222]. В результате этого процесса происходило активное взаимодействие не только «готовой технологии», но и стилистических особенностей, чем, видимо, можно объяснить широкое бытование сходных орнаментальных мотивов в неолите. Технология же орнаментации свидетельствует не столько о единстве, сколько о разобщенности неолитического населения: для каждой из культурных групп характерен свой набор инструментов, различающихся по форме и материалам, из которых они изготовлены. Анализ их распространения в совокупности со стилистическими особенностями, субстратными и приспособительными навыками производства керамических изделий позволит, возможно, более обоснованно решать вопросы развития и взаимодействия культурных образований региона. Слабо разработанная методика изучения семантики древних орнаментов не позволяет увязывать выделенные типы древней орнаментики с определенными этносами. На сегодняшний день методически обеспечено лишь изучение стилистических и технологических аспектов орнаментальных традиций, что вполне достаточно для археологической классификации, но абсолютно недостаточно для исторических реконструкций.

Изучение орнаментальных традиций эпохи неолита Урало-западносибирского региона находится в начальной стадии, поэтому, на мой взгляд, на этом этапе следует отказаться от объединения отдельных культурных типов керамики в орнаментальные области, во всяком случае в том виде, в котором мы представляем их сегодня. Выделение орнаментальных традиций в неолите возможно только на основе глубокого стилистического и технологического анализа узоров, который для большего числа коллекций не проводился.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волкова Е.В. Керамика Волосово-Даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. М., 1998. 201 с.

Генинг В.Ф. Древняя керамика: Методы и программы исследования в археологии. Киев: Наук. думка, 1992. 188 с.

Дубовцева Е.Н. Использование челюстей и костей рыб для орнаментации древней керамики // Россия: История и современность. Сургут, 2002. С. 5–8.

Дубовцева Е.Н. Использование веревки для орнаментации неолитической керамики севера Западной Сибири // РА. 2011. № 2. С. 16–26.

Дубовцева Е.Н. Орнаменты для керамики пос. Быстрый Кульёган 66 // Учен. зап. Нижнетагильской государственной социально-педагогической академии. Ниж. Тагил, 2007. С. 43–50.

Зах В.А. Фигурно-штампованная неолитическая керамика стоянки Иня 11 // Древняя керамика Сибири: Типология, технология, семантика. Новосибирск, 1990. С. 5–8.

Зах В.А. К проблеме неолитизации Западной Сибири // АВ ОВО: Проблемы генезиса культуры. Тюмень, 2005. С. 60–70.

Захожая Т.М. Орнаменты и технология нанесения узоров на посуде поселения Чилимка III // Экспериментальная археология. Тобольск, 1994. Вып. 3. С. 42–51.

Калинина И.В. Семантика и технология древних орнаментов // Твер. археол. сб. Тверь, 1998. Вып. 3. С. 116–124.

Калинина И.В., Гаджиева Е.А. Архаические орнаменты для керамики // Ad Polus: Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10. С. 87.

Калинина И.В., Гаджиева Е.А. Использование челюстей животных для орнаментации древней керамики // РА. 1995. № 2. С. 69–82.

Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической керамики Уральского региона // Археол. сб. Государственного Эрмитажа. Л., 1990. Вып. 30. С. 7–19.

Косарев М.Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М.: Наука, 1974. 162 с.

Косинская Л.Л. Неолит севера Западной Сибири: Генезис и связи // Твер. археол. сб. Тверь, 2002. Вып. 5. С. 215–223.

Поселение Быстрый Кульёган 66: Памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / Под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова. Екатеринбург; Сургут: Урал. изд-во, 2006. С. 13–19.

Пошехонова О.Е. Особенности керамического производства у неолитического населения Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2004. № 5. С. 20–26.

Цетлин Ю.Б. К разработке системы описания графического орнамента на керамике // Твер. археол. сб. Тверь, 2006. Вып. 6. С. 316–328.

Екатеринбург, Уральский федеральный университет
ket1980@yandex.ru

Ornamental traditions stay the foundation for reconstruction of ethnocultural processes in the Neolithic of the Urals and West Siberia. However, methods of combining pottery within the limits of a certain tradition remains undeveloped, bringing researchers to mutually exclusive conclusions. The article considers a notion of «ornamental tradition», briefly describing basic decorating implements used for ornamentation of the Neolithic pottery.

Ornamentation, ornamenting stamps, ornamental tradition, experimental modeling, pottery trace evidence, Neolithic of the Urals and West Siberia.

АНТРОПОЛОГИЯ

ОЦЕНКА ВЗАИМОСВЯЗИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК И КОНЦЕНТРАЦИЙ МИКРОЭЛЕМЕНТОВ У СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АРКТИЧЕСКОГО АДАПТИВНОГО ТИПА¹

А.П. Бужилова, В.А. Бацевич, А.Ю. Бердиева, Д.Ю. Зорина, О.В. Ясина

Статья посвящена оценке взаимосвязи между концентрациями ряда микроэлементов в волосах и морфологическими признаками у представителей двух групп арктического адаптивного типа, обследованных на территории Чукотского полуострова. Анализ ранговых корреляций показал, что статистически достоверные различия между популяциями чукчей и эскимосов фиксируются главным образом в мужских выборках, тогда как в женских обнаруживается сходство морфологического и микроэлементного статуса. Тенденции, наблюдаемые в мужских группах, можно рассматривать как вероятное отражение различий в питании эскимосов и чукчей с большей долей морепродуктов в рационе у первых. Отсутствие корреляционных связей у женщин разных этнических групп может быть объяснено снижением межгрупповых различий на фоне более значительного полового диморфизма. Наибольшее число статистически достоверных связей выявлено между морфологическими характеристиками и уровнями таких микроэлементов, как цинк, хром, железо, ртуть и марганец. Обнаружена положительная по направленности взаимосвязь уровней цинка, хрома, марганца в волосах и величинами ряда продольных, обхватных и поперечных размеров тела, что позволяет отчасти объяснить сужение вариабельности тотальных размеров в арктических группах следствием специфического уровня поступления этих микроэлементов из окружающей среды. В особенности это касается пониженных концентраций цинка. При анализе статистических связей с показателями развития жировой ткани прослеживаются две разнонаправленные тенденции: положительная взаимосвязь размеров жировых складок и концентраций ртути; отрицательные корреляции величин жировых складок на конечностях с уровнем железа. Результаты настоящего исследования свидетельствуют о возможности использования обнаруженных корреляций в качестве оценки степени воздействия геохимических средовых факторов на организм человека, что наиболее актуально при анализе адаптационных способностей населения в экстремальных условиях среды.

Антропозкология, микроэлементы, морфология тела, элементный состав волос, эскимосы, чукчи, арктический адаптивный тип, геохимическая экология человека.

Введение

Климатогеографические условия арктического региона отличаются суровостью: низкими температурами, господством ветреных погод с метелями и ураганами зимой, длительным периодом без солнечного освещения, низкой фитопродукцией ландшафтов. Эти территории характеризуются также своеобразием микроэлементного состава почв и воды. Вследствие воздействия климатогеографических стрессовых факторов человеческий организм испытывает высокие потребности в энергии. Несомненно, влияние комплекса средовых условий должно было сыграть свою роль в формировании у коренного населения арктических широт приспособительных особенностей, которые выражаются на разных уровнях организации: морфологическом, физиологическом и биохимическом.

Т.И. Алексеева [1986] отмечает, что аборигенам территории Арктики и Субарктики (арктический адаптивный тип) присущ ряд морфологических особенностей. К ним относятся: массивное телосложение с хорошо развитым плечевым поясом; крупная цилиндрическая грудная клетка; повышенная частота мускульного типа телосложения при практическом отсутствии астенических форм; характерное снижение вариабельности антропологических признаков по сравнению с населением умеренной зоны. На примере нескольких популяций чукчей и эскимос-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 11-06-00139-а).

сов как представителей арктических групп Н.И. Клевцова [1976] выявила своеобразный комплекс соматических особенностей, сочетающий массивность тела с пониженным жиротложением. Сравнительный анализ показал, что эскимосы и чукчи обладают небольшой длиной тела в сочетании с большими обхватными размерами туловища и конечностей, большим весом. При изучении пропорций тела обнаруживается относительная длинноноготь и одновременно относительная короткорукость. Судя по абсолютным и относительным размерам тела, все они характеризуются высокими терморегуляционными свойствами, значительной массивностью скелета, высокими скоростями обмена веществ [Алексеева, 1977; Бужилова, Казеева, 2011].

Для ряда морфологических признаков получены весьма высокие и достоверные коэффициенты корреляции с холодным индексом Бодмана [Давыдова, 1972]. Вследствие потребления большого количества жиров морских животных у аборигенов фиксируется своеобразный тип обмена веществ, связанный с изменением баланса фракций холестерина в пользу липопротеидов высокой плотности [Bang, Dyerberg, 1972; Dyerberg et al., 1975]. Для арктических популяций Чукотки характерна высокая минерализация скелета, несмотря на наличие ультрапресных источников поверхностных питьевых вод [Павловский, 1987].

Воздействие географической среды на человека разнообразно. Помимо климатических и географических факторов, необходимо учитывать роль геохимических факторов. Одним из методов оценки элементного статуса организма является микроэлементный анализ волос [Бацевич, Ясина, 1992; Голубкина и др., 1996; Скальный, 2004; Alfassi, 1994; Batzevich, 1995; Egeland et al., 2009].

Из литературных источников известно, что содержание микроэлементов в организме человека зависит от их концентраций в различных компонентах окружающей среды — почвообразующих породах, почвах, природных водах, атмосферном воздухе [Ковальский, 1982; Башкин, 2004; Скальный, 2004]. Химический состав организма стабилен благодаря регуляторным процессам гомеостаза, но может меняться в зависимости от состава среды в районах геохимических аномалий [Бацевич, Ясина, 1989; Куценогий и др., 2010]. Это особенно актуально в условиях Севера, где человек испытывает неблагоприятное воздействие комплекса природно-климатических факторов. Негативное влияние на организм человека усиливается геохимическим окружением: обедненные по большинству биогенных элементов почвы и ультрапресные поверхностные воды могут оказывать специфическое воздействие, вплоть до патологий [Алексеева, 1977, 1986; Алексеева и др., 2008; Панин, 1980; Тутельян и др., 2002; Скальный и др., 2004]. Биогенные химические элементы, входящие в состав ферментов, гормонов, витаминов и реализующие их действие, принимают участие в выполнении важнейших физиологических функций и адаптации организма к окружающей среде [Авцын и др., 1991; Сусликов, 2000; Тутельян и др., 2002; Скальный и др., 2004]. В экстремальных условиях Севера физиологические механизмы адаптивной перестройки организма могут закономерно приводить к сдвигу микроэлементного гомеостаза и возникновению акклиматизационного дефицита микроэлементов, что влечет за собой повышенную потребность организма в жизненно важных микроэлементах [Авцын и др., 1985, 1991; Панин, 2010]. Нередко наблюдается и обратная тенденция, когда в результате адаптивной перестройки фиксируется избыточное содержание ряда элементов в организме людей, проживающих в экстремальных условиях [Теддер, Жаворонков, 1988].

В настоящее время накоплен достаточно большой объем информации по микроэлементному статусу жителей различных территорий [Бацевич, Ясина, 1989; Куценогий и др., 2010; Ristic-Medic et al., 2009; Harvey et al., 2009; Ashton et al., 2009; Lowe et al., 2009]. При оценке микроэлементного статуса арктических групп на примере эскимосов и чукчей удалось выявить ряд особенностей. Было обнаружено повышенное содержание ртути (высокотоксичный для организма человека элемент) и высокое содержание жизненно необходимого элемента — селена. Подчеркнем, что распределение концентраций двух этих элементов в изучаемых группах соответствует районам геохимических аномалий с избыточным поступлением элементов из среды. Также было показано пониженное содержание марганца в волосах жителей Чукотки, что может быть следствием физиологических приспособлений к условиям Арктики [Зорина, Бацевич, 2011].

Полученные данные по морфологии и микроэлементному статусу у аборигенов Чукотки отражают, по мнению ряда авторов, результаты адаптационных процессов, развивавшихся под воздействием климатогеографических стрессоров этого региона [Алексеева, 1977, 1986; Козлов, 2008]. Однако пока сведения о возможной взаимосвязи содержания микроэлементов в организме человека и морфологической специфики представителей арктических групп случайны и несистемны [Скальный, 2004; Куценогий и др., 2010].

Оценка взаимосвязи морфологических характеристик и концентраций микроэлементов...

Цель нашей работы — выявление и анализ возможных связей между микроэлементным статусом и морфологическими характеристиками чукчей и эскимосов в качестве своеобразного морфофизиологического маркера степени воздействия биогеохимических условий на представителей коренного населения Арктики.

Материалы и методы

Материалы для настоящего исследования были собраны в результате комплексных антропологических экспедиций Института этнографии АН СССР и Института антропологии МГУ, работавших под руководством В.П. Алексеева и Т.И. Алексеевой в 1970 и 1971 гг.

В работу вошли данные по морфологии и микроэлементному составу волос 72 эскимосов (35 мужчин и 37 женщин) и 70 чукчей (30 мужчин и 40 женщин) в возрасте 18–59 лет, проживающих в поселках Магаданской области. Территория проживания эскимосов и чукчей не относится к зонам с высокой техногенной нагрузкой; таким образом, поставленная задача может быть решена без учета влияния антропогенных факторов среды.

По морфологической программе первичные материалы получены в ходе полевых исследований сотрудников НИИ и Музея антропологии МГУ Н.С. Смирновой и Н.И. Клевцовой. В 1970 г. измерения эскимосов и чукчей проводились Н.С. Смирновой (пп. Уэлен и Лорино Чукотского р-на Магаданской обл.); в 1971 г. — Н.И. Клевцовой (пп. Сиреники и Новое Чаплино Провиденского р-на Магаданской обл.; Нунымо Магаданской обл.). Измерения проводились по стандартной методике, принятой в Институте антропологии МГУ [Бунак, 1941]. Результаты морфологического анализа исследуемых групп были опубликованы ранее в нескольких работах [Клевцова, Смирнова, 1974; Клевцова, 1976]. В настоящем исследовании использовались индивидуальные данные по длиннотным, широтным и обхватным размерам, а также результаты измерений жировых складок. Вошли в анализ и некоторые расчетные признаки (мышкульные радиусы, общее количество жира и др.). Анализ проводился методами одномерной и многомерной статистики [Бужилова, Казеева, 2011].

Образцы волос для микроэлементного анализа были собраны Т.И. Алексеевой у тех же индивидуумов, что и данные по морфологии. Согласно методическим рекомендациям отбиралась часть волоса, близкая к корню, с затылочной и теменной частями головы, которая не подвергалась химическому воздействию. Определение концентраций микроэлементов в волосах выполнено В.А.Бацевичем и О.В.Ясиной в лаборатории активационного анализа Института ядерной физики (Узбекистан). Для фиксации элементного состава волос применялся метод инструментального нейтронно-активационного анализа [Бацевич, 1988]. В работу вошли данные по содержанию в волосах ряда жизненно необходимых элементов: цинка (Zn), железа (Fe), селена (Se), меди (Cu), хрома (Cr), кобальта (Co), марганца (Mn) — и токсичных элементов: ртути (Hg), сурьмы (Sb), а также элементов, биологическая роль которых еще не установлена: скандия (Sc) и золота (Au).

Статистический анализ содержания микроэлементов в волосах эскимосов и чукчей основывался на значениях медиан, поскольку распределение концентраций большинства элементов в этих группах имеет сильную правостороннюю асимметрию [Бацевич, 1988; Бацевич, Ясина, 1992; Зорина, 2010]. Для оценки различий микроэлементного состава волос у чукчей и эскимосов было проведено сравнение с использованием рангового критерия Манна — Уитни.

Для оценки связи между концентрациями микроэлементов в волосах и морфологическими признаками использовались ранговые коэффициенты корреляции Спирмена. Для более детальной оценки связи было проведено дополнительное внутригрупповое сравнение, когда каждая из выборок чукчей и эскимосов разделялась на две части в зависимости от величины содержания микроэлементов в волосах. В первую группу были включены индивиды со значением концентрации микроэлементов меньше медианы, во вторую — индивиды с большими, чем медиана, значениями. Для каждой из групп проводился анализ морфологического статуса, а затем — сравнение по выделенным признакам с учетом статистической значимости различий. Такая процедура была выполнена для каждого изучаемого микроэлемента.

Все расчеты по данным морфологии, микроэлементному составу и сравнительному анализу признаков проводились в пакете программы Statistica 8.0.

Результаты и обсуждение

Итоги определения концентраций микроэлементов в волосах исследуемых групп представлены в табл. 1. Приведены рассчитанные средние арифметические величины, медианы, стан-

дартные отклонения и размах концентраций. Как и в других популяциях, статистическое распределение концентраций большинства элементов, за исключением цинка и меди, в волосах эскимосов и чукчей отличается от нормального, и имеет сильную правостороннюю асимметрию.

Таблица 1

Концентрации микроэлементов в волосах чукчей и эскимосов

Элемент	Группа	Мужчины чукчи (n = 30), эскимосы (n = 35)				Женщины чукчи (n = 40), эскимосы (n = 37)			
		Me	X	s	Min–Max	Me	X	s	Min–Max
Se	Чукчи	0,812	1,49	3,65	0,051–20,2	0,837	1,93	3,55	0,051–15,5
	Эскимосы	0,928	3,95	8,29	0,026–41,1	0,748	2,58	5,66	0,026–30,9
Zn	Чукчи	178,5	171,9	30,9	93,4–226,2	165,7	160,8	39,1	67,3–303,5
	Эскимосы	172,2	175,7	41,9	102,0–278,5	163,9	157,8	35,7	84,7–228,3
Fe	Чукчи	79,0	104,0	114,6	5,3–651,5	40,8	51,3	43,3	5,31–247,3
	Эскимосы	49,1	54,8	33,3	3,02–130,3	34,1	33,5	19,3	6,03–64,3
Cu	Чукчи	17,7	18,7	6,62	3,93–33,5	12,1	15,1	6,61	7,60–30,8
	Эскимосы	20,3	20,4	8,19	6,54–41,4	13,3	13,7	4,76	4,363–23,1
Cr	Чукчи	0,422	0,885	2,26	0,085–12,8	0,295	0,335	0,215	0,085–1,04
	Эскимосы	0,325	0,496	0,661	0,072–3,75	0,248	0,249	0,114	0,072–0,556
Mn	Чукчи	1,29	1,34	0,926	0,289–3,80	0,978	1,19	1,02	0,134–5,17
	Эскимосы	0,624	0,797	0,598	0,218–2,68	0,631	1,07	1,04	0,096–5,22
Co	Чукчи	0,059	0,066	0,063	0,004–0,264	0,056	0,072	0,077	0,004–0,380
	Эскимосы	0,055	0,055	0,038	0,013–0,201	0,051	0,062	0,055	0,013–0,285
Hg	Чукчи	0,638	0,969	1,49	0,153–8,43	0,482	0,920	2,06	0,029–12,9
	Эскимосы	0,722	0,851	0,653	0,094–3,87	0,726	0,879	0,577	0,188–3,34
Sb	Чукчи	0,366	0,495	0,497	0,023–2,36	0,155	0,268	0,291	0,021–1,08
	Эскимосы	0,301	0,475	0,717	0,04–4,34	0,146	0,231	0,271	0,027–1,47
Sc	Чукчи	0,018	0,022	0,015	0,002–0,069	0,013	0,015	0,014	0,002–0,069
	Эскимосы	0,014	0,017	0,011	0,001–0,047	0,013	0,014	0,013	0,001–0,068
Au	Чукчи	0,023	0,026	0,025	0,001–0,139	0,016	0,020	0,010	0,007–0,049
	Эскимосы	0,014	0,017	0,013	0,003–0,052	0,017	0,026	0,031	0,003–0,138

Межгрупповое сравнение полученных данных по каждому элементу с использованием рангового критерия Манна — Уитни в женской части популяций показало очевидную близость чукчанок и эскимосок, для которых было выявлено статистически достоверное различие по содержанию только одного элемента — ртути ($p < 0,01$). Концентрации этого элемента были выше в волосах эскимосок. По морфологическим данным у женщин изучаемых этносов также наблюдается сходство, они представляют в основном мезопластический тип сложения [Клевцова, 1976].

При оценке микроэлементного статуса для мужской части выявлены достоверные различия между группами по нескольким элементам: марганцу ($p < 0,01$), хрому ($p < 0,05$), железу ($p < 0,01$) и золоту ($p < 0,05$). В целом их концентрации выше у мужчин чукчей. Кроме того, при сходстве медиан некоторых микроэлементов наблюдается относительно бóльший разброс значений концентраций элемента в выборке чукчей (табл. 1). Заметим, что, при очевидной морфологической схожести мужчин, у эскимосов и чукчей есть определенные соматические различия. В целом показатели длины тела и туловища, длины руки у эскимосов ниже, а развитие жирового компонента выше, чем у чукчей.

Прежде чем перейти к анализу корреляций, обратим внимание на несколько моментов, важных для понимания механизмов адаптации к экстремальным условиям среды. Во-первых, при анализе вариаций микроэлементов необходимо учитывать общность и стабильность геохимической среды обитания, поскольку описываемые в работе чукчи и эскимосы проживали на одной территории. Выполненный ранее многомерный Q-факторный анализ подтверждает положение о сходстве изучаемых групп по комплексу концентраций микроэлементов [Batzevich, 1995]. Во-вторых, следует иметь в виду и преобладающую схожесть соматотипов исследованного населения (относительно длинноногий, но короткорукый, широкоплечий и широкоплечий массивный тип с повышенным развитием мускулатуры и с пониженным жиротложением). Первые две особенности позволяют объединять результаты корреляционного анализа по разным этническим группам и аппроксимировать их на изучаемые популяции арктического адаптивного типа. В-третьих, следует принять во внимание различия в концентрациях отдельных элементов между разнополыми выборками и широкий интервал изменчивости показателей микроэлементного статуса у мужчин.

Оценка взаимосвязи морфологических характеристик и концентраций микроэлементов...

Анализ ранговых корреляций дал незначительное число достоверных связей между анализируемыми морфологическими признаками и уровнем концентраций пула микроэлементов. Величина корреляций достигает средних абсолютных значений, и они фиксируются главным образом в мужской части выборки. Существенные различия между этническими группами отмечаются только в случае распределения хрома и некоторых морфологических показателей, но не по величине признака, а по разнонаправленности связей. Наибольшее число достоверных связей между морфологическими показателями и концентрациями микроэлементов выявлено для цинка, хрома, железа, ртути и марганца. Напомним, что по трем из них (хрому, железу и марганцу) обнаружены достоверные различия между мужскими выборками эскимосов и чукчей. Таким образом, уже на этом этапе исследования выделяются микроэлементы, наиболее значимые для обсуждения специфики морфологического статуса арктического адаптивного типа, которые и будут анализироваться далее.

Цинк. При изучении взаимосвязей всего комплекса морфологических характеристик с концентрациями цинка были получены статистически достоверные положительные корреляции средней величины только в выборке эскимосов, а в выборке чукчей достоверных связей не выявлено (рис. 1). У эскимосов обнаруживается взаимосвязь концентраций цинка и длины тела и туловища, ширины плеч и обхватных размеров конечностей, эпифизарных диаметров. Кроме того, в группе индивидов с повышенным содержанием цинка по сравнению с группой, где этот элемент имеет низкие концентрации, отчетливо наблюдается относительное увеличение длиннотных размеров тела и обезжиренной массы тела (табл. 2).

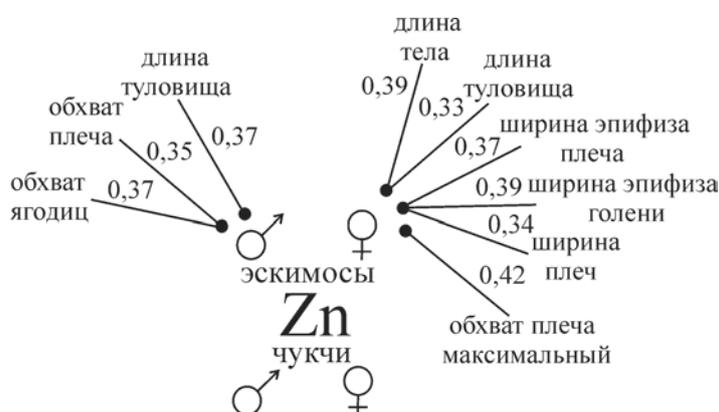

Рис. 1. Корреляционные связи между концентрациями цинка в волосах и морфологическими признаками ($p < 0,05$) (пояснения к рис. 1–5 см. в тексте)

Как показали специальные исследования, у мужчин потребность в цинке больше и они чаще страдают от гипоцинкемии [Prasad et al., 1963; Авцын и др., 1991]. В условиях дефицита цинка замедляются темпы роста и полового созревания, прекращается нарастание мышечной массы, что можно наблюдать у детей и подростков. Положительные корреляции содержания цинка в волосах с такими интегральными показателями физического развития в детских группах, как длина тела и вес, могут достигать 0,4 и выше [Бацевич и др., 2001].

Кроме того, по степени полового диморфизма по концентрации цинка в волосах можно судить об обеспеченности изучаемых групп этим микроэлементом [Бацевич, Ясина, 1989]. У мужчин, по сравнению с женщинами, преобладают центральные варианты распределения концентраций и сужен размах изменчивости, что может указывать на более жесткий контроль метаболизма цинка в организме. Если распределение в женской части популяции имеет выраженную правостороннюю асимметрию, а медиана больше, чем у мужчин, то в данной группе угрозы гипоцинкемии нет.

В нашем случае распределение этого микроэлемента у женщин близко к «мужскому» варианту, что позволяет предположить в группе цинковый дефицит (табл. 1). Таким образом, находится возможное объяснение относительному занижению величин основных длиннотных размеров у эскимосов по сравнению с чукчами.

Оценивая тенденции распределения цинка в популяциях чукчей, можно отметить сходные направления изменчивости, но с выраженной тенденцией к повышенному поступлению данного микроэлемента по сравнению с эскимосами (табл. 1).

Сравнительный анализ морфологических признаков в зависимости от концентраций цинка у женщин эскимосов ($p < 0,05$)*

Признак	Эскимосы-1			Эскимосы-2		
	n	X	s	n	X	s
Длина тела, см	19	1507,6	41,6	18	1544,6	39,6
Длина ноги, см	19	79,8	3,2	18	81,8	2,2
Длина корпуса, см	19	70,9	2,0	18	72,7	3,0
Длина туловища, см	19	46,7	1,6	18	48,5	2,9
Длина бедра, см	19	39,9	2,0	18	41,4	1,6
Обхват предплечья (макс.), мм	19	230,2	12,6	18	243,1	13,5
Обхват голени (мин.), мм	18	198,2	15,7	18	212,9	20,8
Обезжиренная масса тела, кг	18	43,5	4,5	18	47,1	5,2

* Представлены результаты сравнения по *t*-критерию Стьюдента морфологических признаков женщин эскимосов с пониженным содержанием (эскимосы-1) и с повышенным содержанием (эскимосы-2) цинка в волосах. Приведены только достоверные различия по морфологическим признакам ($p < 0,05$).

Итак, полученные результаты свидетельствуют о возможности дефицита цинка в арктических группах. Выявленная взаимосвязь концентраций цинка и некоторых морфологических показателей с учетом обнаруженного дефицита элемента может отчасти объяснить неоднократно обсуждаемое морфологами сужение интервала изменчивости (на популяционном уровне) ряда длиннотных размеров у представителей арктического адаптивного типа.

Хром. При оценке взаимосвязи концентрации хрома и морфологических характеристик выявляются достоверные корреляции в мужских группах чукчей и эскимосов. В выборке чукчей концентрации хрома маркируют увеличение показателей длины тела и обхватных размеров конечностей (рис. 2). При этом максимальных значений достигают связи по обхватным размерам и радиусам дистальных отделов конечностей (предплечья и голени).

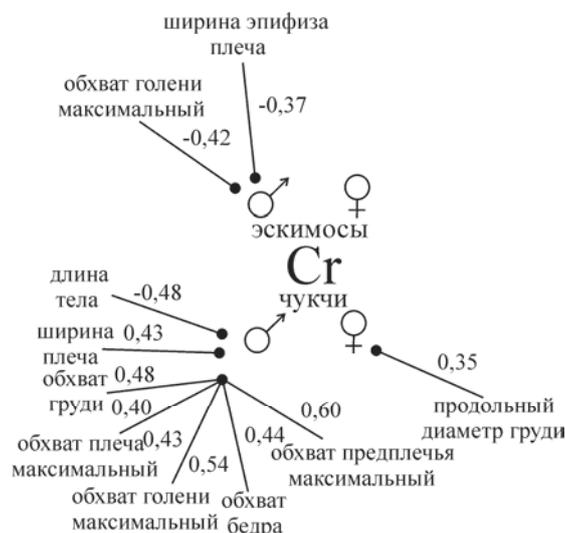

Рис. 2. Корреляционные связи между концентрациями хрома в волосах и морфологическими признаками ($p < 0,05$)

При сопоставлении групп чукчей с низкими и высокими концентрациями хрома отмечена отчетливая статистически достоверная динамика: в группе с высокими концентрациями хрома зафиксированы бóльшие по значению обхватные размеры и показатели развития жирового компонента (табл. 3).

В мужской выборке эскимосов обнаружена отрицательная статистическая связь между концентрациями хрома и обхватами голени и ширинами эпифиза плеча (рис. 2).

Как указывалось выше, именно по хрому выявлены достоверные различия в мужских выборках эскимосов и чукчей. Размах изменчивости концентраций этого микроэлемента в группе

Оценка взаимосвязи морфологических характеристик и концентраций микроэлементов...

чукчей значительно выше по сравнению с группой эскимосов (табл. 1). Таким образом, величина его поступления из внешней среды и содержание в организме могут оказывать влияние на морфологическую дифференциацию изучаемых арктических групп. Следует обратить внимание на статистически достоверную динамику увеличения обхватных размеров и показателей жирового компонента с увеличением концентрации хрома у чукотского населения.

Таблица 3

Сравнительный анализ морфологических признаков в зависимости от концентраций хрома у мужчин чукчей ($p < 0,05$)*

Признак	Чукчи-1			Чукчи-2		
	n	X	s	n	X	s
Обхват талии, см	12	77,99	4,98	22	83,60	1,05
Обхват плеча см	21	27,45	1,51	22	28,87	2,61
Обхват предплечья макс, см	22	26,64	1,18	22	28,19	2,43
Обхват предплечья мин, см	22	17,65	0,68	22	18,29	0,99
Обхват бедра, см	22	50,72	2,23	22	53,68	5,29
Обхват голени макс, см	22	33,55	2,16	20	35,67	1,99
Мышечный радиус плеча, см	21	6,04	1,66	23	7,96	3,18
Мышечный радиус голени, см	23	3,65	1,37	23	4,91	2,47
Жировая складка на трицепсе, мм	23	5,87	1,58	23	7,48	3,07
Жировая складка на предплечье, мм	23	8,04	1,58	23	10,52	4,88
Жировая складка на голени, мм	23	7,22	2,33	23	10,74	5,99
Жировая складка под лопаткой, мм	23	8,57	2,66	23	12,74	7,69
Жировая складка на груди, мм	23	6,21	1,21	22	8,64	4,03
Жировая складка на животе, мм	22	6,88	1,30	21	10,06	5,56
Средняя жировая складка, мм	21	4,35	0,24	19	4,61	0,38
Общее количество жира, кг	21	5,31	0,34	20	5,64	0,31

* Представлены результаты сравнения по *t*-критерию Стьюдента морфологических признаков чукчей с пониженным содержанием (чукчи-1) и с повышенным содержанием (чукчи-2) хрома в волосах. Приведены только достоверные различия по морфологическим признакам ($p < 0,05$).

Влияние хрома на липидный обмен хорошо известно. Хром усиливает действие инсулина во всех метаболических процессах, регулируемых этим гормоном, т.е. увеличивает проницаемость плазматических мембран для глюкозы, активирует ключевые ферменты гликолиза, стимулирует образование в печени и мышцах из глюкозы гликогена, усиливает синтез жиров и белков. Кроме того, подавляется активность ферментов, расщепляющих гликоген и жиры [Авцын и др., 1991; Скальный, 2004].

Ртуть. При исследовании арктических групп наиболее отчетливая тенденция взаимосвязи размеров жировых складок и концентраций микроэлемента обнаружена для ртути. Выделенные связи положительные (0,4–0,5). Данные корреляции характерны в большей степени для мужчин эскимосов (рис. 3). У женщин чукчей отмечены достоверные связи концентраций ртути (помимо взаимосвязи с размерами жировых складок) еще с обхватом талии и продольным диаметром груди, что логично, учитывая вклад жировой компоненты в развитие этих признаков.

Исследователи регионов Севера часто обращают внимание на повышенное содержание ртути в организме жителей прибрежной зоны [Куценогий и др., 2010; Galster, 1976; Nylander, Goodsite, 2006; Bonefeld-Jorgensen, 2010]. Считается, что концентрация ртути напрямую связана с потреблением в пищу мяса морских животных и рыбы. Эта связь подтверждается в группах, для которых морские продукты являются важной частью диеты. У индивидов, ежедневно потреблявших мясо тюленей, отмечаются наибольшие уровни этого элемента [Alfassi, 1994]. Результаты предыдущих исследований подтверждают широкое распространение повышенных концентраций ртути в волосах эскимосов и других прибрежных групп [Бацевич, Ясина, 1989].

В изученных арктических популяциях выявлена очевидная взаимосвязь уровня ртути в волосах и показателей жирового компонента. У эскимосов обнаружены статистически достоверные связи почти со всеми жировыми складками и производными от них признаками. У чукчей тенденции сохраняются, но указанные отношения выражены в меньшей степени. На рис. 3 представлены только наиболее выраженные корреляции. Вполне вероятно, что незначительная дифференциация между исследуемыми группами объясняется различиями в пищевом рационе с преобладанием морской диеты у эскимосов.

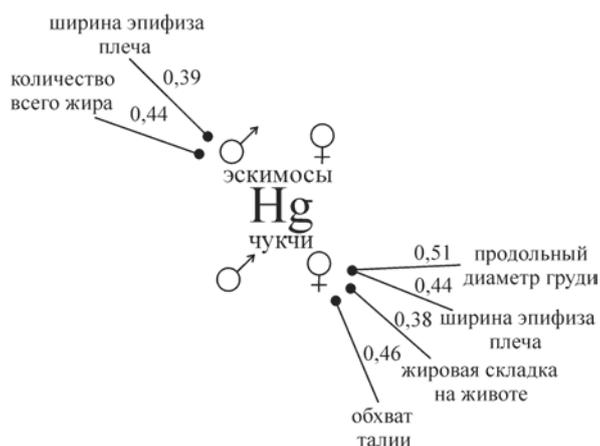

Рис. 3. Корреляционные связи между концентрациями ртути в волосах и морфологическими признаками ($p < 0,05$)

Железо. Медико-географические исследования в различных регионах Севера показывают, что на этой территории четко выявляются заболевания и синдромы, обусловленные дефицитом железа [Панин, 1980]. Высокая встречаемость железodefицитных состояний у жителей Севера обусловлена повышенной потребностью организма в железе вследствие усиления метаболических (анаболических и катаболических) процессов под воздействием экстремальных факторов внешней среды, особенно холода [Авцын и др., 1991]. В ходе статистического анализа получены только отрицательные достоверные корреляции между рядом морфологических признаков и концентрациями железа в волосах эскимосов и чукчей. У женщин чукчей эти связи актуальны для размеров жировых складок на конечностях, что в целом находит отражение и для общего показателя количества жира. У эскимосов (мужчин и женщин) отрицательные связи достоверны для диаметров мышечков и обхватных размеров конечностей, а у мужчин еще и в случае обхвата груди (рис. 4).

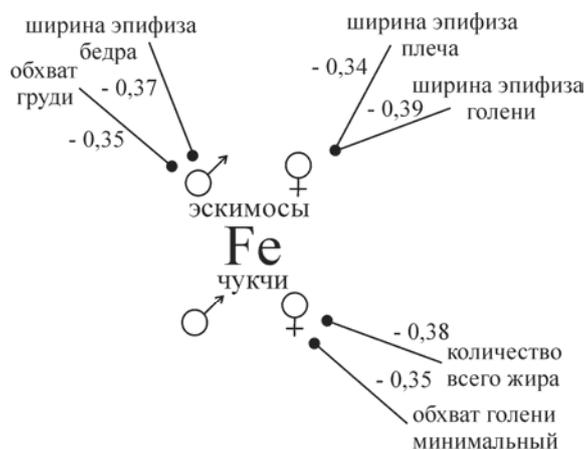

Рис. 4. Корреляционные связи между концентрациями железа в волосах и морфологическими признаками ($p < 0,05$)

У мужчин чукчей достоверных корреляций не выявлено. Обращает на себя внимание половая дифференциация в количестве обнаруженных отрицательных достоверных связей, которое у женщин выше. Такая тенденция характерна и для популяций других широт. Наиболее вероятное объяснение этого факта связано с проявлением полового диморфизма. У женщин уровни этого микроэлемента всегда ниже, и у них чаще встречаются железodefицитные состояния [Бацевич, Ясина, 1989]. В целом у аборигенов арктической зоны мы видим общую тенденцию отрицательной связи концентраций железа и показателей массивности скелета и степени жиротложения.

Марганец. Аборигены Чукотки, и особенно эскимосы, имеют самые низкие концентрации марганца в волосах по сравнению с другими группами с территории бывшего СССР, и группы

Оценка взаимосвязи морфологических характеристик и концентраций микроэлементов...

эскимосов и чукчей этой территории резко отличаются низкими показателями, например, от чукчей Беринговского района [Бацевич, Ясина, 1989]. Низкие уровни этого элемента обнаружены в костном материале из эскимосских могильников [Добровольская, 1986]. Эти наблюдения позволяют нам предполагать дефицит марганца у населения на этой территории.

Марганец, являясь эссенциальным элементом, оказывает значительное влияние на многие процессы в организме. Так, например, он участвует в функционировании гормонов щитовидной железы, обеспечивает развитие соединительной и мышечной ткани, необходим для нормального роста и развития [Авцын и др., 1991; Скальный, 2004].

При оценке взаимосвязи концентраций марганца в волосах с комплексом морфологических признаков были найдены положительные связи с продольными (длина тела, длины конечностей) и обхватными (обхваты груди, ягодиц, плеча и голени) размерами тела у мужчин эскимосов. В мужской выборке чукчей статистически достоверных связей не наблюдалось. У женщин обеих групп обнаруженные достоверные связи единичны (рис. 5).

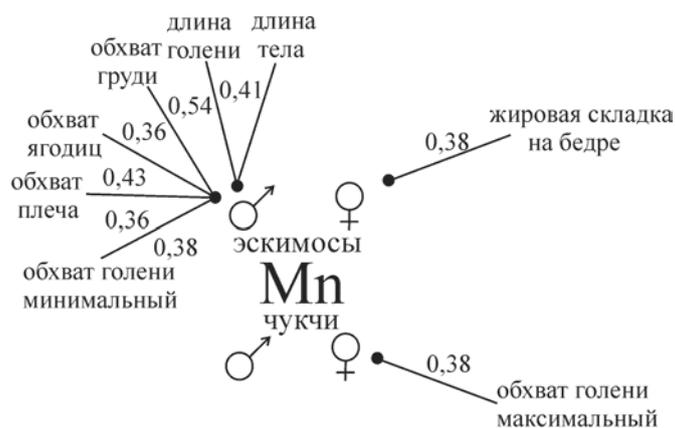

Рис. 5. Корреляционные связи между концентрациями марганца в волосах и морфологическими признаками ($p < 0,05$)

При сравнении подгрупп с низкими и высокими концентрациями марганца у мужчин эскимосов был выявлен ряд статистически достоверных различий (табл. 4). Подгруппа с большей концентрацией марганца в организме характеризуется большими длиннотными, обхватными и широтными размерами. Можно предположить, что наблюдаемая картина связана с дифференциальным поступлением марганца в организм человека в условиях его недостатка в окружающей среде и в местных пищевых продуктах.

Таблица 4

Сравнительный анализ морфологических признаков в зависимости от концентраций марганца у мужчин эскимосов ($p < 0,05$)*

Признак	Эскимосы-1			Эскимосы-2		
	n	X	s	n	X	s
Длина тела, см	18	1609,9	31,2	16	1654,4	43,9
Длина ноги, см	18	85,8	2,4	16	89,6	3,0
Длина руки, см	18	68,9	1,9	16	71,4	2,3
Длина плеча, см	18	28,9	1,8	16	30,2	1,3
Длина голени, см	18	35,3	1,2	16	37,3	1,5
Длина бедра, см	18	43,9	1,7	16	45,3	2,0
Ширина дистального эпифиза предплечья, мм	18	59,8	2,6	17	62,0	2,6
Тазовый диаметр, мм	18	278,4	9,6	16	290,0	14,0
Обхват груди на выдохе, мм	18	864,8	37,6	16	896,1	47,5
Обхват талии, мм	18	765,3	39,1	17	804,9	63,1
Обхват ягодиц, мм	18	916,0	33,3	16	955,2	45,0
Поверхность тела, м ²	18	1,65	0,06	16	1,74	0,11

* Представлены результаты сравнения по t-критерию Стьюдента морфологических признаков мужчин эскимосов с пониженным содержанием (эскимосы-1) и с повышенным содержанием (эскимосы-2) марганца в волосах. Приведены только достоверные различия по морфологическим признакам ($p < 0,05$).

Заключение

Проведено пилотное исследование взаимосвязи морфологических параметров и микроэлементного состава волос в двух группах аборигенного населения Чукотского полуострова. Изученные популяции эскимосов и чукчей имеют своеобразный комплекс соматических черт, связанный с адаптацией к экстремальным условиям среды в этом регионе [Клевцова, Смирнова, 1974; Клевцова, 1976; Алексеева, 1977].

Антропогеохимические связи в этих группах также имеют свои особенности. Исследования микроэлементного состава волос показали наличие признаков геохимических аномалий для таких элементов, как ртуть, селен (избыточное поступление) и цинк, марганец (недостаток). В то же время формы статистического распределения концентраций и их уровни для железа, меди, хрома, кобальта, сурьмы, скандия и золота были сходны с другими группами без признаков аномального поступления [Batzevich, 1995].

Анализ ранговых корреляций показал, что статистически достоверные различия между группами представителей арктического адаптивного типа фиксируются главным образом у мужчин, тогда как у женщин обнаруживается сходство морфологического и микроэлементного статуса. В целом величина корреляций достигает средних значений, в большинстве случаев не превышая 0,4.

Наибольшее число достоверных связей между определенными морфологическими показателями и концентрациями микроэлементов в волосах выявлено для цинка, хрома, железа, ртути и марганца.

У эскимосов отмечается положительная корреляция концентраций цинка и ряда длиннотных, широтных и обхватных размеров. Более того, при сопоставлении групп с повышенным и пониженным содержанием цинка обнаруживается, что у первых фиксируется относительное увеличение длиннотных размеров и обезжиренной массы тела. Прослеженная нами взаимосвязь уровня цинка и величин продольных, некоторых обхватных и поперечных размеров тела позволяет предположить, что сужение вариальности по ряду размеров у представителей арктического типа является следствием недостаточного поступления цинка с пищей.

При оценке взаимосвязи концентрации хрома и морфологических характеристик обнаруживаются достоверные корреляции у мужчин. Увеличение концентраций хрома сопровождается увеличением показателей длины тела и обхватных размеров конечностей, при этом максимальных значений достигают связи по обхватным размерам и радиусам дистальных отделов конечностей (предплечья и голени). Как известно, дистальные сегменты скелета наиболее пластично реагируют в процессе адаптации к климатическим факторам среды [Алексеева, 1986; Медникова, 1995]. В нашем случае эта пластичность проявляется не под воздействием динамики климата, а при непосредственном увеличении концентраций хрома, и в особенности в выборках эскимосов. Такая особенность в первом приближении может быть проинтерпретирована как результат активации липидного обмена у эскимосов из-за особенностей питания по сравнению с чулками этой территории.

При анализе показателей развития жировой ткани отмечаются две разнонаправленные тенденции. Положительная взаимосвязь (0,4–0,5) размеров жировых складок с концентрациями ртути чаще фиксируется у мужчин эскимосов. У женщин чукчей, помимо взаимосвязи с величиной жировых складок, наблюдаются достоверные положительные связи этого микроэлемента еще и с обхватом талии и продольным диаметром груди. Отрицательные корреляции с размерами жировых складок на конечностях фиксируются при сопоставлении с концентрациями железа. Наиболее отчетливо эта тенденция прослеживается у женщин чукчей. У эскимосов (оба пола) отрицательные связи достоверны для широтных и обхватных размеров конечностей, а у мужчин еще и в случае обхвата груди.

При оценке концентраций марганца были выявлены положительные связи с продольными и обхватными размерами тела у мужчин эскимосов. Уровень концентрации этого микроэлемента статистически связан с длиной тела, длиной конечностей и их сегментов. Для женщин (эскимосов и чукчей) отмечается тенденция положительной связи с некоторыми показателями массивности и мускульного компонента.

Подводя итоги, заметим, что арктический адаптивный тип складывался в течение длительного времени на определенной территории с характерной для нее геохимической ситуацией и степенью давления экстремальной природной среды. Представленные морфологические особенности эскимосов и чукчей указывают на своеобразный соматический комплекс, сочетающий

массивность тела с пониженным жиротложением, что отчасти находит отражение в своеобразии микроэлементного состава по цинку, хрому, железу, ртути и марганцу. Результаты настоящего исследования свидетельствуют о возможности использования обнаруженных связей в качестве оценки степени воздействия средовых факторов, что наиболее актуально при анализе адаптационных способностей организма в экстремальных условиях среды. Для полноты анализа представленной проблемы, несомненно, требуются дополнительные исследования населения, обитающего в других средовых комплексах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Авцын А.П., Жаворонков А.А., Марачев А.Г. и др.* Патология человека на Севере. М.: Медицина, 1985. 415 с.
- Авцын А.П., Жаворонков А.А., Риш М.А., Строчкова Л.С.* Микроэлементозы человека. М.: Медицина, 1991. 496 с.
- Алексеева Т.И.* Географическая среда и биология человека. М.: Мысль, 1977. 302 с.
- Алексеева Т.И.* Адаптивные процессы в популяциях человека. М.: МГУ, 1986. 293 с.
- Алексеева Т.И., Самойлова Г.С., Авессаломова И.А.* Антропоэкологические связи на территории северо-восточной Азии // Антропоэкология Северо-Восточной Азии. Чукотка, Камчатка, Командорские острова / Отв. ред. Т.И. Алексеева, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, М.В. Добровольская. М.: Таус, 2008. С. 313–322.
- Бацевич В.А.* Антропо-экологическое изучение микроэлементного состава волос у некоторых групп населения СССР: Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1988. 25 с.
- Бацевич В.А., Ясина О.В.* Медико-антропологические аспекты исследования микроэлементного состава волос // Антропология — медицине / Ред. Т.И. Алексеева. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 198–220.
- Бацевич В.А., Ясина О.В.* Исследование микроэлементного состава волос у карел Олонецкого района // Вопр. антропологии. 1992. Вып. 86. С. 156–161.
- Бацевич В.А., Ясина О.В., Анциферова С.В.* Возрастная и половая изменчивость содержания микроэлементов в волосах детей в экологических условиях Ярославской области // Экология человека: От прошлого к будущему: Докл. Всерос. науч. конф. (апрель 2000 г.). М., 2001. С. 222–236. (Науч. тр. МНЭПУ; Вып. 1. Сер. Экология).
- Башкин В.Н.* Биогеохимия. М.: Науч. мир, 2004. 584 с.
- Бужилова А.П., Казеева А.Ю.* Материалы к морфологической характеристике арктического адаптивного типа (на примере мужских выборок эскимосов и чукчей) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. 2011. № 1. С. 45–54.
- Бунак В.В.* Антропометрия. М.: Учпедгиз, 1941. 368 с.
- Голубкина Н.А., Соколов Я.А., Самариба О.* Селен волос как информативный показатель обеспеченности организма человека // Вопр. питания. 1996. № 3. С. 14–17.
- Давыдова Г.М.* Относительный вес тела в нескольких популяциях Сибири (в связи с проблемой климатической адаптации) // Адаптация человека. Л.: Наука, 1972. 38 с.
- Добровольская М.В.* Минеральный состав скелета человека: Основные химические соединения и микроэлементы (по материалам древних погребений) // Вопр. антропологии. 1986. Вып. 77. С. 97–109.
- Зорина Д.Ю.* Возрастные и половые аспекты изменчивости концентраций токсичных микроэлементов в волосах башкирских детей и подростков // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. 2010. № 4. С. 88–94.
- Зорина Д.Ю., Бацевич В.А.* Микроэлементный статус коренного населения Арктики (чукчи и эскимосы) по результатам анализа волос // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. 2011. № 4. С. 105–111.
- Клевцова Н.И.* О межгрупповой изменчивости соматических особенностей монголоидов Сибири // Вопр. антропологии. 1976. Вып. 53. С. 106–116.
- Клевцова Н.И., Смирнова Н.С.* Морфологические особенности тела чукчей и эскимосов // Вопр. антропологии. 1974. Вып. 48. С. 18–33.
- Ковальский В.В.* Геохимическая среда и жизнь. М.: Наука, 1982. 77 с.
- Козлов А.И.* Питание морских охотников Чукотки: Традиции и современность // Тропою Богораза. М.: Ин-т Наследия, 2008. С. 180–194.
- Куценогий К.П., Савченко Т.И., Чанкина О.В. и др.* Элементный состав крови и волос коренных жителей Севера России с разной биогеохимической средой обитания // Химия в интересах устойчивого развития. 2010. Т. 18, № 1. С. 51–61.
- Медникова М.Б.* Древние скотоводы Южной Сибири: Палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.: ИА РАН, 1995. 216 с.
- Павловский О.М.* Биологический возраст человека. М.: МГУ, 1987. 280 с.
- Панин Л.Е.* Изменение обмена витаминов, солей и микроэлементов // Механизм адаптации человека в условиях высоких широт / Под ред. В.П. Казначеева. Л., 1980. С. 80–108.
- Панин Л.Е.* Гомеостаз и проблемы приполярной медицины: (Методологические аспекты адаптации) // Бюл. СО РАМН. 2010. Т. 30, № 3. С. 6–11.

- Скальный А.В. Химические элементы в физиологии и экологии человека. М.: Оникс 21 век: Мир, 2004. 216 с.
- Сусликов В.Л. Геохимическая экология болезней: В 4 т. М.: Гелиос АРВ, 2000. Т. 2: Атомовиты. 672 с.
- Теддер Ю.Р., Жаворонков А.А. Особенности метаболизма фтора при адаптации организма к холоду // Физиология человека. 1988. № 1. С. 123–128.
- Тутельян В.А., Княжев В.А., Голубкина Н.А. и др. Селен в организме человека: Метаболизм, антиоксидантные свойства, роль в канцерогенезе. М.: Изд-во РАМН, 2002. 224 с.
- Alfassi Z.B. Determination of trace elements. VCH, Weinheim. N. Y., 1994. 608 p.
- Ashton K., Hooper L., Harvey L.J. et al. Methods of assessment of selenium status in humans: A systematic review // Am. J. Clin. Nutr. 2009. Vol. 89 (6). P. 2025–2039.
- Bang H.O., Dyerberg J. Plasma lipids and lipoproteins in Greenlandic West Coast Eskimos // Acta Med. Scand. 1972. Vol. 192. P. 85–94.
- Batzevich V. Hair trace element analysis in human ecology studies // Sci. Tot. Environ. 1995. Vol. 164 (2). P. 89–98.
- Bonefeld-Jorgensen E.C. Biomonitoring in Greenland: human biomarkers of exposure and effects — a short review // Rural. Remote. Health. 2010. Vol. 10 (2). P. 1362.
- Dyerberg J., Bang H.O., Hjorne N. Fatty acid composition of the plasma lipids in Greenland Eskimos // Am. J. Clin. Nutr. 1975. Vol. 28. P. 958–966.
- Egeland G.M., Ponce R., Bloom N.S. et al. Hair methylmercury levels of mummies of the Aleutian Islands, Alaska // Environ. Res. 2009. Vol. 109 (3). P. 281–286.
- Galster W.A. Mercury in Alaskan Eskimo mothers and infants // Environ. Health. Perspect. 1976. Vol. 15. P. 135–140.
- Harvey L.J., Ashton K., Hooper L. et al. Methods of assessment of copper status in humans: A systematic review // Am. J. Clin. Nutr. 2009. Vol. 89 (6). P. 2009–2024.
- Hylander L.D., Goodsite M.E. Environmental costs of mercury pollution // Science of the Total Environment. 2006. Vol. 368. P. 352–370.
- Lowe N.M., Fekete K., Decsi T. Methods of assessment of zinc status in humans: A systematic review // Am. J. Clin. Nutr. 2009. Vol. 89(6). P. 2040–2051.
- Prasad A.S., Miale A. jr., Farid Z. et al. Biochemical studies on dwarfism, hypogonadism, and anemia // Archives of Internal Medicine. 1963. Vol. 111. P. 407–428.
- Ristic-Medic D., Piskackova Z., Hooper L. et al. Methods of assessment of iodine status in humans: A systematic review // Am. J. Clin. Nutr. 2009. Vol. 89 (6). P. 2052–2069.

Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова
albu_pa@mail.ru
vbatsevich@rambler.ru
kazeeva.a@gmail.com
zorinadaria.10.3@gmail.com
okyasina@mail.ru

The paper presents rating of interrelation between concentration of certain microelements in the hair and morphological features with representatives of two groups of the Arctic adaptive type, examined on the territory of the Chukotka Peninsula. The analysis of grade correlations showed that statistically reliable distinctions between the populations of the Chukchi and Eskimos being mainly fixed in the male sample groups, while in the female groups one finds similarity between their morphological and microelement status. The tendencies discovered in the male groups could be considered as a probable reflection of the distinctions in nutrition of Eskimos and the Chukchi, with a bigger share of seafood in the diet of the former. Lack of correlations with females from different ethnic groups could be explained by decreasing of the intergroup distinctions against stronger sex dimorphism. The biggest number of statistically reliable correlations was obtained between morphological features and concentration levels of such microelements as zinc, chrome, iron, mercury and manganese. They discovered positive correlation in the interrelation between levels of zinc, chrome, manganese in the hair and values of certain lengthwise, wrapping and cross-cut body measurements, which to some extent makes it possible to explain reducing variability of the total measurements in the Arctic groups due to specific level of delivery of these microelements from the environment. In particular, it concerns decreased concentrations of zinc. Analyzing statistical relations with development indicators of body fat one finds two differently directed tendencies: positive interrelation between measurements of fat rolls and concentrations of mercury; and negative correlations between fat measurements on extremities and level of iron. The results of this investigation attest to a possibility of using the discovered correlations as the estimation of the impact level of geochemical environmental factors on a human body, which is particularly urgent under analysis of adaptive potential of a population in the extreme environment.

Anthropoecology, body morphology, trace elements in the hair, Eskimos, the Chukchi, Arctic adaptive type, geochemical human ecology.

ПАЛЕОПАТОЛОГИЯ: ОТ ОПЫТА ЗАРУБЕЖНЫХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНИХ ЛЮДЕЙ В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ¹

Е.В. Перерва

Работа представляет собой историографический обзор этапов развития палеопатологии как научного направления в современной антропологии за рубежом и в отечественной науке. Упор делается на истории изучения палеоантропологических древностей с помощью методов палеопатологического анализа костных останков на территории Нижнего Поволжья. Также освещены достижения современной отечественной палеопатологической школы, и в частности южно-российских региональных представительств.

Палеопатология, история, Нижнее Поволжье, заболевания, древние народы, антропология.

В настоящее время палеопатология входит в состав физической антропологии и активно развивается за рубежом и в нашей стране. Как наука она возникла на стыке палеонтологии и медицины, но имеет огромное значение для широкого круга исторических и медико-биологических дисциплин.

Палеопатология определяется как наука о болезнях животных организмов, живших на земле начиная с отдаленных периодов и заканчивая XIV–XV столетиями н.э. [Дэрумс, 1970, с. 9]; наука о болезненных изменениях животных и растительных организмов, обитавших на Земле в отдаленное историческое прошлое [Большой толковый словарь..., 1998]; наука об изучении болезней древних людей по костным останкам (палеопатология человека) [The Cambridge Encyclopedia..., 1998, р. XV]; патология ископаемых: человека, животных, растений [Бужилова, 1998, с. 88]; синтез медицины, антропологии, экологии и истории, направленный на изучение болезней древних людей [Козак, 2010, с. 9].

Как большинство современных наук, палеопатология прошла долгий путь развития гипотез, методов и подходов. В зарубежной антропологической науке устоялось представление о следующих этапах развития данной отрасли знания как научной дисциплины.

I этап. Начальная фаза — становления (с эпохи Ренессанса до середины XIX в.). Этот период охватывает почти четыре столетия накопления знаний. Большая часть исследований на протяжении этого времени были посвящены изучению болезней у доисторических животных. Увидели свет труды таких ученых, как Ф. Платтер, Ф. Волтер, У. Ф. Эспер, Дж. А. Голдфусс, Р. Оуэн [The Cambridge Encyclopedia..., 1998].

II этап. Утверждение палеопатологии как науки (с середины XIX в. до Первой мировой войны). Данный период характеризуется систематизацией знаний посредством накопления и изучения антропологических коллекций в европейских музеях и университетах. Именно в середине XIX в. выходит в свет работа Р. Вирхова, посвященная исследованию черепа неандертальца из Фелдхофена. За вклад в изучение эпидемиологии и влияния инфекционных заболеваний на развитие культур Р. Вирхов стал именоваться «отцом палеопатологии». Еще одним достижением является работа Е. Дебуа, который, обнаружив на острове Ява скелет питекантропа, описал образования типа экзостозов на его бедренной кости [Leakey, Slikkerveer, 1993, р. 93–95]. Значительный вклад в развитие палеопатологических знаний внесли исследования французских ученых П. Брока [Broca, 1867], Прунье [Prunieres, 1874], Мануврие [Manouvrier, 1904].

Важен научный вклад и других европейских ученых этого этапа развития палеопатологии. Так, Ф. фон-Лушан описал прижигание черепа и трепанацию на краниологических сериях аборигенов «Gaunche» Канарских островов. В 1908 г. опубликована монография немецкого ученого Детлофф-фон-Бера, посвященная изучению патологии зубной системы «Gaunches» и др. [The Cambridge Encyclopedia..., 1998].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 13-11-34005.

III этап. Развитие палеопатологии между Первой и Второй мировыми войнами. Характеризуется привлечением новых методов исследования в палеопатологическую науку. Прежде всего это методы рентгенологического анализа, гистологии, серологии, а также статистические методы. Результатом явилось улучшение дифференциальной диагностики заболеваний на костях человека. Возникла концепция взаимосвязи болезни и развития цивилизации, что интенсифицировало эволюцию палеопатологии как научной дисциплины. Развитие палеопатологической науки в это время связано с работами таких ученых, как анатомы Г. Э. Смит и В. Доусен. В 1923 г. М. Бадуин впервые использовал рентгенологические снимки для исследования костных останков древних людей, что позволило ему установить на костях ревматоидные заболевания, разнообразные зубные патологии и вывихи. М. А. Раффер в своих исследованиях впервые ввел методику детальной документации всех патологических состояний на скелете. Военный хирург Л. Палес в 1930 г. выпустил трактат «*Paleopathology et Pathology Comparative*», в котором выдвинул гипотезу тесной связи болезней с эволюцией и вымиранием видов [The Cambridge Encyclopedia..., 1998].

В 30-е гг. в США Р. Муди был опубликован труд «*Paleopathology. An Introduction to the Study of Ancient Evidence of Disease*». Будучи анатомом, специализировавшимся в палеонтологии, ученый посвятил треть книги болезням на костных останках людей. В остальных частях работы подробно описаны патологические состояния, зафиксированные на древних растениях и костях животных. В 1931 г. Р. Муди опубликовал результаты еще одного грандиозного исследования, посвященного рентгенологическому исследованию коллекций египетских и перуанских мумий, находящихся в Большом Чикагском музее [Moodie, 1931].

Необходимо отметить и научное подвижничество А. Грдилчка, благодаря которому была создана секция физической антропологии в Национальном музее естественной истории в Смитсоновском институте в Вашингтоне. А. Грдилчка явился основателем обширной остеологической коллекции народов Северной и Южной Америки, которая по настоящее время является ценнейшим источником исследований для физических антропологов. Большая часть работ ученого затрагивала такие палеопатологические аспекты, как трепанация черепа, экзостозы, насильственные повреждения [The Cambridge Encyclopedia..., 1998].

IV этап. Палеопатология новейшего времени. После Второй мировой войны направления исследований в зарубежной палеопатологии заметно расширяются. Прежде всего это связано с тем, что палеопатология становится важнейшим инструментом исследования особенностей жизни древних популяций. С этого времени она активно взаимодействует с такими научными отраслями, как эпидемиология, демография, а новые методы клинической и лабораторной медицины позволяют ученым ставить точные диагнозы на палеоантропологических материалах. В это время начинают применяться и методы генетического исследования в палеопатологии, что дает возможность диагностировать инфекционные заболевания — сифилис и туберкулез, используя извлеченные из мумий древние ДНК и бактерии.

Наиболее значимым в развитии зарубежной палеопатологии принято считать период между 60- и 70-ми гг. XX в. Развиваются такие направления науки, как диагностика заболеваний и палеоэпидемиология, неспецифические индикаторы стресса, палеопитание, исследование мумий и мумифицированных тканей.

Существенным событием для развития палеопатологических исследований явилось создание Э. и Е. Кокбурн в начале 70-х гг. XX в. в Детройте первой Палеопатологической ассоциации. В 1978 г. профессорами М. Алисоном и Эн. Гертценом при поддержке Интернациональной академии патологии (США) и ее канадского подразделения создается Палеопатологический клуб. Следует также отметить I Всемирный конгресс по изучению мумий, проводившийся в Тенерифе (Испания). Данное мероприятие позволило собрать вместе более 350 специалистов из разных стран и континентов.

Кроме создания специфических организаций и проведения повторяющихся через каждые три года конгрессов, в 70–80-х гг. реализуется множество междисциплинарных проектов с участием археологов и генетиков, историков, химиков, математиков. Еще одно важное событие, способствовавшее возрастанию интереса к палеопатологии,— организация специализированных курсов по изучению развивающейся научной дисциплины. Пионером в этом направлении деятельности является Смитсоновский институт (США), в котором «программу изучения палеопатологии» разработал проф. Д. Ортнер. Эта программа по изучению патологий на костях стала образцом для развития собственных курсов и программ не только в США, но и в других странах.

Данный период ознаменован выходом в свет целого ряда обобщающих работ и энциклопедий по палеопатологии: Д. Р. Бротвелла, Д. Убелакера, Д. Ортнера и В. Путчара, К. Манчестера, В. Коена и Г. Армелагоса, С. Хилсона, Ш. Робертс, Э. Барнс, Г. Милнера, С. Ларсена, С. Майса, Т. Волдрона, М. Льюис, С. Вебб, А. Грой [Brothwell, 1972; Ubelaker, 1978; Ortner, Putschar, 1981; Manchester, 1983; Cohen, Armelagos, 1984; Hillson, 1985; Roberts, 1988; Barnes, 1994; Milner, 1994; Larsen, 1997; Mays, 1998; Waldron, 2008; Lewis, 2009; Webb, 2009; Graur, 2011].

В России можно выделить три этапа развития палеопатологических знаний.

1. Начальный этап — накопления знаний и создания остеологических коллекций (XIX — начало XX в.).

2. Развитие палеопатологии в советский период (1917–1991 гг.).

3. Палеопатология в России в конце XX — начале XXI в.

К сожалению, первый этап не изобилует работами в данном направлении. Можно, однако, отметить накопление знаний и формирования первоначальных коллекций антропологических материалов на базе ведущих российских университетов — Московского, Санкт-Петербургского и Казанского.

Непосредственное начало палеопатологических исследований в нашей стране было положено работой Д.Н. Анучина «Амулет из кости человеческого черепа и трепанация черепов в древния времена в России». Работа представляет интересный и важный вклад в археологию и антропологию. Разбирая и освещая со свойственной ему эрудицией находку привески из черепной кости, сделанную Ф.Д. Нефедовым при раскопках городища около с. Николо-Одоевского и д. Мундура на р. Ветлуге (Костромской губернии), проф. Д.И. Анучин привлекает к сравнению накопившийся по этому вопросу материал в Западной Европе [Анучин, 1895, с. 3–18]. Следует отметить и другую работу Д.Н. Анучина, ставшую, пожалуй, первым крупным исследованием системы дискретно-варьирующих признаков, которые в нашей стране также называются аномалиями на черепе человека. Профессором были проанализированы варианты строения и формы птериона у человека и высших животных, аномальные швы и кости в затылочной области в особенности «Os Incae», а также подробно рассмотрена такая аномалия, как лобный шов у взрослого человека и его распространение по расам [Анучин, 1890 с. 1–120].

Важно оценить и исследование К.И. Горощенко «Гипсовые курганные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа». Впервые на краниологических материалах из Сибири наряду с археологическим материалом ученым была описана трепанация черепа [Горощенко, 1899].

Второй этап развития палеопатологии в России характеризуется работами отечественных медиков и антропологов в советский период. Прежде всего, огромное значение имели исследования Д.Г. Рохлина, В.С. Майковой-Строгоновой, С.И. Рубашевой, Н.С. Косинской. Так, в работе Д.Г. Рохлина и В.С. Майковой-Строгоновой описаны случаи туберкулеза позвоночника у половозрелых индивидов, костные останки которых принадлежат носителям культур эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Кроме этого было проделано и описано рентгеноантропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского [Рохлин, Майкова-Строгонова, 1935, с. 9–10].

В антропологической науке хорошо известны работы Д.Г. Рохлина и А.Е. Рубашевой, которые посвящены изучению проблемы метопизма и анализу костных материалов различных исторических периодов в поисках «уровской», или Кашин-Бека, болезни с помощью методов рентгенологического и антропологического исследования. Ученые осуществили также палеопатологическое исследование костных материалов из Приладожья, которые датируются X–XII вв. н.э. [Рохлин, Рубашева, 1933а–в].

Следует указать и фундаментальную обобщающую монографию Д.Г. Рохлина «Болезни древних людей», посвященную палеопатологическому исследованию костных останков людей различных исторических эпох с территории Советского Союза. Значение данного труда трудно переоценить, он остается актуальным и востребованным современными антропологами и палеопатологами [Рохлин, 1960].

Отметим также ряд работ советских антропологов, в которых использованы данные палеопатологии. Так, проф. В.В. Бобин, исследуя искусственно деформированные черепа, найденные при раскопках в Крыму, описал патологические особенности изучаемого краниологического материала. Автор указывает на наличие кариеса, специфическую стертость зубов и т.д. [Бобин, 1957].

Комплекс работ, посвященных врачеванию в древней Грузии на основе изучения костных останков из археологических раскопок, были проведены П.М. Пирпилашвили [Пирпилашвили, 1956, 1960, 1973].

Существенны исследования костного материала из археологических раскопок в Прибалтике начиная с находок эпохи мезолита до XVIII в. включительно, проведенные В.Я. Дэрумсом [Дэрумс, 1970]. На основании исследования костей 2763 скелетов, а также архивных и литературных данных автор описал физическое состояние и здоровье людей древних эпох, а также привел примеры врачевания народными лекарями.

Большое значение имеет работа Б.И. Захарова, который провел анатомическое и рентгенологическое исследование 326 различных костей и дегенеративно-дистрофических процессов на них по материалам Еловского могильника II, датирующегося эпохой бронзы [Захаров, 1979].

Следует также отметить работу У.Ф. Гашимовой, в которой исследователь сделала попытку охарактеризовать антропологические аспекты исследования эпохальной динамики зубочелюстной патологии. Особое внимание У.Ф. Гашимова уделила распространенности таких стоматологических заболеваний, как кариес зубов, пародонтоз и деформация прикуса [1979, с. 124–129].

Обзор развития палеопатологических знаний в советский период целесообразно закончить вкладом И.И. Гохмана [1971, 1989]. В своих работах он не только приводит описания следов оперативного вмешательства древних хирургов, таких как трепанации у народов эпохи мезолита и бронзы, но впервые в отечественной науке формулирует основные задачи палеопатологического исследования. Указывает на важность изучения наследственных аномалий, роли экзогенных и эндогенных факторов, их связи их с географической и эпохальной дифференциацией заболеваний, формой хозяйства, условиями жизни и питания, уровнем физического развития, степени социального и культурного развития общества [Гохман, 1989, с. 6].

В последнее десятилетие XX в. значительно увеличивается объем знаний и информации благодаря работам ученых, изучающих адаптацию и образ жизни палео- и современных популяций в экстремальных условиях среды. С середины 80-х гг. на антропологическом материале начинают проводиться активные исследования по палеоэкологии при Московском государственном университете под рук. Т.И. Алексеевой. Возникает необходимость в создании специализированной и хорошо оборудованной лаборатории. Вскоре, в 1990 г., при активном содействии акад. В.П. Алексеевой такая лаборатория была организована, и сегодня она продолжает свою работу. Можно утверждать, что создателем отечественной методики палеопатологического исследования является чл.-кор. РАН директор Института и Музея антропологии им. Д.И. Анучина МГУ, заведующая кафедрой антропологии МГУ, д-р ист. наук А.П. Бужилова. Ею впервые в нашей стране были органично связаны проблемы палеоантропологии и палеопатологии как самостоятельной научной дисциплины [Бужилова, 1995, 1998].

Палеопатологические материалы используют в своих статьях и исследованиях современные российские ученые М.В. Добровольская, М.Б. Медникова, Д.И. Ражев, М.А. Балабанова, Е.Ф. Батиева и мн. др.

Первое антропологическое исследование костных останков, принадлежащих представителям древних культур Нижнего Поволжья и Нижнего Дона, было предпринято С.И. Руденко [1918]. В его распоряжении находился незначительный костный материал от 5 индивидуумов, извлеченный из прохоровских курганов Оренбургской области, сарматского времени. Даже несмотря на столь малоинформативный материал, автор сделал важные выводы: сарматское население было ростом выше среднего, крепкого телосложения, с хорошо развитой мускулатурой, особенно мускулатурой верхних конечностей; сарматы вели скорее «сидячий или кочевой образ жизни, чем бродячий, и исстари обитали в равнинной местности» [Руденко, 1918, с. 102].

Все последующие антропологические исследования на территории Нижнего Поволжья и Дона до середины 80-х гг. прошлого века, за редким исключением, были ориентированы на краиниологическое и остеологическое изучение костного сарматского материала, что, в свою очередь, существенно сужало представления о физическом типе, образе жизни и степени адаптации разновременного сарматского населения к условиям окружающей среды. Тем не менее отечественные антропологи внесли значительный вклад в решение таких важных проблем, как определение антропологических компонентов представителей культур Нижнего Поволжья.

Как было отмечено выше, в 1965 г. выходит в свет фундаментальная монография Д.Г. Рохлина. В отдельных разделах работы автором рассмотрены костные останки из сарматских захоронений Поволжья и людей с городища Саркел-Белая Вежа на левом берегу Дона. Даны

описания следов флюса, атрофии челюстей, деформирующих артрозов суставов, болезни позвоночника, сифилитических изменений на костях, трепанации и целого ряда ранений [Рохлин, 1960, с. 193–205].

Показательна и работа М.А. Финкельштейна. Ученый провел рентгенологическое исследование палеопатологии 18 сарматских скелетов различных периодов, полученных из могильников у сел Новоникольское и Верхнее Погромное. В результате на 5 скелетах людей обнаружены следы изменений, диагностируемых как рахит. Зафиксированы также сифилитические изменения в виде гуммозных бляшек на черепе мужчины возрастом примерно 45 лет [Финкельштейн, 1975].

На рубеже XX–XXI вв. благодаря работам антрополога Е.Ф. Батиевой в Ростове-на-Дону на базе РГУ (ЮФУ) была собрана обширная костная коллекция (около 3000 костяков), представляющая уникальный материал, охватывающий временной диапазон от энеолита до XIX в. н.э. Ученым были изучены костные останки свыше 9 тыс. погребенных из раскопок древних могильников Ростовской области и Краснодарского края. Значительную часть трудов Е.Ф. Батиева посвятила антропологии и палеоэкологии населения Нижнего Подонья. Большое значение в своих исследованиях Е.Ф. Батиева придает методам палеопатологического анализа костных останков человека. В данном случае следует отметить работы по изучению антропологических материалов из массовых захоронений золотоордынского города Азака и травматических поражений костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время [Батиева, 2003, 2012]. Ростовскими учеными изучены антропологические материалы из раскопок могильников времени Золотой Орды на территории г. Азова [Батиева, Афанасьева, 2008, 2009]. Кроме этого, младшим научным сотрудником отдела наземных экосистем Института аридных зон ЮНЦ РАН А.О. Афанасьевой активно осуществляются исследования антропологических серий Нижнего Дона эпохи бронзы и раннего железного века. Прежде всего следует отметить работы исследователя, посвященные изучению травм у кочевников III–IV вв. н.э. и дегенеративно-дистрофических изменений суставов у населения Кобяковского городища [Афанасьева, 2007, 2008].

Большое значение для изучения палеопатологии Нижнего Поволжья имеет монографическое исследование А.П. Бужиловой. Автор уделяет значительное внимание особенностям образа жизни населения юга Восточной Европы в эпоху бронзы. Исследователем проведен анализ демографических показателей, особенностей распространения заболеваний зубочелюстной системы, характера патологий опорно-двигательной системы, травматизма у представителей ямной, катакомбной и срубной культур. Выявлена специфика распространения заболеваний в южных группах населения Восточной Европы [Бужилова, 1998, с. 123–127]. Кроме этого исследователем проведен анализ образа жизни и здоровья носителей кочевых культур эпохи раннего железа, а также интерпретация причин распространения травматических повреждений у населения эпохи раннего железного века и раннего средневековья южно-русских степей [Бужилова, 1998].

Важно отметить серию работ московских антропологов, которая посвящена изучению образа жизни и гормональных нарушений у человека. Так, М.А. Соколова, обследовав 125 черепов (III в. до н.э. — VI в. н.э.) из могильников Нижнего Поволжья, обнаружила шесть случаев внутреннего лобного гиперостоза. Появление у сарматов данного патологического отклонения исследователь связала с комплексным воздействием ряда неблагоприятных факторов, таких как несбалансированное питание, постоянное времяпрепровождение в седле [Соколова, 2004].

Коллективом антропологов под рук. А.П. Бужиловой было проведено исследование 541 черепа сарматов из 36 серий, находящихся в Институте и Музее антропологии МГУ и Волгоградском государственном университете. В 23 случаях были обнаружены признаки внутреннего лобного гиперостоза, причем чаще следы этого заболевания выявлялись у мужчин — 16 наблюдений. Исследователи предположили, что причинами столь широкого распространения синдрома Морганьи у кочевого населения могли являться последствия адаптации к походному образу жизни наряду со многими системными нарушениями в организме [Бужилова и др., 2005, с. 212].

В 1997 г. выходит в свет статья М.А. Балабановой «Краниология сарматского населения, оставившего курганные группы Абганеровского могильника». Исследуя демографические и антропологические особенности сарматов, ученый впервые указала, что на костях посткраниального скелета кочевников II–IV вв. н.э. встречаются старческие изменения в виде костных разрастаний на суставах и позвоночнике, описала случаи прижизненной потери зубов и атрофии зубной системы, а на костях молодых мужчин обнаружила следы насильственной смерти —

обширные рубленые раны на черепахах [Балабанова, 1997, с. 268]. Впоследствии, делая в исследованиях акцент на изучении краниологических серий древних культур Нижнего Поволжья, Кубани и Северного Кавказа, М.Б. Балабанова неоднократно возвращалась к вопросам биоархеологической реконструкции. В 2000 г. на базе археологической лаборатории в Волгоградском государственном университете по инициативе М.А. Балабановой создается Кабинет-музей антропологии. Научный поиск исследователя в настоящий момент синтезирует конкретные направления палеоантропологии: палеодемографию, палеофенетику, краниологию и др.

Ряд трудов М.А. Балабановой посвящен такому феномену, как искусственная деформация черепов у представителей катакомбной культуры, поздних сарматов и населения эпохи позднего средневековья [Балабанова, 2001, 2004, 2010а; Балабанова, Перерва, 2007]. Кроме того, следует отметить исследования по военному делу сармато-алан и гуннов, хозяйственно-культурному укладу и образу жизни сарматов, вопросам «нестандартного» в погребальной обрядности населения Нижнего Поволжья и Нижнего Дона во II–IV вв. н.э. по материалам курганных могильников, посмертным изменениям на костях человека и их интерпретации, а также идентификации типов оружия по боевым травмам у сарматов [Балабанова, 2008, 2010б, 2012; Балабанова, Перерва, 2007; Балабанова и др., 2011].

Еще один представитель волгоградской антропологической школы — Е.В. Перерва. В 2002 г. ученый публикует работу, посвященную палеопатологии сарматов Есауловского Аксяя. Проведен анализ состояния зубной системы поздних сарматов, степени распространения аномалий на костях скелета, признаков воспалительных процессов, дегенеративно-дистрофических изменений и характера травматизма у населения II–IV вв. на материалах могильников Аксяя [Перерва, 2002]. В 2005 г. Е.В. Перервой защищена кандидатская диссертация на тему «Население сарматской эпохи по антропологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона», в которой с помощью методики палеопатологического анализа останков людей были исследованы костные материалы, находящиеся в хранилище Волгоградского государственного университета, Ростовского государственного университета и музея-заповедника г. Азова. В диссертационном исследовании автор, используя данные письменных источников, палеопочвоведения и археологии наряду с результатами палеопатологического анализа, провел реконструкцию особенностей жизнедеятельности сарматского населения [Перерва, 2005]. В последующих работах затронуты различные аспекты, изучаемые специфическими направлениями палеопатологической науки: посмертные изменения на костных останках человека [Перерва, 2006], а также умышленные и неумышленные модификации костей скелета или его частей [Перерва, 2012а, б], травматизм и специфика распространения стресса у древнего населения Нижнего Поволжья и особенности образа жизни древнего населения различных исторических периодов, от эпохи ранней бронзы и до позднего средневековья [Перерва, 2009, 2010; Перерва и др., 2010].

Подводя итог историографическому обзору развития палеопатологии в Нижнем Поволжье, следует указать, что это одна из интереснейших областей естествознания, имеющая огромный научный потенциал и значение для широкого круга исторических и медико-биологических дисциплин. Сегодня в палеопатологии решаются задачи изучения физического развития, влияния факторов внешней среды на состояние здоровья древнего человека. Одним из наиболее динамично развивающихся направлений в палеопатологии является изучение динамики распространения и проявления болезней во времени. Большой интерес у ученых вызывает изучение причин и частот встречаемости одной и той же болезни или патологии в различные исторические периоды.

На основе историографического обзора можно утверждать, что исследований по палеопатологии человека на материалах по древнему населению Нижнего Поволжья достаточно. Литература представлена не только отдельными статьями, но и монографиями, посвященными как частным, так и общим вопросам.

Совершенно ясно, что будущее современной исторической и медицинской науки за междисциплинарными исследованиями, которые проводятся на стыке разнообразных прикладных, естественных и гуманитарных научных дисциплин. Палеопатологические исследования являются одним из лучших примеров такого междисциплинарного подхода.

Палеопатология в нашей стране находится на новом этапе развития. Если раньше исследования проводились исключительно представителями московской и петербургской антропологических школ и были сконцентрированы в больших научных центрах Москвы, Санкт-

Петербурга и Новосибирска, то в настоящее время целый комплекс работ выполняется на региональном уровне. Самарские, волгоградские и ростовские ученые вводят в научный оборот новый палеоантропологический материал. Осуществляется сравнительное изучение синхронных и диахронных популяций древних народов, а комплексный подход, применяемый в палеоантропологических исследованиях, позволяет палеопатологам устанавливать точные диагнозы на костных препаратах и выполнять более убедительные биоархеологические реконструкции.

Таким образом, развивающаяся российская палеопатология существенно обогащает наши знания и такие науки, как история и медицина, важной информацией о причинах распространения разнообразных заболеваний, образе жизни древних людей и некоторых исторических фигурах, о возникновении и развитии медицинских знаний и многом другом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анучин Д.Н. Амулетъ изъ кости человеческого черепа. Трепанация в череповъ въ древняя времена, въ России // Тр. Виленскаго археологическаго съезда. М., 1895. С. 3–21.

Анучин Д.Н. О некоторых аномалияхъ человеческого черепа и преимущественно объ ихъ распространении по расамъ // Изв. императорскаго общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящаго при Московскомъ университете. Т. XXXVIII, вып. 3. 1890. С. 1–120. (Тр. Антропол. отдела; Т. 6).

Афанасьева А.О. Анализ случая комплексной травмы у кочевника III–IV вв н.э. // Вестн. антропологии. 2007. № 15. С. 309–313.

Афанасьева А.О. Возрастная динамика дегенеративно-дистрофических изменений крупных суставов у населения Кобякова городища на материале раскопок 2007 г. // Проблемы современной морфологии человека: Материалы докл. междунар. конф. М., 2008. С. 15–16.

Балабанова М.А. Краниология сарматского населения, оставившего курганные группы Абганеровского могильника // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград: ВолГУ, 1997. Вып. 2. С. 267–286.

Балабанова М.А. Обычай искусственной деформации головы у поздних сарматов: Проблемы, исследования, результаты и суждения // Нижневолж. археол. вестн. Волгоград, 2001.

Балабанова М.А. О древних макрокефалах восточной Европы // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: Изд-во ИА РАН, 2004. С. 171–187.

Балабанова М.А. Палеоантропологические материалы с посмертными изменениями: Возможности интерпретации результатов исследования // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2008. № 6.

Балабанова М.А. Катакомбная культура Волго-Донского междуречья по антропологическим данным // Материалы III Междунар. Нижневолж. археол. конф. Астрахань, 2010а.

Балабанова М.А. «Нестандартное» в погребальной обрядности населения Нижнего Поволжья и Нижнего Дона во II–IV вв. н.э.: По материалам курганных могильников Нижнего Поволжья // Материалы сарматской конференции. Ростов н/Д; Кагальник, 2010б.

Балабанова М.А. Военное дело сармато-алан и гуннов по данным античных письменных источников // Вестн. Волгогр. ун-та. Сер. 4. Волгоград, 2012.

Балабанова М.А., Перерва Е.В. Идентификация типов оружия по боевым травмам у сарматов. // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: Докл. к VI Междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск: ЮУрГУ, 2007.

Балабанова М.А., Перерва Е.В., Зубарева Е.Г. Антропология Красноярского городища золотоордынского времени / ФГОУ ВПО ВАГС. Волгоград, 2011. 180 с.

Батиева Е.Ф. Травматические поражения костей скелета у населения Нижнего Подонья в сарматское время // Антропология на пороге III тысячелетия. М., 2003. Т. 1. С. 250–267.

Батиева Е.Ф. Антропологические материалы из массовых захоронений золотоордынского города Азака // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН: Периферия, 2012. Кн. 1. С. 99–102.

Батиева Е.Ф., Афанасьева А.О. Антропологические материалы из раскопок могильников времени Золотой Орды на территории г. Азова // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: Материалы IV Междунар. науч. конф., посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. Азов, 2008.

Батиева Е.Ф., Афанасьева А.О. Антропологические материалы из раскопок могильников времени Золотой Орды на территории г. Азова // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. Донские древности. Азов: Азов. музей-заповедник, 2009. Вып. 10. С. 28–33.

Бобин В.В. Искусственно деформированные черепа, найденные при раскопках в Крыму // Тр. кафедр нормальной анатомии и гистологии с эмбриологией / МЗ УССР; Крымский ГМИ им. Сталина. Симферополь, 1957. С. 46–73.

Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд. СПб.: Норинт, 1998.

Е.В. Перерва

- Бужилова А.П.* Древнее население: (Палеопатологические исследования). М., 1995. 189 с.
- Бужилова А.П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология целого века. Методика биологических исследований. М., 1998. С. 87–147.
- Бужилова А.П., Соколова М.А., Перерва Е.В.* Об эндокринных нарушениях у кочевых народов (на примере отдельных представителей сарматской культуры) // Орус: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: ИА РАН, 2005. Вып. 4. С. 203–216.
- Гашимова У.Ф.* Антропологические аспекты исследования эпохальной динамики зубочелюстной патологии // Вопр. антропологии. 1979. № 61. С. 124–129.
- Гороценко К.И.* Гипсовые курганные маски и особый вид трепанации в курганах Минусинского округа Минусинск: Минусин. музей, 1899.
- Гохман И.И.* Палеоантропологический материал как объект современного антропологического изучения и его научно-информационная значимость // Тез. докл. секционных и пленарных заседаний на сессии археол., этногр. иссл. в 1970 г. Тбилиси, 1971.
- Гохман И.И.* Палеоантропология и доисторическая медицина // Антропология в медицине. М.: Наука, 1989. С. 5–15.
- Дэрумс В.Я.* Болезни и врачевание в древней Прибалтике. Рига, 1970.
- Захаров Б.И.* Анатомическая и рентгенологическая характеристика дегенеративно-дистрофических процессов костно-суставного аппарата по материалам Еловского могильника II // История, археология и этнография Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1979. С. 27–33.
- Козак О.Д.* Кияни княжої добию Біоархеологічні студії. К.: Академперіодика, 2010. 296 с.
- Перерва Е.В.* Палеопатология поздних сарматов из могильников Есауловского Аксая // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М.: Изд-во ИА РАН, 2002. Вып. 1–2. С. 141–152.
- Перерва Е.В.* Население сарматской эпохи по антропологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005. 26 с.
- Перерва Е.В.* Предварительный палеопатологический анализ антропологических материалов, полученных в результате охранных археологических работ в зоне строительства магистрального газопровода Починки-Изобильное // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: ВолГУ, 2006. Вып. 3. С. 293–336.
- Перерва Е.В.* Маркеры стресса как индикаторы адаптации (по материалам золотоордынского могильника Маячный Бугор) // Микроэволюционные процессы в человеческих популяциях. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 143–159.
- Перерва Е.В.* Травматические повреждения на антропологических материалах из грунтового могильника золотоордынского времени Вакуровский Бугор // Человек: Его биологическая и социальная история: Тр. Междунар. конф., посвященной 80-летию акад. РАН В.П. Алексеева (Четвертые Алексеевские чтения). Волгоград, 2010. Т. 2. С. 91–96.
- Перерва Е.В.* Непреднамеренные искусственные изменения зубов у древнего населения дельты волги (по материалам золотоордынского могильника Маячный бугор) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИГОС СО РАН, 2012а. № 2 (17). С. 79–86.
- Перерва Е.В.* Случай трепанации у сарматов (по антропологическим материалам из могильника Пегрузное I) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 23: Антропология. 2012б. № 2. С. 123–133.
- Перерва Е.В., Кутуков Д.В., Балабанова М.А., Зубарева Е.Г.* Вакуровский могильник Красноярского городища эпохи Золотой Орды (археология и антропология). Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2010. 208 с.
- Пирпилашвили П.М.* Следы некоторых заболеваний по данным палеоантропологических материалов // Сообщ. АН ГрузССР. Т. 17, № 4. 1956. С. 495.
- Пирпилашвили П.М.* Некоторые вопросы истории грузинской медицины по материалам археологических раскопок // Сообщ. АН ГрузССР. Т. 24, № 1. 1960. С. 125.
- Пирпилашвили П.М.* Палеоантропологические материалы по изучению болезней, повреждений костей и лечебных манипуляций в древней Грузии: Дис. ... канд. мед. наук. Тб., 1973. 222 с.
- Рохлин Д.Г.* Болезни древних людей: (Кости людей различных эпох: Нормальные и патологические изменения). М.; Л.: Наука, 1960. 302 с.
- Рохлин Д.Г., Майкова-Строгонова В.С.* Рентгеноантропологическое исследование скелета Андрея Боголюбского // Проблемы истории докапиталистических обществ. М.; Л., 1935. С. 9–10.
- Рохлин Д.Г., Рубашева А.Е.* Проблемы метопизма в свете рентгенологических данных // Изв. АН СССР. 1933а. С. 997–1004.
- Рохлин Д.Г., Рубашева А.Е.* Рентгено-палеопатологические наблюдения над костными материалами из Приладжья // Изв. АН СССР. 1933б. С. 415–423.
- Рохлин Д.Г., Рубашева А.Е.* «Уровская», или Кашин-бековская, болезнь в свете рентгено-палеоантропологических данных // Изв. АН СССР. 1933в. С. 1523–1537.
- Руденко С.И.* Описание скелетов из прохоровских курганов: Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма // П.С. Рыков. Суловский курганный могильник. Пг., 1918.

Палеопатология: от опыта зарубежных и отечественных исследований к истории изучения...

- Соколова М.А. Образ жизни и гормональные нарушения на примере сарматских племен // Экология и демография человека в прошлом и настоящем. 15–17 ноября 2004 г. М., 2004. С. 188–190.
- Финкельштейн М.А. Рентгенологические исследования палеопатологических материалов из могильников у сел Новоникольского и Верхнее Погромное // Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975. С. 205–207.
- Barnes E. Developmental Defects of the Axial Skeleton in Paleopathology. Niwot, Co: Univ. Press of Colorado, 1994. 349 p.
- Broca P.P. Cas singulier de trepanation chez le Incas: (A unique case of trepanation among the Incas) // Bul. Memoire Societe Antropologie de Paris. Ser. 2 (10). 1867. P. 326–336.
- Brothwell D.R. Digging up Bones. L.: Trustees of British Museum, 1972. 316 p.
- Cohen M.N., Armelagos G.L. Paleopathology at the origins of agriculture. Orlando: Acad. Press, 1984. P. 585–601.
- Graur A.L. A Companion to Paleopathology. Wiley-Blackwell, 2011. 626 p.
- Hillson S. Teeth. Cambridge manuals in Archaeology. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1985. 368 p.
- Larsen C.S. Bioarchaeology: Interpreting behavior from the human skeleton. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1997. 461 p.
- Leahey R., Slikkerveer L. Man-ape — Ape-man. The quest for Humans Place in Natura and Dubois «Missing Link». Netherlands, 1993.
- Lewis M.E. The bioarchaeology of Children Perspectives from Biological and Forensic Anthropology. C.U.P. 2009.
- Manchester K. The Archaeology of Disease. Bradford: Univ. of Bradford, 1983. 98 p.
- Manouvrier L. Incisions, cauterizations et trepanations craniennes de l'epoque neolithique: (Cranial incisions, cauterizations and trepanations in Neolithic times) // Bul. Memoire Societe Antropologie de Paris. Ser. 5 (5). 1904.
- Mays S. The Archaeology of Human Bones. N. Y., 1998. 242 p.
- Milner G.R. A Handbook Prepared For Human Osteology at the Pennsylvania State University. The Pennsylvania State University, 1994. 118 p.
- Moodie R.L. Roentgenologic Studies of Egyptian and Peruvian Mummies. Anthropol. Ser. 3. Chicago: Field Museum of Natural History, 1931.
- Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Inst. Press, 1981. 479 p.
- Prunieres L. Sur les Cranes Artificiellement Perfores a l'epoque des Dolmens: (Concerning artificial cranial perforation during the Dolmen period) // Bul. Memoire Societe Antropologie de Paris. (Ser. 2) IX. 1874. P. 185–205.
- Roberts C.A. Trauma and its treatment in British Antiquity: Submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Bradford, 1988. 343 p.
- The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology / A.C. Aufderheide, C. Rodriguez-Martin. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1998.
- Ubelaker D.H. Human Skeletal Remains. Excavation, Analysis, Interpretation. Chicago: Adline Publishing company, 1978. 116 p.
- Waldron T. Paleopathology. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 2008. 298 p.
- Webb St. Palaeopathology of Aboriginal Australians: Health and Disease across a Hunter-Gatherer Continent. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 2009. 340 p.

*Волгоградский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
nauka@vags.ru*

The paper represents a historiographic review of development stages in paleopathology as an academic direction in modern anthropology both in the foreign and domestic science. Special emphasis is made on the history of studying paleoanthropological antiquities, using methods of paleopathological analysis of the bone remains on the territory of the Low Volga basin. The paper also describes achievements of the modern national paleopathological school and its regional branches in the south of Russia.

Paleopathology, history, Low Volga basin, diseases, ancient people, anthropology.

СПОСОБЫ ОБРАЩЕНИЯ С ТЕЛАМИ УМЕРШИХ В ПАМЯТНИКАХ ШИРАКАВАН И ЛОРИ БЕРД (АРМЕНИЯ) (по данным палеоантропологии)

А.Ю. Худавердян*, С.Г. Деведжян*, Л.Г. Еганян**

*Анализируется несколько способов обращения с останками у населения эпохи железа на территории Армянского нагорья: расчленение тел, кремация, повреждение лицевого скелета, скальпирование черепов, захоронение только правой половины черепной коробки и фрагментов посткраниального скелета, трепанация. Зафиксированы случаи, свидетельствующие, что местное население также практиковало человеческие жертвоприношения. Специфическое обращение с головой умершего свойственно погребальным традициям многих народов древности. Тот факт, что именно голова покойного подвергалась особому «обращению», говорит о роли этой части тела в идеологических представлениях населения Армянского нагорья. На костях отмечены следы ямок, скобления, дефекты сочленовых поверхностей, являющиеся результатом деятельности животных при полном или частичном поедании мягких тканей. Для представителей культуры эпохи железа характерны такие критерии, как низкие показатели одонтогенного остеомиелита, прижизненной утраты зубов, зубных травм и умеренные частоты *cribra orbitalia*. Полученные данные свидетельствуют, что пища населения, помимо мясных и молочных продуктов, включала злаки. Анализируется случай непреднамеренного искусственного воздействия на верхний первый премоляр. Хозяйственная деятельность, предполагавшая использование зубов в качестве вспомогательного инструмента (обработка кожаных изделий, изготовление веревок и т.д.), была специфической особенностью населения.*

Армянское нагорье, эпоха железа, расчленение трупов, кремация, жертвоприношение, скальпирование, патологии.

Эпоха железа — особый пласт в истории древнего населения Армянского нагорья. Армения вступает в фазу развития Урартского государства (Biainili), сыгравшего колоссальную роль в культурно-экономической жизни всего Кавказа, в складывании основ древнеармянской культуры [Пиатровский, 1949; Мартиросян, 1964, с. 193–231]. Культура Армянского нагорья закономерно развивается на основе культуры предшествующего этапа, времени наивысшего расцвета позднебронзовой индустрии [Мартиросян, 1964, с. 193]. Местные племена создали высоко развитую культуру конца II тыс. до н.э. По мнению Б.Б. Пиотровского [1949], в материальной культуре также отчетливо наблюдаются древневосточные и скифские элементы. В урартских клинописях IX–VII вв. до н.э. упоминаются племенные образования «Лики» и «Киехуни» (побережье Севанского бассейна), «Эрикуахи — Эриахи» (Ширакская равнина), «Улуани» и «Кулиани» (южные отроги Арагаца), входившие в состав племенных союзов «Этиуни» и «Удур-Этиуни» [Капанцян, 1940, с. 50; Меликишвили, 1954, с. 56; 1960, с. 426; Пиотровский, 1959, с. 69–72; Арутюнян, 2001, с. 505–508]. Согласно этим источникам, Этиуни охватывал территорию от Сарикамыш до Севанского бассейна и от оз. Чылдыр до среднего течения р. Аракс, а Удур-Этиуни — собственно Севанский бассейн и некоторые прилегающие территории [Арутюнян, 1970, с. 198–200; 1985, с. 198–200, 260–265].

Племенные образования, населявшие Армянское нагорье в эпоху железа (включая урартский период), представляли собой модификации долихокранного краниологического типа со среднеширокими и высоким лицом, сильной горизонтальной профилировкой и сильным выступанием носовых костей [Алексеев, 1974, с. 93–101; Абдушелишвили, 2003; Худавердян, 2010, с. 199]. Краниологические исследования свидетельствуют о проживании населения, сближающегося по морфологии с более ранними группами с территории Армянского нагорья. Результаты межгруппового статистического анализа демонстрируют морфологические аналогии черепов эпохи раннего железа из могильников Армянского нагорья с краниосериями срубной культуры. В комплексе морфологических признаков, который фиксируется на черепах срубной культуры из Волго-Уралья и Башкирии, преобладают антропологические особенности, свойственные группам с Армянского нагорья [Khudaverdyan, 2011, p. 453–454]. Многомерный статистический анализ выявил связи населения урартского периода Армянского нагорья со скифами Подне-

ровья, степей Черноморья и Украины и сарматами Волго-Уралья [Балабанова, 2000, с. 122; Khudaverdyan, 2012, р. 15–35]. Археологические данные подтверждают многочисленные культурные связи между населением Армянского нагорья и скифами, жившими в то время как в Восточном Закавказье и других местах Передней Азии, так и в степях Северного Причерноморья [Пиотровский, 1949, 1959; Всемирная история, 1955; Мартиросян, 1964].

Погребальный обряд является одной из наиболее ярких и существенных черт археологических культур. Будучи отражением идеологических представлений древнего человека, он дает возможность реконструировать некоторые аспекты его духовной культуры. «Мир современного горожанина, пусть образованного, начитанного, интеллигентного, гораздо одномернее, суше, проще, серее и бездуховнее, чем мир человека, сохранившего ценности традиционной культуры» [Арутюнов, 1995, с. 4]. Главная идея традиционной погребальной обрядности заключается в возобновлении очередного жизненного цикла. Весь комплекс погребальных действий был направлен на обеспечение жизненного круговорота, а именно на благополучное достижение темной и светлой сущностями («душами») покойника соответствующих посмертных сфер — во имя их будущего воссоединения в новом земном человеческом теле. Палеоантропологические исследования позволяют выделить комплекс диагностических признаков, служащих идентификации сложного обращения с телами умерших на скелетном материале. По классификации Х. Ульриха [Ullrich, 1989, р. 51–71] к посмертным искусственным разрушениям относятся следы надрезов, ямки, скобления, неглубокие вдавления сходной структуры, дефекты сочленовных поверхностей и в местах прикрепления мышц, разрушение основания черепа, фрагментация черепа и посткраниальных элементов, продольное расщепление диафизов и полировка костных фрагментов. По другой классификации, посмертные преднамеренные разрушения проявляются в извлечении мозга, повреждениях лицевого скелета, обугливание костей, расчленении, отсутствии некоторых элементов скелета (в том числе многих позвонков), расщеплении диафизов длинных костей, обнажающем полость костномозгового канала; в надрезах, костных разломах, абразивных повреждениях, причиненных орудиями, полировке фрагментов [Pearson, 1999].

Жертвоприношения — важная часть религиозной обрядности любого традиционного общества. «Идея жертвоприношения — разъятия на части, складывания и оживления является универсальным моментом всякого ритуального процесса вообще» [Зайцева, 2005, с. 26]. Главная идея традиционных жертвенных ритуально-обрядовых действий состоит в том, чтобы ублажить то или иное нижнее либо верхнее божество ради избавления семьи или рода от всяческих невзгод. Считается, что в момент очищения костей от плоти душа окончательно переносится в «тот мир». Случаи захоронения расчлененных трупов фиксируются в могильниках эпохи бронзы Кавказа, Среднего Поволжья, в степных могильниках Евразии, Южного Таджикистана и Присарыкамышья [Дадудов, 1974; Клейн, 1987; Мандельштам, 1968; Яблонский, 1996]. На Кавказе в основе это обряда, по мнению О.М. Дадудова [1974], лежат дозораострийские верования. Однако Р.М. Мунчаев и К.Ф. Смирнов [1958] считают, что данный обряд в Дагестане не имеет отношения к зороастризму. Судя по материалам могильников начала I тыс. до н.э., исследованных на территории Грузии, подобный обряд продолжает существовать и в это время [Куфтин, 1949]. Некоторые авторы рассматривают расчлененные погребения срубной культуры как результат обезвреживания покойников [Васильев, Матвеева, 1986]. Подобное обезвреживание зафиксировано у разных народов и в разные эпохи, что нашло отражение в фольклоре и верованиях. Так, кафиры Гиндукуша считали, что убить демона или ведьму можно, разрубив их на куски [Йеттмар, 1986]. Одна из памирских сказок повествует о том, как юноша швыряет голову, отрубленную у ведьмы, на землю с такой силой, что она разлетается на куски [Сказки народов Памира, 1976]. В персидских сказках расхож мотив разрубания или разрывания на части ведьмы или дива [Персидские народные сказки, 1987]. Причиной расчленения трупов мог быть и ритуальный каннибализм с последующим захоронением костей [Цимиданов, 2004]. «Нельзя, — согласно М.Б. Медниковой, — доказать исключительно “людоедский” характер разрушений (наблюдаемых на костях. — *Авт.*), но так же сложно доказать обратное». Некоторые племена на Новой Гвинее «рассматривают этот обычай как акт любви, совершаемый по отношению к умершим членам семьи» [Медникова, 2000, с. 438]. В Чатал Хуюке погребения обнаружены в жилых помещениях. Древние письменные свидетельства подсказывают, что костные останки понимались как «нетленная» часть человеческого тела [Антонова, 1990, с. 96]. Сцены смерти в росписях домов Чатал Хуюка представлены рядом со сценами рождения. В архаических образных представлениях жизнь всегда связана со смертью.

Голова (череп) занимает исключительное положение в первобытном миропонимании. Такое значение головы в религиозной и магической системе находит разное идеологическое обоснование. Под скальпированием понимается удаление части или всей поверхности кожного покрова головы с волосами у живого, а также мертвого человека [The Cambridge Encyclopedia..., 1998]. В обрядовой практике при скальпировании и обезглавливании умершего родственника или убитого врага важнейшей мотивацией было лишить покойника возможности мщения. Поэтому в древности уносили с собой голову врага или сородича, которая затем в разных племенах подвергалась различным процедурам. Одни ее высушивали, другие давали мягким тканям сгнить, третьи вываривали в смоле, а ритуальные операции проводили с очищенным черепом. В итоге отрезанная голова превращалась в безопасный элемент собственной бытовой культуры [Мамардашвили, 2002].

Исторически известно и описано несколько видов скальпирования: 1) полное, являющееся частью ритуального расчленения противника (отрезание рук и ног в качестве трофеев); 2) простое (серия аккуратных надрезов и снятие части кожи с головы вместе с волосами) (напр., ирокезы); 3) сложное (снятие скальпа вместе с частью лица, шеи и ушами) (индейцы чинук, дакота); 4) частичное (снятие лишь небольшого лоскутка кожи размером с ладонь с макушки) (шошоны, шайены); 5) групповое (несколько победителей срезали по фрагменту скальпа, когда не было возможности определить, чья именно пуля сразила противника); 6) снятие скальпа серией быстрых ударов (во время боя, в спешке); 7) снятие скальпа с лысых (обычай, появившийся лишь после контакта с европейцами); 8) неполное (нанесение надреза и лишь частичное отделение кожи с волосами от головы как часть процедуры пыток) [Бородовский, Табарев, 2001; Карачаров, Ражев, 2002; Перерва, Лукьяшко, 2011; Knowles, 1940]. К числу редких разновидностей следует отнести снятие скальпа с погибшего в бою соплеменника (когда нет возможности унести с собой для погребения все тело и необходимо предотвратить снятие скальпа противником) и самоскальпирование [Nadeau, 1941]. У многих племен скальпирование использовалось и в медицинской практике. Так, индейцы навахо верили, что можно излечить зубную боль, пожевав кусочек скальпа, а завернув скальп в кукурузные листья — использовать его как терапевтическое средство при излишней агрессивности или чрезмерной тоске по умершему родственнику. Они также считали, что скальпирование само по себе может служить хирургическим методом лечения головных болей или травм головы [Owsley, 1994].

Самые древние случаи скальпирования зафиксированы на палеоантропологических материалах Старого Света. Наиболее полный перечень палеоантропологических свидетельств этого обряда опубликован в монографии М.Б. Медниковой [2001], посвященной трепанации у древних народов Евразии. Этот обычай практиковался индейцами задолго до появления европейцев [Ortner, Putschar, 1981; Larsen, 1997; The Cambridge Encyclopedia..., 1998]. Существует несколько свидетельств данного обряда в Северной Европе, датирующихся ранним железным веком. Так, в Веннигстедте (Германия), было раскопано три фрагментарных тела, на черепах которых фиксировались надрезы, интерпретированные как следы скальпирования [Murphy et al., 2002]. Е. Murphy описала случай удаления кожи с головы мужчины 25–35 лет из погребения скифского времени могильника Аймырлыг (раскопки А.М. Мандельштама). Исследователь фиксирует мелкие множественные надрезы, сделанные металлическим предметом. Насечки на затылочной и теменных костях черепа располагались горизонтально и параллельно друг другу. Следов заживления не наблюдалось, поэтому исследователи предположили, что скальпирование проводилось незадолго до смерти или непосредственно после нее [Ibid.]. М.Б. Медникова [2000] высказывает предположение о скальпировании на черепе из кургана 4 Калиновского могильника (поздние катакомбники и ранние срубники, XV в. до н.э.) на севере Александровского района Ставропольского края. Следы скальпирования зафиксированы и на черепах абашевской культуры (Пепкинский курган). По мнению М.Б. Медниковой [2001], останки принадлежат субъектам, погибшим в военном столкновении. На черепах № 80 и 83 выявлены параллельные надрезы в височной области [Медникова, Лебединская, 1999]. Практика скальпирования отмечена и у сарматов, оставивших могильник «Новый» (Ростовская обл.) [Перерва, Лукьяшко, 2011]. Из четырех оскальпированных черепов один принадлежал молодой женщине. При раскопках вблизи г. Сургута в могильной яме могильника Сайгатинского VI (погр. 78) была обнаружена только черепная крышка, на которой, по мнению К.Г. Карачарова и Д.И. Ражева [2002, с. 137–140], присутствовали следы специфических действий.

Первые письменные свидетельства об обряде скальпирования содержатся в «Истории» Геродота (IV, 59–75) [2001]. При описании обычаев скифов автор отмечает: «С головы врага; он

сдирает кожу следующим образом: вокруг головы около ушей делает надрез, потом берет голову в руки и вытряхивает ее из кожи, затем, очистив кожу от мяса, при помощи бычьего ребра, он мнет ее руками и, выдубив ее, держит у себя в виде утиральника, привязывает к узде коня, на котором сам ездит, и гордится этим, так как тот, который имеет наибольшее количество таких кожаных утиральников, считается самым доблестным мужем. Многие скифы из содранных кож делают для одевания плащи, сшивая их, как козьи шкурки. Многие, также содрав кожу вместе с ногтями с правых рук убитых неприятелей, делают покрывки для колчанов. Человеческая кожа, действительно и толста и блестяща; блестящею белизной она превосходит почти все другие кожи. Наконец, многие сдирают кожу со всего трупа, натягивают на палки и возят с собою на лошадях» (Геродот, IV, 64). Аммиан Марцеллин оставил свидетельства, указывающие на существование обычая скальпирования врагов у аланов: «...они ничем так не хвастаются, как убиением какого-нибудь человека, и в виде славных трофеев навешивают вместо украшения на своих боевых коней кожи, содранные с отрезанных голов убитых» (XXXI, 2, 22) [1994]. У этого же автора есть упоминания о гелонах, «которые снимают кожу с убитых врагов и делают из нее одежды себе и боевые (bellatoria) попоны для своих коней» (Аммиан Марцеллин, XXXI, 2, 13). Практика скальпирования у аланов подтверждается сохранением ее реликтов в осетинском эпосе о нартах: «На Хазмийском поле, за Черным морем, живет Куцыков сын Елтган; у него головная кожа золотая; если ты силен, Созрыко, то убей Елтагана, сдери у него головную кожу, принеси ее и из нее сделай воротник для шубы» [Миллер, 1881, с. 35]. Ритуальное скальпирование трупов, применявшееся, например, жрицами-лучницами Артемиды, имело целью обезвредить душу убитого врага. Волосы, по поверью, сосредоточивали в себе магическую силу, и, отняв их, девы-охотницы лишали дух убитого прежней мощи [Елисеева, 2002].

Традицию кремации (сжигания останков человека, как это предусмотрено различными вариантами погребального обряда) можно отнести к универсальным человеческим феноменам, ее возникновение фиксируется на различных территориях, в разнообразных культурных контекстах во все эпохи существования самой погребальной обрядности [Добровольская, 2010]. Особенности проведения кремации известны нам по текстам — сценам погребения Патрокла и Гектора в «Илиаде» Гомера [1949, с. 115–257, 785–800]. При раскопках слоев халафской культуры в Ираке (памятник Ярымтепе II) были обнаружены несколько погребений с трупосожжением [Мерперт, Мунчаев, 1982, с. 31]. Не исключено, что такие погребения — результат проведения обрядов с жертвоприношениями [Антонова, 1990, с. 82]. Практика огненных жертвоприношений, сформировавшаяся в раннеземледельческих культурах Ближнего Востока, была призвана обеспечить благосклонность богов. На Ближнем Востоке кремация тел считалась привилегированным способом погребения умершего [Rosen, 2004]. Со II тыс. до н.э. в Индии фиксируются кремированные останки людей [Iserson, 1994; Prothero, 2001]. Во многих евразийских культурах энеолита — бронзы (трипольская, софиевская, баденская, Злота, Волынь и др.) обнаружены погребения с кремированными останками человека [Добровольская, 2010; Rosen, 2004]. С середины II тыс. до н.э. обряды трупосожжения приобретают массовый характер на территории Евразии. Практика огненных жертвоприношений отмечена в Воронежской области в двух погребениях могильника Колбино 1 конца V — IV в. до н.э. (раскопки В.И. Гуляева, Е.И. Савченко). Кремировали при температуре 700–750 °С, с ограниченным доступом кислорода. По мнению М.В. Добровольской [2010], ко времени проведения кремации останки уже были лишены значительной части влаги и жировых веществ. Согласно F. Rosen [2004], кремация выявлена и в Северной Америке (VI–III тыс. до н.э.). В. Conklin [1995], С. Turner и J. Turner [1992, 1999] связывают обряд трупосожжения с каннибализмом. По мнению последних исследователей, в доисторическом Эназаси своих жертв перед съеданием жарили на костре.

Настоящее исследование обеспечит подробную информацию о людях, живших на территории Армянского нагорья, и способах обращения с телами умерших, которой ранее не доставало из-за использования неадекватных методов анализа [Историческая экология человека..., 1998; Добровольская, 2010; Walker et al., 2008].

Материал и методы

Памятник Лори Берд расположен в Ташир-Дзорагете (плато Ташратан). Руководитель экспедиции археолог С.Г. Деведжян датирует погребения VI–V вв. до н.э. Погребения в Лори Берде были четырехугольные в плане и содержали одиночные и парные захоронения, ориентированы по линии запад — восток. Человеческие останки сопровождалась обильным инвента-

рем и захоронениями домашних животных (лошадей, свиней и т.д.) [Деведжян, 1981, с. 25–75; 2005, с. 125–132].

Ширакаванский могильник находится на левом берегу р. Ахурян в Анийском районе (Ширакская равнина). Материалы из этих погребений были датированы археологами А.А. Хачатрянном, Л.Г. Еганян и Л.А. Петросяном IX–VI вв. до н.э. В погребениях были совершены индивидуальные и коллективные захоронения. Костяки в погребениях обнаружены в разных направлениях, на спине, в скорченном положении на правом или левом боку. В могилах найдены керамические сосуды, оружие и предметы украшения. В погребениях встречались также кости животных.

Весь материал изучался по хорошо известным антропологическим методикам [Алексеев, Дебец, 1964; Phenice, 1969; Buikstra, Ubelaker, 1994; Ubelaker, 1989]. Все кости визуальным образом обследованы на предмет наличия прижизненных повреждений, следов заболеваний [Бужилова, 1998; Goodman et al., 1984; Goodman, Armelagos, 1989; The Cambridge Encyclopedia..., 1998; Ortner, 2003].

Результаты и обсуждение

Палеодемография. В данной работе рассматриваются костные останки 21 индивида из могильника Ширакаван, которые были извлечены из погребений (табл. 1). Мужчин принадлежало 12 из них, женщинам — 9. Обращает на себя внимание тот факт, что все костяки — останки взрослых. Удовлетворительная сохранность детских скелетов из могильников Армянского нагорья позволяет допустить, что отсутствие останков детей, вероятно, связано с существовавшей у населения традицией погребения их по другому обряду. Обнаружен только один скелет женщины в возрасте 15–19 лет. Наибольшее число умерших — в возрасте от 20 до 40 лет. Женщины старше 50 лет не выявлены. В совокупности средний срок жизни у погребенных из могильника Ширакаван составил 39,6 года, отдельно для мужчин — 42,9 года, для женщин — 35,3. Продолжительность жизненного цикла у мужчин в Ширакаване оказывается больше, чем у женщин, что свидетельствует о долгожительстве мужского контингента. Рассматривая смертность как генерализованный показатель благополучия, можно предположить, что мужчины меньше испытывали стрессовое воздействие.

Антропологический материал из памятника Лори Берд небольшой (16 определений) (табл. 1). Дети от 5 до 9 лет составляют 12,5 %, процент смертности молодых мужчин также равен 12,5. Низкий уровень рождаемости, вероятно, был обусловлен рядом факторов социально-экономического и демографического характера. К демографическим относятся низкая численность населения детородного возраста, высокий уровень незамужних и холостых, снижение уровня плодovitости женщин в результате сознательного ограничения деторождения и пр., а к экономическим — в первую очередь плохое материальное положение населения и т.д. Немалую роль играли и факторы экологического характера. Наибольшее число умерших — от 40 до 55 лет. Люди старше 60 лет не выявлены. Из взрослых — мужчин больше (62,5 %, женщин — 25 %). Средний срок жизни для популяции, оставившей этот могильник, — 38,1 года (без учета детской смертности — 42,5 года). При этом отдельно для мужчин — 42 года, для женщин — 43,8. Это довольно высокий показатель и для мужчин, и для женщин [Бужилова, 2005].

Таблица 1

Половозрастная характеристика черепов эпохи железа

Возраст, лет	Ширакаван			Лори Берд		
	♂	♀	Дети	♂	♀	Дети
5–9						2
10–19		1		2		
20–29	2	2			1	
30–39	1	1				
40–49	3	3		5	1	
50–59	4	2		3	2	
60+	2					
<i>Суммарно</i>	12	9	—	10	4	2

Захоронение расчлененных трупов. Случаи захоронения расчлененных трупов на территории Армянского нагорья единичны и представляют специальный интерес. Костные останки некоторых индивидов в погребениях Лори Берд (погр. 103–109) расположены не в анатомическом порядке, отчлененные части тела дистанцированы в пределах могилы (рис. 1, 2). Также

Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакаван и Лори Берд...

отмечены неудачные попытки расчленения *бедренной* (на уровне *fossa trochanterica*) и *безымянной* (на латеральной стороне в области *limbus acetabuli*) костей (рис. 3). В могильнике не обнаружены фрагменты позвонков. Возможно, уничтожались лицевые части черепов, чтобы ликвидировать индивидуальные черты покойного.

Рис. 1. Сколы правильной геометрической формы. Диафиз бедренной кости (Лори Берд, погр. 103)

Рис. 2. Расчлененный диафиз бедренной кости (Лори Берд, погр. 106/2)

У двух мужчин (погр. 105: 18–20 лет; 107: 50–55 лет) головы отчленили и разрубили по середине; были захоронены только правые части черепной коробки. Под правой частью черепа (погр. 105) обнаружены аккуратно разложенные разрубленные фрагменты посткраниального скелета. Правый и левый — одно из главных противопоставлений в древних мифологиях (особенно в дуалистических и близнецных мифах). Для большинства мифологий характерно использование признака «левый» в значении отрицательного, связанного с неправотой и загробным наказанием; «правый» — в значении положительного. Правая сторона тела соответствует мужскому началу, а также будущему, свету. Черепа индивидов из Лори Берда были обращены лицевой частью на восток — к восходу солнца, в сторону грядущего возрождения. Вероятно, мы имеем дело с переходным обрядом. После смерти индивид должен был пройти сложный путь воскрешения. Здесь завершается временной цикл, и индивид (космос) возвращается в свое предварительное, исходное состояние небытия, специальный ритуал должен был помочь его возрождению для переустройства космоса, повторяя все этапы его творения-становления. Этим можно объяснить расчленение трупов в могильнике, без которого не мог возникнуть новый цикл: жизнь-смерть-возрождение.

Рис. 3. Попытки расчленения бедренной и безымянной костей (Лори Берд, погр. 105)

Если некоторые типы расчленений (отделение кистей рук, ступней ног) непосредственно связаны с боязнью покойника, то содержание обычая отчленения черепов более сложно и восходит к примитивным формам почитания предков: культ черепов в Восточном Средиземноморье — докерамическом Иерихоне В, Чатал Хююке. Не менее распространенным был и иной побудительный мотив для нарушения целостности трупа. У многих народов расчленяли тела умерших правителей и других выдающихся лиц (в том числе христианских святых), чтобы затем похоронить или выставить их в нескольких местах с целью обеспечения благополучия разных частей страны [Фрезер, 1983; Бойцов, 2003].

На остеологическом материале из памятника Лори Берд зафиксированы посмертные изменения (рис. 4). На костях были выявлены следы ямок, скобления, дефекты сочленовных поверхностей. «Расчесы» и «погрызы» иногда затрагивают всю окружность длинных костей. Нет сомнений, что эти деструкции — результат деятельности мелких животных при полном или частичном поедании мягких тканей. Тела умерших, возможно, оставляли на возвышенностях для распада мягких тканей и съедания хищными птицами и только потом хоронили в могильнике.

Рис. 4. Фрагменты плечевой, локтевой и лучевой костей (Лори Берд, погр. 106/2)

Мы также не исключаем в Лори Берде практику огненных жертвоприношений. Любопытно, что в погребении 109 был обнаружен только небольшой фрагмент нижней челюсти (рис. 5). Цвет толщи компактной костной ткани светло-серый, в ряде мест заметны потемнения. Это позволяет предположить, что кремация была проведена при температуре 600–700 °С, с ограниченным доступом кислорода [Walker et al., 2008]. На зубах у погребенного (погр. 105) деформации более умеренные (рис. 6). Такие характеристики дают основание предполагать, что трупосожжение происходило при температуре 300 °С. Сжигание тел на могильнике Лори Берд совершалось на стороне, вероятно, на погребальном костре.

Рис. 5. Фрагмент с термической деформацией (Лори Берд, погр. 109)

Рис. 6. Фрагменты зубов (Лори Берд, погр. 105)

Обычай расчленения тела известен как в погребальной, так и в жертвенной обрядности. Как показывают материалы могильника Ширакаван (рис. 7), местное население практиковало человеческие жертвоприношения. В одном случае женщину уложили в скорченном положении, у ее головы был обнаружен череп мужчины; в другом случае вместе со скелетом мужчины найдена голова более молодой женщины; в третьем случае со скелетом зрелой женщины выявлена голова более молодой женщины. Важно отметить, что черепа жертв в погребениях находились рядом с бытовой утварью (в сосудах выявлены кости домашних животных). Вероятно, жертвоприношения совершались в ходе ритуально-поминальных обрядовых действий. Как по-

Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакаван и Лори Берд...

казывает антропологический анализ, сначала жертв приводили в бесчувственное состояние и после отрубали головы. На черепах-трофеях наблюдались травмы (по темени наносили сильный удар). Головы жертв были отрублены, скорее всего, мечом.

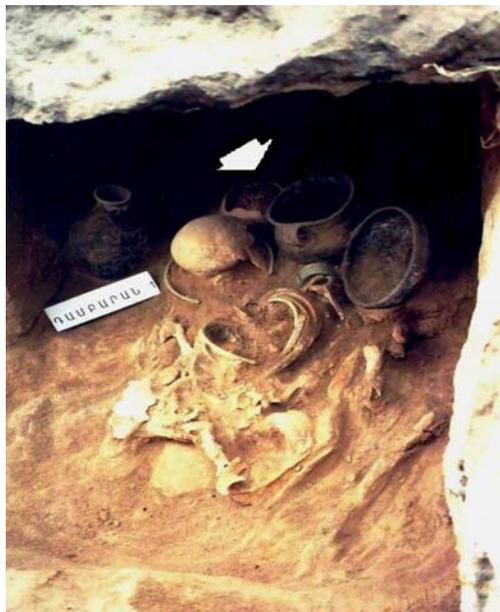

Рис. 7. Могильник Ширакаван (погр. 1). Стрелкой указан отрубленный череп

Отрубленная человеческая голова имела большое символическое значение в культовых системах и магических ритуалах греков, этрусков, скифов, карфагенян, кельтов, фракийцев, тавров и других древних народов, о чем неоднократно сообщали античные писатели (Страбон, IV; Геродот, IV) [Стратановский, 1964, 1972]. Объяснение обряда отсечения головы можно найти в многочисленных сюжетах мифов, связанных с почитанием божеств хтонического круга, и прежде всего Диониса. Традиция собирать головы известна с доисторических времен вплоть до наших дней. Попытки обратиться к этнологии в поисках объяснения этого обычая привели к возникновению большого числа различных теорий. Некоторые авторы считают, что речь идет о культе предков, другие видят в этих людях каннибалов, в культовых целях хоронивших черепа своих жертв, третьи вообще считают, что черепа — военные трофеи, закопанные как клад. По сообщениям этнографов, в некоторых племенах Новой Гвинеи новорожденный мальчик получал имя только после того, как его отец или другой близкий родственник убивали какого-нибудь взрослого человека, чье имя было им известно, и отрезали ему голову. Череп хранился как священная реликвия до тех пор, пока был жив молодой человек, обретший имя [Медникова, 2004, с. 144]. Как известно, черепа людей (так же как и животных) могут свидетельствовать и о наличии мотива земного плодородия [Иванов, 1994, с. 127].

В антропологической практике к трепанациям относятся отверстия, сделанные с ритуальной или лечебной целью. С лечебной целью выполнены трепанации для удаления осколков костей, проникающих в черепную коробку в результате ударов, при упорных головных болях, эпилепсии и в случае других заболеваний. У мужчины (55–60 лет, погр. 11) из могильника Ширакаван зафиксирована трепанация черепа (рис. 8). На правой части теменной кости имеется отверстие с гладкими контурами со следами выраженной репаративной регенерации. У погребенного также обнаружены отчетливые следы линейных надрезов. На теменной кости у исследованного субъекта наблюдалось более 8 насечек, все они расположены параллельно друг другу. Линии надрезов идут по вертикали и ориентированы в продольном направлении. У погребенного в Ширакаване было проведено неполное скальпирование — сделаны надрезы и лишь частично отделена кожа с волосами от головы (скальпирование, вероятно, было связано с трепанацией).

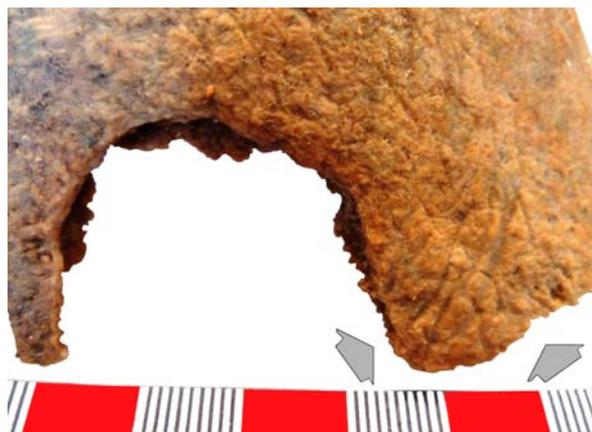

Рис. 8. Трепанация черепа и скальпирование (Ширакаван, погр. 11)

Патология. Маркеры железодефицитной анемии *cribra orbitalia* или поротического гиперостоза встречаются на материалах населения Армянского нагорья. Как демонстрируют исследования А.П. Бужиловой [1999], высокая частота *cribra orbitalia* характерна для южных популяций и вызвана более высоким общим инфекционным фоном. На черепаках из Ширакавана (42,9 %) и Лори Берда (42,5 %) зафиксированы следы анемии (табл. 2). *Поротический гиперостоз* у населения Армянского нагорья сопровождается порозом костной ткани и воспалением надкостницы (Ширакаван: 23,9 %; Лори Берд: 12,5%). *Поротический гиперостоз* чаще фиксировался на теменных и затылочных костях.

У погребенных из Лори Берда (33,4 %) была выявлена *васкулярная реакция* — специфическое изменение надкостницы, отмечающееся в области надбровных дуг, по внешнему краю скуловых костей, в затылочной области. Данный маркер принято отождествлять с последствием холодного стресса, связанного с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе в прохладную и ветреную погоду или в холодную погоду с повышенной влажностью [Бужилова, 1998, с. 104–105].

Таблица 2

Частоты встречаемости некоторых индикаторов стресса в группах

	Ширакаван	Лори Берд
<i>Cribrata orbitalia</i>	42,9 (21)	42,5 (9)
Поротический гиперостоз	23,9 (21)	12,5 (16)
Васкулярная реакция	0	33,4 (9)
Эмалевая гипоплазия	35,3 (17)	64,3 (14)
Зубной камень	23,6 (17)	57,2 (14)
Кариес	5,9 (17)	28,6 (14)
Потеря зуба	16,7 (18)	36,4 (11)
Абсцесс	5,9 (17)	10 (10)

Эмалевая гипоплазия свидетельствует о резком стрессовом воздействии, испытанном субъектом в детском возрасте (как правило, в интервале от 6 мес. до 7 лет) [Goodman, Rose, 1990; Алексеева, Бужилова, 1996]. У 35,3 % индивидов из Ширакавана была обнаружена эмалевая гипоплазия, наибольшая частота встречаемости индикатора отмечена у мужчин (23,6 %). В палеопопуляции из Лори Берда очень высока частота стрессов детства (64,3 %: у 35,8 % мужчин и 28,6 % женщин). Итак, случаи эмалевой гипоплазии значительно более редки в женской части выборки с Армянского нагорья.

Рацион обусловлен хозяйственно-культурным типом как в отношении количества и набора продуктов питания, так и в отношении пищевых традиций и привычек. Одним из прямых маркеров пищевого стресса следует считать проявления минерализованных отложений светло-желтого цвета на зубах у погребенных. При использовании зернотерок в пищу попадает большое количество мельчайших абразивных веществ, которые обеспечивают естественное очищение зубов от бактериального налета. Пища, приготовленная из цельных зерен или злаков, такими свойствами не обладает. Низкая частота *зубного камня* отмечена у индивидов из мо-

Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакаван и Лори Берд...

гильника Ширакаван (23,6 %: у 7,7 % мужчин и 5,9 % женщин). Зубной камень зафиксирован у 57,2 % субъектов из могильника Лори Берд (42,9 % у мужчин, 14,3 % у женщин).

В качестве другого показателя диеты был рассмотрен *кариес*. Обычно популяции, диета которых богата углеводами (особенно сахарозой, фруктозой), имеют высокий уровень распространения этого заболевания. А при диете с высоким содержанием белков риск появления кариеса существенно снижается. Кариес отмечен у 28,6 % субъектов из могильника Лори Берд и у 5,9 % индивидов из некрополя Ширакаван. Другая зубная патология характеризуется *прижизненным выпадением зубов*. Одна из распространенных причин осложнения — кариес, другая — усиленная нагрузка на зубочелюстной аппарат, третья связана с системными патологиями (например, эндокринными нарушениями или ранним подростковым пародонтозом). Повышенный процент встречаемости маркера наблюдается у погребенных в Лори Берде (36,4 %). Реже признак фиксировался в группе Ширакавана (16,7 %).

Рис. 9. Травма черепа (Лори Берд, погр. 63-1)

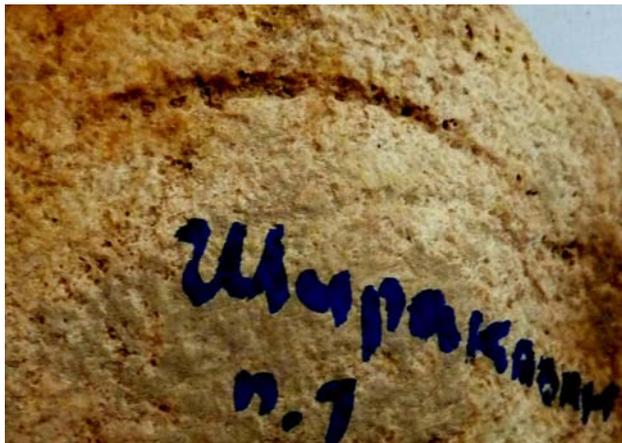

Рис. 10. Травма черепа (Ширакаван, погр. 1)

Следы одонтогенного остеомиелита (*альвеолярный абсцесс*) независимо от половой принадлежности имеют в Лори Берде — 10 %, в Ширакаване — 5,9 % индивидов.

Сведения о травматизме заслуживают особенно пристального внимания исследователей. Различают травмы бытового и военного происхождения; на костях черепа и посткраниального скелета. Если на череп действует орудие с ограниченной поверхностью, то образуются так называемые вмятины и дырчатые переломы, в той или иной степени отражающие форму ударяющей поверхности. Череп ребенка из погребения 63-1 (4–6 лет) из могильника Лори Берд (рис. 9) примечателен тем, что в области левой теменной костей отмечен заживший дырчатый перелом с вдавлением обломков в полость черепа. Вмятина имеет округлую форму диаметром 4,2–3,5 см. Травма не могла быть непосредственной причиной смерти ребенка. На поверхности черепа наблюдается незначительная облитерация дефекта. Вместе с тем от центральной части дефекта отходят заросшие линии разлома. Выявлены следы воспалительных процессов.

На черепе из погребения 1 было обнаружено повреждение наружной пластинки (рис. 10). Причиной возникновения дефекта, скорее всего, послужил удар тяжелым тупым предметом, узким в сечении. Овальный дефект выявлен у женщины 35–40 лет.

Травматизм различной степени тяжести на костях черепа был распространен у населения Армянского нагорья (Лори Берд: 56,3% (9 из 16); Ширакаван: 23,9 % (5 из 21)).

Состояние зубной системы населения эпохи железа характеризует невысокий уровень травматических повреждений непреднамеренного происхождения. Эмалевые сколы (*chipping*) отмечены у 3 мужчин (Ширакаван: погр. 6, 11; Лори Берд: погр. 107), травмированию подвергались премоляры и моляры, за исключением третьего моляра. Появление зубных сколов объясняется такими особенностями питания, как дробление зубами фруктовых косточек и костей животных. Кроме того, у женщины (30–35 лет, погр. 6/2) из Ширакавана фиксируются следы систематического абразивного воздействия на определенные участки правого Р¹, которые свидетельствуют об использовании зубов в качестве «третьей руки» в трудовых операциях (рис. 11). Вероятнее всего, хозяйственная деятельность, предполагавшая использование зубов в качестве вспомогательного

инструмента (обработка кожаных изделий, изготовление всевозможных веревок и т.д.), была специфической особенностью населения, оставившего Ширакаванский могильник.

Рис. 11. Необычная стертость верхнего премоляра (P¹) (Ширакаван, погр. 6)

Заключение

С момента наступления физической смерти до окончательного погребения и смерти «социальной» проходит определенный период, зачастую весьма продолжительный, в который совершаются многообразные церемонии и ритуальные действия с трупом. Нам удалось проследить несколько способов обращения с останками: расчленение тел, кремация, повреждение лицевого скелета, скальпирование черепов, захоронение только правой половины черепной коробки и фрагментов посткраниального скелета. Под расчлененным погребением мы понимаем помещение в могилу преднамеренно расчлененного вскоре после смерти тела умершего, причем расчлененное тело могло захораниваться как полностью, так и частично, как в одном месте, так и в разных местах. В отношении расчлененных останков отмечено: создание неанатомической упорядоченности расположения останков, дистанцирование отчлененных частей тела в пределах могилы, беспорядочное расположение останков в могиле. Подобные действия могут привести к появлению археологически фиксируемых погребений с нарушенной анатомической целостностью костяка. На костях некоторых индивидов были выявлены следы ямок, скобления, дефекты сочленовных поверхностей — без сомнения, результат деятельности животных при полном или частичном поедании мягких тканей. Тела умерших, возможно, оставляли на возвышенных местах для распада мягких тканей и съедания хищными птицами и только потом хоронили в могильнике. Как показывают материалы могильника Ширакаван, местное население практиковало человеческие жертвоприношения, совершавшиеся в ходе ритуально-поминальных обрядовых действий. В Лори Берде был распространён особый вид расчленения — отчленение головы от тела и погребение только правой части черепной коробки и лицевого скелета. Специфическое обращение с головой умершего является характерной особенностью погребальных традиций многих народов древности. Тот факт, что именно голова покойного подвергалась особому «обращению», свидетельствует о ее роли в идеологических представлениях населения Армянского нагорья. Нами также были зафиксированы трепанация и скальпирование в эпоху железа. Скальпирование, вероятно, связано с трепанацией черепа и травмой головы. Хорошо известно, что некоторые племена индейцев использовали трепанации и скальпирование при проведении религиозных обрядов [Owsley, 1994]. Делать какие-либо предположения и реконструкции очень сложно. Данные находки исключительны на территории Армянского нагорья.

Для представителей культуры железа характерны такие критерии, как низкие показатели одонтогенного остеомиелита, прижизненной утраты зубов, зубных травм и умеренные частоты *sigma orbitalia*. Полученные данные свидетельствуют о том, что пища населения, помимо мясных и молочных продуктов, включала злаки. У ширакаванской группы не выявлено выраженной склонности к заболеванию кариесом. Пища у представителей последней была богата протеинами и жирами. Наблюдается тенденция к увеличению зубного камня, прижизненного выпадения зубов и кариеса в группе Лори Берда. Умеренная частота зубного камня у населения Ширакавана связана с сокращением потребления мяса и увеличением доли растительного компонента (преимущественно в форме протертых злаков или зерен) в диете. В лорибердской палеопопуляции очень высокая частота стрессов детства. Наблюдается тенденция к увеличению зубного камня, кариеса, эмалевой гипоплазии, одонтогенного остеомиелита в мужских группах. При анализе травматизма у погребенных установлено, что все повреждения свода черепа имелись как на мужских, так и на женских черепах. Причем ряд из них были насильственного характера, а часть — случайного или бытового. Мужчины,

Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакаван и Лори Берд...

испытывая различные стрессовые воздействия, все же доживали до старческого возраста. В женских сериях лишь два скелета принадлежали лицам пожилого возраста.

Исследование костных останков из погребений могильников Лори Берд и Ширакаван имеет новаторское значение. Подобного исследования по синхронным материалам с территории Армянского нагорья практически не проводилось.

А.Ю. Худавердян выражает искреннюю благодарность проф. Douglas H. Ubelaker за ценные консультации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абдушелишвили М.Г.* Антропология древних и современных народов Кавказа // Горизонты антропологии. М.: Наука, 2003. С. 248–265.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974. 317 с.
- Алексеев В.П., Дебец Г.Ф.* Краниометрия: (Методика антропологических исследований). М., 1964. 128 с.
- Алексеева Т.И., Бужилова А.А.* Население древнерусских городов по данным антропологии: Происхождение, палеодемография, палеоэкология // РА. 1996. № 3. С. 58–72.
- Аммиан Марцеллин.* Римская история. СПб.: Алетейя, 1994. 558 с.
- Антонова Е.В.* Обряды и верования первобытных земледельцев Востока. М.: Наука, 1990. 287 с.
- Арутюнов С.А.* От редактора // А.В. Головнев. Говорящие культуры: Традиции самодийцев и угров. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 607 с.
- Арутюнян Н.В.* Биайнили (Урарту). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1970. 474 с.
- Арутюнян Н.В.* Топонимика Урарту. Ереван, 1985. 308 с.
- Арутюнян Н.В.* Корпус урартских клинообразных надписей. Ереван: Гитутюн, 2001. 542 с.
- Балабанова М.А.* Антропология древнего населения Южного Приуралья и Нижнего Поволжья: Ранний железный век. М.: Наука, 2000. 113 с.
- Бородовский А.П., Табарев А.В.* Корреляция обычая скальпирования в Северной Америке и Западной Сибири // Интеграция археологических и этнографических исследований. Нальчик; Омск, 2001. С. 207–210.
- Бойцов М.* Живая власть мертвого тела. Комментарии к повествованию старшего коллеги // Казус: Индивидуальное и уникальное в истории. М., 2003. Вып. 5. С. 167–253.
- Бужилова А.П.* Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: Методика биологических исследований. М.: ИА РАН, 1998. С. 87–146.
- Бужилова А.П.* Болезни в средневековой Руси: (Антропологический обзор) // Восточные славяне: Антропология и этническая история. М.: Науч. мир, 1999. С. 243–254.
- Бужилова А.П.* Homo sapiens: История болезни. М., 2005. 320 с.
- Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев: Кн. изд-во, 1986. 232 с.
- Всемирная история.* М., 1955. Т. 1. 477 с.
- Геродот.* История: В 9 кн. / Пер. Г.А. Стратановского. М.: АСТ: Ладомир, 2001. 752 с.
- Гомер.* Илиада / Пер. В. Вересаева. М.; Л.: Гослитиздат, 1949. 551 с.
- Дагудов О.М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачалала, 1974.
- Деведжан С.Г.* Лори-Берд. I. Ереван: АН АрмССР, 1981. 86 с.
- Деведжан С.Г.* Взаимоотношение культур Армении-Передней Азии // Культура древней Армении, XIII: Материалы респ. науч. сессии. Ереван, 2005. С. 125–132.
- Добровольская М.В.* К методике изучения материалов кремации // КСИА. 2010. Вып. 224. С. 85–97.
- Елисеева О.* Склеп Деметры: Секс и смерть в древней мифологии: (Заметки на полях книги Р. Грейвза «Золотое Руно»). 2002 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.udod.traditio.ru.
- Зайцева О.В.* Погребения с нарушенной анатомической целостностью костяка: Методика исследования и возможности интерпретации: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2005. 18 с.
- Иванов В.И.* Дионис и прадионисийство. СПб.: Алетейя, 1994. 341 с.
- Историческая экология человека: Методика биологических исследований.* М.: Старый Сад, 1998. 260 с.
- Йеттмар К.* Религии Гиндукуша. М.: Наука, 1986. 524 с.
- Капанцян Г.А.* Историко-лингвистическое значение топонимии Древней Армении. Ереван, 1940. 540 с.
- Карачаров К.Г., Ражев Д.И.* Обычай скальпирования на севере Западной Сибири в средние века // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. Вып. 4. С. 137–140.
- Клейн Л.С.* Индоарии и скифский мир: Общие истоки идеологи // Народы Азии и Африки. 1987. № 5. С. 63–82.
- Куфтин Б.А.* Материалы к археологии Колхиды. Тбилиси, 1949. Т. 1. 359 с.
- Мамардашвили М.К.* Человек начинается с плача по покойнику. 2002 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: www.russ.ru.
- Мандельштам А.М.* Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане // МИА. 1968. № 145. 184 с.
- Мартиросян А.А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1964. 346 с.

- Медникова М.Б. Скальпирование на Евразийском континенте // РА. 2000. № 3. С. 59–68.
- Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. М.: Науч. мир, 2001. 304 с.
- Медникова М.Б. Трепанации в древнем мире и культ головы. М.: Алетей, 2004. 208 с.
- Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: Данные антропологии к интерпретации погребений // Погребальный обряд: Реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. Вып. 13. М., 1999. С. 45–59.
- Меликишвили Г.А. Наири-Урарту. Тбилиси: Изд-во АН ГрузССР, 1954. 446 с.
- Меликишвили Г.А. Урартские клинообразные надписи. М.: Изд-во АН СССР, 1960. 504 с.
- Мерперт Н.Я., Мунчаев Р.М. Погребальный обряд племен халафской культуры (Месопотамия) // Археология Старого и Нового Света. М., 1982. С. 28–49.
- Миллер В. Осетинские этюды. Ч. 1: Осетинские тексты. М., 1881. 241 с.
- Мунчаев Р.М., Смирнов К.Ф. Археологические памятники близ села Карабудахкент // МИА. 1958. № 68. С. 154–155.
- Перерва Е.В., Лукьяшко С.И. О семантике обряда скальпирования у ранних сарматов // Погребальный обряд ранних кочевников Евразии. Материалы и исследования по археологии Юга России. Ростов н/Д, 2011. Вып. 3. С. 373–392.
- Персидские народные сказки. Сер. Сказки и мифы народов Востока. М.: Наука, 1987. 504 с.
- Пиотровский Б.Б. Археология Закавказья. Л.: Наука, 1949. 123 с.
- Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). М.: Вост. лит., 1959. 284 с.
- Сказки народов Памира. М.: Наука, 1976. 535 с.
- Стратановский Г.А. Страбон. География в 17 книгах. М.: Наука, 1964. 943 с.
- Стратановский Г.А. Геродот. История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972. 600 с.
- Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1983. 702 с.
- Худавердян А.Ю. Морфологическая изменчивость некоторых структурных особенностей черепа у населения Армянского нагорья в свете эпохальных процессов // Человек: Его биологическая и социальная история: Тр. Междунар. конф. Четвертые Алексеевские чтения. Москва; Одинцово, 2010. Т. 1. С. 194–200.
- Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004. 204 с.
- Яблонский Л.Т. Саки Южного Приаралья: (Археология и антропология могильников). М., 1996. 185с.
- Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeol. Survey Research Series. 44. Fayetteville, 1994. 218 p.
- Conklin B.A. Thus Are Our Bodies, Thus Was Our Custom: Mortuary Cannibalism in an Amazonian Society // Amer. Ethnologist. 1995. N 22 (1). P. 75–101.
- Goodman A.H., Martin D.L., Armelagos G.J., Qark G. Indications of stress from bones and teeth // Paleopathology at the origins of agriculture. N. Y.: Acad. Press, 1984. P. 13–49.
- Goodman A.H., Armelagos G.J. Infant and Childhood Morbidity and Mortality Risks in Archaeological Populations // World Archaeology. 1989. N 21 (2). P. 225–243.
- Goodman A.H., Rose, J.C. Assessment of systemic physiological perturbations from dental enamel hypoplasias and associated histological structures // Yearbook of Physical Anthropology. 1990. N 33. P. 59–110.
- Iserson K. Death to Dust. Tuscon (AZ): Galen Press, Ltd, 1994. 709 p.
- Khuaverdyan A. Yu. Migrations in the Eurasian steppes in the light of paleoanthropological data // The Mankind Quarterly. Washington, 2011. Vol. 51, № 4. P. 387–463.
- Khuaverdyan A. Yu. A bioarchaeological analysis of the population of the Armenian Highland and Transcaucasus in the Antiquity Age // The Mankind Quarterly. Washington, 2012. Vol. 53, № 1. P. 3–35.
- Knowles N. The Torture of Captives by the Indians of Eastern North America // Proceedings of the Amer. Philosophical Society. 1940. Vol. 82 (2). P. 151–225.
- Larsen C.S. Bioarchaeology: Interpreting Behavior from the Human Skeleton. Cambridge, 1997. 461 p.
- Murphy E., Gokhman I., Chistov Y., Barkova L. Prehistoric Old World Scalping: New Cases from Cemetery of Aymyrylg, Sought Siberia // Amer. Journ. of Archaeology. 2002. N 106. P. 1–10.
- Nadeau G. Indian Scalping, technique in Different Tribes // Bul. of History of Medicine, 1941. N 10. P. 178–194.
- Ortner D.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. 2nd ed. L.: Acad. Press, 2003. 645 p.
- Ortner D.J., Putschar W.G.J. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. Washington: Smithsonian Inst. Press, 1981. 488 p.
- Owsley D.W. Warfare in Coalescent Tradition Population of the Northern Plains // Skeletal Biology in the Great Plains / D.W. Owsley, R.L. Jantz (eds). Washington, 1994. P. 333–343.
- Phenice T.W. A newly developed visual method of sexing the os pubis // Amer. Journ. of Physical Anthropology. 1969. N 30. P. 297–302.
- Pearson M.P. The archaeology of death and burial. Sutton Publishing Limited, 1999. 250 p.
- Prothero S. Purified by Fire, Berkeley: Univ. of California Press, 2001. 266 p.
- Rosen F. Cremation in America. N. Y.: Prometheus Books, 2004. 278 p.
- The Cambridge Encyclopedia of Human Paleopathology / A. Aufderheide, C. Rodriguez-Martin. Cambridge: Cambr. Univ. Press, 1998.

Способы обращения с телами умерших в памятниках Ширакаван и Лори Берд...

Turner C.G., Turner J.A. The First Claim for Cannibalism in the Southwest: Walter Hough's 1901 Discovery at Canyon Butte Ruin 3, Northeastern Arizona // Amer. Antiquity. 1992. N 57 (4). P. 661–682.

Turner C.G., Turner J.A. Man Corn: Cannibalism and Violence in the Prehistoric American Southwest. Salt Lake City, UT, 1999. 558 p.

Ubelaker D. Human skeletal remains: Excavation, analysis, interpretation. Washington: Taraxacum, 1989. 172 p.

Ullrich H. Kannibalismus im Paläolithikum // Religion und Kult / F. Schlette, D. Kaufmann (eds.). Berlin, 1989. P. 51–71.

Walker P., Miller K., Richman R. Time, temperature, and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bone // The analysis of burned human remains / C. Schmidt and S. Symes (eds.). L.: Acad. Press, 2008. P. 129–136.

**Институт археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армении
ankhudaverdyan@gmail.com, akhudaverdyan@mail.ru*

***Центр арменоведческих исследований Ширака и Краеведческий музей Ширака
smuseum@web.am*

Subject to examination being several methods of treating buried remains of the Iron Age on the territory of the Armenian upland, such as: body dissection, cremation, damage of a facial skeleton, scalping, burial of only the right half of a cranium and fragments of postcranial skeleton, craniotomy. Also, the local population was not alien for human sacrifice. Special treatment of the head of a deceased person stays a special feature of burial traditions with many ancient peoples. The fact that it was the head that was subject to special «treatment», testifies to a special role of this body part in ideological notions of the population from the Armenian upland. The bones bear traces of pits, scratching and defects of the jointing surfaces. These destructions resulted from animal activity, with total or partial eating of soft tissues. The representatives of the Iron Age culture were notable for such criteria as low indexes of odontogenic osteomyelitis, lifetime loss of teeth, dental injuries and moderate frequencies of cribra orbitalia. The obtained data testify to the fact that the food of the population, apart from meat and dairy products, included cereals. Subject to examination being a case of unintentional artificial impact upon the upper first premolar. The economic activity assuming use of teeth as a support tool (processing leather articles, making various ropes, etc.) was a specific feature of the population.

Armenian upland, Iron Age, dissection of dead bodies, cremation, sacrifice, scalping, pathologies.

ЭТНОЛОГИЯ

ЭТНОНИМЫ САХА И ЯКУТ: ИСТОРИОГРАФИЯ И ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В.В. Ушницкий

Анализируется происхождение самоназвания народа саха и его русского названия «якут». Разбирается историография этимологии этнонимов, их связь с родовыми названиями алтайских народов. Приводятся фольклорные данные о проживании племени с названием «саха» в Предбайкалье и на Средней Лене, гипотезы о связи этого названия с сагайцами и родом соха в составе хакасов и сахаэтами в составе средневековых керейтов. Проверяются гипотезы о связи названия «якут» с этнонимами ехэ, джакут, някугур в составе тунгусов-эвенков и тунгусским обозначением «Йокогур» (юкагур).

Этнонимы, этнография, фольклор, племена Центральной Азии, тюркология, этногенез, историография.

История формирования того или иного народа взаимосвязана с историей его имени. Но историю этнонима нельзя отождествлять с этнической историей народа. В контексте изучения этногенеза требуется отдельная исследовательская задача для выявления особенностей происхождения этнонима [Якубовский, 1941, с. 18–19]. В статье изучается проблема происхождения самоназвания саха. Народ саха известен под русским именем — якут. Только в 1990-е гг. Якутия получила двойное наименование — Республика Саха — Якутия. В литературе преобладает мнение о том, что русское слово якут происходит от тунгусского слова эхо [Костров, 1878; Кулаковский, 1926; Айсберг, 1991], так тунгусы, исходя из особенностей фонетики своего языка, выговаривали слово йако [Кулаковский, 1946]. Таким образом, экзоэтноним якут считается производным от самоназвания саха.

Самоназвание народа саха еще не становилось объектом отдельного исследования. Хотя уже в самых ранних работах о народах Сибири европейские исследователи обратили внимание на близость самоназвания саха к имени древних саков. Так, в XVIII в. шведский исследователь И. Страленберг выдвинул гипотезу о происхождении этнонима саха от среднеазиатских саков [Strahlenberg, 1730]. В XIX в. к этому же выводу пришел Н.А. Аристов [1896], отметивший наличие множества родов и племен с корнем сак/сака среди тюркоязычных народов. По современным данным, древние саки по языку принадлежали к носителям восточно-иранских языков [Dalby, 2004]. Но и ираноязычность саков не стала препятствием для отождествления саха и саков. Так, А.И. Гоголев объясняет самоназвание якутов саха от древнеиранского сака (олень), тотемного самоназвания ираноязычных племен [1993, с. 14–15].

Источниками была зафиксирована этническая преемственность между ираноязычными саками и древними тюрками. Так, в генеалогическом предании древних тюрков сообщается о родине тюрков, названной «страной» Со [Зуев, 1967]. При этом среднекитайское звучание иероглифа со (сак), по мнению С.Е. Яхонтова, предполагает только один вариант — sak (цит. по: [Зуев, 1967, с. 61–63]).

Самоназвание саха выводится и от имени предков древних тюрков — Со [Константинов, 1975]. Д.Е. Еремеев также связывал этноним саха с древними тюрками, но с дополнением, что их предками являлись ираноязычные саки. При этом он исходил из предположения, что авестийские туры в персидских источниках именуются саками [Еремеев, 1980, с. 129–130].

Этнонимы с корнем саха~сака встречаются среди потомков племен, ведущих происхождение от древних тюрков. Так, жители карлукских кишлаков в Узбекистане относили себя к роду саханкул. Среди локайцев и карлуков Афганистана были роды шекей и шакайды [Потапов, 1968, с. 82].

Таким образом, можно предполагать, что этноним с основой сака у западных тюркоязычных народов связан с ираноязычными саками. Так, этот этноним как название конкретного тюркского племени распространен у ряда тюркоязычных народов: у казахов есть род шага; у киргизов —

саке и *сака*; у ногайцев — *шаукай* и у алтайцев — *сагат*. Еще были родовые подразделения, например: *сакал* — у теленгитов-чуйцев Алтая в XIX в., *шакшы* — у челканцев [Гейбуллаев, 1991, с. 91]. Среди туркмен имеются родоплеменные подразделения под названиями *сакав*, *сакавы*, *сакар*, *сахгар*, *сака*, *шагла*. Столь широкое распространение таких этнонимов среди туркмен становится понятным, если вспомнить, что пустыни Туркмении вплоть до средневековья были местами обитания ираноязычных племен саков [Атаниязов, 1988, с. 100]. Существует даже предположение о тибето-бирманском происхождении этнонима *сак*, основывающееся на том, что тибетцы всех кочевников называли *соки*, *сог*, что означает «варвар» [Яйленко, 1995, с. 63].

А.И. Гоголев связывает этноним *саха* с названием телеского племени *секйе*, который мог входить в состав кыпчаков [1993, с. 124]. Еще Г.В. Ксенофонтов связывал имя *саха* с названием племени теле *согэ* [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 5, оп. 7, ед. хр. 11]. Видимо, это одно и то же племя, более известное как *сыгыр*, этот этноним воспроизводится от одноименного слова со значением «корова». Действительно, среди сарыг-уйгуров Западного Китая есть племя *сохалир*. Но слово *соха* в сарыг-югурском языке обозначает «кочка земли с корнями степной травы» [Боргояков, 1978, с. 59]. Можно вспомнить и венгерских *секелеров* — потомков куманов [Гоголев, 1993, с. 124]. Но они начали упоминаться в венгерских источниках еще с X в. вместе с печенегами и, видимо, являлись частью огузов.

В Барабинских степях встречается этноним *сахтар*, *сактар* [Томилов, 1981, с. 166]. По мнению Н.А. Томилова и А.С. Селезнева, проникновение этнонима *сах*, *сахтар* в Барабу связано с кимако-кыпчакскими племенами. На страницах «Северного Архива» 1822 г. говорится о вероятной связи якутов с барабинскими татарами Тобольской губернии: «прямое же название есть Саха, от реки сего имени, протекающей на Барабинской степи» (цит. по: [Гоголев, 1993, с. 117]).

Естественно, исследователи не могли пройти мимо названия Сагайской волости в Минусинском крае, именем этой административной единицы было названо новое племя, сложившееся на основе кыргызов и переселенцев из таежных районов. Н.Ф. Остолопов и ряд авторов XIX в. указывали на родственность *саха* с сагайцами [1806]. Н.А. Аристов писал, что, по якутским преданиям, татарин из племени *саха* по имени Омогой или Эллэй переехал с территории Красноярского края на Лену. Он связывал этих переселенцев с сагайцами, которые попросту являлись их одноплеменниками, оставшимися на родине. Он проследил происхождение *саха* и сагайцев от древнего народа *сака*, некогда занимавшего Западный Тянь-Шань [Аристов, 1896, с. 329–335]. Н.С. Щукин также записал предание, согласно которому татары племени *саха* с Енисея перекочевали на Верхнюю Лену и там под давлением бурят были вынуждены пуститься вниз по реке [1844, с. 273–274].

К. Менгес считал этноним *сагай* кетско-енисейским по происхождению, подтверждая это суждение тем, что свое имя *сагайцы* могли получить от термина *сангай*, в енисейских языках обозначающего белку [1979]. Возможно, в термине, обозначающем у теленгитов божество *сангай*, можно усмотреть информацию этнического характера и сопоставить *сагай* (сеок у хакасов) с тотемом *сангай*, теленгитским сеоком *сагал* [Дьяконова, 1984, с. 46].

Следует допускать, что *саха* имеют связь с качинским родом *соххы*, или с *сахаларами* (во мн. числе). Среди кумандинцев тоже был род Соки (Со). Однако, по преданию, *соххы* пришли с Иртыша, оторвавшись от орды Кучума [Ксенофонтов, 1992а]. У киргизов имелась родоплеменная группа *сакоо-кылчак*. В дополнение к этому можно привести тот факт, что *соххы* входили в XVII в. в Кубанов аймак. На этом основано мнение А.И. Гоголева, который кыпчакский компонент в составе *саха* связывает с носителями этнонима *саха*. Существует предположение, что сеок *соххы* был смешанного аринско-кыргызского происхождения [Боргояков, 1978, с. 259]. Следовательно, это вынуждает нас осторожно относиться к гипотезе о связи этнонима *саха* с сагайцами и *соххы*.

Н.А. Аристов считал, что переселенцы в Маньчжурию из енисейских кыргызов во времена Хубилая состояли из сагайцев и урянхайцев. После изгнания монгольской династии из Китая во второй половине XIV в., во время неурядиц, они отодвинулись на север и из верховьев Амура ушли на Лену [Аристов, 1896, с. 329–335]. Эта гипотеза, по мнению Аристова, дает ясную разгадку, почему якуты называют себя *ураанхай-саха*. Н.Н. Козьмин предложил вариант происхождения *саха* от качинцев, в составе которых обнаруживается небольшой род *соххы* (во мн. числе *сахалар*) [1928, с. 5–14].

Сагайцы отождествляются с *сакаитами* — тюркским племенем во времена возвышения Чингис-хана. Однако в тот период они проживали в Северной Монголии и частью входили в со-

став керейтов в качестве отдельного племени; другая часть поддержала Темучжина в период борьбы его с тайджигунами, войдя в состав его орды [Рашид-ад-дин, 1952, с. 125]. Но сведения об участии сакаитов в этногенезе хакасов и саха отсутствуют в фольклорных и письменных источниках. Потомками телеского племени *секйе* (согэ, сыгйе), возможно, является монголо-керейтское племя *сакаит*, в составе туркмен — роды *сака*, *сахгар*, алтайцев — *сагат*, *сакал*, среди кыргызов — *саке*, *сака*.

Согласно М. Тынышпаеву, носители этнонимов *сагай* и *саха* являются потомками керейтского племени *сахазт* [1925, с. 12–14]. П.А. Ойунский также придерживался этого мнения [1926, с. 39–44]. Н.А. Сердобов считал, что общими предками тувинцев, хакасов и саха являются тюркоязычные *кереи*, исходным местом обитания которых были Восточные Саяны [1971, с. 125–127]. В генезисе позднеойратского объединения активное участие принимали остатки керейтов, у которых имелось племя под названием *сахазт* [Авляев, 1994, с. 88–89, 134]. В состав калмыков входил род *соха-сохад*, имя которого отождествляется с *саха* [Эрдниев, 1980, с. 32, 69]. Племя *сахазт* можно увидеть в роде *саху* каракалпакского племени ашамайлы, считающемся частью кереев [Жданко, 1950, с. 122].

Согласно бурятской легенде, всадники племени *саха*, проживавшие на противоположном берегу реки (Верхней Лены), брали дань с предков эхиритов в течение долгого времени [Небесная дева лебедь..., 1992, с. 176–177]. Следовательно, в бурятском фольклоре сохранились сведения о проживании носителей этнонима *саха* в бассейне Верхней Лены. В тех же местах до прихода русских обитало воинственное племя *сэгенутов*, перекочевавшее из Джунгарии. Г.В. Ксенофонтов включил предания о гибели сегенутов в бурятскую часть Эллайады, интерпретировав их как бурятские предания о столкновениях с якутами. Их отождествляют с родом сэгенутов в составе верхоленских бурятов, имеющих ойратское происхождение [Архив ЯНЦ СО РАН, ф. 4, оп. 7, ед. хр. 32]. В фольклоре верхленских эхиритов можно заметить, что сэгенуты отождествляются с *саха* или с «белыми урянхайцами», которые нападали на бурят-эхиритов. Сэгенуты были расселены в Верхоленье, там же, в районе Качуга, около «Якутского взвоза» концентрировались остатки *саха*, постепенно вытесняемые «братскими» (эхиритами) [Павлов, 2007, с. 19–20]. Имя сэгенутов воспроизводится от слова *цагаан* — «белый». Таким образом, мы видим, что этимология имени *саха* и сэгенутов в корне различается.

Южные версии происхождения самоназвания *саха* вступают в противоречие с преданием об аборигенном племени «*саха*, проживавшем на Лене до прибытия Омогой бая и Эллэй Ботура, с продолговатыми бедрами, что они занимались охотой на диких оленей и лосей, рыбной ловлей, что они были многочисленным племенем» [Боло, 1994, с. 90]. В некоторых преданиях также подчеркивается, что до прихода предков якутов на Средней Лене обитали тунгусы и некое племя *сахалар* [Там же, с. 34, 262–264]. Они долгое время вместе проживали с людьми пришельца Омогоя, постепенно растворяясь среди них [Там же, с. 264]. *Сахаларов*, ведущих образ жизни таежных охотников и рыболовов, следует связывать с тунгусоязычным компонентом.

В этой связи весьма интересны сведения о существовании этнонима *саха* у тунгусо-маньчжурских народов. Этноним с корнем *саха* распространен на Дальнем Востоке. В маньчжурском языке существовало слово *саха* со значением «охота», «травля зверей», «облава», а термин *сахалянь* имел значения «черный», «север», «весьма темный». Легендарных *сахаларов* Е.С. Сидоров попытался идентифицировать с поколением *дахань* китайских летописей [1984, с. 41–42].

Цинские источники называют жителями Приамурья в XVII в. народности *сахарча*, *солон*, *сахалянь*. В *сахалянях* и *сахарча* в маньчжурских источниках исследователи видят солонов или дауров [Мелихов, 1974, с. 54]. По словам В.И. Подмаскина, в древности одним и тем же словом называли племя, закрепленную за ним территорию и главную реку, по ней протекающую. Гидроним *Сахалан* с маньчжурского переводится как «черный», а словом *саха* именовался Север. Отсюда производят название хребта Сихотэ-Алинь и острова Сахалин и, вероятно, этнонима *саха* [Подмаскин, 2008, с. 189]. В раннее средневековье на р. *Сахалан-Ула* (нынешний Амур) проживало племя *сахалянь-мохэ* (черноречных).

В отношении прародителя народа *саха* Эллэя иногда применяется прозвище *Дьинг Саха* — «настоящий якут» [Strahlenberg, 1730]. Появление этого имени, возможно, связано с наличием других носителей этнонима *саха*, в частности упомянутых *сахаларов*. Что касается чисто якутской версии происхождения этнонима *саха*, то существует предположение о том, что слово *сах* когда-то было мифологическим именем солнца [Ксенофонтов, 1992а, с. 66]. Когда-то *Ютюгэн* и

Сах могли быть главными божевами саха, при этом они связывались с нижним миром, с образом дьявола [Ксенофонтов, 1992б, с. 116].

Требует анализа и фонетическое звучание этнонима саха. Есть мнение, что поскольку в якутском языке раньше не было звука *с*, то правильнее будет произносить *hаха*. Однако это произношение выдает как раз тунгусоязычный вклад в якутскую фонетику. Но если внимательно рассмотреть, то оказывается, что этнонимы саха и *йако* (диалектный вариант *ехэ*) в тунгусо-маньчжурских языках существовали отдельно друг от друга, и это заставляет сомневаться в тождественности названий саха и якут.

Например, среди забайкальских конных эвенков существовали роды под названиями *еко*, *йэкэ*, *йока*, *якол*, *ехэ*, *дьекэ*, *джэку*, *жакут* [Василевич, 1969, с. 267–269]. У вилюйских тунгусов был род *Жакут*, в котором видят отунгусившихся саха [Туголуков, 1985, с. 222]. По утверждению В.Ф. Ермолаева, *йако* и *саха* были якобы названиями двух различных племен, которые со временем образовали один народ [1991, с. 38].

В эвенкийском роде *някугир*, обитавшем в XVII в. в Забайкалье, можно увидеть малочисленную остаточную группу якутов-саха, ассимилированную эвенками, название которых синонимично названиям эвенкийских родов *якол*, *якогил*. Но надо отметить тот факт, что они были пешими охотниками и рыбаками, растворившимися среди позднее пришедшего рода конных эвенков — *шемагиров* [Шубин, 1973, с. 11, 19].

В могущественном Хулуньском объединении феодальных владений Маньчжурии главенствующую роль играло княжество *Ехэ*. Крайне любопытно, что, как отмечено в «Нурхаци шилу», «родоначальником *ехэ* был монгол аймака тумот...» [Мелихов, 1974, с. 42]. В то же время название родов *ехэ* у тунгусских этносов считается происходящим от имени якутов. Этноним *ехэ*, возможно, имеет отношение к туматам, в последнее время связываемым с предками саха в регионе Прибайкалья [Николаев, 2004]. Следовательно, термин *йакут-якут* представляется древней формой этнонима с типично монгольским окончанием *-ут*.

Название *йокогир-якогил* (*якол*) «баргузинскими» эвенками переводится как «якутский род, якутское поколение», поэтому представители родов *никогир/някугир-йокогир/якогил* считаются якутами, ассимилированными эвенками Северного Прибайкалья. Носители этнонимов *ехэ* или *экэ* идентифицируются как *йокогиры* или *якогилы*. *Някугиры* или *никогиры* были отмечены не только в составе баргузинских эвенков (*йокогир*, *якогил*, *якол*, *екэ*), но и в составе киренгских тунгусов (*никогиры*), которые также именовались *икогирами* (ср. *йокогир*, *якогил*). Учитывая сведения С.П. Балдаева о происхождении *нэхэлэевского* рода от якутов, Е.В. Павлов предполагает, что *нэхэ* в этнониме-генониме *нэхэлээ* можно возвести к эвенкийскому *нека* — ‘якут’ [2008, с. 90].

Как видим, носители разных вариантов этнонима *якут* связаны с территорией Прибайкалья, где они выступают в качестве аборигенов края. Поэтому укажем на утверждение, что роды *йако* первоначально могли быть *юкагирскими*, впоследствии они составили костяк эвенских родов *йако*, а также якутов [Курилов, 1999, с. 86]. Среди прибайкальских эвенков существовал этноним *йокогир*, имеющий основу *йако* — *саха* [Туголуков, 1985, с. 24]. Следует заметить, что этноним *юкагир* также считается происходящим от эвенкийского слова *йоко-гир*, т.е. «мерзлые люди».

Существует мнение, что обозначение *юкагиров* ‘йокогир’ и якутов от ‘йоко’, вероятно, является производным от слов со сходным значением. В *юкагирском* языке слово *йокэ* имеет значение ‘далеко, вдали’, по-чукотски *ыяакэн* ‘далекий, дальний’, множественное число — *ыяакэт*. Эти слова, по мнению А.А. Бурыкина, лежат в основе этнонима «якутские люди», «якуты», а в эвенкийской адаптации с суффиксом родовых названий — в основе этнонима «юкагиры» [2006, с. 180].

Таким образом, этнонимы *саха* и *якут* сначала могли относиться к двум различным этническим группам, потом носители этих названий могли объединиться в один народ. Самоназвание *саха*, возможно, связано как с тюркоязычными выходцами из Южной Сибири, так и с тунгусо-маньчжурскими группами, вошедшими в состав нового, тюркоязычного народа.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Айсберг*. 1991. № 4. С. 30–33.
Аристов Н.А. Заметки по этническому составу тюркских племен и народностей // Живая старина. 1896. Вып. III–IV. С. 329–335.
Атаниязов С.А. Словарь туркменских этнонимов. Ашхабад, 1988. 180 с.
Авляев Г.О. Происхождение калмыцкого народа. М.; Элиста: Этнолог-центр, 1994. 325 с.

- Боргояков М.И.* К истории языковых отношений в Саяно-Алтайском регионе (IX–XII вв.) // Тюркол. сб. 1974. М.: Наука: ГРВЛ, 1978. С. 54–65.
- Боло С.И.* Прошлое якутов до прихода русских на Лену: По преданиям якутов бывшего Якутского округа. Якутск: Бичик, 1994. 320 с.
- Бурыкин А.А.* Историко-этнографические и историко-культурные аспекты исследования ономастического пространства региона: (Топонимика и этнонимика Восточной Сибири). СПб.: Петерб. Востоковедение, 2006. 224 с.
- Василевич Г.М.* Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII — начало XX в.). М.: Наука, 1969. 304 с.
- Гоголев А.И.* Якуты: (Проблемы этногенеза и формирования культуры). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1993. 200 с.
- Гейбуллаев Г.А.* К этногенезу азербайджанцев. Баку: Элм, 1991. Т. 1. 552 с.
- Дьяконова В.П.* Некоторые этнокультурные параллели в шаманстве тюркоязычных народов Саяно-Алтая // Этнокультурные контакты народов Сибири. Л., 1984. С. 30–49.
- Ермолаев В.Ф.* Еще раз об этнонимах йако и саха // Язык — миф — культура народов Сибири. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1991. Вып. 4. С. 37–39.
- Еремеев Д.Е.* «Тюрк» — этноним иранского происхождения? К проблеме этногенеза древних тюрков // СЭ. 1980. № 3. С. 129–135.
- Жданко Т.А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. М.; Л.: Наука, 1950. 170 с.
- Зуев Ю.А.* Древнетюркские генеалогические предания как источник по ранней истории тюрков: Дис. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1967.
- Козьмин Н.Н.* К вопросу о происхождении якутов-сахалар // Очерки по изучению Якутского края. Иркутск, 1928. Вып. 2. С. 5–14.
- Константинов И.В.* Происхождение якутского народа и его культуры // Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975. 212 с.
- Костров Н.А.* Очерки юридического быта якутов // Зап. ЗСОИРГО. 1878. Т. VIII. Отд. 2. С. 259–299.
- Ксенофонтов Г.В.* Ураанхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. Т. 1, кн. 1. Якутск: Бичик, 1992а. 416 с.
- Ксенофонтов Г.В.* Шаманизм: Избр. тр.: (Публикации 1928–1929 гг.). Якутск: Север-Юг, 1992б. 309 с.
- Ксенофонтов Г.В.* Второй том «Ураанхай сахалар» // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 7. Ед. хр. 11.
- Ксенофонтов Г.В.* Материалы к II Тому «Ураанхай-сахалар» // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 4. Оп. 7. Ед. хр. 32.
- Курилов Г.Н.* Юкагиры: Неразгаданная загадка человечества: (Размышления юкагира). Якутск: Северовед, 1999. 126 с.
- Кулаковский А.Е.* О происхождении слова «якут» // Якут. зарницы. 1926. № 4. С. 53.
- Кулаковский А.Е.* Статьи и материалы по якутскому языку. Якутск, 1946. 152 с.
- Менгес К.* Восточные элементы в «Слове о полку Игореве» / Пер. с англ. А.А. Алексеева. Л.: Наука, 1979. 266 с.
- Мелихов Г.В.* Маньчжуры на северо-востоке (XVII в.). М.: Наука, 1974. 246 с.
- Небесная дева лебедь:* Бурятские сказки, предания и легенды. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. 368 с.
- Николаев В.С.* Погребальные комплексы кочевников юга Средней Сибири в XII–XIV веках: Усть-Талькинская культура. Владивосток; Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2004. 306 с.
- Остолопов Н.* О происхождении, вере и обрядах якутов // Любитель словесности. 1806. Ч. 1. С. 118–147.
- Ойунский П.А.* Саха юёскээбит төрдө // Чолбон. 1926. № 3–4. С. 39–44.
- Павлов Е.В.* Реконструкция генезиса западно-бурятского (эхиритского) рода нэхэлээ: К проблеме интерпретации взаимодействия раннеякутских этнических групп и предбайкальских бурят // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста, 2008. Вып. 2. С. 85–91.
- Павлов Е.В.* Сэгэнүтү-олеты в этнической истории предбайкальских бурят // Проблемы этногенеза и этнической культуры тюрко-монгольских народов. Элиста: Изд-во КГУ, 2007. С. 13–22.
- Подмаскин В.В.* Проблема этногенеза и этнической истории тунгусо-маньчжуров: По материалам народных знаний (XIX–XX вв.) // Тунгусо-маньчжурская проблема сегодня: (Первые Шавкуновские чтения). Владивосток: Наука, 2008. С. 182–205.
- Потапов Л.П.* Из этнической истории кумандинцев // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 16–323.
- Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. I, кн. 1–2. 221 с.
- Сердобов Н.А.* История формирования тувинской нации. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1971. 473 с.
- Сидоров Е.С.* Этноним саха // Этническая ономастика. М.: Наука, 1984. С. 41–43.
- Томилов Н.А.* Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск: Изд-во ТГУ, 1981. 276 с.
- Туголуков В.А.* Тунгусы: (Эвенки и эвены) Средней и Западной Сибири. М.: Наука, 1985. 285 с.
- Тынышпаев М.* Материалы к истории киргиз-казахского народа. Ташкент, 1925. 64 с.
- Щукин Н.С.* Поездка в Якутск. Изд. 2. СПб., 1844. 315 с.
- Шубин А.С.* Краткий очерк этнической истории эвенков Забайкалья (XVII–XX вв.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1973. 108 с.

Этнонимы саха и якут: историография и этногенетические аспекты

Эрдниева У.Э. Калмыки: Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 286 с.

Якубовский А.Я. К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент: УзФАН, 1941. 19 с.

Яйленко В.П. Правящий тюркский род ашина: Истоки и продолжение // Элита и этнос. М., 1995. С. 65–66.

Dalby A. Dictionary of Languages: The definitive reference to more than 400 languages. N.Y.: Columbia Univ. Press, 2004. P. 278.

Strahlenberg Ph. Das Nord- und Östliche Teil von Europa und Asia. Stockholm, 1730. S. 476.

*Якутск, Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
voma@mail.ru*

The article is devoted to examining the origin of a self-ethnonym regarding the people of sakha and its Russian equivalent of yakut. Subject to examination being historiography of the ethnonyms' etymology and their connection with tribal names of the Altai peoples. The article cites folklore data on the habitation of a tribe named sakha in the Baikal region and on the Middle Lena, putting forward the hypothesis relating the name of sakha with sagaits, the tribe of sokha as a part of khakas, and sakhaet as a part of medieval keryeit. Subject to testing being hypothesis, relating the name of yakut with the ethnonyms of yekhe, jakut, nyakugir as a part of Tungus-and-Evenks and the Tungus name of jokogir (jukagir).

Ethnonyms, ethnography, folklore, tribes of Central Asia, Turkology, ethnogenesis, historiography.

ВЛИЯНИЕ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ НА ТРАДИЦИОННЫЕ КОЧЕВЫЕ МАРШРУТЫ ЯМАЛЬСКИХ НЕНЦЕВ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX в.¹

Е.А. Волжанина

Рассматриваются вопросы традиционного землепользования ненцев полуострова Ямал в связи с появлением населенных пунктов на территории их проживания в первой трети XX в., а именно факторы их возникновения и влияние на традиционные кочевые маршруты ямальских ненцев. Существенную роль в складывании кочевых маршрутов ямальских ненцев сыграло основание Обдорского острога в конце XVI в. и обложение самоедов ясаком, что совпало с периодом становления у них крупнотабунного оленеводства. Другой немаловажный фактор — развитие промышленного рыболовства на побережье Обской губы во второй половине XIX в., приведшее к формированию частной собственности на рыбоугодья. А результатом появления факторий на полуострове Ямал в конце 20-х и первой половине 30-х гг. XX в., складывания связывавшей их между собой транспортной сети, что дало оленеводам возможность зарабатывать извозом в зимний период, стало устройство некоторыми предприимчивыми хозяевами зимних стойбищ поблизости от основных транспортных путей в ущерб своему оленеводческому хозяйству и сокращение традиционных кочевых маршрутов.

Ненцы, Ямал, традиционное землепользование, Приполярная перепись, фактория, оленеводство, рыболовство.

Оседлость и поселковый образ жизни рассматриваются как архетипы, составляющие «первооснову системы традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения» [Попков, Тюгашев, 2008, с. 98]. Возникновение первых стационарных поселений на рубеже I–II тыс. н.э. на территории Северо-Западной Сибири было обусловлено такими традиционными видами хозяйственной деятельности, как рыболовство, охотничий и зверобойный промыслы [Фитцхью, 2000, с. 38]. Поселки располагались, как правило, на побережье, а их население вело оседлый и полуседлый образ жизни [Источники..., 1987, с. 113; Чернецов, 1935]. Кочевой образ жизни, которого придерживается часть современного населения Ямальского Севера, получил распространение довольно поздно и связан со становлением крупнотабунного оленеводства в XVII в. в ненецкой среде [Головнев, 1993, с. 90]. Формирование хозяйства нового типа оказало определяющее влияние на характер землепользования ненцев, главной чертой которого является последовательное чередование сезонно-используемых пастбищ [Крупник, 1989; Stammer, 2005].

В данной статье мы рассматриваем традиционное землепользование ненцев полуострова Ямал в связи с появлением населенных пунктов на территории их проживания в первой трети XX в. Главные задачи исследования заключались в выявлении факторов возникновения новых поселений и их влияния на землепользование оленеводческого сообщества. Источниковой базой послужили опубликованные «Сведения о рыболовных угодьях Тобольского Севера: по регистрации 1914 г.», составленные А.А. Дуниным-Горкавичем [1915], «Список населенных пунктов Уральской области», в котором приводятся сведения о кочевом, оседлом и полуседлом населении полуострова Ямал на основании Приполярной переписи 1926–1927 гг. [1928]. Неотъемлемой частью статистико-экономических и землеустроительных обследований 20–30-х гг. XX в. являлись характеристики передвижения кочевников в течение года, включавшие данные о протяженности и продолжительности кочевых маршрутов. Со времени проведения Приполярной переписи они включались в адресный раздел заполняемых похозяйственных бланков, где требовалось указать места расположения стойбищ весной, летом, осенью и зимой, перечислялись все водные объекты, через которые проходит оленевод, перемещаясь между ними в течение года. В пробной переписи Управления народохозяйственного учета РСФСР, проводившей-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Кочевое население и традиционное землепользование на Ямальском Севере в первой трети XX в.»), проект № 12-31-01236.

ся в Ямальском районе в 1934–1935 гг., кочевые передвижения хозяйства описывались в специальном разделе, предусматривающем получение подробных сведений о сезонах кочевания, протяженности кочевых маршрутов в течение года и отдельно по каждому сезону, названиях основных стоянок, количестве и составе хозяйств в кочевой группе по каждому маршруту, местонахождении основных стоянок, характере местности, времени прихода на ту или иную стоянку, числе дней в пути и т.д. Для решения задач, поставленных в статье, мы используем данные сведения, обработанные и опубликованные М.И. Большаковым [1936], а также архивные документы: поселенный список Ярсалинского национального совета, составленный по результатам проведения районной переписи в 1932–1933 гг. [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 52, л. 1–10], посемейно-хозяйственные бланки районной переписи 1932–1933 гг. [Там же, д. 51–56], похозяйственные карточки переписи Управления народозаяственного учета 1934 г. [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 35–49] и отчетные материалы Ямальской землеустроительной экспедиции, проходившей в 1935–1936 гг. в Ямальском районе [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а].

В рассматриваемый период полуостров Ямал уже являлся территорией расселения ямальских ненцев, или «каменных самоедов». Последнее наименование произошло от названия Уральских гор — «Камень» [Дунин-Горкавич, 1909, с. 11]. По данным начала XX в., на Ямале отсутствовали какие-либо населенные пункты. На карте Тобольской губернии, представленной в «Атласе Азиатской России» за 1914 г., ближайшие к ямальским кочевникам стационарные поселения располагались в низовьях рек Надыма и Оби и на побережье Обской губы (селения Обдорск, Варкута, Ныда, Сыдер, юрты Лондырские, Юмбуринские, Ярцынги, Хэ, Хорова, Паули, Ануп-Долу) [Атлас..., 1914]. К 1912 г. список населенных мест в этих районах дополнился юртами Ваданги, Вануйта, Нанги, Норэ, Пуйко и Яр-Соля [Список..., 1912, с. 574–577]. По определению В.И. Даля, во второй половине XIX в. юртами называли остяцкие (хантыйские) зимовки и деревни [<http://www.dict.t-mm.ru/dal/yu/yur.html>]. Их основание в низовьях Оби и на побережье в конце XIX и начале XX в. главным образом было связано с развитием неводного промышленного рыболовства на основе русского предпринимательства. Большинство из них были малочисленными, с населением до 50 чел. [Список..., 1912, с. 574–577]. Как правило, они возникали на местах постоянных рыболовных угодий, владельцами которых были как остяки, так и самоеды, и считались родовыми [Броднев, 1959, с. 73]. Сдача их в аренду русским и коми рыбопромышленникам и получение денежного и натурального вознаграждения (рыболовные сети и продукты питания) обусловило закрепление их в частную собственность за отдельными хозяйствами и превращение последних в вотчинников [Там же; Васильев, 1976, с. 342].

Ориентируясь на распределение родов в составе сибирских ненцев по территориальному признаку, выполненное Б.О. Долгих [1970], можно увидеть, что среди ненцев, являвшихся владельцами рыболовных угодий, преимущественно были «каменные» самоеды (табл. 1). Это роды Хунинда, Езынги, Наречи, Вануйто, Окотэтто, Тузида, Пуйко, Таймя. Представители одних и тех же родовых групп владели разными промысловыми участками, представлявшими салмы, сора, пески (плавежный, стрежевой, неводной или вонзевой), речки, заливы. Отдельные родственные группы концентрировали в своих руках от двух и более угодий. Группа, состоящая из Езынги Хаибури, Мигор, Ензу, Янгуди и Папла, владела следующими неводными, вонзевыми песками, расположенными по Большой Оби: Салемал, Большие и Малые Яры. В районе Хаманельской Оби Вануйто Тайко Николай и Хазаво Антон распорядились участками Малые Яры (Яр-ярыя), Обсейко, Паровыя, Табай, Ходатынский сор, Большой Моронго; Окотетто в числе 18 душ — Яр-Соля, Энта-Сата, Лаймурья, Нижний островок.

Инфраструктура рыбопромысловых заведений состояла из нескольких жилых домов, казарм для рабочих, кухни, амбара, бани, засольни и чумов остяков и самоедов, число которых на разных участках варьировалось от 5 до 27 [Луговской, 1897; Дунин-Горкавич, 1909, с. 37, 40, 48, 49, 50 и др.]. Ежегодное использование одних и тех же участков способствовало их превращению в стационарные поселения с приобретением, помимо промысловой, торговой функции и внесением в Список населенных пунктов. Развитию торговли способствовало размещение большинства из них на пути движения оленеводов с летних на зимние пастбища [Шухов, 1914, с. 30]. Исследователи в начале XX в. отмечали, что «нередко рыболовные угодья арендуются не столько для производства промыслов, сколько в целях занятия стратегического пункта среди окружающих инородческих кочевий для ближайшей возможности расширить район своей эксплоатации, так как для промышленников едва ли не большое значение имеет торговля, чем самый рыболовный промысел» [Дунин-Горкавич, 1905, с. 18]. Данные последующих переписей

Е.А. Волжанина

показывают использование изб, принадлежащих рыбопромысловым заведениям, коренным населением для временного или постоянного проживания вместо чумов [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 38, л. 81 об.; д. 39, л. 21 об.; д. 40, л. 171 об.; д. 48, л. 31 об.]. Такие населенные пункты представляли разбросанные по берегам Оби и ее многочисленным рукавам и притокам поселки из нескольких деревянных изб и чумов коренного населения [Юданов, 1935, с. 7].

Таблица 1

Список владельцев рыболовных угодий среди ненцев в 1914 г.

№	Владельцы угодий, название рода	Название	Арендатор
Большая Обь			
1	Хуненда Хось: Хапти и Непти	Яльура (Юмбура)	Обдорский крестьянин Рочев И.А.
2	Они же	Ямбуриинский остров	Рочев И.А.
3	Езынги: Хаибури, Мигор, Ензу, Янгуди, Папла	Салемал	Торговый дом «М. Плотников и сыновья»
4	Они же	Большие Яры	Торговый дом «М. Плотников и сыновья»
5	Они же	Малые Яры	Торговый дом «М. Плотников и сыновья»
Малая Обь			
6	Наречи в числе 3 душ	Вадук	Сургутский мещанин Седельников А.Н.
7	Вануйто: Сабу, Ирико, Везоко, Хамзи	Нера-Вануй	Березовский мещанин Тарасов П.Г.
8	Они же	Емпол	Тарасов П.Г.
9	Хуненда Хось с сыновьями	Неутта	—
10	Они же	Неутинский сор	Седельников А.Н.
В районе р. Щучьей			
11	Хуненда Хось: Хапти и Непти	Полка-Мора	Рочев И.А.
12	Вануйто: Няпин внучек Руддечи	Ямдерти	Крестьянин Протопопов А.С.
13	Вануйто	Песок Роголева	Обдорский крестьянин Терентьев М.О.
14	Вануйто: Сабо, Вазоко, Ирико	Наречи Юна и Хазуй Яга	Крестьянин Терентьев А.Г.
15	Наречи	Мор Юган, Кутоп Юган, Сором Юган	Чупров Д.А.
16	Наречи в числе 3 душ	Зимовка Седельникова	Седельников А.Н.
17	Наречи	Гора Любочай	Крестьянин Терентьев И.Г.
Надымская Обь			
18	Югомпелик: Натта, Нунгаса и другие в числе 35 душ	Ваданки	Торговый дом И.Н. Корнилова
19	Они же	Воркута	Торговый дом И.Н. Корнилова
20	Югомпелик: Вали, Хылиниунди, Хыбичь, Ненгачу	Кутоп Юган и Надеи	Торговый дом И.Н. Корнилова
21	Югомпелик ватаги Маби в числе 15 душ: Тазю, Ничима, Хымбай, Ханью, Нимко	Ярцынги	Торговый дом И.Н. Корнилова
22	Они же	Сенной Пугор	Торговый дом И.Н. Корнилова
Острова в фарватере Надымской Оби			
23	Езынги Владимир Пеняла	Сохвельтепугор	Торговый дом «М. Плотников и сыновья»
Хамальская Обь			
24	Вануйто: Тайко Николай и Хазаво Антон	Малые Яры (Яр-яры-яга)	Торговый дом Фофанова М.В.
25	Они же	Обсейко, Паровья и Табай	Березовский купец Чечуров И.А.
26	Они же	Ходатынский сор	Туполев А.А., Чечуров И.А.
27	Они же	Большой Моронго	Туполев А.А., Чечуров И.А.
28	Пуйко в числе 27 душ	Пуйко	Туполев А.А.
29	Они же	Янгута, Яль-соле	Туполев А.А.
30	Пуйко: Мегапти, Сеезме, Подаво	Малый Моронго	Туполев А.А., Туполев П.А., Туполев И.А.
31	Вануйто в числе 2 душ	Халей-Пугор	Нет
32	Вануйто в числе 3 душ	Комарий (Хоротетто)	Иванов А.Н., Туполев А.А.
33	Они же	Панаевский	Тобольский мещанин Иванов А.Н., Туполев А.А.
34	Таймя: Таймя, Юма и Ай	Яроо (Паттин островок)	Тобольская купчиха Холина О.Н.
35	Окотетто в числе 4 душ	Горный Хаманел	Тобольский мещан Чирков Д.А.
36	Наречи в числе 3 душ	Либендега	Березовский мещанин Добровольский И.К.
37	Окотетто в числе 18 душ	Яр-Соля	Протопопов А.С.
38	Окотетто	Энта-сата	Братья Хухрановы

№	Владельцы угодий, название рода	Название	Арендатор
39	Окотетто	Лаймурья	Братья Хухрановы
40	Окотетто в числе 18 душ	Нижний островок	Вардроппер
41	Тузида в числе 4 душ	Ямсоле	Вардроппер
42	Самоеды Евдокия Хандерова и Ваи Хазерумин	Индеи	Торговый дом Фофанова М.В.
43	Пуйко: Хазерума, Сесь, Худоби	Худобе	Добровольский И.К.
44	Наречи в числе 3 душ	Малые Наречи	Холина О.Н.
45	Вануйто	Сиуго	Шевелев
46	Вануйто в числе 5 душ	Хаманел	Чирков Д.А.
47	Вануйта в числе 4 душ	Юба	Тюменский мещанин Хухранов А.А.
48	Пуйко: Семен Сынали и Семен Орня	Варня	Торговый дом «М. Плотников и сыновья» и Хухранов И.А.
49	Яптик в числе 6 душ	Мура	Торговый дом М. Плотникова и березовский мещанин Нижегородцев Ф.Г.
50	Окотетто: Очухыч, Хэвоко, Хаптю, Налко, Незе и Таи	Лая	Хухранов А.А.

Источник: Дунин-Горкавич, 1915, с. 12–13, 18–41.

Оседавшие на побережье ямальские ненцы были вчерашние оленеводы, разорившиеся в результате эпизоотий, потравы и потери своих оленьих стад. Крупные падежи оленей от сибирской язвы произошли в 1908, 1911, и 1914 гг. в районе озер Яррото, Ямбуто, Нейто, Мордымалто, мыса Каменного, рек Тарко-Сале, Таркасэбэсьяха, Харасавэй [Королев, Кувичев, 1990]. В.В. Тарасов, побывавший на Ямале в 1913 г. с экспедицией для исследования падежа оленей в 1911 г., писал о жалком существовании самоедов, лишившихся своих стад, так как «...из самостоятельных хозяев, каковыми они были до падежа, теперь они превратились в рабочих, пайщиков в промыслах и приживальщиков у богатых самоедов...» [1915, с. 12]. Истории ненцев, поставивших свои чумы на побережье, были подобны рассказу А. Бушевича о лайском вотчиннике Василии-Мада Вануйто, жившем к моменту встречи с ним «постоянно в Лае на Хаманельской Оби (против заведения Вардроппера), промышляя рыбу. Раньше [он] имел более 100 оленей, из которых в прошлом году [1911 г. — Е. В.] было около 70, но потом от мора пало 40, так что осталось 30...» [1914, с. 17]. Рассматривая свое положение как временное, они выменивали оленей на рыбу, пушнину и изделия кустарного промысла, чтобы вернуться в тундру к кочевой жизни [Волжанина, 2013]. Не случайно Приполярная перепись зафиксировала незначительное количество самоедов в составе оседлого населения Обдорского и Хэнского сельских советов, 30 и 55 чел. соответственно, проживавших на песках Халась-Пугор, Ямтиритей, в юртах Крутинские, Сянзы, Юрас-горт и с. Хэ [Список..., 1928, с. 112–122]. Как показывает поселенный список Ярсалинского национального совета, ситуация мало изменилась к моменту проведения районной переписи 1932–1933 гг. [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 3, л. 1–10]. Сдавая рыбопромысловые угодья в аренду купцам, в летний период они занимались неводным рыболовным промыслом, отдавая половину улова арендатору за полученные от него орудия лова и лодки, а в остальное время промышляя для собственного потребления, выбирая места проживания, соответствующие сезону, при небольшом радиусе кочевания [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 36, л. 191 об.; д. 42, л. 181 об., 191 об.; д. 43, л. 121 об.; д. 45, л. 11 об.]. На зиму часть из них нанимались рабочими [Там же, д. 47, л. 1 об.]. Некоторые вотчинники, владевшие оленьими стадами, сдавали рыбопромысловый участок в аренду, кочуя в тундре в течение года в прилегающем к нему районе [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26; д. 36, л. 111 об.].

На полуострове Ямал в начале XX в. сложилась целостная хозяйственная система, состоявшая из нескольких комплексов: арктического, занимавшего северную часть полуострова, тундрового или оленеводческого, расположенного в центральной его части, прибрежно-тундрового — на западном и восточном побережье Байдарацкой и Обской губы, южно-тундрового — на юге полуострова и лесотундрового — в низовьях Оби [Головнев, 1993, с. 201]. Ни один из них не был самодостаточным. Более того, классические кочевники Севера — ненцы — представители тундрово-олениводческого комплекса в действительности не могли обходиться без стационарной периферии, «дополнявшей его на уровне обмена и потребления продукцией промыслов, на технологическом уровне — необходимыми трудовыми ресурсами, а в кризисных ситуациях представлявшей собой альтернативу для разорившихся оленеводов» [Там же, с. 131].

Таким образом, первоначальная инициатива создания стационарных поселений малоолленными и безолленными семьями ямальских ненцев и хантов на побережье Обской губы, представляющей периферию территории распространения тундрово-оленоводческого комплекса, в качестве альтернативы для экс-оленоводо-вод, становившихся временно рыбаками, в дальнейшем была подхвачена русскими предпринимателями. За довольно короткий срок это привело к появлению новых поземельных отношений в среде коренного населения, а именно возникновению частной собственности на рыболовные угодья. Однако характер землепользования оленеводов, использующих пастбища, расположенные на полуострове Ямал, остался без изменений.

Большинство сведений о направлениях передвижения оленеводов Ямала относится к периоду, когда система землепользования на полуострове уже окончательно сложилась и устойчиво функционировала. Среди объективных факторов, обуславливающих их формирование, можно назвать естественно-географические (характер местности и наличие кормов, поделочной древесины и топлива, уровень снега, присутствие кровососущих насекомых), экономические (хозяйственное значение оленеводства для населения, возможность заниматься промыслом во время перекочевков), политические (практика сбора ясака в административных центрах) и торговые (необходимость посещения ярмарочных центров, расположенных на юге ареала расселения ненцев). Для основной массы кочевников, являющихся владельцами мелких и средних стад до 200 оленей [Оленеводство..., 1930, с. 5; Волжанина, 2011, с. 233], амплитуда и направление сезонных кочевий определялись прежде всего характером русла рек, береговой линией морского побережья, расположением крупных озер, имевших несущественное значение для крупных оленеводов [Головнев, 1993, с. 81]. Не случайно протяженность кочевых маршрутов определялась шириной тундровой зоны, представляющей расстояние между берегом моря и границей леса [Крупник, 1989, с. 90]. С увеличением размера стада расширялись возможности хозяйства в удлинении кочевого пути с торгово-экономическими целями в осенне-зимний период [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 46, л. 211 об.].

Основные сезонные перекочевки ямальских ненцев характеризуются меридиональным направлением и совершаются два раза в год, осенью и весной: с севера на юг и обратно с переходом через Обскую губу на Хэнскую сторону с установлением ледяного покрова. Помимо этого, их хозяйства кочуют на небольшие расстояния в радиусе нескольких километров от стойбища в течение летнего и зимнего периодов. Характерными чертами традиционного землепользования ямальских ненцев (совпадающими у азиатских и европейских ненцев) являются существование общинной собственности на пастбищные угодья с разделением и закреплением за отдельными хозяйствами территорий расположения летних и зимних мест выпаса, весеннего отела и осеннего забоя оленей, совместное использование проходных путей весной и осенью, определение кочевых маршрутов на основе общественного договора, запрет пересечения намеченного маршрута [Гулевский, 1993, с. 132–134; Крупник, 1989, с. 89–90].

По сведениям А.А. Дунина-Горкавича, в начале XX в. «место летних кочевий Каменных самоедов — полуостров Ямал, откуда они со своими оленьими стадами к концу сентября перекочевывают к берегам Оби и вслед за тем по рекоставу (конец октября) переваливают Обь...» [1904, с. 21]. Находясь с ноября по февраль на своих зимних пастбищах, расположенных в лесотундровой зоне на Хэнской стороне, занимаясь охотой, заготовкой дров и изготовлением необходимых в быту деревянных изделий (нарт, шестов, хореев и т.д.), ямальские ненцы трижды посещали с. Обдорск в начале XX в. Первый раз в ноябре, сразу после перехода через Обь, «исключительно за покупками припасов и в то же время для определения цен на свои товары», затем «с половины декабря и до 20 января — для положения ясака и сбыта товаров» и «в марте месяце перед окончательной отправкой в места летних кочевий», по всей видимости, для снабжения [Там же].

Впервые традиционные кочевые маршруты на Ямале были подробно зафиксированы и описаны участниками Приполярной переписи 1926–1927 гг. в рамках Ямальского отряда. На основании их данных фиксируются 56 летних стойбищ, 21 зимнее [Список..., 1928]. При этом выявлено около 90 описаний кочевых путей разной протяженности. Тем не менее исторически на Ямале к началу XX в. сложилось три направления перекочевков. Главная дорога оленеводов, проходящая с севера по водоразделу рек Обской и Карской систем полуострова («Ямал-хой», или «турманская»), у озер Ярро-то разделялась на западный поток, идущий со стороны Карского моря, средний — между озер и восточный — вдоль Обской губы [Большаков, 1936, с. 16; Евлaдов, 1992, с. 255]. Первая группа оленеводов переваливала Обь у Мыса Жертв (*Хэбидя са-*

Влияние населенных пунктов на традиционные кочевые маршруты ямальских ненцев...

ле), вторая — в местности около Кутопьюгана и третья — около Хэ [Дунин-Горкавич, 1904, с. 20]. При этом движением не были охвачены крайние стороны Ямальского полуострова. Особенности рельефа (высокие и крутые склоны водоразделов рек) восточного побережья и отсутствие лишайниковых кормов на западе заставляли кочевников обходить их стороной [Евладов, 1992, с. 255].

В летний период половина ненецких хозяйств концентрировалась между озерами Ней-то и Ямбу-то на севере и озерами Яррото на юге, т.е. на так называемом среднем Ямале. Наиболее густонаселенные места на Ямале летом располагались в районе рек Тиутей-яга, Наду-яга, Тамбей, Венуй-е, Морды, Юрибей, Хуута, Сабь-яга, озер Нейто, Яррото и около Нового Порта. При этом западная часть среднего Ямала была более населенной, чем восточная, возвышенная, с небольшими реками, узкими долинами и крутыми водоразделами. Зимой большинство (более половины) хозяйств сосредоточивалось в районе рек Хадыта, Щучья, Яды, Ярсале, расположенных в юго-западной части Ямальского района. Еще часть хозяйств переходила на Хэнскую сторону, выпасая свои стада в районе рек Вануйто, Воркута, Ерудей, Кутопьюган, Полуй, Шуга. По подсчетам В.П. Евладова, 3,8 % хозяйств оставались зимовать на севере Ямала по рекам Пясадай, Яхады, Хоголе, Хогорта и Тамбей [1992, с. 255].

Обдорск был единственным пунктом притяжения ямальских и приуральских кочевников с фискальными и торговыми целями с конца XVI до начала XX в. [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 46, л. 211 об.]. Согласно одной из точек зрения, главным стимулом, побуждавшим оленеводов к сезонным миграциям, являлась необходимость товарообменных операций с оседлым населением, а именно сдача пушнины (уплата ясака), закупка продовольствия и промыслового оборудования [Большаков, 1936].

К моменту проведения Приполярной переписи в 1926 г. на Ямальском Севере сложилась сложная поселенческая структура, включавшая поселки, села, юрты и фактории, которые быстро оказались в центре внимания кочевого населения. Особенной популярностью среди кочевников пользовались фактории, благодаря размещению в них хлебопекарни, торговой лавки с продуктами и промышленными товарами и их организации на территории зимних пастбищ, являвшихся местами наибольшего скопления коренного населения (табл. 2). Тем самым для них отпала необходимость в преодолении значительных расстояний с целью приобретения нужных товаров и продовольствия, что было очень важно в условиях преобладания малооленных хозяйств. Некоторые фактории (на реках Хадыта, Щучья) были основаны накануне проведения переписных работ в середине 20-х гг. XX в. организациями Госторг², Сырье и Обьтрест, занимавшимися заготовкой пушнины и рыбы на Севере и снабжением промыслового населения.

Фактории создавались по государственной инициативе в рамках сотрудничества с кочевниками. Они представляли торговые посты, где кочевники сдавали продукцию оленеводства, охотничьего и рыболовного промыслов и приобретали по государственным ценам продовольственные и промышленные товары. Несмотря на то, что главный интерес хозяйственных организаций здесь заключался в получении пушнины (главным образом шкурок песца) от населения, фактории соответствовали хозяйственным интересам кочевников, позволяя им экономить время на разъездах и посвящать его промыслам и другим делам. Сведения о распределении кочевых хозяйств по национальному составу и факториям, на которые они выезжали, показывают, что в 1926 г. большинство ямальских ненцев посещали вновь основанные фактории, расположенные в юго-западной части полуострова Ямал: в районе рек Хадыта (73,8 % от общего числа хозяйств, выезжавших к ним, или около 2400 хозяйств) и Щучья (61,4 %, или около 1500 хозяйств), а также в южной части: Яр-Сали (88,5 %, или около 1000 хозяйств) — и на Хэнской стороне: юрты Кутопьюган (63,5 %, или около 600 хозяйств), расположенные в устье одноименной реки, с. Хэ — на побережье Обской губы (60 %, или около 1400 хозяйств) (рассчитано по: [Список..., 1928, с. 168–208]). Среди хозяйств, выезжавших к Обдорску, только 28,4 %, т.е. около 300, были с полуострова Ямал [Там же]. Сроки посещения факторий приходились на ноябрь — декабрь, время перехода с летних на зимние пастбища, и март — апрель — время обратного хода [Там же]. Одни и те же хозяйства могли посещать разные фактории в течение зимне-весеннего сезона [Там же]. Исключение составляли стойбища, расположенные в районе Нового Порта, население которых занималось преимущественно рыболовством и выходило к факториям в период с августа по сентябрь. В силу особенностей кочевых маршрутов хозяйства, чьи летовки

² Государственная экспортно-импортная контора, акционерное общество, образованная в 1922 г.

располагались в северной части Ямальского полуострова, ограничивались факториями на реках Хадыта и Щучья. Для хозяйств, летующих в северо-восточной, а также центральной и южной частях Ямала, доступными для посещения оказывались все фактории.

Таблица 2

Районы кочевания и населенные пункты, посещаемые кочевниками п-ва Ямал, по данным Приполярной переписи 1926–1927 гг.

№	Район летних стойбищ	Район зимних стойбищ	Населенные пункты
1	Краний север полуострова: реки Хабей-яга, Яптик-яга, Яды (северная), Хартю-яга	Реки Щучья, Хадыта, Вануйто	Фактории на реках Щучья (Госторга, Сырье и Обьтреста) и Хадыта
2	Западная от водораздела сторона до р. Мор-ды: устье р. Пясидай, Юн-яга, Тиутей-яга, Наду-яга, мыс Харосовой	Реки Хадыта, Вануйто, Воркута, Полуй, Юрудей	Фактории на реках Щучья (Госторга, Сырье и Обьтреста) и Хадыта
3	Северо-восточная от водораздела сторона до р. Ясовой: реки Тамбей, Сэбетта, Венуй-е, Сэр-яга, Нензота	Реки Щучья, Танлова, Хадыта, Полуй, оз.Ворнанто, Яды, Ныда, Хадыта-Вануйто, Воркута-Ярсале, Кутопьюган, Еркут	Фактории на реках Щучья (Госторга, Сырье и Обьтреста) и Хадыта, Обдорск, Хэ, Ярсале
4	Бассейн р. Мор-ды	Щучья, Хадыта, Полуй, Воркута, Яды, Яр-сале, Шуга, побережье Хаманел-Ярсале, Кутопьюган, Юрудей	Фактории на реках Щучья (Госторга, Сырье и Обьтреста) и Хадыта, Хэ, Обдорск
5	Бассейн оз. Нейте	Ярсале, Шуга, Надым, Щучья, Хадыта, Ерудей, Яды, Воркута, Щучья, Хадыта	Фактории на реках Щучья (Госторга, Сырье и Обьтреста) и Хадыта, Хэ, Обдорск, Ярсале
6	Западная сторона от р. Мор-ды до р. Юрибей: мыс Вэборка-сале, реки Морра-яга, Ярра-яга, Юмба-яга, Сэбе-яга, Ясовой, мыс Маре-сале, Пензер-яга, оз. Тобон-то, Певан-то	Танлова, Сэр-яга, Хадыта, Воркута, Еркут, Тарчеда, Вануйто, Ерудей, Воркута, Полуй, Шуга, Щучья, Недо-юган	Фактории на реках Щучья (Госторга, Сырье и Обьтреста) и Хадыта, Хэ, Обдорск, Ярсале, Кутопьюган
7	От р. Юрибей до р. Еркут (Иоркут)	Щучья, Полуй, Хадыта, Воркута, Кутопьюган, Вануйто, Ерудей, Шуга, Энзор, Яды	Фактории на реках Щучья (Госторга, Сырье и Обьтреста) и Хадыта, Кутопьюган, Хэ, Яр-Сале, Обдорск
8	От р. Ясовой до р.Сабь-яга: реки Се-яга (Обская), Турма-яга, Моретта-яга, Сабь-яга, оз. Хальмер-то, оз. Ся-о-то,	Воркута, Кутопьюган, Ерудей, Хадыта, Аксарка, Полуй, Яды, Шуга, Щучья, Обь, Вануйто	Фактории на реках Щучья (Госторга, Сырье и Обьтреста) и Хадыта, Хэ, Обдорск, Ярсале
9	Бассейн оз. Ярро-то	Хадыта, Вануйто, Воркута, Яды, Шуга, Щучья, Ярсале, Обь, Кутопьюган, Яды, Ерудей	Фактории на реках Щучья (Госторга, Сырье и Обьтреста) и Хадыта, Хэ, Ярсале, Обдорск, Кутопьюган,
10	Район Нового Порта	Хадыта, Вануйто, Яды, Воркута, Шуга, Ерудей, Ныда, Кутопьюган, Яды, Щучья, Полуй,	Фактории на реках Щучья (Госторга, Сырье и Обьтреста), Хэ, Хадыта, Кутопьюган, Обдорск, Ярсале, Нори

В последующие годы количество населенных пунктов на полуострове Ямал продолжало увеличиваться. Инициатива основания поселений и решений, связанных с изменениями поселенческой структуры и развития их инфраструктуры вообще, на территориях традиционного расселения ненцев-кочевников принадлежала государству и осуществлялась в рамках политических и социально-экономических мероприятий, направленных на ликвидацию культурной отсталости, развития традиционных хозяйственных отраслей и приобщения к новым видам деятельности, повышения товарности оленеводческого хозяйства и перевода кочевников на оседлость [Резолюции..., 1932, с. 10].

Новые стационарные поселения возникали уже на севере полуострова. В 1928 г. была открыта фактория в Новом Порту [Юданов, 1935, с. 6], в 1931 г. — Тамбейская, расположенная в устье р. Тамбей, и Дровяная — на мысе Дровяной [Козлов, 1933; Юданов, 1935, с. 54, 66], в 1934 г. — Сё-яга — в устье р. Сё-яга [Юданов, 1935, с. 53]. Последняя, по замыслу «организаторов ГОМП», должна была отличаться от пушно-сырьевых факторий обычного типа и «заниматься не только заготовками пушнины и мехсырья, но и основной и главный упор взять на организацию рационального товарного хозяйства, охватывающего все отрасли жизни ненцев...» [Там же, с. 53]. Кроме стационарных, была организована работа разъездных факторий, кочующих в районах проживания ненцев.

Влияние населенных пунктов на традиционные кочевые маршруты ямальских ненцев...

К середине 30-х гг. XX в. поселенческая структура Ямальского полуострова включала поселки и фактории, являвшиеся административными и хозяйственными центрами, а некоторые из них — портом и пристанью. Это п. Ярсале — административный центр и культбаза, п. Новый Порт — хозяйственный центр Рыбтреста и порт, куда заходили иностранные суда, п. Пуйко — хозяйственный центр Рыбтреста и пароходная пристань в дельте Оби, п. Горный Хаманел — хозяйственный центр Рыбтреста, п. Ходата, основанный при фактории ГУСМП³, фактории ГУСМП — Сё-яга, Яда, Порсь-яга, Тамбей, Дровяная, Харвута, Яро-но (на р. Иоркута), полярная радиостанция и метеорологическая станция Мара-Сале и на о. Белом [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а]. Это также полустационарные торговые точки Интеграл кооператива и ГУСМП в районе р. Юрибей — Тарко-Сале и Тальбе [Там же]. В результате на Ямале «создался оживленный транспорт грузов и пассажиров», особенно «на пути между такими важными экономическими центрами, как Новый Порт, Яды, Ярсале», в котором ненцы были активными участниками [ГАРФ, ф. А-374, оп. 26, д. 39, л. 31 об.]. Результатом стало складывание характерного типа хозяйства, «которое на зиму спускается к факториям и, имея небольшое оленье стадо, жестоко эксплуатирует его на заработках — гоньбе (заготовка дров, перевозки)» [Там же, д. 41, л. 191 об.].

Транспортная сеть, связывавшая населенные пункты между собой и жизненно важная для экономики Ямальского района, предоставила оленеводам дополнительную возможность заработков от извоза в зимний период. Если в 1926 г. извозом занимались 5 чел. (0,3 %), то в 1935 г. — 347 хозяйств (35,8 %), на юге Ямала больше (301 хозяйство), чем на севере (46) [ГУ ЯНОМВК им. И.С. Шемановского..., л. 4–6; ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а, л. 101 об.]. Распространению извоза способствовало и то обстоятельство, что более чем у половины ямальских оленеводов (53,4 %) стада оленей не превышали 100 голов [Там же, л. 202], это не обеспечивало все нужды семьи и требовало дополнительного источника доходов. Кроме того, для структуры стада Ямальского района был характерен высокий удельный вес транспортных оленей [Там же, л. 203].

Несмотря на отмечаемые недостатки размещения поселений и торгово-заготовительных точек (концентрация главным образом на юге и восточном Обском побережье полуострова, полное их отсутствие на Байдарацком и Карском побережье и в глубине полуострова, обслуживание среднего и северного Ямала силами трех факторий: Сё-яга, Тамбей и Дровяная [Там же]) у оленеводов Ямальского полуострова заметно нарушается практика традиционного землепользования в конце 20-х — первой половине 30-х гг. XX в. При этом нарушение происходит в меридиональном направлении: с юга на север, затронув сильно протяженность и направления кочевых маршрутов и вотчинное землевладение, на что сразу обратили внимание современники [Броднев, 1959; Вербов, 1939, с. 45; Большаков, 1936]. Кроме того, в 1930-е гг. в северной части Ямала наблюдается концентрация населения — в знак протеста против мероприятий советской власти, развернувшей свою деятельность на южном Ямале (Мандалада), что также приводило к сокращению количества хозяйств, откочевывавших на юг полуострова.

Основание на полуострове факторий, организация новых видов деятельности, коллективизация способствовали заметному сознательному сокращению ненцами сезонных перекочек и смене их меридионального направления на широтное, с западного побережья Ямала на восточное [ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 188а]. Если, по данным Приполярной переписи, у 82 % ямальских кочевников длина маршрутов касланий достигала от 500 до 2000 км в год, то, по переписи 1932–1933 г., только 68,7 % из них кочевали на дальнее расстояние [Большаков, 1936, с. 16, 18]. Доля хозяйств, чьи сезонные перемещения не превышали 250 км, выросла за тот же период с 5 до 21,3 % [Там же]. Кроме того, пропала группа с наиболее длинными перекочками — свыше 2000 км. В 1931 г. половина кочевых хозяйств осталась зимовать на Ямале, в 1932 г. — до 90 %, зимой 1935–1936 гг. на севере остались 210 хозяйств из 280 [Лёзова, 2001, с. 133]. По подсчетам В.П. Евладова, в связи с открытием факторий Главсевморпути на мысе Дровяном и Тамбее число зимующих здесь чумов увеличилось с 25 в 1930 до 250 в 1935 г. [ГАОО, ф. 437, оп. 6, д. 2, л. 65 об.]. Концентрация кочевого населения около факторий показана в табл. 3, составленной по данным посемейно-хозяйственных бланков районной переписи 1932–1933 г. Это фактории Яда, Тамбей, Дровяная, а также поселки Ярсали и Кутопьюган.

Таким образом, одним из важных последствий появления населенных пунктов на Ямальском полуострове на территории традиционного расселения ненцев стали изменения кочевых маршрутов, что показывает зависимость хозяйства кочевников от товарообменных операций в

³ Главное управление Северного морского пути.

Е.А. Волжанина

первой трети XX в., в результате которых они приобретали необходимые товары и недостающее продовольствие, а также демонстрирует подвижный характер ненецкого землепользования, реагирующего на развитие ситуации. Хорошее знание своей территории, практика общественных договоров позволяли населению быстро адаптироваться к новым условиям с выгодой для себя, корректируя пути калаша в соответствии с социально-политической и экономической обстановкой. Не всегда это диктовалось целью достижения максимальной эффективности выпаса и сохранения оленьего стада.

Таблица 3

Распределение хозяйств Ямальского района по типу хозяйства и месту проживания по данным посемейно-хозяйственных бланков районной переписи 1932–1933 гг.

Национальные советы и населенные пункты	Тип хозяйства			Всего хозяйств
	Кочевое	Полукочевое	Оседлое	
Нейтенский	52	—	—	52
Ново-Портовский	258	11	—	269
Яда	53	11	—	64
Не указано	209	—	—	209
Тамбейский	117	—	5	122
Около фактории Тамбея	20	—	—	20
Вершина Тамбея	20	—	—	20
На фактории Дровяной	6	—	5	11
Хребет Ямала	17	—	—	17
Край Карского моря	15	—	—	15
р. Вэнуй	5	—	—	5
Около Байдаратской губы	3	—	—	3
Пимо яга	2	—	—	2
Пясидей яга	2	—	—	2
Вершина Яды	1	—	—	1
Кен яга	1	—	—	1
Коль яга	1	—	—	1
Мари яга	1	—	—	1
Сабетта яга	1	—	—	1
Селиники	1	—	—	1
Сеняченское	1	—	—	1
Не указано	20	—	—	20
Теутейский	49	—	—	49
Вершина Теутея	14	—	—	14
Вершина Харосовая	7	—	—	7
р. Харосовая	6	—	—	6
Таричи яга	6	—	—	6
Вершина Пуйко Ямала и Пуйко Ямала	5	—	—	5
Модюй Соле	2	—	—	2
Вершина Сядор яга	1	—	—	1
Сада яга	1	—	—	1
Тюрей Седо и Модюй Соле	2	—	—	2
Япто Сели	1	—	—	1
Не указано	4	—	—	4
Ярсалинский	79	6	122	207
Вануйто	—	4	—	4
Варкута	1	—	—	1
Кутопьюган	9	—	6	15
Нанги	9	—	7	16
Промысел Пуйко	1	—	10	11
Хадата	—	—	18	18
Хэ	—	2	63	65
Ярсали	58	—	18	76

Источник: ГАЯНАО, ф. 12, оп. 1, д. 51–56.

Изменения в землепользовании ненцев в первой трети XX в. произошли по их собственной инициативе накануне проведения официальных землеустроительных мероприятий, тогда как решение о создании стационарных пунктов в районах их расселения в целях улучшения условий кочевого быта и хозяйствования принадлежало государству. Одним из обстоятельств при-

Влияние населенных пунктов на традиционные кочевые маршруты ямальских ненцев...

знания населенных пунктов и включения их в число узловых точек кочевого маршрута являлась малооцененностью большинства ненецких хозяйств.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- ГАОО. Ф. 437. Оп. 6. Д. 2.
ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 26. Д. 35–49.
ГАЯНАО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 51–56, 188а.
ГУЯНОМВК им. И.С. Шемановского. Поселенные итоги, Обдорский сельский совет, 1926–1927 гг. Данные Всесоюзной переписи 1926–1927 гг. по Обдорскому району, полуостров Ямал. Сводные поселенные итоги Приполярной переписи. Б.н.
Атлас Азиатской России. Изд. переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1914 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.runivers.ru/maps/asianrus/18>.
Большаков М.И. Проблема оседания кочевого населения: (На Ямале) // Сов. Арктика. 1936. № 5. С. 14–24.
Броднев М.М. Из истории земельных и имущественных отношений у ямальских ненцев // СЭ. 1959. № 6. С. 69–81.
Бушевич А. Экскурсия в бухту Находку летом 1912 // ЕТГМ. Тобольск: Тип. Епархиального братства, 1914. Вып. 22. С. 1–86.
Васильев В.И. Возникновение элементов частнособственнического уклада у самодийских народов Обско-Енисейского Севера // Становление классов и государства. М.: Наука, 1976. С. 314–343.
Вербов Г.Д. Пережитки родового строя у ненцев // СЭ. 1939. № 2. С. 43–66.
Волжанина Е.А. Население и оленеводство Ямала в материалах переписи 1932–1933 гг. // Вестн. антропологии, археологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2011. № 2 (15) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a15/218-227.pdf.
Волжанина Е.А. Пути перехода с кочевого на оседлый образ жизни и обратно на Ямале в первой трети 30-х гг. XX в. // Вестн. антропологии, археологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013. № 2 (21) [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.ipdn.ru/rics/va/_private/a21/98-104.pdf.
Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 204 с.
Гулевский А.Н. Традиционные представления о собственности тундровых оленеводов России (конец XIX — XX век): Этнографические очерки. М.: ИЭА РАН, 1993. 302 с.
Даль В.И. Юрт // Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.dict.t-mm.ru/dal/yu/yur.html>.
Долгих Б.О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970. 270 с.
Дунин-Горкавич А.А. Географический очерк Тобольского Севера // ИРГО. Т. XL. Вып. I–II. СПб., 1904.
Дунин-Горкавич А.А. Обзор современного положения и нужд Тобольского севера. Тобольск: Тип. Епархиального братства, 1905. 33 с.
Дунин-Горкавич А.А. Географическое описание низовьев р. Оби и условия судоходства. СПб: Тип. морского Министерства, 1909. 85 с.
Дунин-Горкавич А.А. Сведения о рыболовных угодьях Тобольского Севера: По регистрации 1914 г. Тобольск, 1915. 99 с.
Евладов В.П. По тундрам Ямала к Белому острову: Экспедиция на Крайний Север полуострова Ямал в 1928–1929 гг. Тюмень: ИПОС Севера СО РАН, 1992. 281 с.
Источники по этнографии Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1987. 286 с.
Козлов В. Полярная фактория. Свердловск; М.: Уралогиз, 1933. 185 с.
Королев Б.А., Кувичев В.С. Отчет о выполнении научно-исследовательских работ «Изучение структуры зооантропонозов в районах освоения газовых месторождений Ямало-Ненецкого автономного округа (заключительный). Тюмень: ИПОС СО РАН, 1990. 54 с.
Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
Лёзова С.В. Северный Ямал: Великое переселение 1947 г. // Самодийцы: Материалы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (10–12 декабря 2001 г., г. Тобольск). Тобольск; Омск, 2001. С. 132–135.
Луговской Л.Е. О поездке на север Тобольской губернии летом нынешнего года с целью врачебно-санитарного осмотра рыбопромышленных заведений // ЕТГМ. Тобольск, 1897. Вып. 7. С. 81–145.
Оленеводство Тобольского Севера в цифрах: По материалам Приполярной переписи 1926–1927 гг. Изд. Комитета Севера, О-ва изучения местного края, Интегралсоюза и Конторы Госторга. Тобольск, 1930. 16 с.
Попков Ю.В., Тюгашев Е.А. Современное состояние традиционной культуры самодийского и финно-угорского населения Ямало-Ненецкого автономного округа: (Этносоциальный аспект). Новосибирск; Салехард: Банк культурной информации, 2007. 184 с.
Резолюции IX расширенного Пленума Комитета Севера при Президиуме Всероссийского ЦИК (21–28 августа 1932 г.). М.: Власть Советов, 1932. 32 с.

Е.А. Волжанина

Список населенных мест Тобольской губернии: (Составлен по сведениям на 15 июля 1909 года, полученным от уездных исправников и волостных правлений). Тобольск: Изд. Тоб. губерн. стат. комитета, 1912. 634 с.

Список населенных пунктов Уральской области. Свердловск: Изд. орготдела Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окружных исполкомов. 1928. Т. 12: Тобольский округ. 234 с.

Тарасов В. Сообщение о поездке на полуостров Ямал с ветеринарной экспедицией С.И. Драчинского в 1913 г. // ЕТГМ. Тобольск: Тип. Епархиального братства, 1915. Вып. 24. С. 1–32.

Фитцхью В.В. В поисках Грааля: Циркумполярная теория и реалии ямальской археологии // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард: УрО РАН, 2000. Вып. 1. С. 25–53.

Чернецов В.Н. Древняя приморская культура на полуострове Ямал // СЭ. 1935. № 4–5. С. 109–133.

Шухов И. Река Щучья: Географическое описание реки и путешествия в ее долину в 1913 г. // ЕТГМ. Тобольск, 1914. Вып. 22. С. 1–31.

Юданов И.Г. Обская губа и ее рыбохозяйственное значение: (По материалам Ямальской экспедиции 1932 г.) Тобольск, 1935. Т. 1. Вып. 4.

Stammler F. Reindeer Nomads Meet the Market: Culture, property and Globalisation at the 'End of the Land'. Berlin: Lit Verlag, 2005. 382 p.

Тюмень, ИППОС СО РАН
nyabako@mail.ru

The article considers questions of traditional land tenure with the Nenets from Yamal peninsular in connection with an occurrence of localities on their habitation territory in the first third of XX c., namely, aspects of the localities' origin and their influence upon the Yamal Nenets traditional nomadic routes. A considerable role in the development of the Yamal Nenets nomadic routes played the foundation of Obdorsk Ostrog at the end of XVI c., accompanied by taxation of the Samoyeds with a tribute, which coincided with a period of development of big herded reindeer breeding with the Nenets. Another important factor was a development of industrial fishing on the Ob bay shore in the second half of XIX c., resulting in the development of private property for fisheries. As an outcome of the trading posts' occurrence on the Yamal peninsular in the late 20s — early 30s of XX c., together with the development of a transportation system, connecting those with each other and giving a chance to reindeer breeders to make money by transporting people during a winter period, was the arrangement of winter reindeer camps by some enterprising owners nearby the main transportation routes, to the detriment of their own reindeer economy, thus reducing the traditional nomadic routes.

Nenets, Yamal, traditional land tenure, Pre-polar census, trading post, reindeer breeding, fishing.

ДОЗОРНАЯ КНИГА ТАРСКОГО УЕЗДА 1701 г. КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОГРАФИИ НАРОДОВ ТАРСКОГО ПРИИРТЫШЬЯ

М.Л. Бережнова*, Н.В. Кабакова**, С.Н. Корусенко***

Анализируется на предмет достоверности, репрезентативности и информативности Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., которая является ценным источником по истории, хозяйству и отдельным сторонам культуры — поселениям, соционормативным явлениям, антропонимии, этнической истории тюркского и славянского населения Среднего Прииртышья.

Дозорные книги, Тара, служилые, крестьяне, татары.

Изучение истории в целом и этнографии в частности невозможно без всестороннего анализа письменных источников. К подобным материалам, охватывающим широчайший спектр разнообразных вопросов — исторической демографии, социально-экономической и этносоциальной истории, ономастики и др., относятся дозорные книги, составлявшиеся в Российском государстве в XVII — начале XVIII в. Производились такие описания с целью фиксации населения, земель, наложенных обязанностей и выплачиваемых оброков и т.п. В данной статье будет рассматриваться один из таких (до сих пор не опубликованных) документов — Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., включавшего территорию современных северных районов Омской области. Анализ этого источника позволит расширить понимание многих процессов становления данного региона, активно осваивавшегося на протяжении XVII–XVIII вв. Российским государством.

Н.Н. Оглоблин указывал, что в Сибирском приказе хранились 54 дозорные книги по разным сибирским уездам, самые ранние из которых относились к 1623 г., самые поздние — к 1710 г., из них по Тарскому уезду — 4 книги [Оглоблин, 1895, с. 67]. Перечислив в своем труде данные источники, этот автор дал их общую характеристику. Другие исследователи, стремясь установить, в каких условиях появлялись дозорные книги, нередко подчеркивали, что составители таких документов сами не мерили и не межевали земли, а опирались на разного рода сведения, предоставляемые им землевладельцами, но связано это было не со злоупотреблениями, а с той поспешностью, с которой осуществлялся дозор [Веселовский, 1916, с. 174; Меерзон, 1956, с. 9]. По мнению А.С. Лаппо-Данилевского, дозорные книги имели характер временного мероприятия, составлялись наскоро, часто местной администрацией, с целью устранить несоответствие между размером оклада и платежными силами местности [1890, с. 189], что также означает: реального «дозора» не происходило, ведь самыми важными считались финансовые задачи. В то же время термин «дозор» и его синонимы в словарях русского языка употребляются в значении «проверки всякого рода», «обхода для осмотра» [Даль, 2004, с. 454]. Очевидно, что дозорщики были обязаны лично проверять положение дел на месте, изучать все имеющиеся документы, осматривать земли, т.е. «дозорить». Содержится в этом термине и некий военный оттенок («быть в дозоре» — нести военную службу), что накладывает ощущение оперативности, поспешности в нестабильной ситуации. Видимо, поэтому дозорные книги вообще, в том числе Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., воспринимаются как документы, составлявшиеся в каких-либо сложных условиях. Однако, располагая сведениями о достаточно стабильной ситуации в Сибири в самом начале XVIII в. (отсутствие военных действий, природных катаклизмов), можно говорить о том, что главным поводом для проведения дозора 1701 г. на Таре было стремление пополнить государеву казну посредством увеличения налогов с местного населения. Для этого требовалось, что подтверждается и текстом самого документа, уточнить материалы предыдущего описания Тарского уезда, произведенного Львом Поскочиным в 1684 г., и осуществить в случае необходимости суд в земельных спорах.

О.Н. Вилков, изучая тобольские дозорные, переписные и окладные книги XVII в., пришел к выводу, что подобные документы Сибирского приказа как по своему значению, так и по содержанию идентичны аналогичным материалам Европейской части Российского государства. В то же время, на взгляд автора, дозорные описания в Сибири преследовали диаметрально противо-

положные цели: если в целом по стране, подвергавшейся разорению, военным набегами, стихийным бедствиям, тяглое население получало послабления, то в Зауралье, относительно благополучной и стабильной местности, напротив, присутствовало стремление усилить податные поступления за счет включения в обложение все новых социальных категорий [Вилков, 1975, с. 4–13].

Дозорная книга Тарского уезда 1701 г., хранящаяся в фонде 214 Сибирского приказа в комплексе писцовых, дозорных и переписных книг РГАДА, является массовым источником, включающим ординарные материалы исторического периода конца XVII — начала XVIII в., однотипные однородные данные с количественными и качественными характеристиками [Литвак, 1979, с. 7–8]. Год проведения дозора и составления Дозорной книги Тарского уезда — 1701 — подтверждается многочисленными упоминаниями внутри самого документа: «в нынешнем 1701 году». Появился же данный документ в соответствии с указом Петра Алексеевича от 4 января 1698 г., в котором было дано распоряжение дворянину московскому Ивану Родионовичу Качанову¹ в Сибири Тобольского разряда на Таре и в уездах Великого Государя переписать земли, живущих на них, после чего определить размеры налогов. Известен еще один документ того же времени, проясняющий необходимость осуществления Тарского дозора. Это царская грамота от 27 апреля 1699 г. Верхотурскому воеводе Козме Козлову о народной переписи по данному уезду, которая гласит, что в 1698 г. на Верхотурье был послан дворянин Иван Качанов для переписи людей всякого рода, поскольку в 1691 г. «...учинилось в Поморских и в иных Руских многих городах и уездах хлебу недород, и из тех городов и уездов многие крестьяня, оставя свои жеребья и тягла, с женами и детьми сошли в Сибирские города, и в тех городах и в слободах и в деревнях многих поселились на заимках и к прежним крестьяном пристали, и захватя многие земли владеют, а нам Великому Государю никаких доходов не платят, а приказчики, для своей бездельной корысти, им молчали и в городах воеводам не извещали...» [Акты исторические..., 1842, с. 525]. Сложившаяся ситуация приводила также к несоответствию с переписью, осуществленной ранее Львом Поскочиным, присланным из Москвы в Сибирь в 1680 г. «для описания Тобольска и уездов Тобольского разряда с целью проверки правильности землевладения и обложения земель десятинной пашней, оброчным хлебом и денежным оброком, а также для увеличения где следует того или иного вида подати» [Оглоблин, 1895, с. 53]. Спустя время потребовалось уточнить сведения по западно-сибирским уездам и разузнать, сколько именно пришлых людей в слободах и деревнях, сколько они платят в казну денег и хлеба либо пашут десятинной пашни, а также разобрать наказы служилых людей, чтобы упорядочить их хлебное жалование. Так московский дворянин И.Р. Качанов стал составителем нескольких дозорных книг на территории уездов Тобольского разряда в 1700–1701 гг., в том числе Тарского.

Преамбула Дозорной книги Тарского уезда 1701 г. содержит существенную информацию, позволяющую определить как специфику деятельности дозорщика, так и круг вопросов, на которые он в ходе дозора должен был получить ответы. Открывается книга передачей царского наказа Петра Алексеевича от 4 января 1698 г., в котором дано повеление дворянину Ивану Родионовичу Качанову «...в Сибири Тобольского разряда на Таре и в уездах Великого Государя волости, слободы, села, деревни, митрополичьи, монастырские и церковные [владения], и у детей боярских, служилых людей, пашенных и оброчных крестьян, бобылей, захребетников, татар и у всяких чинов людей описать земли...» [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1182, л. 1], перечислить людей, живущих на данной территории, указав, как давно они пришли в Сибирь, сколько пашут десятинной пашни, платят различных оброков, после чего «в соответствии с пожитками» их тяготы увеличить. Далее в преамбуле представлено описание собственно деятельности И.Р. Качанова, составившего перечень жителей Тарского уезда с их владениями и повинностями и установившего новые размеры десятинной пашни и оброков. При этом мотивирует такую свою деятельность сам И.Р. Качанов тем, что власть недополучает налоги с местного населения, самовольно сокращавшего установленные оброки, подкупавшего чиновников или попросту избегавшего подобных тягот: «...платят в казну Великого Государя с пахот своих выдельного хлеба всяких чинов люди малое число, а иные и не платят, и то знатно, что подкупая выдельщиков, дают им с купы. И от того их малого платежа и нерадением выдельщиков в казну Великого Государя пятинного хлеба бывает в сборе малое число...» [Там же, л. 2–2 об.]. Указывает переписчик и на то, что «приисканы» пришлые люди и захребетники, у которых «най-

¹ Информация об И.Р. Качанове содержится: [Алфавитный указатель фамилий..., М., 1853, с. 178; РГАДА, ф. 210, оп. 6, д. 176, л. 187 об.; оп. 2, д. 55, л. 175 об.].

Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник по этнографии народов Тарского Прииртышья

дены» пахоты, сенные покосы, мельницы, кузницы, ясачные земли, которые теперь зафиксированы и на них наложены необходимые оброки. Наконец, в преамбуле упоминаются приправочные книги, присланные на Тару к переписному делу из приказного двора, содержащие перечни денежных оброков за владение ясачными людьми пашенных земель, сенных покосов и иных угодий, которые должны были стать справочным материалом для составителя нового дозора.

В целом преамбула позволяет говорить о характере деятельности составителя Дозорной книги Тарского уезда как об описании, поскольку и в тексте царского указа, и в отчете самого И.Р. Качанова используются исключительно глаголы «описать», «переписать», а о «дозоре», «дозировании», т.е. собственно осмотре владений речи не идет.

Основными объектами Дозорной книги Тарского уезда являются собственно город Тара и уезд, прилегающий к нему. В источнике четко выделяются четыре блока информации — описание города, русских слобод и деревень, приведенных по географическому принципу, владений Спасского монастыря, а также татарских населенных пунктов. Завершается документ подведением итогов дозора.

Обрисовке самого города И.Р. Качанов отводит немного места, начиная с упоминания особенностей ландшафта: «*Город Тара на горе над речкой Аркаркой, вверх по Иртышу реке, на правой стороне от реки Иртыша в трех десятинах. Речка Аркарка с западной стороны обошла кругом той горы, после — на запад же, а с запада пала та речка на встрию в Иртыш реку*» [Там же, л. 4]. Далее следует перечень укреплений, церквей и часовен, административных и военных сооружений. Здесь же И.Р. Качанов впервые упоминает писцовые книги Льва Поскочина, называя год их составления — 1684, подчеркивая, что «скотский выпуск всяких чинов жителей... нынешнего 1701 г. ... сходен» с тем, что был представлен в переписи ранее [Там же, л. 5]. После этого автор приступает к подробному перечислению людей, живущих в городе, — ружников, детей боярских, литовского списка, черкасской сотни и конных казаков, стрельцов и пеших казаков, пушкарей, казачьих, стрелецких детей и отставных служилых людей с указанием их имуществ и податей. Затем фиксируются «прибавления» денежного оброка, наложенные по сравнению с приправочными окладными книгами на посадских людей; вновь «приисканые захребетники», ранее не платившие тягла, а ныне переведенные в бобылы на денежный оброк; лавки, кузницы, кожевенные промыслы, мельницы, бредники и неводы — как старые, так и недавно появившиеся.

Вторая часть Дозорной книги — опись русских слобод и деревень: деревни по реке Оше (с. Спасское или Ложниково и 14 деревень), деревни от города вверх по Иртышу реке (14 деревень), 3 слободы уезда (Биргамацкая, Татьмыцкая и Аевская), деревни вниз по Иртышу (с. Изюцкое и 14 деревень). Обязательным в источнике является и указание, рядом с какой рекой или озером находится селение, а при описании слобод даются подробные географические ориентиры, перечислены имеющиеся строения и церкви, указан и год «заведения». Исключение составляет лишь Аевская слобода, поскольку «*в котором году та слобода заведена строить, того не ведомо, потому что крестьяне не знают, а слободчик в прошлых годах умер, и о строении наказной памяти у переписного дела крестьяне не явили*» [Там же, л. 267].

Важная часть содержания Дозорной книги — информация о жителях уезда, включающая описание дворов и тяглых, и беломестных, что подтверждает фискальные цели властей при составлении данного документа, поскольку наиболее значимой для чиновников становилась информация не только о реальных, но и о потенциальных налогоплательщиках. Вместе с тем, несмотря на то что книга дает возможность получить некоторые сведения демографического порядка, по ней нельзя точно судить о количественном составе жителей, поскольку приводятся данные о мужском населении.

Описание двора начиналось с указания служебного положения лиц служилого сословия (беломестный казак, литовской сотни казак, черкасской сотни казак, конный казак, пеший казак, стрелец, сотник и пр.) и духовного звания (дьячок, пономарь). Завершали же общий список жителей русских населенных пунктов крестьяне. Далее следовали имя, отчество, фамилия или прозвище дворовладельца. Антропонимические данные, представленные текстом Дозорной книги, свидетельствуют о процессе становления именного и фамильного состава на территории Тарского уезда в конце XVII — начале XVIII в. Например, об этом говорит вариативность употреблявшихся имен (Абросимко — Обросимко, Кузьма — Козьма, Коземко — Куземко и пр.), фамилий и прозвищ (Пелымской — Пелымсков, Десятой — Десятого и пр.). Не рассматривая далее данный вопрос, отметим, что изучение антропонимии Дозорной книги Тарского уезда —

тема отдельного исследования, поскольку источник предоставляет для этого богатейшие материалы.

Переписчик также фиксировал, откуда родом глава семьи — «Тарского города» (либо «тарчанин», «с Тары»), «Биргамацкой слободы», «города Тюмени», «города Тобольска», «суздалец», «кунгурец», «свяженин» и пр.; либо откуда пришел — «пришлый из русских городов», «с Москвы», «из сибирских городов», «из поморских городов» и пр. Из документа мы узнаём, кем был отец главы семьи, поскольку непременно ссылка на это: «боярский сын», «казачий сын», «стрелецкий сын», «попов сын», «ямщичий сын», «ясачного отца дети» и т.д.

Формуляр описания двора предполагал перечисление всех его представителей мужского пола, независимо от отношения к тяглу: сыновей главы семьи с указанием возраста либо их занятия («в детях боярских», «в пеших казаках», «в конных казаках»); захребетников, дворовых людей («дворовый человек калмыцкой породы»).

Переписчик называл владения каждого дворовладельца: наличие и количество скота — лошадей, рогатого, овец; обрисовывал земельные угодья с определением их количества в десятинах; сенокосов, чаще всего располагавшихся «около поля», указывая их размеры в копнах². В случае необходимости следовало подробное описание местонахождения владений с указанием географических ориентиров — рек, озер, болот, буераков, межей соседских владений, специальных граней (в виде крестов, ям или отметин на деревьях) и пр. Важное значение приобретала характеристика качества земли — пашни паханые, заимка, заложная и выпашанная земля, лесом порослая земля, непаханные земли, болотные места, пустоши, поскотинная земля (резерв для расширения пашен и сенокосов), иногда — промысловые угодья («зверинные ловли»). В Дозорной книге упоминались различные приемы хлебопашества: «наезд», перелог и трехполье.

На протяжении XVII в. с каждым десятилетием все более значимую роль среди сибирского населения, наряду со служилыми, играло крестьянство. Именно на него возлагалась ответственность за обработку государственных земель, что позволяло властям получать хлеб для обеспечения собственных нужд. Помимо обработки десятинной государевой пашни, сибирское крестьянское несло еще один вид тягла — хлебный оброк. Земля принадлежала государству, но крестьяне получали ее отводом или по подписной челобитной, могли передавать вместе с тяглом, а также заниматься куплей-продажей (по закладным). Дозорная книга выделяет в крестьянской пашне две части — казенную и собинную. Конечно, крестьяне стремились увеличить свои земельные владения, хотя возможности такие постепенно иссякали, в частности, из-за роста населения, прибытия новых жителей из-за Урала. Да и государство периодически «пересматривало» земельные владения, устанавливая «прибавочные» пашни и налагая за них на крестьян новые оклады. Подобные переписи, как уже отмечалось ранее, происходили неоднократно. К ним относится и работа, которую выполнял Лев Поскочин в 80-е гг. XVII в.: в Сибири «досмотреть, сметить и переписать всякого человека порознь», так как в Сибирском приказе стало известно, что сибирские крестьяне пашут десятинную пашню «не против указу, а иные и не пашут, живут на льготе» [Шунков, 1946, с. 179–180]. В целом десятинная пашня и в начале XVIII в. по-прежнему оставалась основой тягла сибирского крестьянства, несмотря на то что в Московском государстве происходил процесс перевода крестьян на выплату оброчного хлеба. Об этом свидетельствуют материалы, представленные И.Р. Качановым в Дозорной книге Тарского уезда: в случае обнаружения «лишки» собинной пашни на крестьян налагалась дополнительная государева запашка, которую они должны были теперь дополнительно обрабатывать.

Третья часть Дозорной книги перечисляет церковные владения Спасского монастыря. Она содержит указания на пашенные и залежные земли, сенокосы, рыбные ловли и мельницы, расположенные у Петрова озера, по рекам Изюку и Оше, принадлежавшие монастырю, полученные им в определенное время от различных людей и по разным же документам — вкладным, купчим, подписным челобитным и др. Названы крестьяне, живущие на монастырской земле и обрабатывавшие ее, платившие «выдельной хлеб» монастырю, описаны их владения. Отмечено, с какого времени и по каким крепостям каждый из них находится в монастыре.

Следующая часть документа — перечень населенных пунктов, где проживали служилые, захребетные и ясачные татары и казанцы. Всего таких селений 52, названы они следующим образом: деревня или деревня ... юрт (например, *деревня Темшенякова над рекой Иртышом*

² Одна копна соответствовала 0,1 десятины, т.е. с одной десятины снимали 10 копен сена.

Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. как источник по этнографии народов Тарского Прииртышья

или *деревня Аиткуловых юрт над рекой Иртышом*). Часть поселений относится к определенным волостям, для части волости не указаны, в основном для поселений, заселенных служилыми и захребетными татарами. Большинство волостей небольшие по количеству деревень. В данной книге указаны следующие волости: Аялынская, Коурдацкая, Кулларская, Отуская, Тебендинская. Сначала описываются деревни, расположенные от г. Тары вверх по рекам Иртышу и Таре, затем — поселения, расположенные по р. Оше, далее — поселения вниз по Иртышу. Имея в подобных селениях общую пашню, ясачные должны были нести повинности и платить государев ясак. Чаще всего право подобной собственности в Дозорной книге фиксируется на основании давности такого землевладения: «владеют тою землею исстари». Эта старина могла подкрепляться и другими документами — данными, выписями из книг. Ясачные люди приобретали и новые земли. При этом источник свидетельствует, что государство стремилось не ущемлять прав ясачных и требовало при заведении новых русских деревень проводить обыск: «порозжее» ли то место. В то же время это правило могло и нарушаться, особенно если селение возникало в важном военно-стратегическом месте.

Значительную часть содержания Дозорной книги Тарского уезда занимает фиксация имущественных споров, возникавших относительно земельных владений между служилыми, крестьянами и татарами. В таких ситуациях фигурируют документы, на которые ссылаются претенденты на собственность, доказывая право на обладание землей: выписи из писцовых книг Льва Поскочина, приправочные книги, данные, наказные памяти, челобитные, мировые записи, крепости, поступные, закладные, вкладные, отводы, «чертежи» и пр. Участницами таких споров могли быть и женщины, и это единственные, редкие упоминания лиц женского пола, встречающиеся в Дозорной книге. При описании разногласий использовались не только письменные, но и устные свидетельства (к примеру, сказки понятых). И.Р. Качанов, разбирая эти коллизии, подробно излагал суть претензий, возникавших по поводу земельных владений, и, отталкиваясь от представленных доказательств, выносил окончательный вердикт — кому и в каких пределах владеть собственностью, заключая обычно свое решение следующими установками: «...а впредь... не бить челом и убытка не наводить...», «...и впредь мировой записи ничем не порочить и не бить челом и не посягать...». В целом все вышеперечисленные сведения являются ценными замечаниями, позволяющими представить характер и условия землевладения в Сибири.

Завершает книгу итоговая часть, в которой И.Р. Качанов приводит общее количество явившихся «по переписке на Таре и Тарского уезда в селах, деревнях и слободах» разных категорий служилых людей, их братьев, детей и племянников, называет размеры денежных и хлебных окладов, оброков, выплачиваемых за пахоту и владение ясачными землями. Отдельно составитель указывает число жителей посада, пашенных крестьян, бобылей с их тяготами, мельниц, кузниц, лавок, кожевенных промыслов и рыбных ловель и «прибавлениями», происшедшими в результате дозора [РГАДА, ф. 214, оп. 1, д. 1182, л. 423–425].

Материалы Дозорной книги Тарского уезда позволяют проследить изменения, которые происходили в социальном положении части сибирского населения. Нередко подобные мероприятия являлись результатом попыток сократить расходы государства на содержание служилых людей (например, запрещение перехода в беломестные казаки [Шунков, 1946, с. 211]). Поэтому источник свидетельствует, например, что выходцев «из беломестных казаков» записывали в крестьяне и бобыли, из пушкарей и затинщиков — в крестьяне и пр.

В Дозорной книге Тарского уезда 1701 г. упомянуты разнообразные документы, подтверждающие право владения землями, предоставленные переписчику, среди которых — челобитные, купчие, поступные, данные, выписи, отводы, закладные, меновые записи и пр. Но чаще всего в описании встречается формулировка «владеет исстари и по писцовым книгам писца Льва Поскочина». В случаях же когда не представлялось возможным подтвердить письменными материалами права на обладание собственностью, указывалось, что землевладение осуществляется «по благословению отца своего», «исстари без крепостей» или «по старожильству без крепостей».

Интересна скупая информация, которая порой проскальзывает в документе и приоткрывает некие обстоятельства тогдашней жизни, позволяющие ярче представить судьбы людей: «в пожарное время сгорели», «от прихода воинских людей», «после смерти отца его», «пришел в малых летах», «пашни не пашет за малыми летами», «жил в холопстве у конного казака...», «из холопства освобожден», «вышел из калмыков и крестился в православную веру» и пр.

Важный источник, появившийся для упорядочивания и увеличения налогообложения местного населения, Дозорная книга Тарского уезда 1701 г. позволяет составить представление о социально-экономическом развитии, государственной политике в налоговой сфере, этносоциальном и демографическом составе населения региона. Дозорная книга содержит важный историко-географический материал: свидетельства о населенных пунктах, довольно точное описание мест их расположения, при этом включает огромное количество давно исчезнувших из употребления топонимов — названий мелких речек, озер, оврагов, урочищ, а значит, данные источника могут быть картографированы. Таким образом, рассмотренный исторический документ раскрывает разнообразные стороны жизни рубежа XVII–XVIII вв. на территории Тарского уезда Тобольской губернии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

РГАДА. Ф. 210. Оп. 2. Д. 55; Оп. 6. Д. 176; Ф. 214. Оп. 1. Д. 1182.

Литература

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 5. 1676–1700. СПб.: Тип. II-го Отд-ния Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1842. 566 с.

Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах, хранящихся в 1-ом Отделении Московского архива Министерства Юстиции, с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях. М.: Тип. С. Селивановского, 1853. 512 с.

Веселовский С.Б. Сошное письмо. Исследование по истории кадастра и посешного обложения Московского государства: В 2 т. М., 1916. Т. 2. 726 с.

Вилков О.Н. Тобольские дозорные, переписные и окладные книги XVII в. // *Археография и источниковедение Сибири*. Новосибирск: Наука, 1975. Вып. 1. С. 4–13.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: АКТ, 2004. Т. 1. 1184 с.

Лаппо-Данилевский А.С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1890. 560 с.

Литвак Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации. М.: Наука, 1979. 294 с.

Меерзон А.Ц. Писцовые и переписные книги XV–XVII вв. М.: МГИАИ, 1956. 33 с.

Оглоблин Н.Н. Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768): В 3 т. М., 1895. Т. 1. 429 с.

Шунков В.И. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII веков. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. 228 с.

**Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского*
berezh@bk.ru

***Сибирская государственная автомобильно-дорожная академия*
natalya-kabakova@rambler.ru

****Омский филиал ИАЭТ СО РАН*
tomil65@rambler.ru

Subject to examination being the dozor book of 1701 from the Tara uyezd, with the aim of its reliability, representation and information value. The book serves a valuable source on the history, economy, certain cultural aspects, settlements, socionormative phenomena, anthroponymy and ethnic history of the Turkic and Slavic population from the Middle Ishim basin.

Dozor books, Tara, service class, peasants, Tartars.

ПЕРВИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПРИПОЛЯРНОЙ ПЕРЕПИСИ КАК ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ КОРЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА РОССИИ

О.П. Коломиец

Рассматриваются материалы Приполярной переписи населения 1926–1927 гг., хранящиеся в Национальном архиве Республики Саха (Якутия). В представленных документах содержатся сведения о хозяйстве и культуре чукчей и эвенов (ламатов) Колымского округа ЯАССР. Материалы поселенных бланков и дополнительные заметки, составленные регистраторами, существенно расширяют круг источников и знания об условиях жизни, верованиях, обрядах, традициях, системе природопользования коренного населения Северо-Востока России в 20–30-х гг. XX в.

Традиционный быт и хозяйство, чукчи, эвены (ламаты), Первая Приполярная перепись, этнографический источник.

Историки и этнографы, исследующие традиционную культуру и быт коренных народов, довольно часто используют для реконструкций данные всероссийских и всесоюзных переписей населения [Крупник, 1989; Афанасьева, 1999; Волжанина, 2010]. Наше внимание привлекли материалы Приполярной переписи населения 1926–1927 гг., которые находятся в Национальном архиве Республики Саха. Мы рассмотрим два вида источников: поселенные бланки восточно-тундровых чукчей и ламатов и дополнения к поселенным бланкам переписи. Имеющиеся данные ценны тем, что могут быть привлечены для сравнения с немногочисленными этнографическими материалами, дающими представление о культуре чукчей и эвенов в первой половине XX в.

Материалы переписи объединили данные о географии расселения, демографии, языковой принадлежности, хозяйственном укладе всех основных групп коренных народностей Севера. Собранные материалы стали источником и научным фундаментом для характеристики численности, популяционной структуры, этнических контактов, социально-экономического положения северных народов, планирования экономических, медицинских и культурно-просветительных мероприятий в Заполярье и Приполярье. Данные переписи послужили также основой для последующего национального районирования и установления границ будущих национальных (автономных) округов [Терлецкий, 1932, с. 3; Этническое развитие..., 1987, с. 63; Зибарев, 1968, с. 117–118; Гурвич, 1985, с. 144–145; Гарусов, 1981, с. 52; Исупов, 2009, с. 604].

Некоторые исследователи — современники проведения Приполярной переписи подходили критически к ее результатам и информативным возможностям. Так, А.И. Калтан, сотрудник управления погранохраны Дальневосточного края, командированный в 1930 г. для «обследования Чукотки для нужд и охраны границ», в «Отчете по обследованию Чукотского полуострова» привел статистические данные Приполярной переписи 1926–1927 гг. по составу всех групп населения Чукотки и морскому зверобойному промыслу и внес значительные коррективы и дополнения в материалы переписи, так как информация о расположении и названиях рек, их притоков, населенных пунктов, расстояниях между ними, количестве оседлого и кочующего населения оказалась неточной [Калтан, 2008, с. 284, 292, 295, 325, 340–341].

Авторы «Итогов переписи северных окраин Дальне-Восточного края», оценивая собранные сведения, обозначили проблемы, с которыми столкнулись регистраторы, — слишком большой объем поселенных бланков и излишне широкий круг вопросов (разделов). «Такой необъятный объем поселенного бланка привел к тому, что по большинству населенных пунктов никаких вообще описаний составлено не было. В худшем случае мы имели, как в Чукотском районе по участку регистратора Королева, ящик бланков, в которых была заполнена только лицевая страница и ничего больше. По некоторым участкам имеется ряд поселенных описаний, но ответы на многочисленные вопросы бланка в значительной части их настолько формальны и бессодержательны, что не могут дать ничего существенного к познанию населения севера и его хозяйст-

ва». [Итоги..., 1929, с. XXX]. Полноценных содержательных описаний было составлено в количественном отношении немного, но именно они всесторонне характеризуют различные области жизнедеятельности коренного населения начала XX в.

Характеристика первичных материалов (поселенных бланков) переписи

В фонде Статистического управления Якутской АССР Национального архива Республики Саха (НА РС (Я)) хранятся поселенные бланки переписи населения в районах Приполярного Севера ЯАССР за 1926–1927 гг. [НА РС (Я), ф. 70, д. 781, 788], в которых содержатся интересные сведения о чукчах и эвенгах (ламутах) Колымского округа ЯАССР¹. Кроме основных бланков Приполярной переписи, в фондах НА РС (Я) имеются записи регистраторов в виде этнографических описаний быта и нравов ламутов² и чукчей Восточной тундры [Там же, д. 781, л. 60–63 об., 201–202 об.]. Мы рассмотрим два вида источников: поселенные бланки восточно-тундровых чукчей и ламутов и дополнения к поселенным бланкам переписи населения Колымского округа за 1926–1927 гг.: «Быт и нравы ламутов», «Ламутский костюм», «Быт и нравы чукоч Восточной тундры» [Там же, л. 60–63 об., 201–202]. Автор заметок точно не известен. Главный архивист НА РС (Я) П.И. Корякин предполагает, что это регистратор В.И. Березкин, составивший аналогичные заметки о якутах Колымского округа в мае 1927 г. [Там же, л. 84–85 об.].

Благодаря подробным записям регистраторов в поселенных бланках, мы видим довольно подробную картину жизни чукчей и эвенов Восточной тундры в первой трети XX в. Границы расселения этих групп: чукчи — с запада р. Колыма, с севера Ледовитый океан, с востока р. Чаун, с юга р. Анюй; эвены — р. Малый Анюй. Главный критерий выбора путей кочевки — кормовая база оленей, удобные места для отела и зимовок. Места относительной оседлости населения³ — зимние стойбища. Основа жизнеобеспечения — кочевое оленеводство, охота на пушного зверя.

В разделе «Продажа и обмен» содержатся сведения об основных формах товарообмена и особенностях торговых отношений среди коренных жителей. Выпоротки, камусы, жилы, ровдуги частью продавались местным населением, частью использовались для себя. Продажа и обмен товаров и сырья происходили на Пантелеевской ярмарке (проводилась каждый март), также периодически в стойбища приезжали с торговыми целями снабженцы и торговые агенты. Пушнину обменивали на продовольствие, чай, табак, пули, сахар, чайники, котлы, топоры, чашки. Каждый род обменивал пушнину по своему усмотрению. «Расценка учету не поддается», — писал регистратор [Там же, д. 788, л. 26 об.]. меховые шкурки продавались целыми и невыделанными.

Коренное население продавало оленей, но весьма неохотно, основными покупателями были русские. Цены за тушу доходили до 38 руб. Регистратор отметил, что «русское население во время голодовок посещает чукоч, и тогда самое выгодное время требовать с русского чукче изрядной платы за одного оленя в марте, апреле» [Там же, д. 781, л. 6]; «из русского населения некоторые лица остаются должны за купленных оленей» [Там же, д. 788, л. 29 об.]. В разделе «Падеж оленей и взаимопомощь» отмечено, что при сильном падеже оленей от копытной болезни иногда происходили кризисы в жизнеобеспечении населения: «но тогда разорившийся чукча пропитается у другого богатого чукчи, помогая ему в уходе за оленями» [Там же, л. 30 об.].

В разделе «Обычаи и верования» регистратором довольно точно обозначена проблема сбора информации, касающейся традиционной культуры коренных жителей: «Чтобы точно знать все то, что здесь (в поселенном бланке) спрашивается, необходимо прожить с кочевым бродячим населением не менее одного года. При опросе населения об обычаях и их религии отвечают отрицательно, нет обрядов и нет религии. Необходимо сказать правду, что население вообще скептически, недоверчиво и враждебно относится к любознательности каждого регистратора» [Там же, д. 781, л. 16].

Несмотря на серьезные трудности при сборе информации в переписи, специалистам удалось описать некоторые семейные и промысловые обряды чукчей. Например, обряд посыпания

¹ В настоящее время описываемые в статье группы эвенов и чукчей проживают преимущественно в Нижнеколымском районе Республики Саха (Якутия)

² Ламуты — термин, принятый в этнографической литературе до установления официального единого названия «эвен». В XIX — начале XX в. этноним «ламуты» употребляли как полуофициальное обозначение большинства восточных групп эвенов [Алексеева, 2008, с. 11].

³ Место относительной оседлости — более или менее постоянное поселение-стоянка.

лба новорожденного пеплом. К сожалению, регистратор не зафиксировал подробностей этого ритуала. Следует отметить, что ни в этнографической литературе, ни в полевых материалах нами не найдено аналогичных описаний. Описаны фрагмент похоронного обряда, касающийся ритуального убийства любимых оленей умершего; обряды, сопровождающие охоту на медведя, хотя у тундровых групп чукчей промысловая охота на крупных диких зверей не имела широкого распространения. Скорее всего, информант рассказал об охоте на медведя из-за того, что регистратор задал соответствующий наводящий вопрос⁴. «Прежде чем охотиться на медведя, бросают в огонь кусок жиру и мяса... делают движения и какие-то молитвы» [Там же, л. 16]. Жертвоприношения огню («кормление огня») были широко распространены среди коренного населения Северо-Востока Азии (в том числе у оленных и береговых групп чукчей). У чукчей не зафиксировано общепринятых, определенных по форме и содержанию ритуальных формул. Как правило, обращения к высшим силам, духам-охранителям выражали конкретную просьбу, были лаконичны [Батьянова и др., 2010, с. 556]. «Когда убьют медведя, то особых обрядов не выполняют, а шивают у шкуры глазные отверстия и обрезают уши, вместо которых пришивают кусочки ровдуги» [НА РС (Я), ф. 70, д. 788, л. 16]. Основной символический смысл этих ритуальных действий — оградить себя от мести убитого зверя. Так, у тайгоносских коряков зафиксирован аналогичный по смыслу ритуал: в юрте ставили череп убитого медведя, воткнув кедровые ветки в глаза, нос, рот, уши. [Беретти, 1929, с. 41]. Интересны наблюдения М.И. Бруснева об отношении якутов и эвенков к медведям: «Они снимали с убитого животного шкуру, разрезали тушу на части, зарывали их в землю. Все это они делают для того, чтобы медведь не мог впоследствии как-нибудь встать и повредить им за причиненную обиду» [Ширина, 2001, с. 136]. В с. Нунлигран Провиденского района Чукотского автономного округа у двух информантов исследователями были собраны материалы о том, что «в старину до начала разделки добытого белого медведя накрывали материей или шкурами... Добытому медведю закрывают голову и в настоящее время, причем также поступают и с другими животными — песцами, лисами, лахтакими и даже утками. Объяснений этому действию не дал ни тот, ни другой респондент» [Кочнев и др., 2008, с. 16].

В графе «Дополнительные замечания» указано, что следует написать обо всем не предусмотренном предыдущими вопросами, что представляет интерес для характеристики населения с экономической или бытовой стороны. Регистратор характеризует суровые условия жизни описываемого им кочевого чукотского населения: «В жизни бедного промышленника-кочевника везде и всюду видна грустная картина. Систематическое недоедание, иной раз чрезвычайные голодовки сделали население грубыми, необщительными, а хуже всего двуличными. Ввиду своей бедности они стали статичны к жизни, ленивы и недоверчивы. О лучшей жизни население и слушать не желает» [НА РС (Я), ф. 70, д. 788, л. 16]. Следует отметить, что статистические данные, собранные в ходе Приполярной переписи, показывают относительное благополучие оленеводческих народов по сравнению с большинством групп оседлого населения Севера. В 1924–1926 гг. не наблюдалось массовых эпидемий. Уровень жизни каждой конкретной семьи напрямую зависел от размера оленьего стада, количества трудоспособных членов, их навыков (например, занятия охотой, рыболовством, собирательством) и т.п. Исследователи подчеркивают, что в первой четверти XX в. усилилось имущественное неравенство и неравномерность потребления в кочевых сообществах Северной Евразии. Так, И.И. Крупник приводит данные о питании оленных чукчей в 20–30-х гг. XX в.: «...продукция оленеводства удовлетворяла лишь 40–70 % ежегодной нормы пищевых потребностей тундровых кочевников... Положительный или хотя бы нейтральный баланс жизнеобеспечения был возможен только за счет интенсивного морского промысла или обмена продуктами с береговым населением» [1989, с. 85–113].

Дополнительные записи регистратора: «Быт и нравы ламутов»

В документе «Быт и нравы ламутов» кратко охарактеризованы религиозные взгляды, элементы повседневного быта, традиционной охоты и нравственных качеств эвенков. В XIX в. этнографы наблюдали у эвенков соединение христианства, шаманства и дошаманских представлений [Народы Сибири..., 1956, с. 769]. В первой четверти XX в. регистратор так описывает их веру: «Религию исповедуют христианскую, православной церкви. При рождении, крещении и

⁴ В поселенном бланке в разделе XXII в вопросе «Какие заклинания и др. обряды существуют у охотников?» в качестве примера добываемых зверей указаны медведи и лисицы.

смерти совершают обряды православной церкви, если есть налицо священник, если нет, то обряд крещения и бракосочетания до прибытия священника. Трупы же покойников омывают водой, одевают в новую одежду, или если нет таковой, обертывают в шкуры, погребают в могиле. После священник, если его не было в момент погребения, заочно отпевает. Молятся иконам ежедневно по утрам, вечерам и после пищи. Приходя в другую урасу⁵ или в другое жилище, прежде всего осеняет себя крестным знаменем, а потом уже приветствуется обычно тоекратным целованием. На груди носят постоянно или образок или крест» [НА РС (Я), ф. 70, д. 781, л. 201]. Исследователи и путешественники, изучавшие религиозные представления народов Северо-Востока России в конце XIX — начале XX в., отмечали, что православная вера глубоко вошла в сознание и обрядовую культуру эвенов [Ширина, 2001, с. 134]. А.В. Олсуфьев писал, что «все они крещены и отличаются большой ревностью в исполнении обрядов православия» [1896, с. 134]. При этом христианство приняло своеобразные формы, которые выразились в соединении церковных канонов и традиционных верований.

Весьма интересны наблюдения за повседневной жизнью в эвенской семье: «Вставши утром, все умываются. Хозяйка предварительно разводит костер и кипятит чай, и всем членам семьи, усевшимся у костра, и разливает чай. При чаепитии соблюдают большую субординацию, пока глава семьи не кончит свою чашку, никому другому до этого момента не наливает хозяйка чаю, а всегда это начинает с главы семейства. Обычно пьют чай без всякой прикуски (любят байховый). Конечно, любят пить с сахаром, но это редко бывает. Пьют, пока не кончится весь чайник. Очень любят пить чай с сухарями, но этим тоже очень редко балуются. После чая едят вареное мясо оленя, сохатого, белки, медведя. Зайца или птицу едят мало» [НА РС (Я), ф. 70, д. 781, л. 201–201 об.]. Любовь к чаю — одна из самых распространенных слабостей народов Севера. Кирпичный или байховый чай был большой редкостью. Часто вместо чая заваривали высушенные плоды и листья шиповника, иван-чая, плоды и листья брусники. «Закончив трапезу, принимаются за свои дела: женщины выделывают шкуры, поддерживают костры, водятся с детьми, собирают мужчин на промысел, таскают дрова, убирают урасу, перетряхивают постельные мешки из мохнатого пыжика, вялят и дымят мясо, языки, которыми снабжают идущих на промысел. Закончив свои дневные заботы, вечером хозяйка варит чай, перед которым подается вареное мясо» [Там же, л. 201–201 об.].

Для эвенов, чукчей и других коренных народов Севера было характерно четкое половозрастное разделение труда в семье. Мужчины занимались выпасом оленей, охотой, изготовлением промысловых орудий, упряжи и т.п. В исследуемом документе регистратор кратко описал повседневный женский труд. К женской работе относились, кроме приготовления пищи и забот о воспитании детей, разнообразная обработка всевозможных шкур, выделка ровдуги, изготовление покрышек на сезонное жилище, установка и устройство их на каждом новом месте, раскрой и шитье всевозможного сезонного производственного и домашнего одеяния, спальных принадлежностей, вьючных сумок, чехлов и т.д. Даже разделка туш оленей, зарезанных на мясо, тоже была женской обязанностью [Попова, 1981, с. 116–117]. «Закончив с ужином, ложатся спать в мешки из мохнатого пыжика, раздеваются донага и закутываются в мешки с головой, женщины оставляют на себе только короткие штаны» [НА РС (Я), ф. 70, д. 781, л. 201–201 об.]. Скорее всего, пыжиковые мешки — это подобие меховых пологов, которые были заимствованы эвенками у чукчей. В отличие от чукотских, размеры эвенских спальных мест значительно меньше, и чаще всего их складывали и убрали на день, разворачивая перед сном.

Регистратор уделил внимание гигиене младенцев и уровню медицинской помощи: «Грудных детей, сделав подкладку под зад из сухого оленьего мха и какой-то нежной травы, смешанной с оленьей шерстью, укутывают выворотком пыжиком и кладут в кибиткообразную зыбку, закрыв сверху платком. В таком виде они спят ночь, приспособившись к тяжелому положению» [Там же, л. 201–201 об.]. Женщины также собирали остатки трухлявых деревьев, высушивали их и использовали на подстилки для грудных детей. «Медицинской помощи никакой не знают, и заболевший предоставляет самому себе, имея очень слабый уход в форме подачи воды и помощи в момент испражнения. Постоянная борьба с холодом, нерегулярная пища, отсутствие возможности медицинской помощи ведет ламутов к вымиранию» [Там же]. Повседневная жизнь эвенов была приспособлена к суровым условиям кочевой жизни, но периодические вирусные

⁵ Ураса — тип конического жилища якутов. Регистратор, по всей видимости, не знал названия чукотского типа жилища «яранга».

эпидемии, глазные, кожные, ревматические заболевания нередко приводили к смертельным случаям. Регулярное медицинское обслуживание коренного населения на Северо-Востоке страны стало осуществляться лишь в конце 20-х гг. XX в.

Важнейшей отраслью традиционного хозяйства эвенов была охота. Во время зимних кочевок охотились на белку, северного оленя, лося, горного барана, реже на медведя. Преобладали индивидуальные способы охоты [Попова, 1981 с. 70–71]. «Забрав нужное оружие и немного продуктов, обязательно берет с собой чай, чайник или котелок, спички, лыжи, и все это берет сообразно с ходом охоты, но обычно подготавливается ко всему: и на белку, и на птицу, и на зверя. При удачной охоте возвращается скоро, но иногда уходит на целую неделю, и если там убивает крупного зверя, как, например, сохатого, распотрошив его, спешит домой. И оттуда обычно кочует к сохатому, если малотабунный, или вывозит мясо к себе в стойбище. Прежде выходы на охоту молится Богу, осеняя себя крестным знаменем, прося удачи. После добычи молитвенно благодарит Бога, других обычаев нет» [НА РС (Я), ф. 70, д. 781, л. 201 об.].

Регистратор, кратко характеризуя охоту эвенов на медведя, фактически фиксирует элементы общетунгусского медвежьего культа и обычая нимат⁶: «В северной тайге единственный зверь, который внушает ламуту страх,— это медведь, а потому ламут, будучи суеверным, никогда про медведя не говорит худо, особенно в лесу, а старается говорить мягко, даже в думах показывает его ласкательно, и, убивши, спешит закрыть ему глаза, чтобы он не видел, как его будет освежевать. Всякий ламут, добывший зверя, делится добычей со своими неудачными товарищами» [Там же].

В заключительной части документа автор охарактеризовал нравственные качества, присущие эвенам: «На неудачу мало ропщет, выносит тяжелое положение безропотно покорно, долго может голодать и легко переносит холода. Очень подвижный и выносливый. Отличается нравом мягким, отзывчивым и удивительной честностью. Вообще ламуты отличаются всеми положительными качествами нрава, большою чистоплотностью, очень аккуратны в костюме и не лишены изящества. Все имеют большое стремление к табаку, к спиртным напиткам, как всякий северянин, легко поддаются карточному азарту, но из границ честности не выходят» [Там же, л. 201–201 об.]. Безукоризненную честность и правдивость эвенов ранее отмечали и другие исследователи [Олсуфьев, 1896, с. 138–139; История..., 1997, с. 6].

Дополнительные записи регистратора: «Ламутский костюм»

Материал, представленный в документе «Ламутский костюм», является ценным источником для изучения традиционной мужской и женской одежды эвенов. В этнографической литературе имеются описания традиционного комплекса одежды эвенов в конце XIX — начале XX в. [Олсуфьев, 1896, с. 135–136; Историко-этнографический атлас..., 1961, с. 231, 267, 268; История..., 1997, с. 92–101].

Регистратор в документе «Ламутский костюм» составил описание зимнего и летнего комплексов повседневного и промыслового костюма эвенов в первой четверти XX в.:

«Ламутский костюм женский. Зимний: 1. Фартук — верх пыжик, а низ ровдужный, вышитый, с навешанными тонкими ремешками. 2. Санньях⁷ двойной пыжиковый, мехом внутрь. Зад подола вышит бисером. 3. Штаны пыжиковые короткие до колена. 4. Тяжи пыжиковые до пахов. 5. Обутки — торбаса до колен-кабус. Верх голенища вышитый бисером. 6. Малахай⁸ внутри из выпоротка, а верхний ровдужный. Вышит бисером головной платок. 7. Шаль. 8. Рукавицы двойные, пришитые к санньяху, меховые. 9. Пояс ровдужный с кольцами. Летний: 1. Ситцевая рубашка ниже колена нижняя. 2. Ровдужный санньях, подол вышит бисером и шелком. 3. Штаны короткие ровдужные. 4. Тяжи ровдужные выше колена. 5. Обутки длинные до пахов, голенища ровдужные, носки вышитые. 6. Пояс с кольцами для подтяжки штанов и обуток. Ламутский костюм мужской. Зимний: 1. Фартук — верх из пыжика, низ камусный. 2. Санньях головатый, мездра белая. 3. Штаны короткие до колена из пыжиков. 4. Тяжи — чулки до пахов пыжиковые. 5. Торбаса камусовые до колена или бухумы до пахов. 6. Санньях пыжиковый верхний. 7. Наушник, малахай, головной платок. 8. Ошейник пыжиковый, в теплое время беличий. 9. Рукави-

⁶ Нимат — общетунгусский обычай, согласно которому вся охотничья добыча равно распределялась между всеми семьями стойбища, из которого происходил охотник.

⁷ Санньях (в пер. с якут. сангыях — «мехом наружу») — меховая шуба (как мужская, так и женская).

⁸ Малахай — меховой головной убор.

цы, пришитые к внутреннему санньяху. 10. Перчатки. 11. Отдельные рукавицы, одевают весной, когда охота на белку оканчивается. 12. Пояс с кольцами ровдужный для подтягивания штанов и обуви. Летний: 1. Фартук ровдужный, низ вышитый бисером или шелком. 2. Санньях ровдужный, с вышитыми рукавами и подолом. 3. Ровдужные штаны длинные. 4. Чулки ровдужные до колен. 5. Обutki из темной ровдуги до колена с вышивкой на голяшках и головках, подошва лахтачная. 6. Когда ходят за табунами, то одевают короткие без голенищ обutki с лахтачной подошвой, подтянутые к ноге ровдужным ремнем, и одеваются длинные шкуры из камусов, плотно подтягиваются снизу к ноге, чтобы не затекла вода. 7. Во время дождя одевают кафтан с кокулем⁹ длиной до колена, шитый из голой оленьей невыделанной шкуры. Кокуль имеет затяжку, оставляя отверстие для рта, носа и глаз. 8. Пояс ровдужный с кольцами для подтяжки штанов и обуви» [НА РС (Я), ф. 70, д. 781, л. 63–63 об]. К сожалению, регистратор не зафиксировал эвенские названия элементов традиционного комплекса одежды. Но записанная автором информация значима прежде всего в контексте изучения общетунгусского костюма и для сравнительного анализа традиционной одежды локальных групп эвенов.

Дополнительные записи регистратора: «Быт и нравы чукоч Восточной тундры»

Первая часть документа «Быт и нравы чукоч Восточной тундры» посвящена характеристике религиозных верований, отношению к православию, роли шаманов в жизни коренного населения. «Из разговора с чукчами никак не пришлось выяснить, какое они имеют представление о боге. Видно, что они никогда не задумывались об этом и больше склонны искать бога в солнце. Православное миссионерство не оставило среди чукоч никакого следа. Я не встретил ни одного чукчу, который бы знал хоть что-нибудь о Христе, даже не встречал такого, который бы у себя в стойбище хоть раз перекрестился, это они делают только тогда, и то очень редко, когда входят в дом русских поселений, причем крестное знамение получается очень неправильное и иногда выполняется левой рукой, простые же картины, повешенные в углах стен, принимаются за иконы, и, как видно, это они делают из желания угодить хозяину дома, рассчитывая на хороший прием» [Там же, л. 60]. Наблюдения путешественников, миссионеров и исследователей Северо-Востока России в XIX вв. свидетельствуют, что христианизация чукчей не принесла значительных результатов [Путевые записки..., 1886, с. 26–27; Аргентов, 1879, с. 12–13; Очерк..., 1888, с. 30–31; История..., 1987, с. 142–143; Зуев, 2009, с. 380]. Часто коренное население принимало православную веру в ответ на щедрые подарки со стороны властей и миссионеров, настоящие серебряные крестики в основном использовались как украшения. Распространение православия проходило крайне медленно в силу непонимания христианских идей, так как традиционные верования полностью отвечали культуре жизнеобеспечения чукотского населения. В первой четверти XX в. в условиях новой советской действительности произошел практически полный отказ чукчей от христианства [Вдовин, 1979, с. 114].

Религиозные представления чукчей тесно связаны с промысловой деятельностью (морской зверобойный промысел, охота, оленеводство) и духами-хозяевами, ведающими этими промыслами, животными, отдельными местами. В каждой семье имелись свои семейные реликвии, которые были призваны защищать и ограждать род и хозяйство от злых духов, болезней, несчастий, содействовать материальному благополучию. В чукотской религиозной традиции существовало два основных вида культовых отправлений — жертвоприношения и кормления. Регистратор упоминает в документе ритуальные действия, связанные с кормлением духов-хозяев оленьего стада и тундры: «Вообще у чукоч обряда моления богу не существует, есть только жертвоприношение, которое практическими условиями жизни большею частью выливается в весьма дешевую форму, так, например, убив оленя, они, прежде всего, благодарят бога, но эта благодарность — жертва выражается в клочке оленьей шерсти, смоченной в крови убитого оленя и брошенной в сторону восходящего солнца. Это обычно делает женщина-чукочка, как во всех народах, главная носительница веры. Ложась спать и вставая, чукчи никаких религиозных обрядов не совершают, а также до и после трапезы. Но если чукчи находятся в дороге и дальностью расстояния пути и состоянием погоды вынужден где-либо развести огонь и попить чай и закусить, то по окончанию трапезы он бросает в огонь щепотку пищи или табаку, выражая свою благодарность жертвой богу [НА РС (Я), ф. 70, д. 781, л. 60 об.]. Отметим, что обычаи кормления духов-хозяев тундры, реки, моря бытуют среди коренного населения до настоя-

⁹ Кокуль — в данном случае употребляется в значении «капюшон».

щего времени. Отдых на природе, охота, рыбалка, сбор ягод всегда сопровождается угощением этих невидимых существ.

Весьма интересным нам представляется факт упоминания регистратором чукотских шаманов. «Среди чукоч есть люди, именуемые шаманами, которые по положению их являются защитниками от злого духа, т.е. спасают от разных болезней, от падежей оленей и других несчастий, а также непременно участвуют в обрядах наименования новорожденного, при погребениях и при разных празднествах, разумеется, играя главную роль. Это своего рода чукотские жрецы, которые являются главными советниками и руководителями в их жизни» [Там же]. С середины 30-х гг. XX в. начался период активной борьбы с «религиозными пережитками», который привел к подрыву и фактическому уничтожению института шаманства у чукчей.

Далее регистратор описал обрядовые действия, связанные с наречением младенца: «С дачей имени новорожденному чукчи обыкновенно не торопятся, иногда проходит 5–6 месяцев, прежде чем его нарекут. Делается это очень просто: обычно в семейном кругу, без специального сборища гостей, оставляя новорожденного на своем месте, шаман вооружается не большой, в аршин длины палочкою, подвешивает к ней на жильной нитке и держит его на угле в висячем положении, ожидая момента, в какую сторону качнется камень, то в этом направлении первый появившийся из живых существ служит предметом наименования. Иногда наименованием служит какое-либо событие дня или какое-либо явление со стороны новорожденного, или по желанию родителей дают им, но только тогда, если это будет подтверждено движением камня. Если же камень провисел спокойно предлагаемое время, то оно считается не принятым. Движение камня, конечно, является результатом усталости руки шамана, держащего палочку с подвешенным камнем или его прямое желание, но он объясняет это явление как выражение воли боже-ства. В скучной однообразной жизни чукоч этот обряд является событием, как и все обряды, влекущие за собой угощение, которое отличается несколько большим потреблением пищи» [Там же, л. 60 об.–61]. Чукчи верили, что новорожденный — это вернувшийся в мир живых умерший сородич. Чтобы младенец не болел, важно было определить, кто из умерших людей в нем возродился, и дать ему соответствующее имя. Именно для того, чтобы не ошибиться с выбором, и приглашали шамана или знающих стариков [Вдовин, Батьянова, 2010, с. 551].

В третьей части заметок повествуется о весьма распространенном в прошлом обычае добровольной смерти и о некоторых элементах погребального обряда. «Умирают чукчи спокойно и на смерть смотрят как на переход в новую форму жизни, более заманчивую, не сопряженную с земными страданиями, но носящую аналогичный характер с земной жизнью, т.е. там, в загробной жизни они будут иметь ту же тундру, тех же оленей, катаясь на оленях в кругу своих умерших предков, родных и знакомых, а езда на оленях по тундре для чукчи является высшим удовольствием. Такое представление о будущей жизни отчасти положило основание к добровольной смерти. Пожил чукча, состарился, или прихворнул затяжной болезнью, которая приковывает его к постели, он, не долго думая, решается уйти в иной мир, для чего призывает к себе ближайших родных, и из среды их, обычно сыновей, не менее двух просит его удавить или заколоть пикой, избранные должны исполнить волю умирающего. Делается это так: чукча лежит на спине в пологу один, прижимает чауты¹⁰ и обе петли одевает себе на шею, концы же передает избранным лицам, стоящим по правой и левой его сторонам и которые по его знаку дружно натягивают чауты и удушают, после чего тело покойного одевают в новую одежду, окутывают ровдугой, сверху обертывают ремнем оставляя свободной только голову» [НА РС (Я), ф. 70, д. 781, л. 61].

У чукчей бытовало два вида похоронного обряда: с оставлением трупа в тундре и сжигания трупа. Регистратор кратко записал обряд погребения с оставлением тела на земле, данный обряд был более распространенным среди чукчей, чем трупосожжение. «Покойного долго не держат и в тот же день приступают к похоронам. Пока труп лежит, на его теле едят и пьют чай, дают и покойному немного пищи. Слез почти не бывает. Затем приступают к обряду погребения. Вокруг трупа находятся родственники и знакомые. Шаман становится в головах покойника и спрашивает, где он желает лечь, т.е. где похоронить, при этом если же указывает поочередно на места, чукча покойник кивнет головой, что, наверное, проделывается незаметно самим шаманом, то это обозначает его согласие, и тогда труп кладут на санки и увозят к указанному месту, где убивают приведшие труп оленей, шкуры и головы от них вместе с упряжкой оставляют

¹⁰ Чаут — кожаный аркан.

вместе с санками, на которых лежит покойник, обращенный головой на восток и лицом вниз. Бедные оставляют труп иногда прямо на земле, сделав небольшое возвышение из камней, или прямо на снегу» [Там же, л. 61–61 об.].

Автор дал краткое описание традиционных праздников, характерных для оленеводческой культуры. «Праздники у чукоч почти все связаны с оленеводством. Есть праздник рогов, в апреле месяце, т.е. когда олень сбросит рога, есть праздник тележей в апреле месяце, когда отелятся важенки, есть праздник "Пыжика" в сентябре и октябре месяце, т.е. тогда, когда телята достигают 5–6-месячного возраста и убиваются на пыжик для одежды. Все праздники носят один характер, где главным образом празднество сводится к обильной пище» [Там же].

Регистратор также описал некоторые фрагменты брачных обычаев, элементы родильного обряда, нормы гостеприимства чукчей Колымы. «Брак у чукоч совершается или по воле родителей, или по воле других старших родственников. Сами брачующиеся на это имеют очень мало воли. В большинстве случаев брак связывается с выгодностью сторон, положения. Когда в семье требуется работница, то родители, если они имеют детей только малого возраста, берут замуж взрослую девицу за малолетнего ребенка, сына, который является супругом и фактически становится таковым только по достижении половой зрелости. Или бывает, чукча уже, будучи немолодым и имеющим у себя жену, которая тяжело справляется с хозяйством, воспитывает и берет себе в жены иногда очень молодую девушку, которая главным образом служит как рабочая сила. Если жених взрослый молодой, сватает себе невесту, то родители, несмотря на желание невесты, не дают ее сразу, а жених должен ее отработать, для чего он поступает в их семью и работает у них года два и если окажется плохим работником, то получает отказ и идет к другому отрабатывать себе невесту. Самого обряда бракосочетания у чукоч нет. Отработав себе невесту, чукча везет ее в свою семью, причем приданого за невестой не бывает» [Там же, л. 62–62 об.]. Из упомянутых регистратором видов брака наиболее распространенными в оленеводческой среде были браки путем отработки за невесту (букв. «пастушество за жену») [Семейная обрядность..., 1980, с. 82]. Автор отметил, что у чукчей нет свадебного обряда. Но существовали обязательные к исполнению ритуалы помазания жениха и невесты кровью жертвенного оленя, нанесение на лица жениха и невесты охранительных знаков, жертвоприношения очагу, кормление семейных духов-охранителей.

В конце XIX — начале XX в. для беременных женщин существовала система обязательных обрядов и ритуалов. К сожалению, регистратор не зафиксировал данные обычаи, ограничившись лишь описанием родов: «Роды у чукоч в большинстве случаев проходят без посторонней помощи. Чукчанка, чувствуя приближение родов, запасается более мягким сеном, устраивается одна в пологу на оленьих шкурах, застланных сеном, и акт родов совершает на коленях, опираясь руками о землю. Сама принимает ребенка, завязывает ему пупок оленьей жилой и обрезает ножом, после чего хорошо помятым сеном обтирает ребенка и кладет его в заранее приготовленный выпороток, и тепло укутав, кладет на шкуры. Затем подбирает в пологе, сама же выносит отбросы во двор и закапывает их в снегу или земле. Роженица в постели почти не лежит и назавтра обычным порядком ведет свои работы. Таким порядком роды производят не все. Некоторые пользуются услугами опытной женщины» [НА РС (Я), ф. 70, д. 781, л. 62–62 об.]. Повитухи оказывали помощь только при тяжелых родах, они не должны были быть близкими родственницами роженицы. Рождение ребенка также сопровождалось различными церемониями — закалыванием молодого оленя в честь новорожденного, помазанием младенца кровью жертвенного оленя, надеванием на ребенка семейных амулетов — охранителей.

В завершение заметок регистратор описывает обычай гостеприимства или «дружбы», распространенный среди коренного населения Севера. «Гостеприимство среди чукоч очень развито, и гостить они очень любят. Приезжая, гость сразу в урасу не входит, а, отпустивши оленей, остается на дворе, где его приветствует хозяин фразой «Ты приехал (Туриотти)», без всяких рукопожатий и целований. Обменявшись первыми впечатлениями и новостями и непременно покуриив трубку табаку, если таковой имеется, гость входит в урасу, где угощают чаем и вареным мясом. Время проводят больше в разговорах. Отправляясь домой, гость просто говорит, что он уезжает» [Там же, л. 62–62 об.]. Исследователи отмечали весьма широкую распространенность этого обычая как внутри оленных групп чукчей, так и между оленными и береговыми чукчами [Олсуфьев, 1896, с. 141–143; Богораз, 2010, с. 160–161; Беретти, 1929, с. 16–18]. Особую актуальность этот обычай приобретал в тяжелые голодные годы, когда кочующие оленеводы оказывали помощь бедствующим соседям.

Заключение

Материалы Первой Приполярной переписи содержат уникальную информацию о коренном населении Российского Севера и его традиционном укладе в первые годы советской власти, когда культура и хозяйство сохраняли еще в своей основе самобытный характер. Благодаря охарактеризованным архивным источникам мы получаем возможность изучить процессы расселения локальных групп эвенов и чукчей в первой четверти XX в., их повседневный быт, взаимоотношения коренного и пришлого населения, сферы взаимодействия этнических групп (торговые связи и товарообмен), особенности традиционного костюма (повседневная и промысловая одежда эвенов), развитие обрядового комплекса (охотничьи культы, приметы, обряды семейного цикла и др.). Материалы поселенных бланков, дополнительные заметки регистраторов значительно расширяют круг источников и знания об условиях жизни, верованиях, обрядах, традициях, системе природопользования коренного населения Северо-Востока России в 20–30-х гг. XX в. Сведения, имеющиеся в данных архивных материалах, весьма значимы в контексте дальнейшего изучения этнической истории народов Сибири.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

НА РС (Я). Ф. 70. Оп. 1. Д. 781. Л. 1–10, 60–63 об., 199–211 об.; Д. 788. Л. 1–30.

Литература

- Алексеева С.А. Традиционная семья у эвенов Якутии (конец XIX — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 2008. 110 с.
- Аргентов А.И. Нижнеколымский край // Изв. ИРГО. СПб., 1879. Т. XV, вып. 6. 19 с. Отдельный оттиск.
- Афанасьева Г.М. Чукчи. Популяционно-демографический статус (вторая половина XIX — первая половина XX вв.). М., 1999. 270 с.
- Батьянова Е.П., Вдовин И.С., Карабанова С.Ф. и др. Духовная культура // Народы Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 2010. С. 553–570.
- Беретти Н.Н. На Крайнем Северо-Востоке. Изд. Владивостокского отдела государственного Рус. геогр. о-ва. Владивосток: Кн. дело, 1929. 92 с.
- Богораз В.Г. Чукчи: Социальная организация. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2010. 216 с.
- Вдовин И.С. Влияние христианства на религиозные верования чукчей и коряков // Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири. Л.: Наука, 1979. С. 86–114.
- Вдовин И.С., Батьянова Е.П. Социальная организация и семейно-брачные отношения // Народы Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 2010. С. 544–552.
- Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.
- Гарусов И.С. Социалистическое переустройство сельского и промыслового хозяйства Чукотки (1917–1952 гг.). Магадан: Магадан. кн. изд-во, 1981. 190 с.
- Гурвич И.С. Некоторые черты современного этнического развития чукчей и коряков: (Изменения в этнической и социально-профессиональной структуре) // Этнокультурные процессы у народов Сибири и Севера. М.: Наука, 1985. С. 144–158.
- Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917–1932 гг.). Томск: Изд-во ТГУ, 1968. 334 с.
- Зуев А.С. Присоединение Чукотки к России (вторая половина XVII — XVIII век). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2009. 444 с.
- Историко-этнографический атлас Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 498 с.
- История и культура чукчей: Историко-этнографические очерки. Л.: Наука, 1987. 286 с.
- История и культура эвенов: Историко-этнографические очерки. СПб.: Наука, 1997. 185 с.
- Исупов В.А. Перепись 1926 (всесоюзная) // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. Т. 2. С. 604.
- Итоги переписи северных окраин Дальне-Восточного края (1926–1927 г.) с приложением карты северных окраин ДВК / РСФСР, ЦСУ, Дальневосточное краевое стат. отд-ние. Благовещенск: Кн. дело, 1929. LXVIII, 296. 54 с.
- Калтан А.И. Отчет по обследованию Чукотского полуострова // Тропюю Богораз: Научные и литературные материалы. М.: Ин-т Наследия — ГЕОС, 2008. С. 284–342.
- Кочнев А.А., Здор Э.В., Кавры В.И. и др. Отчет по проекту «Белый медведь в материальной и духовной культуре коренных народов Чукотки». Анадырь: НП ЧАЗТО, 2008. 55 с.
- Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Народы Сибири: Этнографические очерки. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. 1083 с.

О.П. Коломиец

Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб.: Тип. Императорской АН, 1896. 245 с.

Очерк инородцев русского побережья Тихого океана / [Соч.] А.А. Ресина. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1888. 78 с.

Попова У.Г. Эвены Магаданской области: Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. М.: Наука, 1981. 304 с.

Путевые записки священника Андрея Аргентова. Восточная Сибирь. Ниж. Новгород: Тип. Ройского и Душина, 1886. 48 с.

Семейная обрядность народов Сибири: (Опыт сравнительного изучения). М.: Наука, 1980. 240 с.

Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926/27 гг.). Тр. науч.-исслед. ассоциации Ин-та народов Севера ЦИК СССР. Л.: Тип. Коминтерн, 1932. Т. 1, вып. 1–2. 64 с.

Ширина Д.А. Россия: Научное исследование Арктики: XVIII в. — 1917 г. Новосибирск: Наука, 2001. 191 с.

Этническое развитие народностей Севера в советский период / Под ред. И.С. Гурвича. М.: Наука, 1987. 224 с.

*Анадырь, Северо-Восточный комплексный
научно-исследовательский институт ДВО РАН
okkolo@mail.ru*

The article considers data obtained from the Circumpolar census of the population in 1926–1927, kept in the National archive of the Sakha Republic (Yakutia). The presented documents contain data on the economy and culture of the Chukchi and Evens (Lamuts) from the Kolyma National Region of the Yakut Autonomous Soviet Social Republic. The materials contained in the census settlement forms, together with additional comments made by registrars, considerably extend the scope of sources and knowledge on the life conditions, beliefs, rites, traditions, a system of nature management with the native population of the Russian North-East in the 20s–30s of the XX c.

Traditional housekeeping and economy, the Chukchi, Evens (Lamuts), First Circumpolar census, ethnographical source.

ЧЕМ ПАХНУТ «ЧУЖИЕ»: САНИТАРНО-ГИГИЕНИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА АБОРИГЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. (по материалам сибирской прессы)

А.И. Татарникова

Характеризуется санитарно-гигиеническая культура коренного населения региона через восприятие ее ольфакторной составляющей представителями местной русской интеллигенции. При этом запахи, как элемент санитарно-гигиенической повседневности, выступают в качестве одного из критериев дихотомии «свой — чужой», позволяют конструировать образ «инородца», помогают осмыслению характеристик их культуры.

Тобольская губерния, аборигенное население, санитарно-гигиеническая культура, ольфакторный подход, «свой», «чужие».

В современной исторической науке преобладает тенденция, характеризующаяся ростом исследовательского интереса к «микросюжетам» прошлого, смещением акцентов с «больших» исторических нарративов на поиск новых проблемных полей, объектом изучения в которых становится «маленький» человек, его ментальность, образ жизни, повседневные заботы, поведение и т.п. Отличительной чертой многих современных исследований, посвященных различным аспектам повседневности российского общества, его отдельных слоев, индивидов, является поли- и междисциплинарный характер, открывающий широкие возможности для определения актуальных научных проблем в изучении прошлого, разработки нового методологического инструментария для его изучения.

Одна из новых для отечественной исторической науки — тема санитарно-гигиенической культуры. Как явление повседневности, она выражается в образе жизни, мышлении определенной социальной общности и обусловлена санитарно-гигиеническими нормами, ценностями, знаниями и средствами гигиены, правилами поведения, гигиеническими привычками и эстетическими представлениями, связанными с чистотой тела, одежды, домашнего пространства и др.

Санитарно-гигиеническая культура формировалась путем суммирования опыта многих поколений, в результате материальной и духовной деятельности всего общества и его отдельных слоев.

Рассматривая санитарно-гигиеническую культуру сквозь призму повседневности, следует иметь в виду следующее: повседневная жизнь различных общественных классов и слоев имела региональную специфику, зависела от степени удаленности от столичных и провинциальных центров страны, определялась уровнем и характером развития межкультурных контактов и коммуникаций.

Многонациональному российскому обществу был присущ полиморфизм культуры, породивший дихотомию «свой — чужой» в сознании носителей разных языковых и культурных традиций, проживающих в пределах одной страны. Русское население, как доминирующая этническая общность, воспринимало представителей иных этносов как «чужих» и одновременно не являлось «своим» для этих этносов. Устойчивые ментальные конструкты типа «свой — чужой» выступали основой общественного мнения, коллективных представлений разных групп населения друг о друге.

В настоящем исследовании ставится цель охарактеризовать санитарно-гигиеническую культуру аборигенного населения (хантов, манси, ненцев, татар) Тобольской губернии второй половины XIX в. через ее восприятие представителями местной русской интеллигенции как «чужой», «инаковой». При этом автор намеренно акцентирует внимание на изучении санитарно-гигиенической повседневности коренных жителей региона через ольфакторную составляющую.

Чем обусловлен интерес к запаху как части санитарно-гигиенической культуры и одновременно элементу ее восприятия? Запах — не просто биологическое или психологическое явление. Это феномен культурный, а значит, социально-исторический. К. Классен, Д. Хоувз,

Э. Синнотт утверждают: «Запахи наделены культурно-релевантными значениями и участвуют в общественной жизни в качестве парадигмы идентификации мира и взаимодействия с ним... Исследование истории запахов в культуре представляет собой не что иное, как проникновение в самую суть человеческой культуры». На отнесение запаха к категории «дурных» или «приятных» влияют духовная и материальная стороны культуры. С точки зрения Б.А. Каменского, оценка запаха зависит от культурной принадлежности человека, который его ощущает [2006, с. 127].

Одним из факторов, определяющих качество запаха, является привычная для человека санитарно-гигиеническая обстановка. В том случае, если эстетические представления о чистоте, опрятности представителей одного этноса не совпадают с санитарно-гигиенической повседневностью и представлениями членов иноэтнической группы, запах выступает в качестве коннотации чуждости, фиксатора состояния антинормы, ставшей полной противоположностью принятым в данной социальной общности воззрениям на правила и традиции поддержания санитарного порядка. Таким образом, запах помогает индивиду неосознанно, на интуитивном уровне, идентифицировать себя с определенной этнической общностью и одновременно противопоставить «свою» группу «чужим».

Опыт изучения ольфакторной культуры разных социальных групп российского общества в отечественной историографии незначителен. Большой потенциал в изучении обонятельного пространства людей, живущих в городской и сельской местности, принадлежащих к разным социальным слоям, переживающих многочисленные социальные катаклизмы, увидели И.В. Нарский [2000], Е. Жирицкая [2003], В.В. Лапин [2007].

Историк И.В. Нарский охарактеризовал санитарное состояние уральских городов в годы революции и Гражданской войны [2000]. Он уделил значительное внимание характеристике запахов, сопровождавших архаизацию санитарно-гигиенической культуры городского населения. Е. Жирицкая показала репрессивное воздействие запахов на «бывшую» элиту (городскую аристократию) как средства ее дискриминации после революции 1917 г. представителями «новой» элиты (выходцами из социальных «низов») [2003]. В 2007 г. была опубликована монография В.В. Лапина, в которой автор изложил трехсотлетнюю историю Санкт-Петербурга сквозь призму запахов и звуков. Исследователь проследил изменение ольфакторного окружения жителей города под влиянием эпохальных перемен в социально-политической и культурной жизни страны в 1920-е гг. [Лапин, 2007]. Среди историков-сибиреведов ольфакторный подход к изучению повседневности впервые использовала Е.И. Красильникова. Она посвятила свое исследование характеристике обонятельной среды города на примере Новониколаевска начала 1920-х гг. [2009, с. 154–168]. Работы вышеперечисленных авторов интересны поднятыми в них проблемами изучения запаха как элемента повседневной жизни различных социальных групп, его изменения под влиянием социальных катаклизмов, происходивших в отдельные периоды истории российского общества.

Источником для настоящего исследования стала газетная пресса Тобольской губернии второй половины XIX в., в частности наиболее массовые по тиражу и охватывающие широкую читательскую аудиторию «Тобольские губернские ведомости», «Сибирский листок» (Тобольск) и «Сибирская торговая газета» (Тюмень). «Тобольские губернские ведомости» — первая в Сибири ежедневная общественная официальная газета, издававшаяся с апреля 1857 по 1919 г. Состояла из двух частей: официальной и неофициальной. В официальной части публиковались постановления, приказы и распоряжения центральных и местных властей, сведения о назначениях, перемещениях, увольнениях и наградах чиновников, известия о ценах на предстоящих торгах и т.п. В неофициальной части помещались статьи по экономике, этнографии, истории края, сведения об экспедициях и т.п. Их авторами были представители местной интеллигенции, исследователи края: Н.А. Абрамов, В.И. Ильин, Е.В. Кузнецов, Ю.И. Кушелевский, Г.Н. Потанин, Д. Юрьев, И.Н. Юшков и др. [Абрамов, 1858, № 19–25; Ильин, 1861, № 15, 16; Кузнецов, 1871, № 6–9; Кушелевский, 1859, № 22; Потанин, 2004; Юрьев, 1857, № 12; Юшков, 1861, № 35–45]. Публицисты подробно описывали условия и образ жизни коренных жителей губернии, акцентировав внимание на выяснении причин бедственного положения «инородцев» и способах его улучшения.

Практически в течение 30 лет «Ведомости» были единственным периодическим изданием в губернии, поэтому их роль в качестве инструмента формирования и передачи общественного мнения местного образованного населения была достаточно велика.

Чем пахнут «чужие»: санитарно-гигиеническая культура аборигенного населения...

Частная газета «Сибирский листок», издававшаяся с 1890 г., приобрела особую популярность лишь в конце XIX — начале XX в., когда, помимо статей, посвященных вопросам экономического развития края, стала публиковать материалы разнотематической направленности. Газета выходила два раза в неделю и характеризовалась как издание либеральной ориентации. Авторы стремились раскрыть общественному мнению «язвы» современности, одной из которых, по их мнению, было неблагоприятное положение аборигенного населения края. Авторами «Сибирского листка» в разное время были Д.Н. Мамин-Сибиряк, Н.М. Ядринцев, Н.Л. Скалозубов и др.

«Сибирская торговая газета», издававшаяся тюменским журналистом А.А. Крыловым, представляла собой ежедневное общественное, литературное и коммерческое издание, печатавшееся с 1897 по 1918 г. Помимо обзоров ярмарочной торговли, в ней публиковались статьи, посвященные сельскому хозяйству, промышленности, вопросам сибирской истории, этнографии.

Анализ содержащихся в указанных газетах публикаций позволяет говорить о преобладании описаний сибирских «инородцев» как представителей «чужой», «другой» культуры, нуждающейся в изучении и описании. При этом «чужая» для русских культура аборигенного населения региона характеризовалась как «варварская», «дикая», «отсталая», «первобытная» [В. И., 1861, № 29, с. 216; Юрьев, 1857, № 12, с. 111; Ильин, 1861, № 15, с. 119]. «Примитивная» культура коренных народов Сибири противопоставлялась более «цивилизованной», высокоразвитой русской культуре. Исходя из перечисленных представлений авторы статей описывали санитарно-гигиеническую повседневность «инородческого» населения края в контексте бинаризма «свой — чужой».

Чувство культурного превосходства влияло на восприятие, оценку и описание авторами газетных статей образа жизни и традиций сибирских аборигенов. В описании быта, нравов и обычаев последних достаточно часто использовались такие оценочные термины: «нечестивый», «дикий», «наивный», «первобытный» народ. Восприятие коренных народов Сибири как представителей «чужой» культуры и противопоставление ее «своей» культуре нашло отражение в следующих словах-маркерах: «инородцы», «туземцы», «номады», «дикие обитатели Севера» и т.п.

Авторы публиковавшихся в местной прессе статей конструировали общественное мнение об «инородцах», их антропологическом облике, умственных способностях (характеризуемых зачастую как «примитивные»), условиях жизни, верованиях, нравах, обычаях. Описывая условия жизни, публицисты в первую очередь обращали внимание на скученность и антисанитарию их жилых помещений. При этом неприятный запах, царивший в жилищах «инородцев», фиксировался в памяти тех, кто описывал их быт, выступал в качестве устойчивой ассоциативной связи в представлениях о санитарно-гигиенических условиях жизни «туземцев». Антисанитарное состояние жилищ «инородцев» вызывало у представителей местной интеллигенции одновременно чувства жалости и брезгливости, впечатления от увиденного и «унюханного» имели яркую эмоциональную окраску. «Грязь и зловоние в остяцких юртах не поддаются никакому описанию: полы и стены всюду покрыты плесенью, грязь никогда не выметается...» [Несколько дней..., 1891, № 14, с. 3]. «Грязь, неопрятность, копоть — главные принадлежности жилища остяка... пребывание в чуме несносно от нестерпимого дыма и духоты. Грустно смотреть на эту жалкую и вместе с тем отвратительную картину грязного быта ее обывателей: нечистота и неопрятность выгоняют из него и путешественника, не свыкшегося с этим образом жизни, разве только погода будет неблагоприятна» [Юрьев, 1857, № 12, с. 109]. «Беспрерывный дым еще более умножает их (жилищ. — А. Т.) неопрятность, в которой и без того уже [«инородцы»] привыкли жить» [Отрывки..., 1873, № 38, с. 2].

Теснота, скученность жилых помещений производили удручающее впечатление на представителей интеллигенции, побывавших в гостях у «первобытных обитателей» края. Так, описывая жилища татар Уватской инородной волости, публицист А.С. Гринев отмечал: «Юрты их... очень неряшливы снаружи, а еще того хуже внутри. Это в большинстве случаев лачуги... И вот в таком-то помещении в зимнее время теснятся минимум 5–10 человек, куры под нарами, теленок, овца с ягнятами и одна или две собаки. Если ко всему этому прибавить непристойные испарения из колташихи (котел, чан. — А. Т.), невыразимую грязь на полу, на нарах, а особенно в задних углах за чувалом... то станет понятно, почему татары худосочный, слабосильный народ...» [1897, № 73, с. 359].

Большое внимание при характеристике образа жизни аборигенов уделялось их личной гигиене. Авторы газетных публикаций отмечали отсутствие у «инородцев» гигиенической привыч-

ки ежедневного утреннего туалета, смены нательного белья и одежды: «...лицо и руки моют очень редко... Белье меняется раз в два-три месяца... в течение всей зимы — семь-восемь месяцев — ни днем, ни ночью никогда не снимается» [Несколько дней..., 1891, № 14, с. 2–3]; «одежда... не снимается и применяется у них до самого износа. От такой неопрятности и нечистоты почти все они бывают в чесотке» [Юрьев, 1857, № 12, с. 109]. Одной из причин чесотки была платяная вошь — привычный спутник тесноты, нищеты и антисанитарии в жилищах «туземцев».

Поражали представителей русской интеллигенции традиции в питании «инородцев». Гастрономические традиции остяков (ханты), вогулов (манси), самоедов (ненцы) сформировались под влиянием сурового климата и доступности определенного набора продуктов. Они употребляли в пищу в сыром виде рыбу (вместе с ее внутренностями) и оленину, кровь некоторых животных. Своеобразный культурный шок испытывали описатели быта коренных жителей Тобольской губернии от поедания последними тухлой рыбы и мяса. Внимательное прочтение текстов публикаций позволяет сделать вывод, что в сознании некоторых авторов, как представителей иного этноса, традиции и гигиена питания аборигенного населения края выступали в качестве одного из показателей «дикости» и «варварства» иных этнических групп, с которыми вынужден соседствовать более «цивилизованный» в культурном отношении русский народ.

Красноречивым свидетельством отсутствия элементарных с точки зрения русского человека норм гигиены питания у аборигенов были содержащиеся в газетных статьях многочисленные описания способов приготовления «инородцами» пищи, использования кухонной посуды. «Котлы, в которых варят пищу для себя, служат и для варки всякого тряпья и детского белья, из них же кормят собак, и все это делается подряд без всякой чистки котла»,— отмечал автор одной из публикаций в «Сибирском листке» [Несколько дней..., 1891, № 14, с. 3]. «Остяки без всякого отвращения едят падаль. Несмотря на запрещения православного духовенства, они всегда отговариваются тем, что не все ли равно, человеком или богом убит скот»,— констатировал Д. Юрьев, описывая быт коренных жителей Березовского округа [1857, № 12, с. 111].

Неудовлетворительное санитарно-гигиеническое состояние жилищ «сибирских дикарей» породило массу неприятных, скверных запахов, которые характеризовались описателями быта аборигенов как «зловонные». Между тем самими обитателями жилых помещений запахи плесени, гниения, сырости, тухлые запахи не воспринимались так остро. Если для местных интеллектуалов зловоние, царившее в жилищах «инородцев», было агрессивным, а пребывание в душном, смрадном (имеющем «мерзкий» запах) пространстве соотносилось с пыткой, то для тех, кто в этих помещениях пребывал постоянно, перечисленные запахи не были раздражающими.

Зловонный запах в представлении местной интеллигенции был своего рода визитной карточкой «чужих» народов, населяющих край. Образ «инородца» устойчиво ассоциировался у авторов газетных публикаций с дурным запахом. По мнению большинства публицистов, антисанитарные условия жизни аборигенного населения были основной причиной распространения в их среде сифилиса, оспы, тифа, дизентерии, ревматизма, глазных и кожных болезней. «Поражительная нечистота и неопрятность в жилых помещениях, масса сырости и болотные миазмы развивают в летнее время изнурительные лихорадки и тиф, а в сильные морозы — болезни дыхательных органов и горячки. Но главный бич населения — оспа и сифилис»,— так описывал быт вогулов автор статьи, опубликованной в «Сибирском листке» [Вести..., 1892, № 41, с. 1–2]. Во время эпидемий большие тифом, дизентерией имелись почти в каждом доме «инородцев», при этом жилые помещения, как правило, были холодными, грязными и убогими. Распространению тифа способствовал массовый педикулез, ставший привычным для сибирских аборигенов.

Антисанитарные условия жизни коренных жителей края объяснялись и распространением в их среде пьянства и курения. «Водка... отуманивает сознание, отнимает разум у несчастных остяков и самоедов и разоряет их пуще мировой язвы... Водки жаждут муж, жена, водкой угощает отец падкого до нее мальчишку-сына, водку льет в глотку своей дочери» [Брэм, 1898, № 67, с. 2–3].

Необходимо отметить, что, информируя общественное мнение о тяжелых условиях жизни и быта сибирских «инородцев», публицисты (особенно представители областничества) пытались выяснить причины бедственного положения аборигенного населения. Одной из основных причин нищеты, злоупотребления табаком и спиртными напитками, распространения заразных болезней среди «туземцев», по мнению большинства авторов газетных статей, было пагубное влияние русской колонизации, повлекшей разорение коренных жителей региона, падение их моральных устоев, нарушение нравственных норм. К примеру, публицист Ю.И. Кушелевский, описывая жизнь остяков Тобольской губернии, отмечал: «В настоящее время остяки обеднели,

и если мы будем искать причины этого, то увидим, что начало бедности их совпадает со временем появления в их кочевьях русских торговцев... Русские занесли между остяков два бича — это вино и табак... Сифилитическая болезнь была занесена к остякам русскими и, соединившись с северной проказой, распространилась в больших размерах» [1859, № 22, с. 310, 312]. Лидер сибирского областнического движения Г.Н. Потанин одним из первых среди авторов «Тобольских губернских ведомостей» отметил, что бедность коренного населения региона является не следствием приписываемой ему лени, а результатом беспощадной эксплуатации со стороны русских торговцев [2004, с. 504]. Подчеркивая самобытность аборигенов, Н.А. Абрамов, Ю.И. Кушелевский, Г.Н. Потанин и другие ратовали за улучшение положения «инородцев», предлагали преобразования, способные изменить сложившуюся ситуацию к лучшему. В качестве мер облегчения тяжелых условий жизни коренного населения края предлагались содействие развитию промыслов, развитие системы широкого народного образования среди «туземцев», преподавание в школах на родном языке, освобождение бедствующих инородческих племен от эксплуатации их русским населением, реформы в сфере административного управления и самоуправления «инородцев» [Абрамов, 1858, № 23, с. 423; Кушелевский, 1859, № 22, с. 312; Потанин, 2004, с. 504–506; Кузнецов, 1871, № 8, с. 21–23].

Имперский менталитет, присущий представителям русского этноса, порождал у местной интеллигенции стремление взять под свое покровительство крыло «диких», «первобытных» сибирских аборигенов, с их «детскими понятиями» о домашнем хозяйстве, способах его ведения, личной гигиене. «Младенческое почти состояние» коренных жителей края вызывало со стороны исследователей их быта чувство сострадания, желание «оцивилизовать» как можно быстрее местных «дикарей» [Юшков, 1861, № 36, с. 285; Ильин, 1861, № 16, с. 120].

В качестве положительного примера влияния русских на гигиенические привычки аборигенного населения региона авторы газетных статей упоминали тот факт, что воспитанникам «инородческих» школ — детям сибирских татар и остяков прививалось соблюдение личной гигиены, ежедневное умывание и хождение раз в неделю в баню [Хроника, 1867, № 13, с. 53]. Некоторые публицисты отмечали, что в тех селениях «туземцев», которые находились неподалеку от медицинского учреждения, местные жители с охотой пользовались услугами лекарей, брали у них всевозможные лекарства [В. И., 1861, № 29, с. 215].

Таким образом, ольфакторное окружение, в котором проходила жизнь коренных жителей Тобольской губернии во второй половине XIX в., стало ключевым в характеристике их санитарно-гигиенической культуры представителями местной интеллигенции. Антисанитария жилых помещений «инородцев» описывалась через запахи дыма, гнили, плесени, сырости, пота, протухшей пищи, животных, соседствующих с домочадцами под одной крышей. Эти запахи часто были зловонными, воздействовали на физическое и психическое состояние «чужаков», оказавшихся в жилищах сибирских аборигенов, вызывали у них чувства дискомфорта и одновременно культурного превосходства над «туземцами». От коренных жителей губернии пахло рыбой, потом, мхом, сырой землей, дымом костра, оленьими шкурами и навозом. В совокупности эти запахи участвовали в конструировании образа «инородца», управляли впечатлениями и отношением к представителям «чужой» культуры. Анализ публикаций, посвященных аборигенам Тобольской губернии, показал, что в большинстве из них преобладали отрицательные отзывы о санитарно-гигиенических условиях жизни коренных жителей края. Тем не менее авторы местных газет формировали у читателей сочувственное отношение к бедственному положению «инородцев», обращали внимание на бездействие властей в отношении последних.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Абрамов Н.А. Описание Березовского края // Тоб. губерн. ведомости. Тоб. губерн. тип., 1858. 10 мая. № 19; 17 мая. № 20; 24 мая. № 21; 31 мая. № 22; 7 июня. № 23; 14 июня. № 24; 21 июня. № 25.
- Брэм А. Остяки-идолопоклонники: (Очерк А. Брэма) // Сиб. торговая газ. Тип. «Сибирской торговой газеты», 1898. 14 мая. № 67.
- Вести из Пелымского края // Сиб. листок. Тип. Тоб. губерн. правления, 1892. 28 мая. № 41.
- В. И. О самоедах Березовского округа // Тоб. губерн. ведомости. Тоб. губерн. тип., 1861. 22 июля. № 29.
- Гринев [А.С.]. Уватская инородная волость и ее обитатели // Сиб. листок. Тип. Тоб. губерн. правления, 1897. 18 сент. № 73.
- Жирицкая Е. Легкое дыхание: Запах как культурная репрессия в российском обществе 1917–1930-х гг. // Ароматы и запахи в культуре. М.: Нов. лит. обозрение, 2003. Кн. 2. С. 167–269.

А.И. Татарникова

Ильин В.И. Некоторые сведения об обдорских инородцах и стране, ими обитаемой // *Тоб. губерн. ведомости*. Тоб. губерн. тип., 1861. 15 апр. № 15; 22 апр. № 16.

Каменский Б.А. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М.: РГГУ, 2006. 408 с.

Классен К., Хоувз Д., Синнотт Э. Значение и власть запаха // *ArtofPerfume* [Электрон.ресурс]. Режим доступа: <http://www.art-perfume.ru/library/smell-power.html>.

Красильникова Е.И. Чем пахнет «разруха»: Обонятельная среда Новониколаевска начала 1920-х гг. // *Актуальные вопросы истории Российской провинции XVI–XXI вв.*: Центральное Черноземье, Сибирь, Северо-Восток. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2009. Вып. 4. С. 154–168.

Кузнецов Е.В. Березовские самоеды // *Тоб. губерн. ведомости*. Тоб. губерн. тип., 1871. 6 февр. № 6; 13 февр. № 7; 20 февр. № 8; 27 февр. № 9.

Кушелевский Ю.И. О настоящем состоянии остяков Тобольской губернии // *Тоб. губерн. ведомости*. Тоб. губерн. тип., 1859. 30 мая. № 22.

Лапин В.В. Петербург: Запахи и звуки. СПб.: Европ. дом, 2007. 282 с.

Нарский И.В. Революция, которая пахнет, или о состоянии мест общего пользования из историко-культурной перспективы... // *Уральская парадигма*: Электрон. журн. 2000. Вып. 3 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://paradigma.campus.net.ru>.

Несколько дней у остяков // *Сиб. листок*. Тип. Тоб. губерн. правления, 1891. 14 февр. № 13; 17 февр. № 14.

Отрывки из путешествий г. Алберта, штаб-лекаря, бывшего инспектора Тобольской врачебной управы по северной части Тобольской губернии // *Тоб. губерн. ведомости*. Тоб. губерн. тип., 1873. 22 сент. № 38.

Потанин Г.Н. Очерки Васюганской тундры: Тундра; лес; реки; быт остяков... // *Тоб. губерн. ведомости*: Сотрудники и авторы. Кн. I: Антология тобольской журналистики конца XIX — начала XX в. / Сост. Ю.Л. Мандрика. Тюмень: Мандрика, 2004. С. 497–506.

Хроника // *Тоб. губерн. ведомости*. Тоб. губерн. тип., 1867. 1 апр. № 13.

Юрьев Д. Заметки об «инородцах» Березовского округа // *Тоб. губерн. ведомости*. Тоб. губерн. тип., 1857. 13 июля. № 12.

Юшков И.Н. Сибирские татары // *Тоб. губерн. ведомости*. Тоб. губерн. тип., 1861. 2 сент. № 35; 9 сент. № 36; 17 сент. № 37; 23 сент. № 38; 30 сент. № 39; 7 окт. № 40; 14 окт. № 41; 21 окт. № 42; 28 окт. № 43; 4 ноября. № 44; 11 ноября. № 45.

*Тобольская комплексная научная станция УрО РАН;
Тобольская государственная социально-педагогическая академия им. Д.И. Менделеева
tatob777@yandex.ru*

The article presents a sanitary-and-hygienic culture of the regional aboriginal population through a perception of its olfactory constituent by representatives of the local Russian intelligentsia. At this, smells, as an element of a sanitary-and-hygienic daily life, serve as one of the criteria in the dichotomy «Russian — non-Russian», allowing to create the image of a «non-Russian», thus being helpful in the interpretation of their cultural characteristics.

Tobolsk province, aboriginal population, sanitary-and-hygienic culture, olfactory approach, «Russians», «non-Russians».

УНИВЕРСИТЕТСКИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВА: ИНТЕРАКТИВНЫЕ РИТУАЛЫ И МОДЕЛИ СБОРКИ

М.Г. Агапов, Ф.С. Корандей

Описываются и интерпретируются основные модели университетских интеллектуальных сообществ как особых коммуникативных зон интеллектуальных сетей на примере исторического факультета Тюменского государственного университета. На этом материале нами рассматриваются в качестве конституирующего элемента интеллектуальных сетей такие базовые интерактивные ритуалы, как лекция и диспут. На основе различия характера среды и структуры коммуникаций выделяются три модели университетских интеллектуальных сообществ: «академия», «клуб» и «салон».

Ирвинг Гофман, Ренделл Коллинз, интеллектуальные сообщества, интерактивные ритуалы, университет.

В лексиконе социальных наук трудно найти понятие более растиражированное и менее определенное, чем «сообщество» [Вахштайн, 2011; Парк, 2008; Поплавский, Черепанов, 2012; Blackshaw, 2010; и др.]. Что в таком случае можно сказать об «интеллектуальных сообществах» — соединении «сообщества» с еще одним «трудным» термином гуманитаристики? Ничего вразумительного, если предварительно не прояснить базовые понятия. Первым шагом на пути обретения ясности является выбор метафоры как формы научного мышления [Ортега-и-Гассет, 2003, с. 217]. «Метафоры могут оказаться полезнее прямолинейных описаний. Метафоры могут выявить те контекстуальные различия, которые остаются скрытыми при точном, буквальном выражении» [Кун, 2003, с. 332]. Метафора (от гр. перенесение) — это перенесение свойств одного предмета (явления или грани бытия) на другой по принципу их сходства в каком-либо отношении или по контрасту [Метафора, 1998]. Говоря об эвристическом потенциале метафоры, Дж. Урри определяет ее как фигуративную идею, «понимание и восприятие одного типа вещи в терминах другой». Дж. Урри отмечает: «как бы ни были сложны отдельные теории общества, в большинстве своем они покоятся на достаточно простых фигуративных идеях, позаимствованных из других академических областей, прежде всего из биологии, физики, географии и экономики» [2012, с. 41]. Действительно, в истории социологии и социальной антропологии можно выделить ряд фундаментальных метафор социальной реальности, образующих теоретико-методологический каркас соответствующих социологических традиций: органическая метафора (теория систем, структурный функционализм и др.), метафора здания (теории классовой борьбы и революций и др.), обмена (теория рационального выбора, интеракционизм и др.), потока (социология повседневности) и др.

Согласно традиции, заложенной М. Кастельсом, Г. Уайтом, Б. Латуром и др., современное общество может быть рассмотрено как сеть взаимоотношений, совокупность сетевых структур¹. «Образ сети отражает *пространственную неравномерность* ткани социальной жизни... для сетевого анализа важно зафиксировать различную степень плотности сети, различную интенсивность связей в разных зонах взаимодействия, порождающую узлы, агрегации и комплексы разной степени устойчивости» [Василькова, 2012, с. 17]. Важно подчеркнуть, что в отличие от базовой для социологии второй половины XX в. классической теории систем (Т. Парсонс), которая «была приспособлена для описания порядка и стабильности, для описания обобщенных структур основанного на рациональности общества», кластер теорий, возникших в начале 1980-х гг. в результате «институализации» метафоры сети, «обладает средствами для описания динамики и изменчивости» [Там же, с. 22]. В данном случае мы предполагаем рассматривать вышеуказанную динамику через призму *интерактивных ритуалов* интеллектуальной среды, методы анализа которых были разработаны во второй половине XX в. американскими микросоциологами И. Гофманом и Р. Коллинзом (фрейм-анализ). В центре нашего внимания, таким об-

¹ Подробнее о теоретических моделях общества, базирующихся на сетевой метафоре, см.: [Сети..., 2012].

разом, оказывается коммуникация, или, как это определяет Р. Коллинз, занимавшийся интеллектуальными сообществами в философии, «общность человеческих коммуникативных операций» (*generality of human communicative operations*) [Collins, 2000, p. 875] или «цепочки интерактивных ритуалов» (*interaction ritual chains*) [Collins, 2004].

Целью настоящего исследования является описание и интерпретация основных моделей сборки и воспроизводства университетских интеллектуальных сообществ как фрагментов, узлов, особых коммуникативных зон интеллектуальных сетей на примере одного факультета регионального классического вуза — Тюменского государственного университета (ТюмГУ). Важно отметить, что в отличие от многих других региональных классических университетов, которые возникли еще в дореволюционные годы (Томский государственный университет) или были созданы решениями уже советского правительства с целью развития стратегически значимых промышленных регионов (Уральский государственный университет, Новосибирский государственный университет), первый тюменский вуз не мог опереться ни на академические традиции — в Тюмени не было даже полного гимназического образования, ни на массивную помощь Минвуза СССР — до конца 1960-х гг. Тюмень и регион в целом оставались заштатным местом без значимых в масштабах страны производств [Панарин, 2001, с. 128]. Таким образом, на примере ТюмГУ, точнее, одного из его факультетов — исторического мы можем рассмотреть основные этапы и особенности генезиса моделей сборки и воспроизводства университетских интеллектуальных сообществ с самого момента их возникновения.

Выбор среди прочих факультетов исторического объясняется следующими обстоятельствами: 1) исторический факультет является обязательным сегментом классического университета; 2) исторический факультет возник в стенах предшественника ТюмГУ — Тюменского государственного педагогического института (ТГПИ), прошел долгий путь развития², что дает возможность проследить на его примере возникновение и развитие основных моделей сборки интеллектуальных сообществ в продолжительной временной перспективе; 3) на историческом факультете интеллектуальные сообщества оказались представлены в наиболее разнообразном виде.

Эмпирический материал исследования включает работы по истории истфака ТюмГУ, воспоминания его ветеранов, а также результаты наблюдения за деятельностью интеллектуальных сообществ факультета в 1990–2000-е гг., зафиксированные в листах наблюдения, представленные в форме аудио-, фото- и видеоматериалов. Важную часть эмпирической базы исследования составили материалы интернет-блогов интеллектуальных сообществ факультета, интервью с руководителями и участниками последних.

Наконец, нельзя не отметить, что данная работа принадлежит к жанру автоэтнографии, что накладывает на авторов некоторые ограничения. В то же время, как представляется, именно наша эмоциональная вовлеченность в процессы, история и современность которых анализируются в данной работе, является движущим мотором рефлексии. Одним из лейтмотивов недавнего обзора автоэтнографических исследований академической науки, выполненного С.В. Соколовским, был тезис о том, что антропология академии ныне не отличима по своим методам как от социологии науки, так и от критики философских оснований мировоззрения этого сообщества, его повседневной истории [Соколовский, 2010]. Это утверждение с достаточной полнотой характеризует инструменты, избранные для нашего исследования.

Отличительными чертами интеллектуальной коммуникации, согласно теории интеллектуальных сетей Р. Коллинза, являются следующие. Во-первых, в качестве сакрального объекта (*sacred objects*) (т.е. того, что фокусирует внимание участников интеракции и репрезентирует в их сознании состоявшийся интерактивный ритуал [Прозорова, 2007, с. 64]) коммуникаций такого типа предстает «истина». «Истина» является царствующим сакральным объектом для ученого сообщества, как «искусство» — для литературно-художественных сообществ; эти объекты являются для них одновременно высшими познавательными и нравственными категориями, средством высшей ценности, исходя из которой судят обо всем остальном. Как показал Блур на примере математики, интеллектуальная истина имеет все характеристики, установленные Дюркгеймом для сакральных объектов религии: истина трансцендентна по отношению к индивидам, объективна, имеет принудительный характер и требует уважения» [Collins, 2000, p. 19]. Во-вторых, интеллектуальные сообщества «обращены вовнутрь, ориентированы на обмен ско-

² Факультет неоднократно менял название: 1945–1950 гг. — исторический, 1950–1980 гг. — историко-филологический, 1980–1986 гг. — историко-юридический факультет, 1987–2000 гг. — исторический, с 2000 г. — факультет (позже — институт) истории и политических наук.

Университетские интеллектуальные сообщества: интерактивные ритуалы и модели сборки

рее между собственными участниками, чем с аутсайдерами» [Collins, 2000, p. 24]. Во многом это обусловлено эзотеричностью (в куновском значении этого слова) языка и проблематики интеллектуальных коммуникаций. В-третьих, «интерактивный ритуал» (interaction ritual) интеллектуальных сообществ включает в себя «ситуации, когда интеллектуалы собираются вместе ради серьезного разговора, причем не направленного на социализацию и не имеющего практического характера» [Ibid., p. 24]. Таковыми ситуациями являются лекции, семинары, конференции, круглые столы и т.п. От всех прочих собраний интеллектуальные отличаются «особой природой фокуса внимания и отношением между выступающим и аудиторией» [Ibid., p. 26]. Ключевым элементом интеллектуальных коммуникаций выступает «лекция или формализованный спор (диспут), т.е. некоторый отрезок времени, в течение которого один человек выступает с речью, представляя развернутую аргументацию по определенной теме». Внимания участников интеракции фокусируется на организованном таким образом «едином потоке рассуждений». Отношениям между выступающим и аудиторией (в том случае, если речь идет о реальной интеллектуальной коммуникации, а не о ее имитации) присущ состязательный характер. «Фундаментальная характеристика интеллектуальных структур состоит именно в том, что задаются вопросы и ведутся споры; также часто происходят взаимные опровержения в круговой структуре, напоминающей равным образом кольцо кула, потлач и вендетту. Даже когда интеллектуалы сидят молча, составляя аудиторию лекции или доклада, они осознают свою роль» [Ibid., p. 28].

В данной работе представляется важным проблематизировать именно последний аспект — «интерактивные ритуалы», как ключевой элемент практики интеллектуальных сообществ г. Тюмени 1950–2010-х гг. В данном случае акцент будет сделан на экстраординарных собраниях, лежащих вне рамок учебного плана, которые с 1990-х гг., как только это стало официально возможно, приобретают характер публичных лекций и семинаров. Ситуации экстраординарной публичной лекции посвятил в свое время специальную работу И. Гофман [Coffman, 1981]. Определяющими характеристиками данной формы публичной речи, по Гофману, являются возможность ритуального доступа аудитории к теме, в которой разбирается говорящий, и особая значимость, торжественность события, в процессе которого происходит сообщение аудитории некоторого текста. При этом, утверждал Гофман, на определенном уровне для нас не имеет значения, что за текст передает лектор в ситуации такой лекции,— сама эта ситуация служит более высокой цели, передавая, при посредничестве обладающего соответствующей репутацией лектора, осмысленный образ мира. «Даже когда говорящий негласно претендует на то, что только его научная дисциплина, его методология или его данные могут дать верную картину, за этой негласной претензией скрывается другая негласная претензия — утверждение самой возможности существования таких верных картин (valid pictures)» [Ibid., p. 195]. На наш взгляд, именно риторика поиска таких «верных картин» представляет собой наиболее характерную черту внутреннего полилога рассматриваемого университетского сообщества на протяжении нескольких десятилетий его развития.

«Говорить о сообществе — значит говорить метафорически или идеологически», — замечает Дж. Урри [2012, с. 194]. Мы пойдем первым путем. Модели сборки университетских интеллектуальных сообществ могут быть выделены на основе системы различий, предложенной Ж.-П. Сартром для анализа писательских сообществ [1999]³. Французский философ выделяет три типа таковых: «академия», «клуб», «салон». В основу классификации положены два критерия: характер среды и порядок (структура) коммуникаций.

Тип	Среда	Порядок (структура) коммуникаций
Академия	Гомогенная	Вертикальная
Клуб	Гомогенная	Горизонтальная
Салон	Гетерогенный	Горизонтальная

«Академия», «клуб» и «салон» представляют собой три разных локальности — три типа сред или контекстов взаимодействия. Разработанная микросоциологами, в частности Э. Гидденсом, категория «локальность» ориентирует нас на изучение ситуативных социальных взаимодействий, в данном случае интеллектуальных интеракций, с учетом условий, в рамках которых эти взаимодействия происходят. «Локальности определяются в показателях их физических

³ Авторы выражают признательность В.С. Вахштайну, обратившему их внимание на работу Ж.-П. Сартра в ходе обсуждения проекта по исследованию городских интеллектуальных сообществ.

характеристик — как свойства материального мира или, в большинстве случаев, как комбинации последних с артефактами человеческого общества» [Гидденс, 2005, с. 185]. Развивая подход Э. Гидденса, Дж. Урри обращает особое внимание на значимость материальных объектов для конструирования локальностей: «Концепции сообщества излишне сосредоточены на людях и их взаимодействиях и упускают из виду роль объектов, то, что Хедерингтон называет “материальностью места” ... В “Жатве” [картина Питера Брейгеля Старшего, 1565 г.] дерево и церковь служили выстраиванию деревни как особого места проживания» [Урри, 2012, с. 193, 202–203]. В нашем случае важна «материальность» самого университета — его кафедр, учебных аудиторий, читальных залов, различных «закутков» — словом, всех тех регионов, в пределах которых участники интеллектуальных групп «достаточно часто собираются лицом к лицу, выстраивая интенсивные обмены ритуального взаимодействия, выковывая идеи-эмблемы, разрабатывая идентичности (основы самосознания), генерируя потоки эмоциональной энергии» [Collins, 2000, р. 21]. Как бы ни было, «условия, способствующие объединению людей в условиях одной локальности, не следует считать само собой разумеющимися — напротив, необходимо подвергать их тщательному анализу» [Гидденс, 2005, с. 205]. Следует помнить и о том, что всякое интеллектуальное сообщество, конституируемое коммуникациями описанного типа, оказывается встроенным в сеть диахронных (от одного поколения к другому) и синхронных (с коллегами — единомышленниками или соперниками) связей. При анализе интеллектуальных сообществ это обстоятельство также необходимо учитывать.

«Академия» у Ж.-П. Сартра представляет собой сообщество писателей, находящихся на содержании у государства: «Их содержит король, читают избранные, единственной заботой их становится соответствовать ожиданиям этого узкого круга» [Сартр, 1999, с. 81]. «Академии» соответствует университет как «федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования». «Академия» — это совокупность всех руководящих (ученые советы) и аттестационных (диссертационные советы) органов университета; его структурных подразделений — учебных и научно-исследовательских институтов (кафедр, лабораторий, центров и т.д.), служб управления (в том числе — учебно-методического), подразделений обеспечения деятельности университета (в том числе — информационно-библиотечный центр) и их мероприятий.

Родоначальником современного Института истории и политических наук был исторический факультет, созданный в 1945 г. в ТГПИ. Кафедра истории, начавшая свою работу в следующем году, состояла из пяти преподавателей [Бакулина, 2005, с. 8]. В основном это были школьные учителя с большим стажем работы [Данилов, 2004, с. 358]. Никто из них не имел на тот момент ученой степени и звания, а некоторые — и необходимого образования: двум преподавателям кафедры была поставлена задача сдать экстерном экзамены и получить диплом о высшем образовании [Бакулина, 2005, с. 8]. Кафедра занималась исключительно преподавательской деятельностью. Перед ней стояла задача подготовить для образованной в 1944 г. Тюменской области собственных учителей истории. Для научной работы не было ни времени, ни библиотечных ресурсов, ни архивных фондов. В течение первых десяти лет существования кафедры ее сотрудники, за исключением создателя кафедры и ее первого заведующего П.И. Рощевского, не выступали на научных конференциях, не публиковали научных статей [Там же, с. 23]. Впрочем, материальная оснастка факультета необходимой литературой и доступ к архивам не являлись главными условиями превращения учительского сообщества в научное. Решение этой задачи было невозможно без внедрения в кафедральную жизнь академических практик уже сложившихся научных школ. Такое внедрение осуществлялось постепенно, главным образом благодаря привлечению к работе на факультете «варягов» из столичных и крупных региональных (Воронеж, Омск, Саратов, Свердловск, Томск, Ярославль) вузов. Те немногие из них, кто остался на кафедре, затем возглавляли ее, формировали коллектив. Между тем, как вспоминает проф. В.А. Данилов, выпускник Ярославского пединститута, около 20 лет возглавлявший истфак ТГПИ-ТюмГУ, «приглашать [преподавателей] из других городов было сложно из-за трудностей с решением вопроса о жилье, строительство велось минимальное», поэтому основной состав преподавателей рекрутировался из собственных «выпускников (как правило, уроженцев Тюмени)». В условиях отсутствия собственных аспирантуры и диссертационного совета (последний появился только в 1997 г.) этот путь, признает В.А. Данилов, оказался тупиковым [2004, с. 352].

Университетские интеллектуальные сообщества: интерактивные ритуалы и модели сборки

За исключением немногочисленных свидетельств, относящихся к кругу П.И. Роцевского, первого заведующего кафедрой истории ТГПИ-ТюмГУ (о них далее), мы не имеем текстов, описывающих повседневность истфака пединститута в десятилетия, предшествовавшие открытию университета. Впрочем, довольно информативными в этом смысле являются письма М.Л. Левина, одного из «варягов», московского физика-теоретика, в силу печальных обстоятельств оказавшегося преподавателем на физическом факультете ТГПИ в 1951–1954 гг. Блестящие описания повседневной вузовской рутины постоянно появляются в его письмах Н.М. Леонтович. Многие из этих писем, собственно, и появились благодаря этой рутине — Левин писал их урядкой в процессе собраний и совещаний: «...Вообще же науками в Тюмени никто не занимается. В институте засилье методики, приходится бывать на всяких методических совещаниях, где, впрочем, иногда обсуждаются актуальные вопросы. Например, вчера — что делать учителю, если ученики кидают в него кусками штукатурки? Подумай сама (Письмо Н.М. Леонтович от 25 февраля 1952 г.). ...Устаю же я не от лекций и не от работы, а от бестолковых и бесконечных собраний и заседаний. На одном из них мне пришлось выступать. Я сообщил аудитории, что уравнения классической и квантовой электродинамики инвариантны относительно лоренцевых преобразований и, следовательно, выражают собой объективный закон природы. Это конкретное сообщение, продолжавшееся 3 минуты, потрясло аудиторию (они поняли, что я сказал!), и поэтому я удостоился быть упомянутым в списке выступавших (они-то, сердешные, говорили минут по двадцать, точнее говоря, не говорили, а читали по тетрадкам) в областной прессе! О чем и сообщаю тебе с чеховской гордостью (Письмо Н.М. Леонтович от 15 марта 1953 г.)» [Левин, 1998].

В письмах Левина атмосфера и содержание церемониальных собраний института жестоко критикуются именно с точки зрения интеллектуала как такового: речь здесь, вне сомнения, идет об упомянутых Р. Коллинзом подобиях интеллектуального интерактивного ритуала, публичных рутинных событиях, которые предполагают имитацию церемониальных событий академической среды, но по сути таковыми не являются, поскольку не имеют самостоятельной цели развёртывания мировоззрения, требующей от аудитории активного понимания [Collins, 2000, p. 26]. Подобного рода семинары формировали повседневную повестку дня ТГПИ на протяжении десятилетий: составленная в 2005 г. история исторического факультета повествует о занятиях 1964–1965 гг. по марксистско-ленинской эстетике и проблемам международного коммунистического движения, проводившихся на кафедре истории ТГПИ, причем составитель очерка, вероятно, как и М.Л. Левин, наблюдавший некогда такие собрания воочию, кажется, уверен в их невеликой интеллектуальной ценности. «В отчете партбюро факультета говорилось, что семинары проходили 1 раз в месяц, с докладами в 1965 г. выступили 12 человек. Скорее всего, в работе семинара было много формализма, тем не менее, занятия велись. В 1965 г. на факультете была проведена теоретическая конференция «Формирования марксистско-ленинского мировоззрения у студентов» [Бакулина, 2005, с. 39].

Описанные Левиным на примере тюменских физиков парадоксы имитации научного курса имели прямое отношение и к историческому факультету. Как следует из воспоминаний студентов тех лет, формат семинаров был школярским: студентов «вызывали отвечать» [Дубовская, 2013]. Отмечается, что «практические занятия нередко сводились к чтению студентами плохо подготовленных рефератов» [Бакулина, 2005, с. 12]. Похоже, что первые поколения студентов истфака еще не владели в достаточной степени навыками формулировки собственной позиции, ведения дискуссии. Так, первый студенческий научный кружок, возникший в 1946 г., действовал меньше года: из 56 чел. первоначального состава в нем осталось только четверо [Там же, с. 15]. Наконец, нельзя забывать и о том, что работа кафедры и преподавание ее сотрудниками исторических дисциплин тщательно контролировалось властью в лице Тюменского обкома партии. «Мало кто решался демонстрировать самостоятельность мышления, поэтому преподавательским коллективом указания ЦК воспринимались как руководство к действию, официальный курс сомнению не подвергался» [Там же, с. 16–17]. Первые серьезные дискуссии среди историков ТГПИ фиксируются только после XX съезда КПСС, когда в центре внимания оказываются коллизии советской истории 1930-х гг. «Осторожные, но нарастающие споры по этим вопросам вспыхивали на заседаниях кафедры истории, в студенческой «курилке»» [Там же, с. 21].

Тон писем Левина, впрочем, меняется, когда он пишет о том, что было для него противоположностью институтской рутины,— неформальном общении с друзьями и коллегами, тюменскими интеллигентами, в числе которых был и руководитель кафедры истории ТГПИ П.И. Ро-

щевский. Квартира проф. П.И. Роцевского долгое время была своеобразной «меккой» деловых и праздничных встреч историков истфака [Там же, с. 23]. В центре внимания импровизированных собраний историков-преподавателей на квартире П.И. Роцевского часто оказывались важнейшие события внутренней и международной политики. По воспоминаниям дочери проф. Роцевского, Л.П. Роцевской: «вечерами молодые коллеги отца... собирались у нас, просматривали газеты и рассуждали о том, поздравление главы какого-то государства [советскому лидеру] напечатано только через столько-то дней. Значит, делали вывод посетители, дипломатические отношения СССР с данным государством несколько натянуты» [2009, с. 396, 397]. Обсуждение наиболее важных вопросов происходило, как правило, сначала в семейном кругу или с ближайшими товарищами, затем — на заседании кафедры.

Интересно заметить, что, хотя такие формы церемониальных собраний, как диспуты, беседы, «круглые столы», начиная с 1960-х гг. широко применялись во внеучебной работе со студентами истфака ТГПИ, преимущественно для разбора общественно-политических вопросов [Бакулина, 2005, с. 43, 44], в ходе семинарских занятий они использовались крайне редко и далеко не всегда успешно. В 1970-х гг. на семинарах проф. И.В. Степанова, имевшего многолетний опыт преподавания в ЛГУ, студенты-первокурсники истфака уже ТюмГУ «самостоятельно анализировали Русскую Правду, Повесть временных лет, Судебники или Соборное Уложение 1649 г. и в виде доклада выносили итоги своей работы на обсуждение во время практических занятий. Судя по тому, что за весь первый семестр на семинарах было обсуждено только 9 докладов, далеко не все студенты могли справиться с поставленными задачами. Перед третьекурсниками ставилась задача посложнее — они выполняли рефераты и доклады, используя не один, а ряд источников. При этом законченные работы оформлялись в соответствии с требованиями, предъявляемыми к научным статьям. Для студентов новоиспеченного университета все это было в новинку» [Там же, с. 48–49].

Обретение статуса университета потребовало введения в практику новых интеллектуальных ритуалов. Вспоминает В.А. Данилов: «Пожалуй, наиболее сложным был переход от системы сдачи государственных экзаменов к написанию и защите дипломных сочинений. До этого главной формой письменных работ были рефераты, контрольные и курсовые сочинения. Очень часто они вызывали нарекания. Переход к дипломным работам занял два-три года, за это время основная масса выпускников научилась писать этот итоговый документ, но какая-то часть студентов была вынуждена для окончания обучения перейти в какой-либо из близлежащих пединститутов (Тобольск, Челябинск, Свердловск). В конце концов, все же удалось добиться поворота в сознании, помочь приобрести новые навыки» [Данилов, 2004, с. 351]. Включению студентов в научно-исследовательскую работу способствовало открытие на факультете специализированных кафедр: истории СССР (позже — отечественной истории), всеобщей истории (позднее разделившейся на кафедру древнего мира и кафедру новой истории и международных отношений), историографии и источниковедения, политологии. Под руководством ведущих преподавателей кафедр создавались студенческие научно-исследовательские группы.

Наличие фигуры руководителя, точнее было бы сказать, наставника является отличительным признаком коммуникативных операций, производящихся в «академии». Преподаватель, ведущий занятие или заседание научного кружка, «монополизирует дискурс», ему вверен «контроль над тем, кто получает слово», что «является главным средством утверждения власти на микроуровне» [Collins, 2000, p. 24]. Все вертикальные порядки коммуникаций со временем в большей или меньшей степени ритуализируются, что хорошо видно на примере «академических» коммуникативных операций. Зачастую «соблюдение процедуры», «формальных требований» ставится здесь во главу угла. Районирование мест проведения «академических» церемониальных собраний организовано таким образом, чтобы подчеркнуть главенствующий статус преподавателя. Преподавательский стол, кафедра, подиум отделяют преподавателя от студентов и одновременно противопоставляют его учащейся братии. Преподаватель имеет возможность увеличить или сократить символическую дистанцию между ним и студентами. Пространство аудитории может быть переоборудовано на время проведения диспута, например, по просьбе преподавателя студенты расставляют парты в форме «круглого стола». Но даже в этом случае структура дискурса остается односторонней, по крайней мере, до тех пор, пока преподаватель не начнет участвовать в споре на равных со студентами. Как свидетельствуют результаты наблюдения за студенческими исследовательскими группами истфака ТюмГУ, именно здесь, по мере развития группы, могут возникать устойчивые порядки «взаимных опро-

вержений в круговой структуре» [Ibid., p. 22]. Когда это происходит, можно фиксировать превращение учебно-исследовательской группы в собственно исследовательскую. Однако доминирующим порядком коммуникаций «академических» церемониальных собраний является вертикальный порядок. Члены государственных экзаменационных и аттестационных комиссий на экзаменах и защитах студенческих курсовых, бакалаврских выпускных квалификационных работ и магистерских диссертаций, преподаватели на занятиях, студенческих научных конференциях — это все представители «короля», деятельность которых подчинена одной цели — оправдать ожидания «королевского двора». В данном случае неважно, кто именно является «королем» — партийные институты (как это было в советский период) или бюрократические (как мы наблюдаем это сейчас). С точки зрения принятой системы различения важно другое — деятельность «академии», равно как и деятельность внутри нее самой, всегда строится на отношениях власти и подчинения.

«Клуб» и «салон» как модели сборки университетских интеллектуальных сообществ появляются только в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Их общей характеристикой является горизонтальный порядок коммуникаций. Различия обнаруживаются в параметрах сред: гомогенной в «клубах» и гетерогенной в «салонах». Ж.-П. Сартр описывает «клубное» сообщество как «эксцентрическую и утонченную касту, чьи контакты с остальным населением сведены к минимуму». Наоборот, «салон» представляет собой широкий и разнообразный круг собеседников, это «особый род приятного времяпрепровождения», помогающий «сблизить политиков, финансистов и высокопоставленных военных с литераторами» [Сартр, 1999, с. 145].

Первые «клубные» сообщества истфака ТюмГУ возникли на основе тех учебно-исследовательских групп, внутри которых сложились описанные Р. Коллинзом интеллектуальные интерактивные ритуалы. Их «кастовость» и «закрытость» достаточно условны. Речь идет о профессиональных — археологических, этнографических, медиевистических и т.п. «кастах». Они не столько «закрыты», сколько недоступны для непрофессионалов. Вхождение в «клуб» требует от новичка обладания определенным интеллектуальным уровнем или приложения серьезных усилий к его достижению. Вхождение в «салон», как будет показано далее, требует соблюдения иных условий. Приведем некоторые примеры «клубных» сообществ истфака ТюмГУ. В середине 1980-х гг. благодаря усилиям преподавателей кафедры истории СССР Н.С. Половинкина и С.В. Турова сложилась лаборатория истории и культуры Сибири. Другая группа сформировалась вокруг преподавателя кафедры новой истории И.В. Боброва. Итогом ее работы стала публикация в 2006 г. коллективной монографии «Протестантизм в Тюменском крае: история и современность» [2006]. Под руководством преподавателя кафедры политологии А.В. Семенова была организована неформальная «лаборатория политических исследований», результатом деятельности которой явилась публикация серии статей, анализирующих гражданско-политическую активность в Тюмени [Лобанова, Семенов, 2012; 2013а, б].

Если для групп Боброва и Семенова место собраний не имело принципиального значения (они проходили в свободных факультетских аудиториях, на кафедрах, часто вне стен университета), то группе Половинкина — Турова требовалось постоянное место как минимум для хранения собранных в экспедициях этнографических артефактов. Интересно проследить места пребывания и пути перемещения лаборатории истории и культуры Сибири в стенах ТюмГУ. Первоначально под помещение лаборатории была выделена неиспользуемая туалетная комната учебного корпуса истфака. В начале 1990-х гг. лаборатория получила более просторное помещение в новом общежитии ТюмГУ. Здесь же открылась первая постоянная экспозиция музея лаборатории. С начала 2000-х гг. лаборатория размещается в учебном корпусе Института истории и политических наук ТюмГУ. В ней сосредоточен архив полевых записей начиная с 1986 г., обширный фонд копий архивных документов, многие из которых опубликованы в издаваемых лабораторией сборниках документов «Сибирский раритет» [Бакулина, 2005, с. 122–125].

Традиция «салонных» собраний восходит к общественно-политическим диспутам, которые проводились комитетом ВЛКСМ истфака ТюмГУ в годы перестройки. Формат дискуссий подобного рода трудно определим. Если одни его участники представляли свою профессиональную позицию, то другие — исключительно политическую. Зачастую сакральный объект (sacred objects) диспута подменялся в ходе развития последнего: научный спор превращался в политический или наоборот. Интересно заметить, что таких сообществ, которые изначально возникали в формате «салона», на истфаке ТюмГУ было немного. Чаще всего в «салон» превращались сообщества, изначально создававшиеся как «клубы». В качестве примера можно назвать дей-

ствовавший на истфаке ТюмГУ в 2004–2007 гг. Свободный метафизический университет им. Хомякова, в 2007–2009 гг. — Центр гендерных исследований. Интересен случай действовавшего в 2011–2012 гг. научно-исторического (затем — дискуссионно-просветительского) общества «Ъ», которое возникло как «клуб», затем трансформировалось в «салон» и на финальном этапе своего существования вновь попыталось самореализоваться как «клуб».

«Салонные» собрания являются для их участников важным средством самовыражения, точнее, как сказал бы И. Гофман, «представления себя другим». Здесь, как замечает Ж.-П. Сартр, процветает «искусство салонных разговоров», «дамы и господа заняты сохранением своей культуры и манер» [Сартр, 1999, с. 126]. В данном случае — скорее наработкой и демонстрацией манер «университетских интеллектуалов». Иногда, как, например, во время выступления студентов ТюмГУ против объединения нескольких городских вузов в 2005 г., «салоны» превращались в места сбора студенческого протестного актива. Выраженная политизация университетских «салонов» нередко вызывала тревогу, а иногда и прямые санкции со стороны «академии». Другим атрибутом «салонных» «университетских интеллектуалов» является почти культуртреггерская установка на «просвещение».

При рассмотрении «салонной» деятельности как практики освоения университетского пространства трудно не заметить наличия в ней определенных этапов. Первые «салоны» собирались за пределами университетских стен (вспомним «мекку» П.И. Роцевского). В годы перестройки «салонные» собрания проходили на самом истфаке ТюмГУ, что примечательно — довольно часто не в аудиториях, а в просторных рекреациях учебного корпуса. В 1990-е гг. «салоны» устраивались в университетских аудиториях. При этом на время собрания пространство аудитории преобразовывалось посредством расстановки парт кругом. В это же время пространство университета стало оказывать сопротивление его колонизации разнообразными «салонными» сообществами. В университете появились охранники, аудитории закрывались. Теперь для проведения каких-либо неформальных мероприятий в университетских помещениях требовались специальные разрешения со стороны «академии». Организаторы «клубов» и «салонов» 1990-х — начала 2000-х гг. отмечают, что получение таких разрешений часто сопровождалось хождением по университетским административным инстанциям. Наконец, уже в 2000-е гг. некоторые «салоны», университетские по своему духу и составу, сами предпочли выйти за стены вуза, чтобы не быть зависимыми от его администрации. Ярким примером такого выхода является организация в 2011 г. университетскими преподавателями и аспирантами лектория «Свободный университет».

Итак, на основе различия характера среды и порядка (структуры) коммуникаций представляется возможным выделить три модели сборки и воспроизводства университетских интеллектуальных сообществ как особых коммуникативных зон интеллектуальных сетей: «академия», «клуб» и «салон». Названные модели представляют собой три разных типа ситуативных взаимодействий, в данном случае коммуникативных операций (communicative operations) или «цепочки интерактивных ритуалов» (interaction ritual chains), по-разному вписанных в материальное пространство университета. В строгом смысле интеллектуальные, согласно методике И. Гофмана — Р. Коллинза, интеракции происходят только в локале «клубов». В «академическом» и «салонном» локалах интерактивные ритуалы являются интеллектуальными скорее по форме, нежели по содержанию. Дальнейшие углубленные исследования университетских интеллектуальных сообществ, как на материале ТюмГУ, так и на материале других вузов, мы надеемся, покажут степень продуктивности предложенной в данной статье системы различений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Данилов В.А. Начало // Европа: Международный альманах. Тюмень: ТюмГУ, 2004. Вып. 4. С. 350–365.
Дубовская Елена. Учитель Роцевский и его ученики // Тюменская правда. 2013. 16 мая.
Левин М.Л. Жизнь, воспоминания, творчество. Н. Новгород: ИПФ РАН, 1998. 592 с.
Роцевская Л.П. Государственные события 1950–1970-х годов в повседневной жизни и восприятии провинциального историка // Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения (20–22 апреля 2009 г., Тюмень). Тюмень, 2009. С. 395–399.

Литература

- Бакулина Т.И. Факультет истории и политических наук: главы жизни. Тюмень: Мандр и К, 2005. 216 с.

Университетские интеллектуальные сообщества: интерактивные ритуалы и модели сборки

- Василькова В.В.* Сети в социальном познании: От метафоры к метатеории // Журн. социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 5. С. 11–24.
- Вахштайн В.* Производство сообществ: Событие, язык, коммуникация // 60 параллель. 2011. № 2. С. 72–81.
- Гидденс Э.* Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
- Кун Т.* Логика открытия или психология исследования? // Т. Кун. Структура научных революций. СПб.: АСТ: Ермак, 2003. С. 327–364.
- Лобанова О.Ю., Семенов А.В.* От неучастия к действию: Гражданско-политическая активность в Тюмени в декабре 2011 — сентябре 2012 г. // Вестн. общественного мнения. 2012. № 4. С. 134–140.
- Лобанова О.Ю., Семенов А.В.* Протест, который (пока) не стал движением // Гражданское и политическое в российских общественных практиках / Под ред. С.В. Патрушева. М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013а. С. 438–447 и др.
- Лобанова О.Ю., Семенов А.В.* Репертуар протестных действий: Опыт социокультурного анализа // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2013б. № 1. С. 124–132.
- Метафора* // Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Минск: Изд. В.М. Скакун, 1998. С. 419–420.
- Ортега-и-Гассет Х.* Две главные метафоры // Х. Ортега-и-Гассет. Бесхребетная Испания. СПб.: АСТ: Ермак, 2003. С. 217–237.
- Панарин С.М.* Тюмень: Утрата геополитической перспективы // Глобализация, федерализм и региональное образование: Сб. тез. всерос. конф. Тюмень, 2001. С. 125–132.
- Парк Э.* Социология, общество и сообщество // Вопр. социальной теории. 2008. Т. 2. С. 227–231.
- Поплавский Р.О., Черепанов М.С.* В поисках «реального» сообщества: Оценка численности прихожан Тюмени // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2012. № 3 (18). С. 153–158.
- Прозорова Ю.А.* Теория интерактивных ритуалов Р. Коллинза: От микроинтеракции к макроструктуре // Журн. социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10, № 1. С. 57–73.
- Протестантизм* в Тюменском крае: История и современность / Под ред. И.В. Боброва. СПб.: СПбГУ, 2006. 222 с.
- Сартр Ж.-П.* Что такое литература? // Ж.-П. Сартр. Что такое литература? Слова. М.: Попурри. 1999. С. 5–260.
- Сети* в глобальном мире // Журн. социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15, № 5 (64). [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://www.jourssa.ru/?q=ru/2012_5.
- Соколовский С.В.* Автоэтнография и антропологические исследования науки // Антропология академической жизни. М., 2010. Т. 2. С. 24–42.
- Урри Дж.* Социология за пределами обществ: Виды мобильности для XXI столетия. М.: Высш. шк. экономики, 2012. 336 с.
- Blackshaw T.* Key concepts in community studies. L.: SAGE Publications LTD, 2010. 220 p.
- Collins R.* The Sociology of Philosophies: A Global Theory of Intellectual Change. Cambridge (Mass.); L.: Harvard Univ. Press, 2000. 1098 p.
- Collins R.* Interaction Ritual Chains. Princeton & Oxford: Princeton Univ. Press, 2004. 464 p.
- Goffman E.* The Lecture // E. Goffman. Forms of Talk. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1981. P. 160–196.

Тюмень, ИПОС СО РАН
magarov74@gmail.com

Тюменский государственный университет
brecht_1@mail.ru

The article gives a description and interpretation of the main models of university intellectual communities as particular communication zones of intellectual networks by the example of the History Department of the Tyumen State University. Using this material, they consider such basic interactive rites as lecture and debate as a constituting element of intellectual networks. Basing on differentiation of the environment nature and structure of communications, they distinct three models of the university intellectual communities: «academy», «club» u «show-room».

Erving Goffman, Randall Collins, intellectual communities, interactive rites, university.

ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

ХИМИЧЕСКИЕ И МИКРОБИОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КУЛЬТУРНЫХ СЛОЕВ ПОСЕЛЕНИЙ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ (XIII–IX вв. до н.э.) В ОКРЕСТНОСТЯХ г. КИСЛОВОДСКА¹

А.В. Борисов*, С. Петерс**, Е.В. Чернышева*, Д.С. Коробов***, С. Рейнхольд****

Проведены исследования химических свойств и ферментативной активности почв и культурных слоев поселений эпохи поздней бронзы (XIII–IX вв. до н.э.) в зоне горных черноземов в окрестностях г. Кисловодска. Показано, что антропогенное влияние на почвы, имевшее место более 3000 лет назад, привело к значительному возрастанию содержания в почве подвижных фосфатов и изменению ферментативной активности, что отражает специфику антропогенного влияния на почвы на различных участках поселений.

Поселения, инфраструктура, кобанская культура, почвы, фосфаты, кератинолитические грибы, уреазная активность.

Введение

Изменение свойств почв в результате древних антропогенных воздействий, а также способность почвы сохранять до наших дней информацию об этих воздействиях вызывают постоянный и все возрастающий интерес исследователей. При этом в центре внимания оказывается культурный слой древних поселений, как почвенно-грунтовой объект наиболее интенсивного антропогенного прессинга. В настоящее время достигнуты значительные успехи в изучении целого спектра морфологических, химических, магнитных, петрографических, микроморфологических свойств почвы, а также в области палинологического, микробиоморфного анализа, изучения органического вещества и металлов в почвах и культурных слоях поселений [Культурные слои..., 2006, с. 45–55].

Наибольший прогресс наблюдается в изучении минеральных или минерализованных свидетельств древнего антропогенного воздействия на почву. Что касается выявления материалов органической природы, поступавших в почвы поселений, то в этом направлении круг исследований значительно уже. Это объясняется тем, что органические субстраты, попадающие в почву, полностью перерабатываются почвенной микробиотой и не оставляют никаких следов, кроме изменений состояния самого микробного сообщества.

Сегодня делаются только первые шаги в изучении микробиологических свойств почв и культурных слоев поселений. Имеется лишь ряд работ О.Е. Марфениной с коллегами, где предпринимается попытка обоснования информационных возможностей «биогенных носителей почвенной памяти» [Марфенина и др., 2008, с. 850] применительно к культурным слоям древних поселений [Марфенина и др., 2001, с. 855–859; Марфенина, 2003, с. 88–93; Иванова и др., 2006, с. 62–71]. Авторами установлены значительные изменения в количестве и структуре почвенных грибов как результат древнего антропогенного воздействия, последствия которого сохраняются в сообществе почвенных микроскопических грибов до настоящего времени.

Вместе с тем практически отсутствуют сведения о ферментативной активности почв и культурных слоев поселений. Хотя следует ожидать, что именно ферментативная активность культурного слоя может быть одним из индикаторов поступления в почву поселений различных материалов органической природы. Сопоставление данных ферментативной активности культурного слоя и результатов исследования его химических свойств может вывести реконструкции

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ 12-06-00272 «Естественно-научные основы типологии заполнения котлованов средневековых построек».

Химические и микробиологические свойства культурных слоев поселений кобанской культуры...

использования территории на качественно новый уровень. Решению этого вопроса и посвящена настоящая работа.

Район, объекты и методы исследований

Объекты исследований расположены в южной части Кисловодской котловины (рис. 1). В орографическом отношении это куэстовая область Скалистого хребта — Кабардинский хребет с максимальными высотами до 1600 м, являющийся частью северного склона Главного Кавказского хребта. Территорию котловины с севера ограничивает Боргустанский хребет (высота до 1200 м), с востока — Джинальский хребет (высота до 1500 м), сложенные мелоподобными известняками позднемелового периода и представляющие собой отроги Пастбищного хребта Большого Кавказа [Милановский, 1968, с. 484].

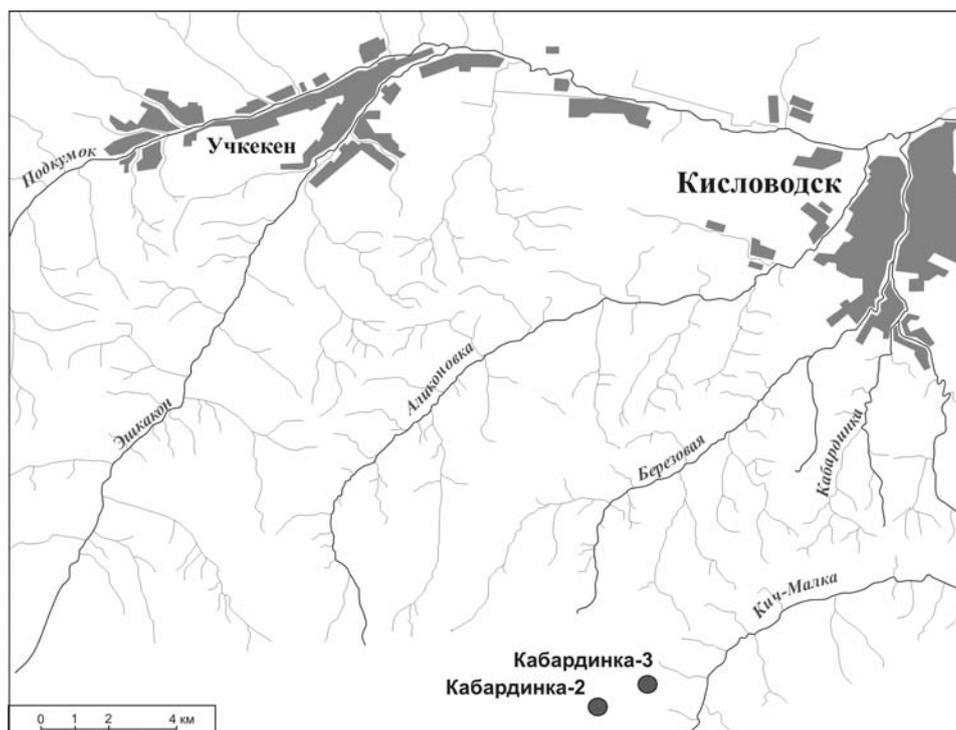

Рис. 1. Район исследований и местоположение памятников

Климат региона умеренно-континентальный, среднегодовая температура составляет около +8 °С, среднегодовое количество осадков 600 мм, из них большая часть выпадает весной и в начале лета [Агроклиматические ресурсы..., 1971, с. 24]. Почвенный покров представлен мало- и среднетощными дерново-карбонатными выщелоченными и типичными почвами на элювии известняков и мало- и среднетощными горными черноземами на элюво-делювии глин и песчаников нижнего мела.

Палеопочвенные исследования проводились на поселениях с симметричной планировкой Кабардинка-2 и Кабардинка-3, относящихся к кобанской культуре позднего бронзового — раннего железного веков.

Данный тип памятников, неизвестный ранее, был впервые открыт Д.С. Коробовым в 1999 г. Уже к 2004 г. на аэрофотоснимках были обнаружены 12 новых аналогичных поселений. Для них характерно устройство центральной площади овальной или прямоугольной формы, окруженной по периметру рядом построек с примыкающими друг к другу стенами. Особенность облика данных памятников, созданных по единому плану на основе симметрично расположенных по обеим сторонам главной оси построек, обусловила их название — поселения с симметричной планировкой. К настоящему времени по результатам дешифрирования аэрофотосъемов, проведенного А.Б. Белинским (ГУП «Наследие» Минкультуры Ставропольского края) и С. Райнхольд, выявлено 220 подобных памятников, расположенных в верховьях Кумы и Подкумка, большин-

ство из которых проверено в поле в ходе разведочных работ. В результате установлено, что все эти поселения расположены к югу от Кисловодска, на плоскогорье, на высоте 1400–2400 м — в местах, считавшихся ранее абсолютно непригодными для постоянного обитания и потому практически неисследованных [Белинский и др., 2009].

В 2004–2008 гг. осуществлялись ограниченные по площади археологические раскопки, в ходе которых было исследовано несколько построек на поселении Кабардинка-2. Предварительная информация о радиоуглеродном возрасте исследованной части поселения позволяет отнести ее существование к XIII–IX вв. до н.э. [Белинский и др., 2009]. Именно это поселение было выбрано в качестве основного объекта при проведении палеопочвенных исследований.

Поселения Кабардинка-2 и Кабардинка-3 расположены на высоте 1460–1470 м. Растительный покров — разнотравно-злаковый. Почва — чернозем горный маломощный. Мощность почвенного профиля от 30 до 50 см. Почвообразующие породы представлены известковистым песчаником. К моменту проведения раскопок были заметны слабо задернованные развалы стен, обозначающие контуры домов и площадей. Высота развалов до 0,5 м.

Ввиду малой мощности почвенного профиля и высокой биологической активности культурный слой на территории поселения Кабардинка-2 не образует отдельного визуального массива и фиксируется лишь по присутствию большого количества керамики, которая сосредоточена преимущественно в горизонте АС современной почвы. Поэтому, говоря о культурном слое поселения, мы подразумеваем горизонт АС современной почвы, сформировавшейся на территории памятника. Предполагалось, что именно в этом горизонте свойства почв наиболее сильно изменены в результате антропогенной нагрузки в прошлом. Поэтому из него отбирались образцы для химических и микробиологических исследований.

Во избежание нарушения культурного слоя отбор образцов почв проводился из микрошурфов размером 30×30 см и глубиной до подстилающей породы (в среднем 30–40 см) в присутствии археологов с фиксацией всех обнаруженных в микрошурфах артефактов.

Мы не анализировали грунт из вышележащих слоев в микрошурфах, предполагая, что его свойства в большей степени связаны с современными почвенными процессами. Для корректного сравнения в современных фоновых почвах отбирались образцы также из горизонта АС.

Образцы современных фоновых почв отбирались на различных участках микрорельефа: в слабо выраженной микрозападине (микрошурф 6), на водораздельном участке с незначительным уклоном (микрошурф 7) и на склоне крутизной до 5° (микрошурф 8). Анализировался усредненный образец. Кроме того, анализировались почвы в непосредственной близости к поселению (микрошурф 9) на расстоянии 20 м от развалов построек.

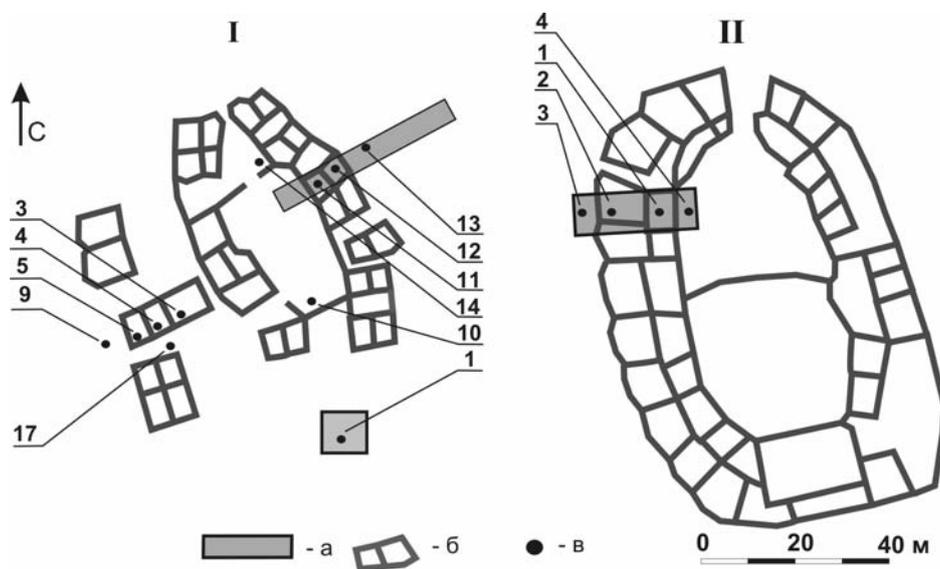

Рис. 2. Схемы отбора образцов на поселениях Кабардинка-2 (I) и Кабардинка-3 (II): а — участки систематического отбора образцов; б — контуры развалов стен; в — расположение микрошурфов (номера микрошурфов — см. табл. 1)

Химические и микробиологические свойства культурных слоев поселений кобанской культуры...

На территории собственно поселения Кабардинка-2 отбирались образцы культурного слоя из следующих объектов (рис. 2, I).

«Отдельно стоящий дом» (микрошурф 1). Развалы стен этой постройки находятся на некотором удалении от поселка, вне общей схемы его организации; но подобный объект обнаруживается практически на всех поселениях симметричной планировки с помощью магниторазведки.

«Дом 15» (микрошурфы 3–5). Представляет собой развалы трех примыкающих друг к другу построек, образующих единый комплекс. Образцы отбирались в каждой «комнате» дома.

«За стеной дома 15» (микрошурф 17) — участок был выбран в связи с тем, что здесь эрозийные процессы замедлены. Ниже по склону расположена южная стена дома 15, которая в данном случае является естественным барьером, регулирующим поверхностный сток. В результате на данном участке создаются условия для аккумуляции мелкозема. Предполагалось, что в нижней части профиля почвы культурный слой наибольшей сохранности.

«Центральная площадь» (микрошурф 10) представляет собой замкнутое пространство овальной формы, окруженное одним или двумя рядами построек.

«Малая площадь» (микрошурф 14) представляет собой ограниченное пространство, расположенное у входа на поселение и отгороженное стеной от центральной площади.

«Дом 7». Состоит из двух комнат, условно называемых «Внешний дом» (микрошурф 12) и «Внутренний дом» (микрошурф 11), и является наиболее типичным сооружением, характерным для данного типа поселений в целом.

«Мусорная свалка» (микрошурф 13). Это рабочее название участка, расположенного за пределами поселения на расстоянии 20–30 м в виде полосы шириной до 20 м, повторяющей контуры поселения. Эта территория была выявлена по большому количеству керамики, лежащей на поверхности почвы, а также по результатам геофизических изысканий.

На поселении Кабардинка-3 отбирались образцы из следующих объектов по аналогии с поселением Кабардинка-2: «Внутренний дом» — микрошурф 1; «Внешний дом» — микрошурф 2; «Фон вблизи поселения» — микрошурф 3; «Центральная площадь» — микрошурф 4 и «Отдельно стоящий дом» — микрошурф 5 (рис. 2, II).

На участках систематического отбора образцов проводилось бурение до почвообразующей породы с помощью почвенного бура по сетке с шагом 2 м на поселении Кабардинка-2 и с шагом 1 м на поселении Кабардинка-3; отбирался образец из горизонта АС. Образцы на микробиологические анализы отбирали с соблюдением условий стерильности в полиэтиленовые пакеты. До выполнения анализов образцы хранились при температуре 15–18 °С.

Методы исследований

В образцах почв из микрошурфов определяли содержание органического углерода по методу Тюрина [Аринушкина, 1970, с. 130–136], подвижных форм фосфатов по методу Б.П. Мачигина [Там же, с. 132–134], карбонатов по общепринятой методике [Там же, 1970, с. 166–167]. Измерение величины магнитной восприимчивости проводилось с помощью каппаметра — Карраmeter КТ-5 (полевые измерения) и Карраbridge KLY-2 (лабораторные измерения). Валовое содержание химических элементов определяли с помощью рентген-флуоресцентного анализатора МАКС-GV.

Для определения кератинолитической активности почвы использовался метод приманок [Методы почвенной микробиологии..., 1991, с. 47]. Количество кератинолитических грибов оценивалось в условных баллах по плотности образования мицелия.

Результаты и обсуждение

Результаты химических анализов почв поселения Кабардинка-2 представлены в табл. 1. Как видно из табл., максимальное содержание фосфатов наблюдается в горизонте АС в почве на месте мусорной свалки поселения (9,6 мг/100 г почвы). Это свидетельствует о том, что в данном месте в почву поступало наибольшее количество органического вещества, богатого фосфором. При этом содержание органического углерода здесь находится на уровне фоновых значений.

Современные фоновые почвы характеризуются низким содержанием фосфатов; на территории поселения содержание фосфатов во всех случаях выше.

В комплексе 15 обращают на себя внимание постройки 15/1 и 15/2, где в горизонте АС отмечено повышенное содержание фосфора и органического углерода, в то время как в культурном слое постройки 15 содержание фосфатов находится на уровне фоновых значений, как и в том же горизонте в почве отдельно стоящего дома.

Химические свойства почв и культурного слоя поселений

№ микрошурфа	Описание	Подвижные фосфаты, мг/100 г почвы	С орг., %	CaCO ₃ , %
Поселение Кабардинка-2				
8	Фоновые почвы	1,9	2,5	2,0
9	Фон вблизи поселения	2,7	4,9	2,7
17 (1)	За стеной дома 15 (0–20 см)	6,6	5	1,4
17 (2)	За стеной дома 15 (20–40 см)	4	3,7	1,4
17 (3)	За стеной дома 15 (40–60 см)	4	3,7	1,1
17 (4)	За стеной дома 15 (60–80 см)	4,8	3,5	1,4
10	Центральная площадь	3,8	3,1	0,9
13	Мусорная свалка	9,6	4,5	2,0
14	Малая (северная) площадь	7,6	6,1	2,0
1	Отдельно стоящий дом	2,4	5,8	2,3
3	Дом 15	2,3	3,7	2,3
4	Дом 15/1	5,3	5,9	2,3
5	Дом 15/2	4,7	4,5	1,4
11	Дом 7 (Внутренний дом)	2,8	4,3	3,2
	Дом 7а (Внешний дом)	3,6	4,7	7,0
Поселение Кабардинка-3				
1	Внутренний дом	3,1	4,3	1,3
2	Внешний дом	3,9	4,2	1,3
3	Фон вблизи поселения	2,6	4,4	2,2
4	Центральная площадь	2,7	2,9	1,7
5	Отдельно стоящий дом	2,6	5,1	2,4

На центральной площади поселения содержание фосфатов и органического углерода в горизонте АС незначительно превышает фоновые значения. В почве малой (северной) площади, напротив, содержание фосфатов весьма велико и достигает 7,6 мг/100 г, при высоком содержании органического углерода. Это указывает на высокую антропогенную нагрузку на почву в данном месте и возможное специфическое использование данной территории.

В микрошурфе за стеной дома 15 значения содержания фосфатов и органического углерода существенно варьируются с глубиной. Как было указано выше, на данной территории эрозийные процессы замедлены. В слое 0–20 см отмечается самое высокое содержание фосфатов и органического углерода, что характерно для верхнего слоя современных почв в целом. В более глубоких горизонтах эти показатели снижаются, но на глубине 60–80 см наблюдается очередное возрастание содержания фосфатов. Вероятно, этот слой является верхним горизонтом почвы во время существования поселения, в то время как вышележащие слои образовались в результате привноса эрозийного материала и представляют собой делювиальный нанос.

В постройке 7 поселения Кабардинка-2 некоторой обогащенностью фосфатами отличается горизонт АС почвы во внешнем доме. Во внутреннем доме содержание фосфатов на глубине залегания культурного слоя на уровне фоновых значений. Такая же закономерность выявлена и для поселения Кабардинка-3: здесь также отмечена некоторая обогащенность фосфатами культурного слоя внешнего дома.

Результаты определения содержания химических элементов в культурном слое поселения Кабардинка-3 представлены в табл. 2.

Из полученных данных следует, что культурный слой внешнего дома обогащен натрием, магнием, фосфором, серой, кальцием, марганцем. В почвах центральной площади, так же как и в почвах внутреннего дома, содержание микроэлементов на уровне фоновых значений, что свидетельствует о незначительном попадании материала антропогенной природы на данных участках поселения.

Участки систематического отбора образцов

На поселении Кабардинка-2 на участке 10×70 м, включающем часть центральной площади, внутренний и внешний дома постройки 7, прилегающую к поселению территорию и мусорную свалку, проводился систематический отбор образцов с помощью почвенного бура из горизонта АС по сетке с шагом 2 м. Кроме того, образцы отбирались в районе отдельно стоящего дома.

Химические и микробиологические свойства культурных слоев поселений кобанской культуры...

На поселении Кабардинка-3 систематический отбор образцов проводился с шагом 1 м на участке 10х30 м. Участок опробования на данном поселении включал часть центральной площади, внутренний и внешний дома и прилегающий к поселению участок (рис. 3).

Таблица 2

Содержание химических элементов в культурном слое поселения Кабардинка-3 (%)

	Внутренний дом	Внешний дом	Центральная площадь	Фон
Na ₂ O	0,753	1,073	0,692	0,644
MgO	1,262	1,746	1,327	1,220
Al ₂ O ₃	14,214	16,253	17,199	17,178
SiO ₂	56,764	53,301	52,835	56,124
P ₂ O ₅	0,471	0,673	0,344	0,310
S	0,125	0,229	0,119	0,074
K ₂ O	1,613	1,243	1,341	1,496
CaO	2,109	4,105	1,945	1,451
TiO ₂	0,398	0,348	0,369	0,424
MnO	0,333	0,474	0,341	0,390
Fe ₂ O ₃	8,543	10,713	9,596	10,090
Ni	0,0063	0,0063	0,0064	0,0063
Cu	0,0063	0,0062	0,0063	0,0062
Zn	0,0089	0,0088	0,0055	0,0063
As	0,0012	0,0013	0,0013	0,0013
Sr	0,0268	0,0351	0,0325	0,0301
Pb	0,0037	0,0039	0,0028	0,0031

В образцах определяли величину магнитной восприимчивости и содержание подвижных фосфатов. Предполагалось, что повышенным уровнем магнитной восприимчивости должны были характеризоваться места разведения огня. Однако таким способом нам не удалось их обнаружить, несмотря на обилие прокаленного песчаника и мелких угольков в почве. Вероятно, почвенный слой под очагами отсутствовал, а пирогенные отходы удалялись из построек. В то же время данный метод позволил выявить интересную особенность — магнитная восприимчивость культурного слоя внутреннего дома значительно выше, чем внешнего. Это превышение отмечено на обоих поселениях.

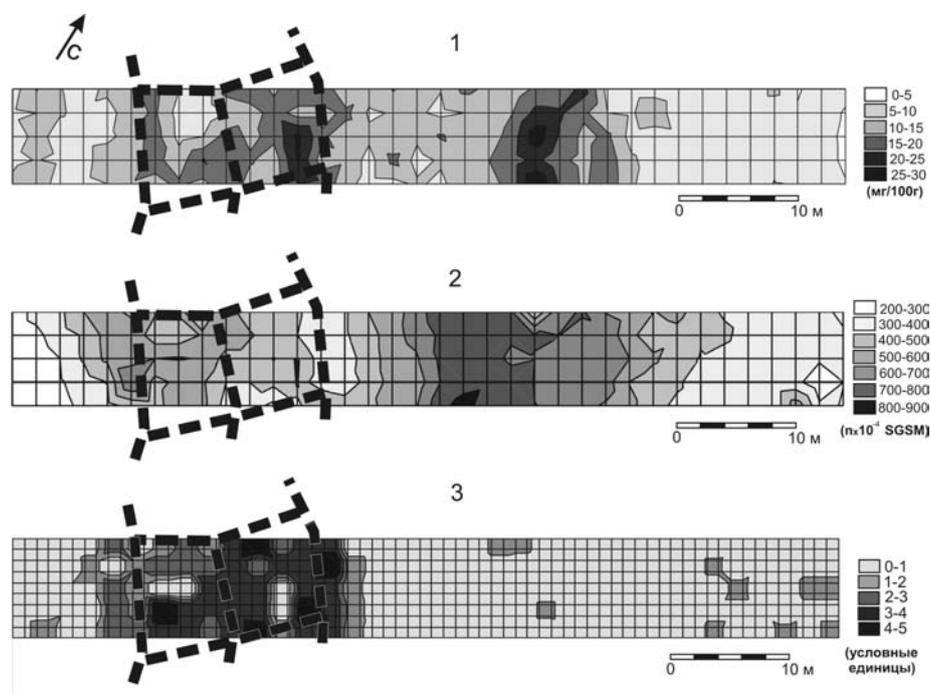

Рис. 3. Содержание подвижных фосфатов (1), величина магнитной восприимчивости (2) и уреазная активность (3) в почвах поселения Кабардинка-2. Пунктиром показаны развалы стен построек

Наиболее сильное возрастание магнитной восприимчивости характерно для участка мусорной свалки. Высокие значения магнитной восприимчивости могут объясняться попаданием в почву большого количества обожженного материала, керамики, угля и золы, а также благоприятными условиями для жизнедеятельности почвенной микробиоты, в том числе бактерий-железоредукторов [Алексеев и др., 2002, 2003]. Подобные участки, отстоящие на 20–30 м от крайнего ряда построек, выделены на нескольких поселениях с симметричной планировкой по данным магнитометрии [Reinhold et al., 2007, S. 148–153, Abb. 12–13].

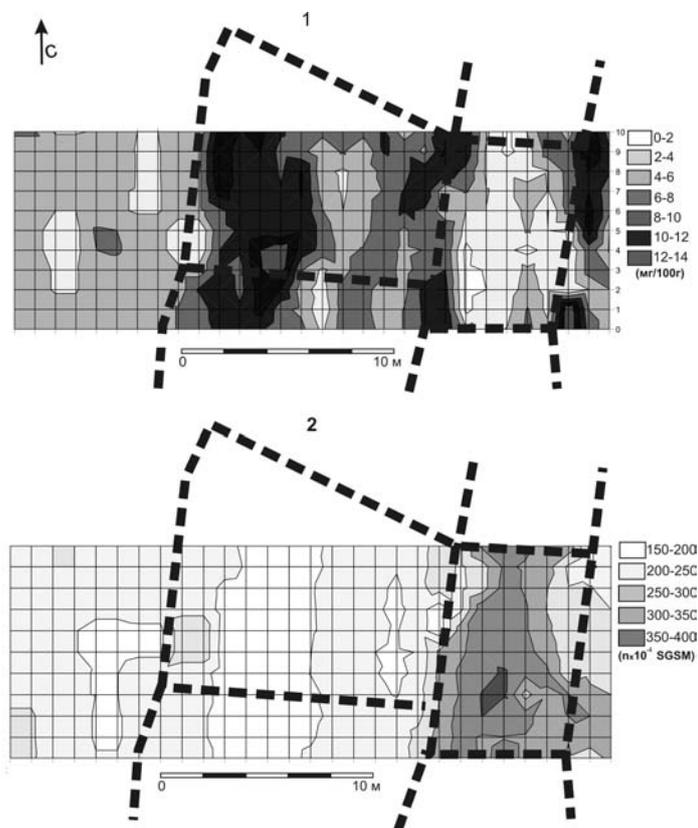

Рис. 4. Содержание подвижных фосфатов (1) и величина магнитной восприимчивости (2) в почвах поселения Кабардинка-3. Пунктиром показаны развалы стен построек

Содержание фосфатов на участках систематического отбора образцов существенно варьировалось. Максимальное обогащение фосфатами отмечено на участке предполагаемой мусорной свалки на расстоянии около 18–20 м от крайнего дома. Следует отметить, что подобная картина распределения фосфатов с заметным превышением их содержания за пределами поселений, на некотором удалении от построек, наблюдалась при изучении многих поселенческих памятников разного возраста [Веллесте, 1952; Демкин, Дьяченко, 1994; Детюк, Тараненко, 1997; Микляев, Герасимова, 1968; Bekkevig, 1980; Conway, 1983; Edvards et al., 1983; Edit, 1977; Sahchez, Canabate, 1996; Holliday, Gartner, 2007].

В комплексе построек отмечено обогащение фосфатами культурного слоя внешнего дома, причем внутри дома фиксируются участки с различным содержанием фосфатов, что также связано, по-видимому, со сложной организацией внутреннего пространства помещения. В культурном слое внутреннего дома содержание фосфатов на уровне фоновых значений.

Аналогичная в целом ситуация отмечена для поселения Кабардинка-3 (рис. 4). Как и в рассмотренном выше случае, внешний дом отличается максимальной обогащенностью фосфатами, при этом внутри самой постройки значения содержания фосфатов существенно варьируются. Очевидно, это варьирование связано с особенностями использования внутреннего пространства дома. Значения магнитной восприимчивости, как на поселении Кабардинка-2, максимальны для внутреннего дома; при этом содержание фосфатов здесь не превышает фоновых значений.

Микробиологические свойства культурного слоя поселений

Одной из основных задач данного исследования являлась реконструкция хозяйственной деятельности на территории поселений в древности. Уже с момента открытия поселений с симметричной планировкой предполагалось, что на них содержался скот. На эту мысль навел сам факт большого огороженного пространства — центральной площади. Однако подтвердить предположение о содержании скота на определенных участках древних поселений с помощью инструментальных методов оказалось довольно сложно. Скот не оставляет после себя никаких минеральных следов, а органические продукты жизнедеятельности животных включаются в биологический круговорот и ассимилируются растениями и почвенной микробиотой. А так как все археологические поиски связаны с минеральными или минерализованными субстратами, методическая база идентификации поступления в почву органических веществ весьма слабо разработана.

В нашем исследовании мы исходили из предположения, что при содержании скота в почву попадает шерсть и навоз в количествах, на несколько порядков превышающих фоновые значения.

Попадание шерсти в почву способствует увеличению численности почвенных грибов, разлагающих кератин — чрезвычайно прочные серосодержащие биополимеры белковой природы, входящие в состав волос, шерсти, кожи животных и человека. Для определения плотности кератинолитических грибов в почве разработан метод приманок [Методы почвенной микробиологии..., 1991, с. 47], суть которого заключается в следующем. Почву помещают в чашку Петри, увлажняют и на поверхность укладывают короткие фрагменты волос или шерсти. Чашки помещают в термостат. Через несколько недель на поверхности волоса появляется визуально заметный налет кератинолитических грибов. Об интенсивности кератинолитической активности судят по количеству заросших волос и интенсивности зарастания.

Применительно к археологическим объектам этот метод использовался в работах О.Е. Марфениной с коллегами [Марфенина и др., 2001, с. 855–859; Марфенина, 2003, с. 88–93; Иванова, 2006, с. 62–71]. В частности, показано, что культурном слое аланских памятников Кисловодской котловины максимальная кератинолитическая активность характерна для грунта пола жилых построек, значительно меньше она в грунте уличных проходов, перекрытий и обмазок [Иванова, 2006, с. 69].

Результаты определения кератинолитической активности почв поселения Кабардинка-2 представлены на рис. 5. Как следует из диаграммы, в фоновых почвах плотность кератинолитических грибов низкая и возрастает лишь в верхних горизонтах почвы на территории поселения. Обращает на себя внимание повышенная плотность кератинолитических грибов в микрошурфе у дома 15 на глубине 0–80 см. Напомним, что в этом слое отмечалось повышенное содержание фосфатов. Всплеск кератинолитической активности на этой глубине также может свидетельствовать, что этот слой являлся верхним горизонтом погребенной почвы во время существования поселения и претерпевал антропогенную нагрузку. Перекрывающий его делювиальный нанос характеризуется менее выраженной кератинолитической активностью.

Максимальная плотность кератинолитических грибов отмечается в почве на месте мусорной свалки. Это вполне соответствует представлениям о том, что в данном месте в почву с отходами попадало большое количество шерсти и других кератинсодержащих субстратов.

Показательно, что в почве на территории центральной площади и малой северной площади также отмечается очень высокая кератинолитическая активность. И если ее максимальные показатели на месте мусорной свалки могут быть объяснены привнесением кератинсодержащих субстратов с бытовым мусором и отходами жизнедеятельности человека, то столь значительная кератинолитическая активность почвы на центральной площади, вероятно, имеет иную природу. В культурном слое на центральной площади довольно низкая встречаемость керамики, костей и других включений, связанных с бытовым мусором. Поэтому попадание в почву кератина с бытовыми отходами следует исключить. Единственным источником кератина в данном случае можно считать содержание скота на площади, при этом в почву попадала шерсть непосредственно с животных, что и обусловило повышенный уровень кератинолитической активности.

В комплексе построек 15 ни в одной из них не было выявлено увеличения кератинолитической активности в культурном слое, что указывает на специфическое использование данных построек.

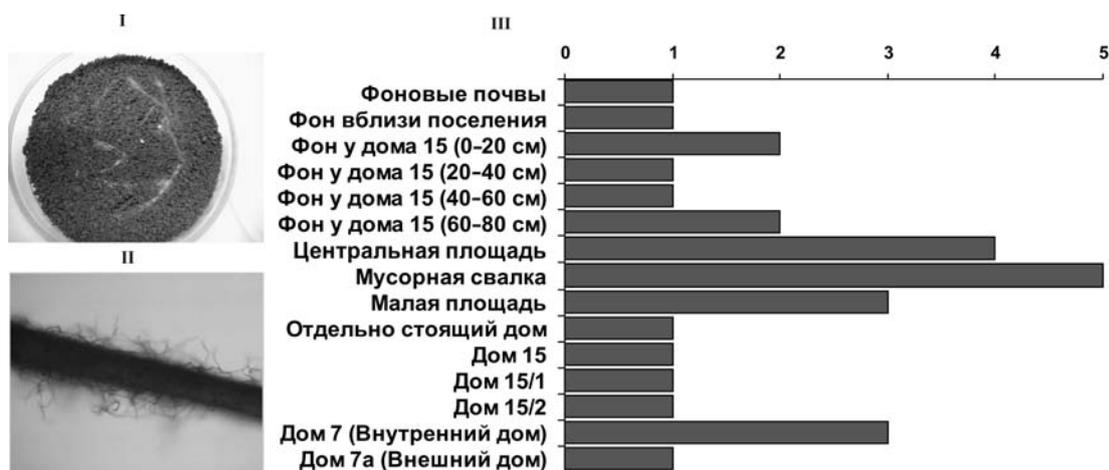

Рис. 5. Волосы с колониями кератинолитических грибов (I); гифы кератинолитических грибов на поверхности волоса (II) и плотность кератинолитических грибов в почвах поселения Кабардинка-2 после 5 недель инкубирования (III):

Условные единицы: 1 — единичные колонии; 2 — колонии покрывают до 20 % приманок; 3 — колонии покрывают до 50 % приманок, 4 — колонии покрывают более 50% приманок; 5 — колонии покрывают все приманки

Весьма интересны результаты определения кератинолитической активности культурного слоя внутреннего и внешнего дома. Так, во внешнем доме, культурный слой которого отличается повышенным содержанием фосфатов, кератинолитическая активность на уровне фоновых значений. В то же время во внутреннем доме, для которого характерно низкое содержание фосфатов, высокое содержание органического углерода и высокие значения магнитной восприимчивости, отмечена повышенная плотность кератинолитических грибов, что может свидетельствовать о значительных масштабах поступления кератинсодержащих субстратов в почву внутреннего дома.

Уреазная активность

Известно, что любой органический материал, оказавшись в почве, вызывает существенные изменения микробного сообщества. При этом значительно изменяется ферментативный пул почвы.

Одним из органических субстратов, в большом количестве поступающим в почву на территории поселений и способным изменять энзиматическую активность почв, является мочевины. Особенно значительные объемы мочевины поступают в почву в местах содержания скота. В природе разложение мочевины до аммиака и углекислого газа происходит с участием фермента уреазы, который продуцирует ряд почвенных микроорганизмов, в первую очередь уринобактерии. Конечный продукт гидролиза мочевины — аммиак и углекислый газ.

В данном исследовании впервые использовался метод определения уреазной активности культурного слоя с целью установления особенностей инфраструктуры поселений и выявления мест содержания скота.

Определение проводилось по следующей методике. Усредненный образец 5 г почвы естественной влажности в трех повторностях помещали в колбы объемом в 100 мл (2 полные пробы и 1 сравнительная). В полные пробы вносили 2,5 мл раствора мочевины², в сравнительную пробу — 2,5 мл воды. Колбы закрывали крышками и ставили на 2 ч в термостат при температуре 37 °С. После этого в полные пробы добавляли 50 мл экстракционного раствора, в сравнитель-

² Реагенты для определения уреазной активности. Субстратный раствор: мочевины 79,9 мМ (1,2 г мочевины растворить в 250 мл воды. Раствор хранится не более суток); экстракционный раствор: KCl (1 М) (74,6 г KCl растворить в 1000 мл воды при добавлении 10 мл 1 М HCl); NH₄-N исходный раствор: (1000 мкг NH₄-N/мл) (3,8207 г NH₄Cl растворить в 1000 мл воды). Реагенты: Merck Specktroquant тест-набор для определения аммония, номер в каталоге Merck — 1147520001. Приготовление калибровочных растворов. Из исходного раствора (1000 мкг NH₄-N/мл) приготовить в колбе объемом 100 мл разведение раствора с концентрацией 10 мкг NH₄-N/мл. Из этого разведения в колбах на 100 мл приготовить дальнейшие разведения с концентрацией 0,0; 0,2; 0,4; 0,8; 1,0 мкг NH₄-N/мл с добавлением 10 мл экстракционного раствора КС. Расчет активности уреазы ведется по разнице сначала между полной и сравнительной пробой (в мкг N/г сухой почвы за час) с учетом объема экстракционного раствора (52,5 мл), почвенной навески (5 г), фактора разбавления (10) и содержания сухой почвы в процентах.

Химические и микробиологические свойства культурных слоев поселений кобанской культуры...

ную пробу — 2,5 мл мочевины и 47,5 мл экстракционного раствора. Все три пробы закрывали крышками и взбалтывали на качалке 30 мин и фильтровали. Фильтраты разбавляли в пробирке водой в соотношении 1:10. Брали 2 мл разбавленного фильтрата и по 2 мл из каждого разведения калибровочного раствора и переносили в кювету. Затем добавляли реагенты 1 и 2 из набора Merck Specktroquant. Тщательно перемешивали и оставляли на 5 мин. Затем добавляли 3 капли реагента 3 из набора, перемешивали и через 7 мин измеряли оптическую плотность раствора при 690 нм.

Результаты определения уреазной активности с помощью данного метода представлены в табл. 3. Уреазная активность культурного слоя поселения практически во всех контекстах превышает уреазную активность фоновых почв. Исключение составляет лишь эрозионно-аккумулятивный нанос, перекрывающий культурный слой за стеной дома 15, где уреазная активность была на уровне фона. Что касается верхних горизонтов современных почв на поселении и фоновых участков вблизи поселения, то здесь отмечено некоторое возрастание уреазной активности по мере приближения к памятнику. Максимальное же значение уреазной активности характерно для почв центральной площади (50 мкгN/г/ч). В этой связи можно предполагать, что центральная площадь использовалась в качестве места содержания скота. В определенной мере тот же вывод применим и для построек 7 и 15. Для сравнения было проведено определение уреазной активности почвы на месте заброшенного более 20 лет назад загона для скота. Уреазная активность в почвах загона почти на два порядка превышала показатели фоновых почв и составляла 766 мкгN/г/ч.

Экспресс-метод определения уреазной активности

Хорошо известно, что культурный слой отличается весьма значительной гетерогенностью; его свойства в каждой конкретной точке могут существенно отличаться от свойств на соседних участках, поэтому для получения достоверной картины пространственных изменений его свойств необходимо охватывать большую площадь и анализировать большое количество образцов. Традиционные методы определения уреазной активности дают высокую точность результатов, но достаточно длительны и трудоемки, что делает затруднительным их применение в практике археологических исследований, когда возникает необходимость проведения массовых определений. В настоящей работе предлагается экспресс-метод определения уреазной активности, позволяющий достаточно быстро определять на полуколичественном уровне ареалы с высокими значениями уреазной активности, анализируя несколько сотен образцов в день без применения сложного инструментального оборудования.

Суть метода состоит в следующем. 1 г почвы помещается в круглодонные пробирки и прибавляется 3 мл реакционной смеси. Для приготовления 100 мл реакционной смеси используют 50 мл 10%-ного раствора мочевины, 50 мл фосфатного буфера (рН 7,0), 1 мл 0,2%-ного раствора фенолового красного и 0,5 г хлорида натрия. Далее пробирки помещаются в термостат при температуре 37 °С. Конец инкубации определяется по переходу окраски реакционной смеси от желтой к малиновой. Концентрацию аммиака определяют визуально путем сравнения с калибровочными растворами. Для приготовления калибровочной шкалы в пробирки приливали 3 мл реакционной смеси и добавляли 20, 50, 80, 100 и 150 мкл 1%-ного раствора аммиака. Уреазную активность выражали условных баллах, для расчета которых концентрацию аммиака в той пробирке шкалы, которой соответствует цвет раствора определяемого образца, делили на количество часов инкубирования.

Очень важно остановить инкубирование и провести определение в тот момент, когда в первых пробирках розовый цвет надосадочной жидкости изменяется на малиновый и темно-малиновый. Если допустить дальнейшее инкубирование, это приведет к тому, что темно-малиновая окраска будет появляться со временем во всех пробирках в результате размножения уринобактерий и полученные сравнительные результаты не отразят исходное значение уреазной активности в почве.

Сопоставление результатов определения уреазной активности с помощью традиционного метода и экспресс-метода показали приемлемый уровень соответствия (табл. 3), что позволяет предложить экспресс-метод в качестве рабочего в практике почвенно-археологических исследований.

С помощью экспресс-метода было проведено определение уреазной активности почв и культурного слоя на участке систематического отбора образцов на поселении Кабардинка-2. Результаты представлены на рис. 3.

Уреазная активность почв поселения Кабардинка-2

Образец	Активность уреазы, мкг/Н/г/ч	Активность уреазы, усл. ед.
	Колориметрический метод	Экспресс-метод
Фоновые почвы	17	1
Фон вблизи поселения	34	4
За стеной дома (0–20 см)	28	2
За стеной дома (20–40 см)	15	1
За стеной дома (40–60 см)	14	1
За стеной дома (60–80 см)	24	1
Центральная площадь	50	5
Мусорная свалка	28	2
Малая (северная) площадь	30	1
Отдельно стоящий дом	36	3
Дом 15	37	2
Дом 15/1	24	1
Дом 15/2	26	1
Дом 7 (Внутренний дом)	29	1
Дом 7а (Внешний дом)	31	3
Загон для скота	766	>10

Как следует из диаграммы (рис. 3), максимальные значения уреазной активности характерны для ареалов, включающих развалы построек и прилегающую к ним часть центральной площади. При этом несколько большая уреазная активность отмечена во внутреннем доме. Что касается района мусорной свалки, то здесь не было выявлено зон повышенной уреазной активности. Результаты определения уреазной активности внутри отдельных домов свидетельствуют о сложной организации внутреннего пространства в домах, где, по всей видимости, имелись зоны проживания и зоны содержания скота.

Особенно заметны различия в почвенных свойствах на участке отдельно стоящего дома на поселении Кабардинка-2. Результаты определения содержания фосфатов указывают на довольно слабый антропогенный прессинг, хотя и дают основание выделить контуры постройки (рис. 6, I), которая в настоящее время не прослеживается в рельефе и была обнаружена лишь магниторазведкой.

С помощью экспресс-метода определения уреазной активности контуры постройки были установлены более четко, при этом значения уреазной активности в культурном слое отдельно стоящего дома оказались выше, чем в культурном слое на других участках этого поселения (рис. 6, II). На основании полученных данных можно довольно уверенно говорить об использовании этой постройки как загона для скота.

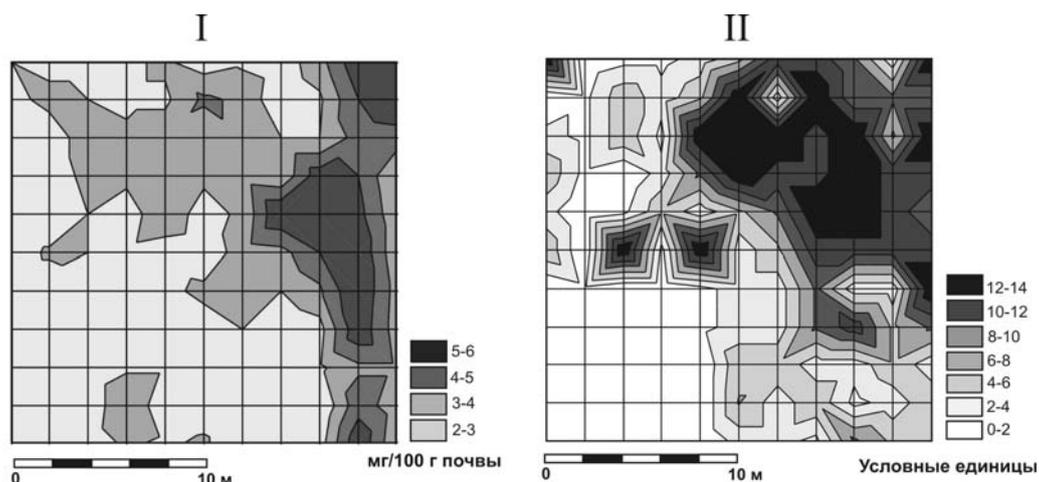

Рис. 6. Содержание фосфатов (I) и уреазная активность (II) культурного слоя отдельно стоящего дома на поселении Кабардинка-2

Заключение

Антропогенное влияние на почвы, имевшее место более 3000 лет назад, привело к изменению физико-химических и биологических свойств горизонта АС. Эти изменения сохранились до настоящего времени, несмотря на высокую биологическую активность почв и включение культурного слоя в современный почвообразовательный процесс. Селитебное воздействие поселения привело к формированию культурного слоя с повышенным содержанием фосфатов, натрия, магния, серы, кальция. Особенно заметно обогащение фосфатами почвы в месте предполагаемой мусорной свалки.

Методы почвенной микробиологии и энзимологии дают возможность выявлять в культурном слое поселений места содержания скота. В таких ареалах в почву поступали значительные объемы шерсти и мочевины, что вызывало всплеск численности кератинолитических грибов и уреазной активности.

Повышенная плотность кератинолитических грибов в почве, вероятнее всего, является универсальным индикатором проживания человека на данной территории и отражает общие закономерности интенсивности поступления в почву кератинсодержащих субстратов вне зависимости от источников кератинов (шерсть, волос, перо, кожа, ороговевшие ткани).

Активность уреазы является более селективным показателем, отражающим интенсивность поступления в почву исключительно мочевины. Всплеск численности уринобактерий при попадании в почву мочевины приводил к резкому увеличению количества выделяемого этими микроорганизмами фермента уреазы и изменению энзиматического пула почвы. Эти изменения сохраняются до наших дней. Совместное использование методов определения кератинолитической и уреазной активности почвы позволяет выявлять места содержания скота на древних поселениях.

Методы почвенной микробиологии и энзимологии могут найти весьма широкое применение в практике почвенно-археологических исследований для установления поступавших в почву различных субстратов органической природы, так как любой органический субстрат, попадая в почву, вызывает необратимые изменения структуры и активности почвенного микробного сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Агроклиматические ресурсы* Ставропольского края. Л.: Гидрометеорол. изд-во, 1971. 229 с.
- Ариушкина Е.В.* Руководство по химическому анализу почв. М.: Изд-во МГУ, 1970.
- Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Заварзина Д.Г.* Роль железо-редуцирующих бактерий в формировании почвенного магнетита // *Органическая минералогия: Материалы I Рос. совещания по органической минералогии.* СПб., 2002. С. 55–56.
- Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Махер Б.А.* Магнитные свойства и минералогия соединений железа степных почв // *Почвоведение.* 2003. № 1. С. 62–74
- Белинский А.Б., Коробов Д.С., Райнхольд С.* Ландшафтная археология на Северном Кавказе: Первые результаты исследования предгорного ландшафта Кисловодска эпохи позднего бронзового — раннего железного века // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа.* Вып. 9: Археология, краеведение. Ставрополь: Наследие, 2009. С. 177–220.
- Веллесте П.* Анализ фосфатных соединений почвы для установления мест древних поселений // *КСИИМК.* 1952. Вып. 42. С. 135–140.
- Демкин В.А., Дьяченко А.Н.* Итоги палеопочвенного изучения поселения «Ерзовка-1» в Волгоградской области // *РА.* 1994. № 3. С. 216–222.
- Детюк А.Н., Тараненко Н.П.* Анализ почв на содержание фосфатов как метод определения мест расположения древних поселений // *Естественнонаучные методы в полевой археологии.* 1997. Вып. 1. С. 43–58.
- Иванова А.Е., Марфенина О.Е., Кислова Е.Е., Зазоевская Э.П.* Микологические характеристики культурного слоя средневекового поселения на дерново-карбонатных почвах // *Почвоведение.* 2006. № 1. С. 62–71.
- Культурные слои археологических памятников: Теория, методы и практика: Материалы науч. конф.* / Отв. ред. А.А. Узянов. М., 2006. 306 с.
- Марфенина О.Е.* Возможности почвенно-микологической индикации древних антропогенных воздействий // *Проблемы эволюции почв: Материалы IV Всерос. конф.* Пущино, 2003. С. 89–94.
- Марфенина О.Е., Горбатовская Е.В., Горленко М.В.* Микологическая характеристика культурных слоев почв древнерусских поселений // *Микробиология.* 2001. Т. 70, № 6. С. 855–859.
- Марфенина О.Е., Иванова А.Е., Кислова Е.Е. и др.* Грибные сообщества почв раннесредневековых поселений таежно-лесной зоны // *Почвоведение.* 2008. № 7. С. 850–860.
- Методы почвенной микробиологии и биохимии.* М.: Изд-во МГУ, 1991. 304 с.

А.В. Борисов, С. Петерс, Е.В. Чернышева, Д.С. Коробов, С. Рейнхольд

- Микляев А.М., Герасимова Н.Г.* Опыт применения фосфатного анализа при разведке древних поселений на территории Псковской области // СА. № 3. 1968. С. 251–255.
- Милановский Е.Е.* Новейшая тектоника Кавказа. М.: Недра, 1968. 484 с.
- Bekkevig S.* Phosphate analysis in archaeology: Problems and recent progress // Norwegian Archaeol. Rev. 1980. Vol. 13. P. 2–15.
- Conway J.S.* An investigation of soil phosphorus distribution within occupation deposits from British hut group // Journ. Archaeol. Sci. 1983. 10. P. 17–28.
- Edit R.C.* Detection and estimation of anthroposols by phosphate analysis // Science. 1977. P. 134–136.
- Edwards K.J., Hamond F.W., Simms A.* The medieval settlement of Newcastle: An interdisciplinary approach // Proc. Roy. Irish Acad. 1977. 83 (14). P. 51–76.
- Holliday V., Gartner W.* Methods of soil P in archaeology // Journ. of Archaeol. Sci. 2007. 34. P. 301–333.
- Reinhold S., Belinskij A.B., Korobov D.S.* Landschaftsarh ologie im Nordkaukasus // Eurasia Antiqua. Zeitschrift f ur Arh ologie Eurasiens. Bd. 13. Mainz am Rhein: Verlag Philipp von Zabern, 2007. S. 139–180.
- Sahchez A., Canabate M.L.* Phosphorus analysis at archaeological sites: An optimization of the method and interpretation of the results // Archeometry. 1996. 38. Vol. 1. P. 151–163.

* Пущино, Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН
a.v.borisovv@gmail.com,
chernysheva1988@gmail.com

** Франкфурт-на-Майне, Германия, Гете Университет
Sw.Peters@em.uni-frankfurt.de

*** Москва, ИА РАН
dkorobov@mail.ru

**** Берлин, Германия, Германский археологический институт
sabine_reinhold@hotmail.com

Subject to investigation being chemical properties and enzyme activity of soils and cultural layers with regard to settlements of late Bronze Age (XIII–IX cc. BC) in the zone of mountain black earth in the vicinity of Kislovodsk. It is shown that the anthropogenic impact upon the soils taken place over 3000 years ago resulted in a considerable increase of traveling phosphates in the soil, thus changing the enzyme activity, which reflects specificity of the anthropogenic impact on the soils in different sites of the settlements.

Settlements, infrastructure, the Koban culture, soils, phosphates, keratinolytic fungi, ureasic activity.

ДИНАМИКА ЗЕМЛЕДЕЛИЯ В ПОЗДНЕМ НЕОЛИТЕ ПРИМОРЬЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОБОТАНИКИ¹

Е.А. Сергушева

*Представлена реконструкция динамики земледелия в позднем неолите Приморья на основе археоботанических данных с поселений зайсановской культурной традиции (5200–3300 л.н.). Семена просяных культурных растений обнаружены на всех памятниках, где проводилась флотация культурных отложений. Согласно полученным данным, просяное земледелие являлось обязательным, но не основным компонентом систем жизнеобеспечения данного населения. Население раннего (5200–4300 л.н.) и среднего (4200–3700 л.н.) этапов зайсановской культурной традиции выращивало просо обыкновенное (*Panicum miliaceum*), на позднем этапе (4000–3300 л.н.) к нему добавилось просо итальянское (*Setaria italica*). Данные археоботаники и археологии позволяют предполагать увеличение роли земледелия на позднем этапе.*

Земледелие, семена культурных растений, поздний неолит, Дальний Восток, Приморье, миграции.

Введение

В археологии российского Дальнего Востока проблема первоначального появления земледелия долгое время была одной из наиболее обсуждаемых [Клюев, 1994]. Гипотеза о существовании земледелия уже у неолитического населения Дальнего Востока России, т.е. не позднее III тыс. до н.э., высказана А.П. Окладниковым еще в 60-х гг. XX в. [Окладников, 1960, с. 6–7; 1962, с. 5]. Для ее доказательства он использовал данные о находках на поздненеолитических поселениях каменных орудий (терочников, курантов, каменных ножей), назначение которых а priori трактовалось как земледельческое; применял метод широких аналогий с привлечением данных об аналогичных находках на сопредельных российскому Дальнему Востоку территориях, вплоть до Внутренней Монголии [Окладников, 1960, с. 7]. Однако прямых подтверждений существования земледелия на неолитических памятниках юга Дальнего Востока России, т.е. остатков самих культурных растений, в то время обнаружено не было. Не были известны они и на неолитических памятниках Маньчжурии и Кореи. Дискуссия, последовавшая за появлением этой гипотезы, затянулась более чем на 40 лет. Часть исследователей принимали предложенную систему доказательств [Окладников, Бродянский, 1969; Деревянко, 1973, с. 237]. Другие были более осторожны в выводах, считая, что только находки остатков культурных растений могут являться надежным свидетельством существования земледелия. Самые ранние остатки культурных растений из имевшихся на то время на приморских памятниках датировались бронзовым веком [Андреева, 1973, с. 234; 1994, с. 102–103].

Получить прямые данные о существовании земледелия в позднем неолите Приморья удалось не так давно, с применением комплексного подхода при изучении ряда поздненеолитических памятников. В рамках этой работы был осуществлен целенаправленный сбор археоботанического материала с использованием методики водной флотации на памятниках зайсановской культурной традиции. Среди полученных археоботанических остатков были идентифицированы карбонизированные семена культурных растений. Это позволило доказательно говорить о наличии земледелия у поздненеолитического населения Приморья.

Археоботанические данные о существовании земледелия в позднем неолите

Следы земледелия были зафиксированы на всех памятниках зайсановской культурной традиции, где применялась флотационная методика (табл. 1). Эти памятники (Кроуновка-1, Зайсановка-7, Зайсановка-1, Гвоздево-4, Шекляево-7, Мустанг-1, Боголюбовка-1, Новоселище-4, Реттиховка) расположены в разных эколого-географических районах и относятся к различным локально-хронологическим вариантам этой культурной традиции (рис.). В настоящей статье пред-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-06-12027 офи-м «Земледелие в периферийных районах восточно-азиатской геоэкологической зоны (причины появления, динамика, место в системах жизнеобеспечения)».

лагается реконструкция динамики земледелия у носителей различных локально-хронологических групп зайсановской культурной традиции. Для этого была предпринята попытка на основе археоботанического материала выявить локальные и хронологические особенности земледелия этого населения. Использование данного вида источников для достижения поставленной цели оправдано тем, что иные данные, на основе которых можно было бы реконструировать земледелие зайсановского населения, т.е. орудия труда, встречаются на поселениях достаточно редко и демонстрируют устойчивые формы на памятниках всего периода существования зайсановской культурной традиции.

Таблица 1

Встречаемость семян культурных растений на памятниках зайсановской культурной традиции

Хронологические этапы зайсановской культурной традиции	Памятник, датировка, количество флотационных проб	Просо обыкновенное <i>Panicum miliaceum</i>	Просо итальянское <i>Setaria italica</i>	Перилла <i>Perilla frutescense</i>	Куриное просо (культивируемое?) <i>Echinochloa</i> sp.
Ранний этап 5200–4300 л.н.	Кроуновка-1, II и III горизонты обитания, 4640, 4670 л.н.; 206 проб	++	—	++	—
	Зайсановка-7, 4500 л.н.; 139 проб	+ (?)	—	—	—
Средний этап 4200–3700 л.н.	Гвоздево-4, 4100 л.н.; 5 проб	+	—	—	—
	Зайсановка-1, 4000 л.н.; 37 проб	—	++	—	+
Поздний этап 4000–3300 л.н.	Мустанг-1, 4000 л.н.; 8 проб	—	+(?)	—	—
	Боголюбовка-1, 3900 л.н.; 15 проб	++	—	—	—
	Шекляево-7, ? л.н.; 1 проба	+	—	—	—
	Новоселище-4, 3800 л.н.; 23 пробы	++	+	—	—
	Реттиховка, 3300 л.н.; 30 проб	+++	+++	—	—

Примечание: + — единичные семена; ++ — семена в небольшом количестве; +++ — семена в «массе»; (?) — видовое определение неокончательное.

Поздний неолит Приморья представлен памятниками зайсановской культурной традиции, существовавшей в рамках южно-маньчжурской неолитической общности. Главный объединяющий признак этой общности — присутствие на всех памятниках региона плоскодонных усеченно-конических форм керамической тары с орнаментом в виде штампованного или резного зигзага. Считается, что географический ареал южно-маньчжурской неолитической общности совпадал с зоной распространения раннего земледелия [Алкин, 2000, 2002]. Непосредственное происхождение памятников зайсановской культурной традиции на территории Приморья связывается с восточной и юго-восточной Маньчжурией. Именно из этих районов, как предполагается, происходили миграции земледельческих групп населения в смежные континентальные районы западного Приморья. Первое такое событие произошло в конце атлантической фазы голоцена, после кратковременного похолодания, начавшегося около 5400 л.н., и было инициировано климатическими изменениями [Вострецов, 2005, с. 165]. Очевидно, в дальнейшем приток нового населения продолжался. Несколько локально-хронологических вариантов зайсановской культурной традиции, выделяемые в настоящее время, появились либо в результате этих миграций, либо в ходе последующей адаптации мигрировавшего населения к местным условиям [Там же].

Зайсановская культурная традиция имеет значительную протяженность во времени (5200–3300 л.н.) и пространстве (южное, западное, центральное, восточное Приморье). Проблемы ее хронологии пока находятся в стадии разработки. Согласно одной из предлагаемых хронологических схем, строящейся на основе эколого-экономических критериев, выделяются три хронологических этапа (периода) существования этой культурной традиции (ранний, средний и поздний) и несколько локально-хронологических вариантов в рамках этих этапов. Ранний этап (5200–4300 л.н.) объединяет памятники с «веревочной традицией орнаментации керамики»,

Динамика земледелия в позднем неолите Приморья по данным археоботаники

самые ранние из них находятся в западном Приморье (Кроуновка-1), более поздние — восточнее, на морском побережье (Зайсановка-7). Средний этап (4200–3700 л.н.) представлен памятниками на побережье залива Петра Великого (Зайсановка-1, Гвоздево-4) и восточном побережье. Поздний этап (4000–3300 л.н.) объединяет континентальные памятники приханкайского локально-хронологического варианта (Новоселище-4, Боголюбовка-1, Мустанг-1, Шекляево-7, Реттиховка) и памятники его восточной группы, расположенные на восточном побережье [Вострецов, 2005, с. 165–167].

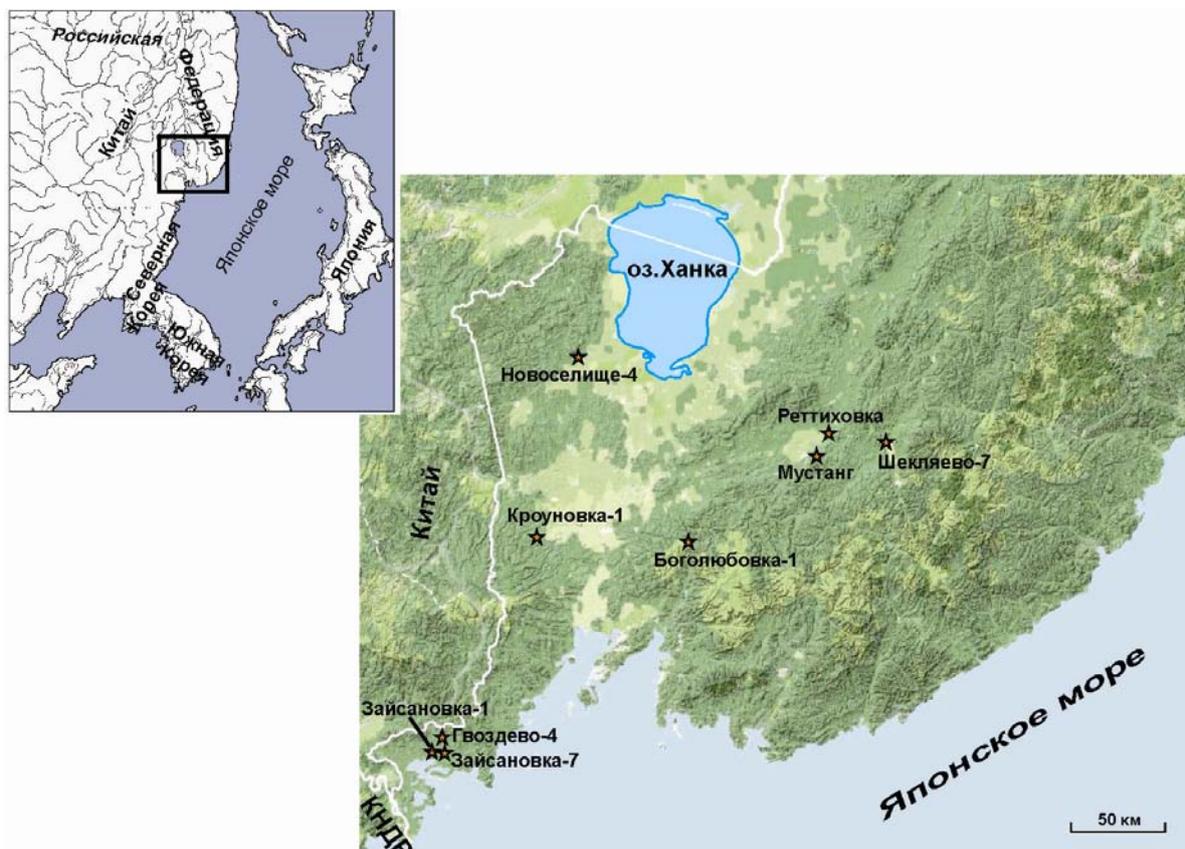

Рис. Район исследований и местонахождение памятников зайсановской культурной традиции с находками остатков культурных растений

Земледелие во время раннего этапа зайсановской культурной традиции

На самом раннем из известных поселений зайсановской культурной традиции — Кроуновка-1 исследовано четыре поздненеолитических горизонта обитания. Семена и плоды растений получены из трех нижних горизонтов. Время формирования отложений I (раннего) горизонта обитания относится к концу атлантического периода или переходу к суббореальному периоду голоцена — 5260 ± 33 л.н. (NUTA2-5486) [Krounovka..., 2004, p. 54]. II и III горизонты обитания представлены закрытыми сгоревшими жилищными комплексами (жилища № 5 и 4 соответственно), которые существовали с минимальным временным разрывом в начале суббореального периода голоцена: 4671 ± 31 л.н. (NUTA2-5646), 4640 ± 40 л.н. (Beta 171662) [Вострецов и др., 2003б, с. 374; Krounovka..., 2004, p. 54]. Анализ керамического материала этих отложений показал, что они оставлены населением, имевшим наиболее ранние для Приморья черты зайсановской культурной традиции [Вострецов и др., 2003а, с. 92].

Земледелие на поселении надежно документируется находками семян культурных растений: проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*) в отложениях II и III горизонтов обитания и периллы (*Perilla frutescens* var. *japonica*) — масличного и овощного растения семейства Губоцветные (Labiatae) в отложениях III горизонта. Всего в заполнениях обоих жилищ было зафиксировано 26 зерновок проса обыкновенного и 43 семени периллы в заполнении жилища № 5. С уче-

том того, что нижние части заполнения обоих жилищ (площади пола 25 и 20 м²) были профлотированы полностью, не вызывает сомнения низкая насыщенность их остатками культурных растений. Находки в тех же отложениях значительного числа остатков дикорастущих растений приводят к заключению, что основным источником получения углеводов для населения Кроуновки-1 являлись не культурные, а дикорастущие растения (табл. 2) [Сергушева, 2007, с. 118]. Хотя земледелие не было ведущим компонентом хозяйства населения Кроуновки-1, ему придавалось большое значение, о чем свидетельствует выбор места для поселения, сделанный исходя из нужд земледелия: надпойменная терраса в месте расширения U-образной долины, идеальная для занятия земледелием почвы [Вострецов и др., 2003б, с. 374]. Продукты земледелия, по всей вероятности, обеспечивали дополнительную стабильность поступления углеводов в диету обитателей поселения. Находки зерновок проса обыкновенного и семян периллы в отложениях одного жилища позволяют, на основании агробиологических особенностей этих растений, говорить о существовании отдельных посевов и различных технологий их выращивания. То есть обитатели поселения имели отлаженную и устойчивую технологию земледелия и, следовательно, давнюю земледельческую традицию. Что касается семян периллы, то они найдены только в заполнении раннего жилища (№ 5), а в отложениях позднего жилища, при сохранении проса обыкновенного, остатков периллы уже не фиксировалось. В силу каких-то обстоятельств население отказалось от ее выращивания и использования.

Таблица 2

Процентное соотношение остатков дикорастущих, культурных и мусорных растений из трех горизонтов обитания поселения Кроуновка 1

Тип растения		I горизонт	II горизонт — жилище № 5		III горизонт — жилище № 4	
Дикорастущие растения		87,50	77,50		91,95	
Культурные растения	Просо обыкновенное	—	13,10	3,55	2,10	2,10
	Перилла			9,55		—
Мусорные		2,50	4,0		2,68	
Неопределенные		10,0	7,33		3,25	
Общее число семян, шт.		40	450		522	
Общее число проб, шт.		41	129		67	

Еще один памятник раннего этапа зайсановской культурной традиции, на котором обнаружены свидетельства земледелия, — поселение Зайсановка-7. Оно находится на морском побережье южного Приморья, существовало около 4500 л.н. Прибрежное поселение Зайсановка-7 маркирует процесс продвижения зайсановского населения из континентальных районов на морское побережье, которое, как предполагается, могло быть вызвано климатическими изменениями начала суббореального периода [Вострецов, 2005, с. 165–166]. Наличие на поселении раковинной кучи с многочисленными свидетельствами эксплуатации морских ресурсов (костные остатки рыб, раковины моллюсков) говорит о формировании у зайсановского населения совершенно новой для него формы адаптации — морской. На поселении зафиксировано большое число семян и плодов пищевых и дикорастущих растений. Остатки культурных растений представлены отпечатками на дне керамического сосуда семян, принадлежащих, очевидно, просу обыкновенному (cf. *P. miliaceum*) [Сергушева, 2008б, с. 207–208]. Орудийный комплекс поселения, который можно связать с земледельческой практикой, многочислен и показателен. В нем присутствуют несколько экземпляров специфического орудия из камня, называемого в дальневосточной археологической литературе «лемех», «плуг», а правильнее — «ручной плуг». Аналоги таких орудий, изготовленные из металла и известные из этнографической литературы Кореи и Китая [Джун Ён Хак, 2003], используются для вспашки легких почв с использованием мускульной силы двух или трех человек. Также в коллекции орудий поселения имеется несколько экземпляров мотыг, в том числе плечиковых, и сланцевых ножей [Zaisanovka 7..., 2005]. Хотя археоботанические и археологические данные с поселения дают основание говорить о присутствии земледелия, но в системе жизнеобеспечения его обитателей роль собирательства дикорастущих растений была более значимой. Об этом свидетельствуют многочисленные находки остатков пищевых дикорастущих растений при отсутствии макроостатков культурных растений. В сравнении с археоботаническими данными других изученных поселений зайсановской культурной традиции на Зайсановке-7 зафиксированы остатки самого значительного числа видов ди-

корастущих растений (восемь), среди которых преобладают желуди, скорлупа орехов, плоды яблони-дички [Сергушева, 2008а, с. 188].

Таким образом, археоботанические данные свидетельствуют о присутствии в системах жизнеобеспечения населения раннего этапа зайсановской культурной традиции земледелия, основанного на выращивании проса обыкновенного. Данный компонент палеоэкономики ранних зайсановцев не являлся основным. По всей вероятности, большее поступление углеводов в диеты этого населения осуществлялось за счет дикорастущих пищевых продуктов. Но земледелие имело большое значение, как источник, очевидно, стабилизирующий поступление углеводов. О важной роли земледелия у ранних зайсановцев косвенно свидетельствует его сохранение в системе жизнеобеспечения населения морского побережья, агроклиматические условия которого не являются идеальными для этого вида хозяйственной деятельности.

Земледелие во время среднего этапа зайсановской культурной традиции

Остатки культурных растений обнаружены на двух памятниках этого этапа — Зайсановка-1 и Гвоздево-4. Эти памятники находятся на самом юге Приморья, недалеко друг от друга: первый — на морском побережье в приустьевой части р. Гладкой, второй — на ее террасе, в нескольких километрах от впадения реки в море. Поселение Гвоздево-4 датируется 4130±40 л.н. (AA-60612) [Крутых и др., 2010, с. 187], поселение Зайсановка-1 имеет серию ¹⁴C-дат, две из которых получены по скорлупе маньчжурского ореха из заполнения жилища: 3972±31 л.н. (NUTA2-5483), 4010±44 л.н. (NUTA2-5282) [Krounovka 1..., 2004, p. 54]. Оба поселения существовали приблизительно к одно и то же время. Археологический материал поселений сходен, и оба они принадлежат к одному локально-хронологическому варианту зайсановской культурной традиции, название для которого пока не выбрано: гладковскому [Вострецов, 2005, с. 166] или хасанскому [Крутых и др., 2010, с. 187–189]. Происхождение памятников этого варианта, в отличие от памятников «веревочной традиции орнаментации керамики», очевидно, связано с иным направлением миграций населения из юго-восточной Маньчжурии, проходившим по долине р. Туманган. Доказательством этого пути миграции служит присутствие среди каменного инвентаря обоих памятников значительного числа отходов производства и орудий, изготовленных из черного обсидиана, месторождение которого известно в среднем течении р. Туманган (влк. Пэк-тусан). Заметим, что на расположенном в зоне видимости Зайсановки-1 памятнике Зайсановка-7, существовавшем несколькими столетиями ранее, обилия обсидиана не наблюдается, как нет его и на поселении Кроуновка-1.

Археоботанические данные, полученные с обоих поселений среднего этапа, имеют различия, позволяющие предполагать разную направленность земледелия у их обитателей. Так, на памятнике Гвоздево-4 из остатков культурных растений зафиксированы только семена проса обыкновенного (*P. miliaceum*) [Крутых и др., 2010, с. 185–186]. А на поселении Зайсановка-1 в заполнении котлована жилища обнаружены семена двух видов проса. Один из них культурный вид — просо итальянское (*Setaria italica*), другое растение, не идентифицированное до вида, принадлежит к семейству Куриное просо (*Echinochloa Beauv.*) [Сергушева, 2008а, с. 188]. Находки остатков итальянского проса на поселении Зайсановка-1 являются самыми ранними на сегодняшний день свидетельствами выращивания этого вида в Приморье и на Дальнем Востоке России. Так как обнаруженные семена куриного проса имеют морфологические признаки, возможно, переходные от дикорастущего вида (*Echinochloa crusgalli*) к культурному (*E. utilis*), пока не удастся однозначно соотнести их с дикой или культурной флорой. Однако количество этих семян и частота их встречаемости в заполнении котлована жилища, согласно нашим наблюдениям, не характерны для представителей сорной или фоновой растительности, а больше соответствуют частоте находок остатков культурных растений на поздненеолитических памятниках Приморья. Таким образом, присутствие в жилище этих семян не может быть результатом их случайного заноса. Нет сомнений, что они были принесены в жилище его обитателями. В связи с этим возникает вопрос, были ли они культивируемыми или попали в жилище вместе с зерновками проса итальянского, чьи посевы могли засорять. Однозначного ответа пока нет.

Говоря в целом о земледелии на поселении Зайсановка-1, подчеркнем его своеобразие на фоне других памятников, проявляющееся в наличии иного вида культурного проса — итальянского и одновременном присутствии еще одного, возможно, культивируемого вида (т.е. выращиваемого, но не обязательно domesticiрованного) проса. Данные о выращивании культурных растений, полученные на поселениях зайсановской культурной традиции предшествующего (Кроуновка-1, Зайсановка-7) или того же этапа (Гвоздево-4), свидетельствуют о наличии просья-

ного земледелия, основанного на выращивании иного вида культурного проса — проса обыкновенного. Оно присутствует на этих поселениях либо как монокультура, либо в качестве основной выращиваемой культуры, дополняемой, например, периллой (поселение Кроуновка-1). Забегая вперед, отметим, что этот вид проса встречается и на памятниках позднего этапа зайсановской культурной традиции. Таким образом, поселение Зайсановка-1 является единственным памятником этой традиции, на котором не было обнаружено просо обыкновенное, но присутствует просо итальянское. Это позволяет говорить об иной направленности земледелия на нем. Найти этому подходящее объяснение на основе имеющихся данных пока не удастся.

Происхождение проса итальянского, как и проса обыкновенного, связывается с территорией северного и северо-восточного Китая. Самые ранние из ближайших к Приморью находки остатков этих культурных растений известны на ранненеолитическом памятнике Синлунгоу (культура синлунва) в юго-западной Маньчжурии. Среди этих находок семена проса обыкновенного многократно преобладают над остатками проса итальянского. Их датировка — 7670–7610 кал. л.н. [Zhao, 2011, p. 301]. В южной Маньчжурии находки единичных семян обоих видов известны из тестовых раскопок среднего слоя поселения Сяочжущань на юге Ляодунского полуострова (персональное сообщение проф. Zhao Z., Institute of Archaeology of CASS). Таким образом, находки проса итальянского вполне характерны для памятников неолита Маньчжурии и не выглядят невозможными для Приморья. Неясно пока другое: почему носители одного локально-хронологического варианта выращивали разные культурные растения? Представляется, что любые объяснения этого феномена будут слишком гипотетичными до тех пор, пока не получены археоботанические данные с других памятников этого локально-хронологического варианта.

Единичные находки семян культурных растений на памятниках среднего этапа зайсановской культурной традиции Гвоздево-4 и Зайсановка-1 свидетельствуют о слабой насыщенности их культурных отложений этими видами остатков. Очевидно, как и для памятников раннего этапа традиции, можно говорить о незначительном числе земледельческого продукта и в целом о небольшом вкладе продуктов земледелия в диеты населения этого этапа.

Земледелие во время позднего этапа зайсановской культурной традиции

Археоботанические данные о земледелии получены с целого ряда памятников приханкайского локально-хронологического варианта позднего этапа зайсановской культурной традиции: Новоселище-4, Боголюбовка-1, Мустанг-1, Шекляево-7, Реттиховка. Не все эти материалы могут быть названы равнозначными. Так, с двух поселений — Мустанг-1 (4050±70 л.н. (КИ-3152)) [Гарковик, 1993, с. 6] и Шекляево-7 получены единичные пробы. Материалы поселений Боголюбовка-1 (3890±60 л.н. (SNU 07-260)) [Гарковик, 2008, с. 137] и Реттиховка (3280±45 л.н. (СОАН-4238), 3390±55 л.н. (СОАН-4239), 3310±45 л.н. (СОАН-4240)) [Коломиец и др., 2002, с. 97] пока обработаны не полностью. Тем не менее имеющиеся сведения о находках остатков культурных растений позволяют предполагать существование у населения этого локально-хронологического варианта зайсановской культурной традиции земледелия, основанного на выращивании двух видов культурного проса — обыкновенного и итальянского. Семена обоих видов зафиксированы на полу жилища на одном из ранних поселений этого варианта — Новоселище-4 (3840±40 л.н. (ТКа-14081)) [Сергушева, 2008а, с. 184]. Численно преобладает просо обыкновенное: среди 48 его семян зафиксировано всего 4 семени проса итальянского [Шаповалов и др., 2011, с. 234]. Многочисленные остатки обоих видов проса обнаружены в заполнении хранилища на самом позднем поселении приханкайского варианта зайсановской культурной традиции — Реттиховка. Материалы других памятников не столь однозначны, как представляется из-за недостаточного количества полученных данных. Так, единичное семя, напоминающее просо итальянское, обнаружено в пробе с поселения Мустанг-1; в единственной пробе из заполнения котлована жилища поселения Шекляево-7 зафиксировано одно семя проса обыкновенного. Эти две находки сами по себе не могут исключать вероятность присутствия на этих памятниках остатков другого вида проса. В археоботанической коллекции с поселения Боголюбовка-1 пока зафиксированы единичные семена проса обыкновенного.

Таким образом, наличие остатков двух видов проса на одном из ранних и самом позднем памятниках приханкайского локально-хронологического варианта позднего этапа зайсановской культурной традиции позволяет с большим основанием предполагать существование у данного населения земледелия, основанного на выращивании двух видов проса. Это свидетельствует о технологиях и развитых агроботанических знаниях и, следовательно, о длительной и устойчи-

Динамика земледелия в позднем неолите Приморья по данным археоботаники

вой традиции земледелия у данного населения. Заметим, что происхождение памятников приханкайского варианта зайсановской культурной традиции связывается с теми же районами восточной Маньчжурии, из которых на территорию Приморья проходила миграция населения раннего этапа этой культурной традиции, принесшего с собой один вид культурного проса. Находки значительного числа семян обоих видов на позднем поселении этого локально-хронологического варианта фиксируют увеличение роли земледелия в системах жизнеобеспечения этого населения, во всяком случае для его позднего (финального) этапа. В дополнение к этому предположению добавим, что многочисленные известные памятники этого локально-хронологического варианта демонстрирует явный адаптационный успех его носителей, проявившийся в увеличении численности этого населения и плотности его расселения.

Заключение

Археоботанические данные с поселений зайсановской культурной традиции однозначно свидетельствуют о существовании просяного земледелия в системах жизнеобеспечения различных групп населения Приморья в поздненеолитическое время. Его происхождение связывается с территорией восточной и юго-восточной Маньчжурии. Анализ археоботанических данных с поздненеолитических памятников Приморского края дает основания предполагать различия в земледелии у носителей разных локально-хронологических вариантов зайсановской культурной традиции. Эти различия проявляются в выращивании разных видов (или наборов видов) культурных растений и обусловлены, как представляется, в большей степени хронологическим фактором. На настоящий момент можно говорить по меньшей мере о трех вариантах направленности зайсановского земледелия. Первому свойственно выращивание проса обыкновенного как единственного возделываемого растения. Этот вариант характерен для памятников раннего и среднего этапов зайсановской культурной традиции. Для раннего этапа в единственном зафиксированном случае (II горизонт обитания поселения Кроуновка-1) к выращиванию проса обыкновенного добавляется возделывание овощного, масличного растения (перилла). Другой вариант предполагает выращивание проса итальянского и, возможно, использование проса куриного (не ясно, в виде дикорастущего или культивируемого растения). Этот вариант был отмечен пока на одном памятнике среднего этапа. Для третьего варианта характерно возделывание двух видов культурного проса (обыкновенного и итальянского). Эта направленность земледелия зафиксирована только на памятниках приханкайского локально-хронологического варианта позднего этапа зайсановской культурной традиции. Существование нескольких вариантов направленности земледелия свидетельствует о неоднородности этой культурной традиции и служит дополнительным основанием для выделения (подтверждения правомерности выделения) ее локально-хронологических вариантов.

Исследователи отмечают высокую адаптивную способность зайсановского населения, сумевшего широко расселиться, заняв разные экологические ниши, как в континентальных, так и в прибрежных районах, сформировав при этом различные системы жизнеобеспечения [Вострцов, 2005, с. 165]. Не исключено, что присутствие и сохранение в экономике этого населения земледельческого компонента явилось той основой, которая и обеспечила их адаптивный успех.

К сожалению, отсутствие археоботанических данных с поселений зайсановской культурной традиции восточных районов Приморья не позволяет доказательно говорить, что эти группы населения занимались земледелием. Однако его существование здесь в позднем неолите не выглядит невозможным, о чем косвенно свидетельствуют археоботанические наблюдения для памятников этих же районов последующих хронологических периодов [Сергушева, 2010].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алкин С.В. Две проблемы ранней эволюции неолитических культур Северо-Восточного Китая // 30 Науч. конф. «Общество и государство в Китае». М., 2000. С. 6–14.
- Алкин С.В. Неолит Южной Маньчжурии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002. 18 с.
- Андреева Ж.В. Земледелие и скотоводство в эпоху железного века в Приморье // История и культура народов Дальнего Востока. Южно-Сахалинск: Сахалин. отд-ние Дальневост. кн. изд-ва, 1973. С. 233–242.
- Андреева Ж.В. Проблемы периодизации (на примере неолитического периода) // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. М.: Наука, 1994. С. 86–107.

Вострецов Ю.Е. Взаимодействие морских и земледельческих адаптаций в бассейне Японского моря // Российский Дальний в древности и средневековье: Открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 159–186.

Вострецов Ю.Е., Гельман Е.И., Комото М. и др. Новый керамический комплекс неолитического поселения Кроуновка 1 в Приморье // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии: Материалы междунар. конф. «Из века в век». Новосибирск, 2003а. С. 86–93.

Вострецов Ю.Е., Сергушева Е.А., Комото М. и др. Новые данные о раннем земледелии в Приморье: Неолитический комплекс поселения Кроуновка-1 // Там же. 2003б. С. 373–378.

Гарковик А.В. Результаты раскопок на поселении Мустанг-1 в 1987 г. // Археологические исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток: ИИАЭ, 1993. С. 3–6, 82–83.

Гарковик А.В. Боголюбровка-1 — памятник позднего неолита Приморья // Окно в неведомый мир. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. С. 131–139.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. Новосибирск: Наука, 1973. 354 с.

Джун Ён Хак Сравнительное исследование сельскохозяйственных орудий Кореи и Китая. Сеул: Мин Сок Вон, 2003. 429 с. (На корейск. яз.).

Клюев Н.А. Археология первобытного общества Приморья и Приамурья: История идей и концепций // Очерки первобытной археологии Дальнего Востока. М.: Наука, 1994. С. 55–85.

Коломиец С.А., Батаршев С.В., Крутых Е.Б. Поселение Реттиховка-Геологическая (хронология, культурная принадлежность) // Археология и культурная антропология Дальнего Востока. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 90–102.

Крутых Е.Б., Мореза О.Л., Батаршев С.В. и др. Проблемы интерпретации неолитического комплекса памятника Гвоздево-4 (Южное Приморье) // Приоткрывая завесу тысячелетий. Владивосток: Рея, 2010. С. 176–190.

Окладников А.П. Возникновение земледелия на Дальнем Востоке // Тез. докл. и сообщ. II Науч. конф. по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Владивосток, 1960. С. 6–7.

Окладников А.П. Основные проблемы древней истории Дальнего Востока // Тез. докл. и сообщ. III Науч. конф. по истории, археологии и этнографии Дальнего Востока. Комсомольск-на-Амуре, 1962. С. 3–11.

Окладников А.П., Бродянский Д.Л. Дальневосточный очаг древнего земледелия // СЭ. 1969. № 2. С. 3–14.

Сергушева Е.А. Раннее земледелие в Приморье // Вестн. ДВО РАН. 2007. № 3. С. 116–120.

Сергушева Е.А. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: Археоботанические исследования // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. М., 2008а. Вып. 6. С. 180–195.

Сергушева Е.А. Появление земледелия на территории Южного Приморья // Неолит и неолитизация бассейна Японского моря: Человек и исторический ландшафт. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008б. С. 205–217.

Сергушева Е.А. Семена растений с памятника Синие Скалы (Ольгинский район Приморского края) // Приоткрывая завесу тысячелетий: К 80-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток: Рея, 2010. С. 29–49.

Шапвалов Е.Ю., Дорофеева Н.А., Сергушева Е.А. и др. Опыт применения методики исследования остатков крахмала (по материалам памятника Новоселище-4, Приморский край) // Дальний Восток России в древности и средневековье: Проблемы, поиски, решения. Владивосток: Рея, 2011. С. 228–245.

Krounovka 1 Site in Primorye, Russia: Report of excavation in 2002 and 2003. Study of Environmental Change of Early Holocene and the Prehistoric Subsistence System in Far East Asia / Ed. by M. Komoto, H. Obata. Kumamoto: Shimoda Print Co. Ltd., 2004. 58 p.

Zaisanovka 7 Site, in Primorye, Russia: Preliminary result of excavation in 2004. Study on the environmental change of Early Holocene and prehistoric subsistence system in Far East Asia / Ed. by M. Komoto, H. Obata. Kumamoto: Shimoda Print Co., 2005. 78 p.

Zhao Z. New archaeobotanical data for the study of origin of agriculture in China // Current Anthropology. 2011. Vol. 52, Suppl. 4. P. 295–306.

Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН
lenaserg@front.ru

*The article presents reconstruction of dynamics of agriculture in the late Neolithic of Primorye, basing on archaeobotanical data from settlements of the Zaisanovskaya cultural tradition (5200–3300 years ago). Seeds of cultural millets were found at all sites with water floatation technique on cultural depositions. Following the obtained data, the millet agriculture was an obligatory but not the main component of the subsistence systems for this population. The populations of the early (5200–4300 years ago) and middle (4200–3700 years ago) stages of the Zaisanovskaya cultural tradition used to cultivate broomcorn millet (*Panicum miliaceum*), while at the late stage (4000–3300 years ago) that was added by foxtail millet (*Setaria italica*). The archaeobotanical and archaeological data allow to assume an increasing role of agriculture during the late stage.*

Agriculture, seeds of cultural plants, late Neolithic, Far East, Primorye, migrations.

РЕЦЕНЗИИ

Н.В. Федорова

БОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭКОЛОГИИ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Рецензия. Историческая экология населения севера Западной Сибири / Г.П. Визгалов [и др.]; под общ. ред. П.А. Косинцева. — Нефтеюганск: Ин-т археологии Севера; Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2013. — 376 с.: ил. — (Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири; вып. 4)

В рецензии на коллективную монографию «Историческая экология населения севера Западной Сибири» (авторы: Г.П. Визгалов, О.В. Кардаш, П.А. Косинцев, Т.В. Лобанова) рассматриваются положительные и отрицательные аспекты работы. В качестве положительных отмечают собрание письменных источников и качество издания. Далее разбираются концептуальные ошибки авторов монографии. Первая — отсутствие анализа данных археологических источников для рассмотрения систем жизнеобеспечения населения эпохи железа, и главным образом становления и развития таких важнейших отраслей хозяйства, как оленеводство и торговля. Вторая — постановка во главу угла хозяйственных реконструкций результатов исследований Надымского Городка. В заключение обращается внимание на фактические ошибки в тексте и таблицах.

Историческая экология, оленеводство, пушная охота, торговые связи, письменные источники, изобразительные источники, Надымский Городок.

В 2013 г. в серии «Материалы и исследования по истории Севера Западной Сибири» вышла коллективная монография «Историческая экология населения севера Западной Сибири». Книга состоит из трех глав, в которых группируются и анализируются все доступные авторам источники (письменные, изобразительные, палеоэкологические) по исторической экологии населения севера Западной Сибири в промежутке от раннего железного века до нового времени. Количество собранных и опубликованных источников, публикация их в одном месте относятся к несомненным достоинствам книги. Надо отметить также прекрасное качество издания и — с сожалением — малый тираж его (всего 300 экз.).

Рецензии обычно пишутся по трем причинам. Во-первых, если есть заказ издательства или автора. Это случается чаще всего. Во-вторых, если книга/статья настолько нравится и кажется настолько полезной для научного сообщества, что этим хочется немедленно поделиться с коллегами. В-третьих, если будущий рецензент, прочитав книгу или статью, понимает, что он категорически не согласен с некоторыми или многими положениями авторов публикации.

В древней истории населения севера Западной Сибири есть несколько «больных» вопросов, по которым в течение многих лет ведутся более или менее оживленные дискуссии, но, как это часто случается, к общему мнению спорящие так и не приходят. Такими животрепещущими проблемами были выделение археологических культур, их территорий и признаков, хронологии отдельных этапов культур и общностей, этнические интерпретации отдельных археологических образований. В последнее время обсуждаются вопросы хозяйственных адаптаций, и среди них два, пожалуй, основных — время и место происхождения домашнего оленеводства; становление и развитие пушной охоты как маркера торговых связей. В частности, дискутируется проблема прямых и косвенных источников, пригодных для их решения. Прямых источников, по мнению авторов рецензируемой монографии, может быть только три вида: сообщения в письменных памятниках, кости пушных зверей, найденные при раскопках поселений, и, наконец, выделение по костному материалу из тех же раскопок дикого и домашнего оленя. Косвенные, к которым — по их мнению — относятся все остальные, в том числе археологические, ими не признаются как достаточно информативные. Поэтому появление оленеводства и развитые торговые связи относятся ими к периоду не ранее XVI в., а причины адаптационных «прорывов» видятся в контактах с русскими переселенцами. Действительно, письменные источники, в которых хоть с какой-то полнотой описываются хозяйственные занятия местного населения, для севера Западной Сибири не известны до XVI в., костей пушных зверей на поселениях обнару-

жено мало, а кости дикого и домашнего оленя различать так и не научились. Позволю себе с этой позицией категорически не согласиться. И так, в данном случае имеет место третий вариант: автор рецензии не согласен со многими положениями рецензируемой монографии.

В первой главе книги приводятся письменные и изобразительные источники по исторической экологии. Письменные источники, временной охват которых — от XIII до конца XX в., представляют собой тщательно подобранные и скомпонованные по хронологическому принципу выдержки из сочинений средневековых западноевропейских авторов, русских делопроизводственных документов XVII–XVIII вв., описаний путешественников и исследователей Нижнего Приобья, современных историков и этнографов. Их публикация в одной книге несомненно удобна для читателя, тем более что многие из этих изданий являются редкими и труднодоступными. Не вполне понятно, почему не включены сочинения арабоязычных авторов эпохи средневековья, они, во всяком случае, не менее информативны, чем записки монаха Рихарда или Плано Карпини.

Во второй части этой же главы приводятся изобразительные источники, к которым, по мнению авторов, относятся «рисунки и фотографии» (с. 155). Впервые после 1949 г. публикуются хранящиеся в МАЭ РАН шторы, рисунки на которых выполнены художником Н. Шаховым в середине XIX в. Авторы подборки приводят описания В.Н.Чернецова из его статьи 1949 г., проиллюстрированные цветными фотографиями шторок. После чего без комментариев публикуются несколько гравюр из книги И.Г. Георги и Г.П. Паули, изображающие остяков, самоедов и юрака. Позиция авторов в отношении изобразительных источников, мягко говоря, не понятна. Кроме «рисунков и фотографий» (какие, кстати, фотографии имелись в виду?) известен огромный пласт произведений изобразительной деятельности того самого населения, о котором идет речь, причем в том же временном промежутке — от раннего железного века до этнографической современности. Это рисунки и скульптура обских угров и самодийцев, опубликованные С.В. Ивановым [1954, 1970]; большой массив археологических художественных изделий из кости, бронзы, дерева, воспроизводящих как образы людей, так и представителей фауны севера Западной Сибири, причем часто в различных сценах. Право авторов рассматривать те источники, которые они считают нужным, но хотя бы упомянуть о существовании других необходимо.

Во второй главе описываются промысловые и домашние животные, остатки которых в том или ином виде были обнаружены при исследовании археологических памятников. «Данные по биологии, ареалам и систематике отдельных видов взяты из общих сводок по млекопитающим, птицам и рыбам» (с. 172). Сводка полная, хорошо иллюстрированная.

Третья глава посвящена палеоэкологическим источникам, которые приведены со всей доступной полнотой, тем более что один из авторов монографии является основным в регионе исследователем, уже в течение многих лет собирающим эти материалы в музее ИЭРиЖ УрО РАН и проводящим их описание и анализ. Материалы даны по отдельным памятникам; после описания, где это возможно, дается краткий анализ археозоологического материала. Резюмирующая часть книги содержится в коротком заключении (с. 351–353).

Авторы назвали свою книгу «Историческая экология населения севера Западной Сибири» и выпустили ее в серии «Материалы и исследования по истории севера Западной Сибири». Ранее, в 2005 г., вышла монография П.А. Косинцева под названием «Экология средневекового населения севера Западной Сибири. Источники» [2005]. В ней, собственно, опубликованы почти все данные, которые вошли в рецензируемую монографию, за исключением подборки документов и письменных источников. Подзаголовок «источники» в издании 2005 г. снимает претензии к некоторой бедности аналитики и выводов. К сожалению, в названии рецензируемой книги этого слова нет, поэтому читатель все время ждет серьезного анализа корпуса источников в заключение.

Но суть даже не в разнице подходов авторов и рецензента к степени полноты источниковой или аналитической базы, а в двух — на мой взгляд — концептуальных ошибках авторов, в связи с чем картина «систем жизнеобеспечения» древнего и средневекового населения севера Западной Сибири выглядит не корректно.

Ошибка первая. На с. 228 авторы пишут: «В целом следует отметить, что археологические источники еще в очень ограниченном объеме используются для получения историко-экологической информации» — что правильно и полностью может быть отнесено и к данной работе. После чего следует парадоксальное заявление: «В дальнейшем они (археологические источники. — Н. Ф.) рассматриваться не будут». Но ведь ясно, что без анализа археологических источников все выводы становятся более чем приблизительными.

Я бы добавила сюда еще наблюдения, сделанные специалистами по этноархеологии на действующих поселениях сибирских народов, в частности исследования А.В. Кенига по этноархеологии селькупов [Кениг, 2010]. Результаты этих исследований дают крайне интересную возможность верификации археологических и археозоологических интерпретаций.

Реконструкция появления и развития оленеводства без учета археологических источников, как прямых — наличие в культурном слое памятников комплекса орудий, связанных с оленеводством, так и косвенных — пространственное и сезонное расположение памятников в удаленных, не доступных без использования оленьего транспорта районах тундры, на мой взгляд, абсолютно невозможна. Тем более в таком категорическом ключе: «Никаких достоверных археологических данных о наличии домашнего оленя в период до XVI в. на сей день нет» (с. 324). На самом деле таких данных вполне достаточно, о чем неоднократно сообщалось в статьях целого ряда авторов, в том числе самого П.А. Косинцева (см., напр.: [Косинцев, Федорова, 2001, с. 51–53; Федорова, 2006, с. 149–156; Алексашенко, 2008, с. 39–41; История Ямала, 2010, с. 159–161]). Кстати, символично, что многие издания, концептуально не совпадающие с новой позицией авторов монографии, отсутствуют в библиографии книги.

К прямым источникам, обнаруженным в культурном слое археологических памятников, можно отнести находки орудий труда или их фрагментов, связанных с оленеводством: части нарт — полозья и копылья, острые и тупые наконечники хореев, пуговицы, блоки и вертлюги от оленьей упряжи, налобные пластины. Все эти изделия в массе найдены уже при раскопках древнего святилища Усть-Полуй (I в. до н.э. — I в. н.э.). Там же была обнаружена деревянная колода на ногу оленя [Усть-Полуй..., 2003, с. 74]. Оппоненты могут возразить, что большинство орудий с той же степенью вероятности можно атрибутировать как части собачьей упряжи, кроме налобных пластин, которые, как полагали в свое время В.Н. Чернецов и В.И. Мошинская, являлись частью упряжи оленя-манщика. Разумеется, вертлюги и нарти могут употребляться и для оленьей и для собачьей упряжи — они достаточно универсальны. Можно еще добавить, что вертлюги, практически аналогичные усть-полуйским, применялись на Руси для содержания ловчих птиц [Федоров и др., 2011, с. 204–205]. Что касается узды для оленя-манщика — мне уже доводилось писать об этом, и в свое время П.А. Косинцев был со мной согласен: тренировка манщика требует навыков работы с животным, она гораздо сложнее обучения ездовых оленей. В своей монографии 2005 г. П.А. Косинцев, в частности, писал: «...Дрессировка оленя-манщика достаточно сложна и может быть создана людьми, уже имеющими опыт работы с оленем. Поэтому гораздо логичнее, что оленя-манщика стали использовать оленеводы, а не охотники на оленя» [2005, с. 77–78]. Вполне определенное и логичное заявление.

Поскольку прямые источники допускают как минимум два истолкования, вполне корректно будет обратиться к косвенным. В сумме это дает непротиворечивую картину становления и развития оленеводства в регионе. Жанр рецензии не позволяет углубляться в аргументацию, касающуюся косвенных источников о происхождении оленеводства, тем более что все это с той или иной степенью подробности уже излагалось в разное время в различных публикациях — насколько мне известно, пока никем не оспоренных по существу. Кстати, одним из видов ведения дискуссии в настоящее время стало игнорирование аргументов противника, как будто их и не было. Не самый лучший способ. Но уместно хотя бы просто перечислить то, что относится к «косвенным» источникам. Первое: изображения оленя с раскрытым ртом, вывалившимся языком и с ошейником на шее — предположительно сцена принесения оленя в жертву — или две оленьи головы, подвешенные на некий предмет, возможно дерево. Таких изображений в комплексе Усть-Полуя известно не менее десяти. Второе: заселение открытых тундр полуострова Ямал не ранее начала средневековья — это стало возможным только с распространением оленьего транспорта и увеличением поголовья оленьих стад. Вряд ли можно представить себе пеших охотников на дикого оленя, нагруженных домашним скарбом, шестью для чума, а также детьми и даже их игрушками (игрушки известны в комплексе поселения Тиутей-Сале I), бредущих по просторам Ямала от его южных границ до мыса Моржового на северо-западе полуострова. Картинка получается фантастическая. Третье: явно возросшая военная активность населения севера Западной Сибири в конце I тыс. до н.э. свидетельствует о появлении нового транспорта, и более того — смене образа жизни (резкое усиление обороны городищ в конце кулайского времени; некоторые клады эпохи средневековья, более всего напоминающие грабительские захоронки, изобразительные сюжеты с воинами в панцирях и шлемах, пресловутый танец с саблями, зафиксированный в XIX в., но известный значительно раньше — на рисунках-

гравировках раннего железного века и средневековья. Четвертое (кстати, почерпнутое из опубликованных в рецензируемой монографии отрывков из трудов Г. Миллера): «Нет сомнений в том, что домашние олени произошли от диких. Но нет сведений о том, чтобы в настоящее время эти народы приручали диких оленей. Более того, они утверждают, что это невозможно, так как если даже поймать их совсем молодыми и воспитывать вместе с домашними, они все равно после того, как вырастут, убегут к диким... Поэтому у народов существуют совершенно различные названия для домашних и диких оленей, как если бы это были два совершенно различных вида животных» — на мой непросвещенный с точки зрения зоологии взгляд, этот пассаж свидетельствует, что приручение оленя состоялось во времена намного более древние, чем те, которые описывает Г.Ф. Миллер.

Теперь о пушной охоте и соответственно о развитии торговых отношений. Ее уровень, по мнению авторов, может определяться только исходя из количества костей пушного зверя на поселении. Они делают выводы: «Промысел пушных видов... также не играл значительной роли в экономике, по крайней мере, до XVI–XVII вв.». И далее: «Добыча пушных видов значительно увеличивается и достигает наибольшего развития в XVI–XVII вв. с приходом в регион северо-европейского населения, когда *появляется спрос* (курсив мой. — Н. Ф.) на все виды мехов» (с. 326). В заключение авторы пишут: «...увеличение доли пушных животных (в костном материале поселений. — Н. Ф.) знаменует *появление и укрепление* торгово-меновых отношений в регионе» (с. 351, курсив мой. — Н. Ф.). Но позволю себе привести два опровергающих это положение факта. Первый: охота на пушного зверя осуществлялась чаще всего довольно далеко от поселения, в результате чего кости не попадали в его культурный слой (см., напр.: [Кениг, 2010, с. 53]). Второй: помимо костей, развитие торговых контактов маркируют импортные товары, которые известны с раннего железного века (например, бронзовые изделия и бусы из стекла и фаянса из комплекса древнего святилища Усть-Полуй), довольно часто встречаются в IX–XI вв., а в массе появляются с XII в. Причем они настолько массовы, что в XII–XIV вв. происходит полная смена набора украшений и принадлежностей костюма — с местного на импортный, а керамика вообще исчезает из обихода, заменяясь импортными медными котлами [Федорова, 2012, с. 98–105]. О торговле с зауральским Севером повествуют и письменные источники, главным образом арабоязычные (X–XIV вв.), для которых почему-то не нашлось места в рецензируемой монографии. На эту тему имеется целый ряд публикаций, в том числе в общедоступных изданиях, которые авторы также почему-то «обошли» своим вниманием [Федорова, 2002, с. 91–101; История Ямала, 2010, с. 183–192].

Вторая концептуальная ошибка авторов заключается в том, что во главу угла своих реконструкций хозяйственной деятельности, в частности таких ее показателей, как наличие оленеводства или развитие пушной охоты как маркера торговых отношений, они ставят результаты исследований Надымского Городка. Бесспорно, Надымский Городок в настоящее время является одним из наиболее изученных стационарными раскопками и комплексными (в том числе археобиологическими) исследованиями на севере Западной Сибири памятников. Но он расположен на востоке территории современного ЯНАО, т.е. в северо-восточной части Западной Сибири. В силу этого расположение городок отстоит далеко от основных торговых путей по сравнению с более западными памятниками. И вполне естественно запаздывание некоторых культурных процессов у его населения.

Вызывает сожаление и небрежность авторов как в тексте, так и при составлении таблиц. Так, на с. 6 упоминается, что «начало археологического изучения севера Западной Сибири было положено... В.Н. Чернецовым и А.В. Андриановым» — по-видимому, имелся в виду первый исследователь Усть-Полуя В.С. Андрианов? На с. 235 в таблице содержатся сведения о том, что, во-первых, Усть-Полуй датирован «2 тыс. до н.э. — 2 тыс. н.э.», во-вторых, что поселение Зеленая Горка находится в зоне северной тайги, тогда как оно расположено на соседнем с Усть-Полуем мысу в лесотундровой зоне. Кроме того, при анализе материала с этого поселения авторы забывают упомянуть о том, что Зеленая Горка — не однослойный памятник, — это было известно еще по публикации В.Н. Чернецова и подтверждено раскопками ЯАЭ. На с. 262 приводится дата Усть-Полуя — 2 в. до н.э. — 2 в. н.э., тогда как все даты этого памятника, и радиоуглеродные, и дендрохронологические, укладываются в пределы I в. до н.э. — I в. н.э., что также неоднократно публиковалось. На с. 324 утверждается: «Все найденные при раскопках археологических памятников детали нарт относятся к таежному типу косокопильных нарт». Все

полозья нарт, найденные при раскопках Усть-Полуя, относятся к прямокопильным — это также легко проследить по соответствующим публикациям.

Все вместе взятое дает возможность сделать окончательный вывод — столь нужное, достаточное информативное издание сильно проигрывает из-за ошибок в текстах и таблицах и странной позиции авторов по отношению к археологическим источникам. Первое издание «Экологии средневекового населения севера Западной Сибири. Источники» (2005 г.) со всех точек зрения выглядит более основательным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексащенко Н.А.* Хозяйство Усть-Полуя // Усть-Полуй — древнее святилище на Полярном круге. Науч. вестн. Ямало-Ненецкого округа. Салехард, 2008. Вып. № 9 (61). С. 38–48.
- Алексащенко Н.А., Косинцев П.А.* Хозяйство населения севера Западной Сибири в эпоху железа // История Ямала. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. I, кн. 1. С. 156–182.
- Иванов С.В.* Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. ТИЭ. Нов. сер. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 22. 838 с.
- Иванов С.В.* Скульптура народов севера Сибири XIX — первой половины XX в. Л.: Наука, 1970. 295 с.
- История Ямала. Т. 1: Ямал традиционный.* Екатеринбург: Баско, 2010. 413 с.
- Кениг А.В.* Этноархеология как метод археологических реконструкций (на примере тазовских селькупов). Екатеринбург; Ханты-Мансийск: Изд-во АМБ, 2010. 128 с.
- Косинцев П.А.* Экология средневекового населения севера Западной Сибири: Источники. Екатеринбург; Салехард: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 272 с.
- Косинцев П.А., Федорова Н.В.* Ненэй ненец и сихиртя // Материалы IV Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2001. С. 51–53.
- Усть-Полуй: 1 век до н.э.: Каталог выставки.* Салехард; СПб., 2003. 76 с.
- Федоров В.М., Матехина Т.С., Осипов Д.О.* К истории соколиной охоты в Новгородской земле // Зап. ИИМК РАН. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. № 6. С. 199–211.
- Федорова Н.В.* Западная Сибирь и мир средневековых цивилизаций: История взаимодействия на торговых путях // Археология, этнография и антропология Евразии. 2002. № 4. С. 91–101.
- Федорова Н.В.* Каслание длиной в две тысячи лет: Человек и олень на севере Западной Сибири // Урал. ист. вестн. Вып. 14: Материалы ко II Междунар. сев. археол. конгр. Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 2006. С. 149–156.
- Федорова Н.В.* Торговые связи региона с древности до средневековья // История Ямала. Екатеринбург: Баско, 2010. Т. I, кн. 1. С. 183–194.
- Федорова Н.В.* Повседневность, война и торговля в археологии севера Западной Сибири // Урал. ист. вестн. Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 2012. № 4 (37). С. 98–105.

Салехард, ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»
mvk-fedorova@mail.ru

A review on a collective monograph «Historical ecology of the population from West Siberian North» by G.P. Vizgalov, O.V. Kardash, P.A. Kosintsev, T.V. Lobanova presents positive and negative aspects of the study from the viewpoint of the review's author. A collection of written sources and fine quality of the edition are marked as positive aspects. Further on, subject to emphasis being two concept errors made by the monograph's authors. The first one — lack of analysis on the data of archaeological sources for considering systems of life support with the population of the Iron Age and primarily, formation and development of such most important economical branches as reindeer breeding and trade. The second one — treating the economy reconstructions from the investigation results of Nadym Gorodok as more important than anything else. The review is concluded by analysis of factual errors in the text and tables.

Historical ecology, reindeer breeding, fur trapping, trading relations, written sources, pictorial sources, Nadym Gorodok.

АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ МАТВЕЕВ (1955–2013)

24 апреля 2013 г. на 58-м году ушел из жизни Александр Васильевич Матвеев — археолог и историк, внесший большой вклад в развитие гуманитарной науки в Западной Сибири и оказавший значительное влияние на становление ее археологического направления в Тюменской области.

В начале 1980-х гг., переехав из Новосибирска, А.В. Матвеев начинает работать в Тюменском университете. Он участвует в организации на хоздоговорной основе масштабных исследований на территории юга области, до этого крайне слабо изученной в археологическом отношении. Разведки и раскопки поселений и могильников, осмысление материалов и формирование первых научных концепций, создание представительной музейной экспозиции — из этого складывалась динамичная деятельность молодого ученого в университете.

А.В. Матвеев проявил себя и как талантливый преподаватель. Он разработал первую программу курса «Археология», обучение по которой формировало четкие представления об основных понятиях дисциплины. Лекции Александра Васильевича, умевшего заинтересовать не только предметом вообще, но и поиском решения конкретных исследовательских вопросов, всегда производили неизгладимое впечатление на студентов. Многие из них на протяжении ряда лет принимали активное участие в археологических разведках и раскопках памятников, обработке материалов.

В первой половине 80-х гг. А.М. Матвеев совместно с Н.П. Матвеевой исследовали раскопками около десяти памятников саргатской культуры раннего железного века. Сделанные тогда

Александр Васильевич Матвеев (1955–2013)

яркие открытия перевернули представления об этих древностях, которые воспринимались лишь как ничем не выделявшееся культурное образование на периферии скифо-сибирского мира. Полученные в ходе раскопок материалы стали опорными для реконструкции историко-культурных и социально-экономических процессов, протекавших в раннем железном веке на территории не только Тоболо-Исетья, но и в целом Западно-Сибирского региона. В результате детального анализа материалов саргатских могильников и благодаря интуиции вдумчивого ученого А.В. Матвеевым была раскрыта тайна происхождения Сибирской коллекции Петра I.

Основным научным приоритетом А.В. Матвеева являлась проблематика бронзового века, к которой он сохранял приверженность в течение всей жизни. Еще в студенческие годы в Новосибирском педагогическом институте А.В. Матвеев специализировался на изучении позднебронзовой ирменской культуры лесостепного Приобья. Результаты собственных раскопок и сотрудничество с выдающимся советским археологом М.П. Грязновым позволили ему сформировать обстоятельную источниковую базу для кандидатской диссертации, которая была успешно защищена в мае 1985 г. в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР в г. Новосибирске.

После защиты кандидатской диссертации А.В. Матвеев работает над созданием периодизации культур бронзового века Зауралья. Ему принадлежит ряд концепций по наиболее острым вопросам андроноведения — одного из самых дискуссионных направлений в отечественной археологии. Алакульско-федоровская проблематика, и в частности соотношение алакульских и федоровских древностей, всегда вызывала серьезные разногласия среди ученых. На протяжении нескольких лет А.В. Матвеев исследует Чистолеляжский могильник алакульской культуры. Этот памятник не только является одним из наиболее полно изученных объектов андроновской эпохи в Приобье — он позволил получить широкую выборку радиоуглеродных датировок, значительно удрежняющих период развития алакульских комплексов и заставляющих переосмыслить их место в культурно-хронологической шкале региона.

Опираясь на факты, полученные при раскопках памятников бронзового века, А.В. Матвеев выступил с новой гипотезой происхождения черкаскульской культуры. Согласно этой гипотезе, носители черкаскульской культуры должны рассматриваться не как «лесные» соседи федоровских групп, а как их непосредственные потомки, продолжившие андроновскую линию развития в регионе. В это же время была высказана идея об устойчивых контактах между черкаскульскими и пахомовскими группами, по мнению А.В. Матвеева, сосуществовавшими в лесостепном Приобье в последней трети II тыс. до н.э.

Исследования А.В. Матвеева позволили существенно восполнить информационный пробел в отношении заключительного этапа бронзового века региона. Проанализировав материалы, он пришел к выводу, что они не имеют прямых аналогий с синхронными комплексами бронзового века сопредельных территорий и принадлежат к самостоятельной бархатовской культуре, стоящей в одном хронологическом ряду с межовскими, ирменскими, позднеееловскими и сузгунскими древностями.

В 1990 г. А.В. Матвеев создает в Институте проблем освоения Севера СО АН СССР (с 1991 г. СО РАН) лабораторию археологии и этнической антропологии. В академической структуре под его руководством были продолжены исследования по реконструкции историко-культурных и социально-экономических процессов в эпохи неолита — средневековья в Западной Сибири. Именно в 1990-е гг. А.В. Матвеев начинает широко внедрять междисциплинарный подход к изучению памятников и археологических культур региона. Наиболее полно этот подход был реализован при исследовании комплекса древних и средневековых памятников в Тоболо-Исетском междуречье, получившего название Ингальская долина. Основными результатами изучения Ингальской долины является серия научных и научно-популярных монографий, статей, кандидатских диссертаций, подготовленных А.В. Матвеевым, его коллегами и учениками. В этих работах рассмотрен широкий спектр проблем, связанных с созданием сквозной хронологической шкалы древностей Тоболо-Исетья, генезисом ландшафтно-экологической системы, особенностями историко-культурной ситуации на различных этапах освоения территории, теоретическими и практическими аспектами изучения археологических микрорайонов и т.д. За каждой из работ данного цикла стояло непосредственное, заинтересованное участие Александра Васильевича.

В начале 2000-х гг. жизнь ученого вновь кардинально меняется. В 2001 г. он, ставший к этому времени доктором исторических наук, возвращается в университет. Здесь под его руководством была открыта кафедра археологии, антропологии и этнографии. Преподавательская

Александр Васильевич Матвеев (1955–2013)

деятельность способствовала появлению широкого круга новых учеников, часть из которых сегодня работают в качестве профессиональных археологов. Сформировавшийся в университете коллектив проводил масштабные археологические исследования в хронологическом диапазоне от каменного века до эпохи позднего средневековья.

Значительным событием в развитии археологического направления в Тюменском университете стало создание в 1994 г. Института гуманитарных исследований, возглавленного А.В. Матвеевым. На базе института он организовал сектор археологии и этнографии, в котором разрабатывались историко-культурные и источниковедческие проблемы археологии Сибири, вопросы палеоэкономики, палеоэкологии, палеодемографии с применением математических и компьютерных методов. Именно в это время А.В. Матвеев начинает активно развивать новое исследовательское направление в тюменской гуманитарной науке — городскую археологию. Под его руководством возобновляются археологические исследования культурного слоя Тюмени, в том числе связанные с изучением участков, где располагалась легендарная Чинги-Тура — цитадель столицы Тюменского ханства.

Одной из главных сфер деятельности ученого стала организация спасательных археологических работ в историческом центре Тобольска. А.В. Матвеев многое сделал, чтобы наладить на местах строительства превентивные охранные раскопки широкими площадями, это позволило реконструировать отдельные постройки, усадьбы, мостовые, торговые лавки, оборонительные сооружения и другие объекты. Исследования, проведенные под его руководством в 2007–2012 гг. на верхнем и нижнем посадах Тобольска, по сути, впервые открыли для археологии и широкой общественности первую российскую столицу Сибири. Для исследователя, страстно увлеченного проблематикой бронзового века, поворот к изучению Тобольска потребовал больших внутренних усилий, тем более что культурный слой этого города первоначально не воспринимался как действительно значимый археологический объект. Представления об отсутствии серьезных научных перспектив археологических изысканий в Тобольске стали меняться по мере расширения спасательных раскопок и появления первых ярких находок. В процессе исследований выяснилось, что ценными для исторической науки являются культурные слои не только XVII в., но и последующих периодов, позволяющие восстановить целостную динамику развития города. Результаты работ в Тобольске опубликованы и осмыслены в серии статей, насыщенных достоверными фактами для исторической интерпретации. Сегодня пришло время обобщить и систематизировать материалы, накопленные за время изучения Тобольска, в отдельной книге, черновик которой подготовлен А.В. Матвеевым.

В последние годы жизни ученый увлекся проблемами российского освоения Сибири в XVI–XVII вв. Он одним из первых обратился к идее археологической верификации исторических сведений о походе Ермака. Работая с летописными, картографическими и иными источниками, начал формировать базу исторических данных об объектах (поселениях, кладбищах, урочищах и т.д.), связанных с пребыванием дружины Ермака в Западной Сибири и взаимодействием участников похода с автохтонным населением. В дальнейшем Александр Васильевич планировал провести натурное обследование наиболее значимых объектов из этого списка с целью уточнения и дополнения информации, содержащейся в письменных источниках.

Эти и многие другие исследования А.В. Матвеев хотел осуществить в ближайшее время. В 2012 г. он возвращается в ИПОС СО РАН. Здесь он, в частности, планировал работать над проектом «Археолого-историческое изучение этнокультурных взаимодействий в Зауралье на начальном этапе российского освоения Сибири (XVI–XVIII вв.)».

А.В. Матвеев относится (писать в прошедшем времени рука не поднимается) к той категории ученых, которые никогда не подгоняют данные под готовые схемы. Его гипотезы опираются на четкие, проверенные факты. Каждая мысль аргументирована и основана на скрупулезном анализе материала. Его концепции и идеи, отраженные в книгах и статьях, еще многие годы будут обсуждаться в научном сообществе.

Утрата осознается не сразу. Только сейчас, спустя полгода со дня смерти, начинаешь понимать, как невосполнима потеря: талантливого исследователя и руководителя, надежного товарища, терпеливого и мудрого учителя, старшего друга, ЧЕЛОВЕКА... Память об А.В. Матвееве как об интереснейшей, обаятельной личности, незаурядном ученом живет в сердцах коллег, а многие его дела найдут продолжение в трудах учеников.

Коллектив сотрудников ИПОС СО РАН

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник археологии, антропологии и этнографии» публикует на своих страницах работы теоретического, научно-исследовательского и информационного характера по вопросам археологии, антропологии, этнографии и смежных научных дисциплин. Направляемые для публикации материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в настоящем издании.

1. Содержание статьи должно соответствовать тематике и рубрикации «Вестника...». Основные разделы журнала — «Археология», «Антропология», «Этнография и этническая история», «Палеоэкология» — включают как аналитические работы, так и статьи, представляющие собой исчерпывающие публикации материалов конкретных археологических памятников, антропологических серий, этнографических коллекций и т.д. Рубрика «Итоги экспедиционных исследований» рассчитана на оперативную публикацию основных, наиболее значительных результатов экспедиций последних лет. В отдельные номера журнала включаются рубрики «Рецензии» и «Хроника». Иные материалы могут быть опубликованы в «Вестнике...» только по специальному решению редакционной коллегии. Ограничивать тематику публикуемых работ в территориальном и хронологическом отношении редколлегия в ближайшем будущем не намерена. Однако при прочих равных условиях приоритет будет отдаваться работам, написанным на материалах Тюменского региона, Западной Сибири, Урала и сопредельных областей.

2. Рукопись должна быть представлена в редакцию «Вестника...» в печатном и электронном (на диске) вариантах.

И печатный, и электронный варианты рукописи должны включать:

- а) основной текст статьи (рекомендуется выделять введение, основную часть, обсуждение результатов, заключение);
- б) библиографический список;
- в) иллюстрации и подрисуночные подписи, вставленные в текст после ссылок на рисунки (если рукопись снабжена иллюстрациями);
- г) список сокращений;
- д) аннотацию;
- е) список ключевых слов;
- ж) сведения об авторе (авторах) статей с обязательным указанием ФИО (полностью), места работы, должности, телефона, e-mail.

Непременным условием принятия рукописи к публикации является абсолютная идентичность ее печатного и электронного вариантов. Печатный вариант статьи направлять по адресу: 625003, а/я 2774, ИПОС СО РАН, редколлегия журнала. Статьи, отправленные только на электронный адрес, без дублирования печатного текста по обычной почте, не рассматриваются.

3. Общий объем рукописи (включая основной текст статьи, таблицы, иллюстрации, библиографический список) не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков) для основных разделов «Вестника...» и 0,3 авт. л. для разделов «Итоги экспедиционных исследований», «Рецензии» и «Хроника». Статья должна содержать не более 5 иллюстраций. Одна иллюстрация размером 160×225 мм приравнивается к 1/8 авт. л. Рукописи объемом свыше 1 уч.-изд. л. не рассматриваются.

4. Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

5. Не допускается:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- форматировать заголовки, текст, делать принудительные переносы, пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме, использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона;

6. В качестве иллюстраций к статье могут выступать графические изображения (рисунки, чертежи и т.д.), черно-белые и цветные фотографии (последние будут воспроизведены в черно-белом виде), а также графики, диаграммы. **Номера позиций на рисунках набираются курсивом.**

Фотографии должны быть контрастными, с хорошо проработанными деталями.

Все прилагаемые к рукописи иллюстрации должны иметь общую нумерацию в соответствии с порядком их расположения в тексте статьи (рис. 1, 2, 3 и т.д.). На обороте каждой иллюстра-

ции следует указать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. На обратной стороне иллюстраций с неясной ориентацией необходимо уточнить, где находится их верхняя часть, а где — нижняя.

В подрисовочных подписях необходимо расшифровать все условные обозначения на иллюстрациях, соблюдая точное соответствие обозначений и нумерации на рисунках, в подрисовочных подписях и основном тексте рукописи. Иллюстрации не должны быть перегружены текстовыми пояснениями.

7. Таблицы должны быть представлены без разрывов при переходе с одной страницы на другую. Все таблицы должны иметь общую нумерацию арабскими цифрами и заголовок. Диагональное членение ячеек в таблицах не допускается.

8. Сноски к тексту статьи следует размещать внизу соответствующих страниц. Нумерация сносок сквозная, арабскими цифрами.

9. Библиографический список приводится в алфавитном порядке, при этом первыми в нем должны стоять работы, изданные на кириллице. В этот же список при необходимости включаются под заголовком «Источники» публикации документов, архивные материалы, отчеты о полевых исследованиях. Труды одного автора располагаются в хронологической последовательности, а вышедшие в одном и том же году — в алфавитном порядке с добавлением к году издания данной работы соответствующих буквенных литер: а, б, в и т.д. **Для работ, опубликованных в течение последних десятилетий, обязательно указываются издательство и страницы.**

Ссылки на использованную литературу приводятся в тексте рукописи в **квадратных скобках** в алфавитном порядке (например: [Деревянко и др., 2000, с. 24; Древние культуры..., 1994, с. 115; Зданович, 1984б, с. 201; Морозов, 1976]).

При оформлении списка литературы следует придерживаться следующего порядка библиографического описания книг, статей и отчетов (ФИО авторов или название работы набираются курсивом, в инициалах авторов между именем и отчеством пробел не ставится):

Анисимов А.Ф. Космогонические представления народов Севера. М.; Л.: Наука, 1966. 243 с.

Деревянко А.П., Олсен Д., Цзвэндорж Д. и др. Многослойная пещерная стоянка Цаган Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2000. № 1. С. 23–36.

Древние культуры Бертекской долины (Горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск: Наука, 1994. 224 с.

Зах В.А., Скочина С.Н. Каменное сырье комплексов Тоболо-Ишимья // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2. Тюмень: Изд-во ИПСО СО РАН. С. 4–11 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://www.ipdn.ru/rics/va>.

Зданович Г.Б. К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве // КСИА. 1984а. Вып. 177. С. 29–37.

Зданович Г.Б. Относительная хронология памятников бронзового века Урало-Казахстанских степей // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск: БашГУ, 1984б. С. 3–23.

Ковалева В.Т., Варанкин Н.В. Новые памятники на озере Андреевском // АО 1976 г. М.: Наука, 1977. С. 204–205.

Кузьмина Е.Е. Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1988. 34 с.

Морозов В.М. Отчет об археологических работах, произведенных в Тюменской области в 1975 г. Свердловск, 1976 // Архив ИА РАН. Р-1, № 5278.

Budd P. Alloying and metallworking in the copper age of Central Europe // Bull. of the Metals Museum. Sendai, 1992. Vol. 17. P. 3–14.

Radivojevic M., Rehren T., Pernicka E. et al. On the origins of extractive metallurgy: new evidence from Europe // Journ. of Archaeol. Science. 2010. № 37. P. 2775–2787.

10. В аннотации средним объемом 500 печатных знаков необходимо четко сформулировать цели, главные положения и результаты работы. Для облегчения перевода аннотаций на английский язык следует пояснить, от каких географических названий образованы встречающиеся в тексте наименования археологических культур, периодов, типов и т.п., приведя после наименований в скобках соответствующие топонимы в именительном падеже единственного числа. **В конце аннотации необходимо привести ключевые слова.**

11. Плата за публикацию статей аспирантов не взимается.

12. Текст статьи должен быть тщательно выверен и подписан каждым из авторов.

Полное соблюдение правил оформления статей будет способствовать максимально быстрому выходу в свет присылаемых материалов.

Адрес редакции:

625003, Тюмень, а/я 2774, ИПОС СО РАН

Тел. (345-2) 22-93-60; 68-87-68. E-mail: vestnik.ipos@inbox.ru (с указанием в теме письма раздела «Вестника археологии, антропологии и этнографии»)

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АКА — Архив кабинета археологии
АН СССР — Академия наук СССР
АО — Археологические открытия
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ГАОО — Государственный архив Омской области
ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации
ГАЯНАО — Государственный архив ЯНАО
ГИМ — Государственный исторический музей
ГУЯНОМВК — Государственное учреждение «Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс»
ДВО РАН — Дальневосточное отделение РАН
ЕТГМ — Ежегодник Тобольского губернского музея
ИА РАН — Институт археологии РАН
ИАЭТ СО РАН — Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИА УрО РАН — Институт истории и археологии УрО РАН
ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры РАН
ИПОС СО РАН — Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИРГО — Императорское русское географическое общество
ИЭА РАН — Институт этнологии и антропологии РАН
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КФАН СССР — Казанский филиал АН СССР
МГИАИ — Московский государственный историко-архивный институт
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МНЭПУ — Международный независимый эколого-политологический университет
НА РС (Я) — Национальный архив Республики Саха (Якутия)
ОКАЭ — Отчеты Камской археологической экспедиции
РА — Российская археология
РАМН — Российская академия медицинских наук
РАН — Российская академия наук
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
СА — Советская археология
СО РАН — Сибирское отделение РАН
СЭ — Советская этнография
УзФАН — Узбекский филиал АН СССР
УрО РАН — Уральское отделение РАН
ЯНАО — Ямало-Ненецкий автономный округ

Журнал

Вестник археологии, антропологии и этнографии

№ 4 (23)

2013

Редактор	Е.М. Зах
Верстка	М.В. Крашенинина, С.А. Иларионова
Художник	С.А. Иларионова
Перевод на английский	Г.В. Коротаева

ЛР ИД № 03056 от 18.10.2000. Подписано в печать 16.12.2013. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.
Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 20,9. Формат 84×108 1/16. Гарнитура «Arial». Тираж 300 экз.
Заказ №

Издательство Института проблем освоения Севера СО РАН.
625026, Тюмень, ул. Малыгина, 86.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Сибирском предприятии «Наука» АИЦ РАН.
630077, Новосибирск, ул. Станиславского, 25.